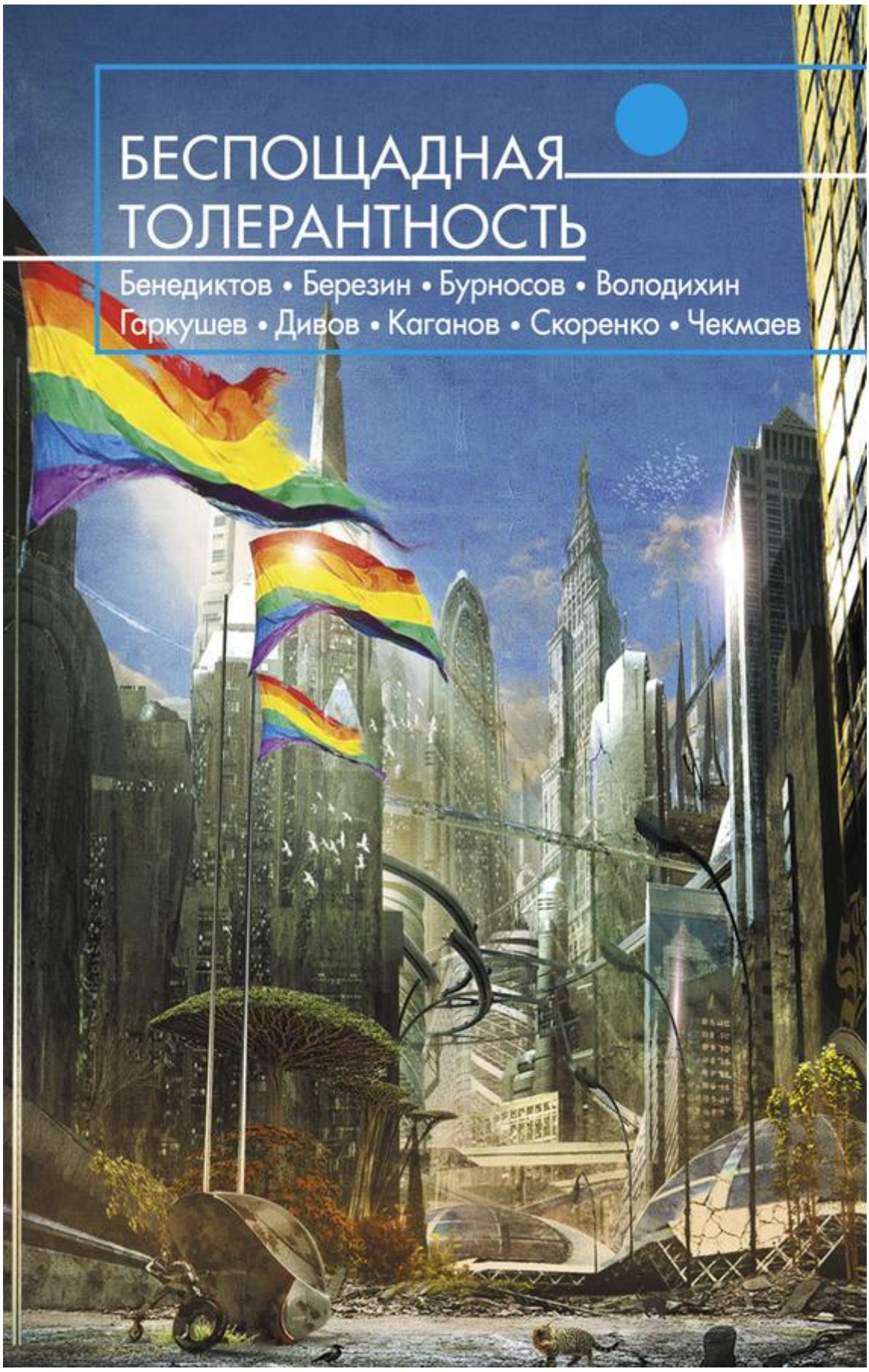
Евгений Николаевич Гаркушев Сергей Владимирович Чекмаев Сергей Байтеряков Наталья Егорова Леонид Александрович Каганов Юлия Рыженкова Анна Китаева Тим Скоренко Игорь Куликов Егор Калугин Олег Игоревич Дивов Олег Дрожжин Дмитрий Ахметшин Ольга Дорофеева Светлана Прокопчик Юрий Николаевич Бурносов Кирилл Станиславович Бенедиктов Владимир Березин Дмитрий Михайлович Володихин Татьяна Томах

Беспощадная толерантность (сборник)

Беспощадная толерантность (сборник)

Уважаемые читатели!

В первом сборнике, подготовленном при содействии Фонда «Взаимодействие цивилизаций», мы рассмотрели весьма актуальную проблему эволюции терроризма. Теперь же, в книге, которую вы держите в руках, основной темой стал другой серьезный вызов современности, моделирование его развития и последствий.

Нельзя не отметить, что протестный, т. н. «бытовой» терроризм порождают и поддерживают многие проблемы нашего общества, в том числе и насаждение толерантности в специфическом ее понимании, как борьбу за права человека, но не всякого, а принадлежащего к каким-либо меньшинствам. Вокруг значения слова «толерантность» сломано уже немало копий, однако трудно спорить, что конкретно в России большинство населения под ним понимает не добродетель терпения и прощения, а индифферентное отношение к чему-то плохому.

Мы предложили известным писателям-фантастам и молодым авторам поразмышлять, до каких пределов может развиться либерализованная терпимость, если существующие тенденции сохранятся? Дойдет ли ситуация до абсурда или же в какой-то момент начнется откат этого процесса? С точки зрения простого обывателя середины XX века, не говоря уже о более ранних периодах, наша сегодняшняя реальность местами выглядит гораздо фантастичней самых смелых утопий и антиутопий. Борьба со словами «отец» и «мать», политкорректное исправление классических произведений, не исключая даже Библии, поощрение гей-парадов и запреты на шествия гетеросексуалов если кем-то из фантастов и прогнозировались, то лишь только в отдаленном темном будущем или совсем уж в далекой-далекой Галактике. Но случилось это здесь и сейчас, и не в «банановой республике» с экстравагантным правителем, а в целом ряде крупнейших государств.

Перспективы развития терпимости дают широкий простор для дискуссии. С одной стороны, каждое государство и общество имеют инстинкт самосохранения, подавить который весьма непросто. Разного рода девиации могут свободно существовать лишь при определенных условиях, которые складываются далеко не всегда. Тот же пацифизм хорошо исповедовать в пределах стабильного государства с крепкой обороной, а вот во время гражданских войн даже самые идейные толстовцы вынуждены согласиться, что простой обрез гораздо эффективней всех проповедей о непротивлении злу насилием.

С другой стороны, ревнители толерантности, особенно в отношении сексуальных меньшинств, нетрадиционных религий и депривилегированных слоев общества, представляют собой хорошо организованную силу, умеющую добиваться поставленных целей. С учетом того, что противодействие им оказывается стихийно и ни о каких, к примеру, «антиголубых» лобби никто никогда не слышал, инициатива всегда находится на стороне поборников толерантности. И периодически выливается в малые и большие победы, которые после законодательного закрепления становятся практически необратимыми.

Может ли бессмысленная и беспощадная толерантность уничтожить конкретную страну? В теории – может. Та же ювенальная юстиция в своих «продвинутых» формах способна превратить воспитание ребенка в тяжелое испытание с непредсказуемым исходом и полностью разрушить институт традиционной семьи. На практике же вымирающее коренное население будет быстро замещено совсем нетолерантными мигрантами, которые демократическим путем придут к власти и немедленно отменят всю демократию с толерантностью. Страна в этом случае уцелеет, но станет уже совсем другой.

Как бы то ни было, есть о чем поговорить и ученым, и фантастам, которые нередко оказываются прозорливей маститых футурологов.

Силантьев Р. А. **, член экспертного совета Фонда «Взаимодействие цивилизаций», доцент МГЛУ;**

***Чекмаев С. В* ., редактор-составитель.**

Радужное будущее

Анна Китаева
Окончательный диагноз

В пятницу я приперся домой с работы в девять вечера, голодный и злой. Ну, почему злой, это понятно. Начальник созвал нас на совещание за полчаса до конца рабочего дня, а затянулось оно на два с лишним часа. А почему голодный… Так по той же причине и голодный! Вообще-то наш маразматик со стажем так поступает три дня из пяти, Генка об этом прекрасно знает и ждет меня с горячим ужином.

Генка – это мой бойфренд, мы уже скоро год вместе. Кстати, надо не пропустить дату, купить ему что-нибудь подходящее – ну, серьгу там со стразиками или абонемент в салон красоты… Хотя нет, абонемент я ему вроде бы недавно дарил – в феврале, на день влюбленных. Или не дарил? Паршивая штука избирательная амнезия, надо бы ее скорректировать, только что мне достанется взамен?

Лифт со скрежетом раздвинул двери. Нашаривая ключ, я привычно потянул носом, пытаясь еще на лестничной площадке распознать, что у нас на ужин. Облом. Воняло горелой изоляцией, да еще как воняло! Стараясь больше не вдыхать, я торопливо отпер дверь, толкнул ее… и вот это номер! Дверь была закрыта изнутри на цепочку, и я как дурак ткнулся в нее лбом.

Я сразу понял, что дело плохо. Но не сразу понял, насколько.

– Генка! – крикнул я. – Ты чего чудишь? Открывай, это я! Быстрее открывай давай, фиг ли ты вообще закрылся? Эй, эге-гей, ау, ты где?

Мой бойфренд не спешил на зов, и мне пришлось дышать чем дают, то есть горелой вонью. Между прочим, ничем съедобным изнутри квартиры в дверную щель не пахло. Не ждал он меня, что ли? А может… Меня обожгло безумной догадкой: а если у него там любовник?!

Я взревел раненым слоном. Ну, или буйволом, не знаю. Во мне проснулась ревность – само собой, патологическая – и вытеснила все остальные чувства с рассудком заодно. Я попытался сорвать цепочку или выломать дверь, расшиб плечо и стал бешено оглядываться в поисках орудий взлома. Тут подлец Генка соизволил прибыть к двери. Он был в костюме, при галстуке и мрачно-решителен. Кажется, адюльтера в квартире не совершалось.

– Впусти! – тяжело дыша, потребовал я.

– Сначала пообещай, – мрачно сказал Генка. – А лучше поклянись.

– Чего-о? – возмутился я.

– Обещай, что меня не побьешь, – гнул свою линию Генка. – Тогда впущу.

– Да что случилось?!

Вообще-то я уже понял, что случилось. Но не хотел верить.

– А хотя ладно, бей, – безнадежно махнул рукой Генка. – Только не по лицу, Вадик, я тебя прошу.

Он откинул цепочку, распахнул дверь и попятился в глубь коридора. Я переступил порог, клацнул выключателем, шагнул к бойфренду – и лишь теперь, на свету, разглядел его опухшие от слез глаза в потеках туши и покрасневший нос.

Понимание обрушилось на меня, недвусмысленное, как кирпич.

– Ты от меня уходишь?

Генка всхлипнул и кивнул. Прозрачная слеза выкатилась у него из уголка глаза, скатилась по переносице и неэстетично повисла на кончике носа.

Противоречивые чувства боролись во мне. Хотелось одновременно избить гаденыша, прижать к своей груди жестом утешения, растерзать в клочья и серьезно, взвешенно

поговорить за жизнь.

– А чего пожрать у нас есть? – спросил я и попал в точку.

В болевую.

Генка истерически разрыдался и с криком: «Тебе бы только жрать! Ты меня не любишь! Ты меня никогда не любил! Пельмени возьми в морозилке!» ломанулся в ванную.

Я вздохнул. Ну да, не люблю и не любил, это правда, чего уж там.

Пельмени шкворчали на сковородке, кухонный телевизор с отключенным звуком показывал на канале «Все краски радуги» попеременно то рожи, то жопы, а по бульканью воды в трубах было понятно, что Генка принимает ванну – надо полагать, со своей любимой лавандовой пеной.

Отвратительно.

То есть к лаванде у меня как раз претензий не было. Да и к Генке до сих пор тоже. Он меня в высшей степени устраивал как партнер. Отвратительно то, что теперь мне придется все менять.

Где я еще такого найду? Идеальный бойфренд. В квартире всегда тихо и чисто, на кухне порядок и вкусная еда… А главное, Генка стопроцентный гей, но притом импотент. А? В том-то и фишка! Ни баб он в дом не водил, ни мужиков, ни ко мне не приставал. Ну, там, обнять-поцеловать, утешить-приласкать – это от меня требовалось, но никаких постельных поползновений. Мы даже спали в разных комнатах, Генка – чтобы не расстраиваться, а я… ну, по большому счету, тоже чтобы не расстраиваться, хотя и в другом смысле, да.

И в социальной карточке у меня почти год был полный порядок – так, мол, и так, мазохист-романтик, проживает в однополом гражданском браке.

Все, накрылась наша идиллия.

Ах ты ж, крысу им в шлем!

Я вовремя спас пельмени от сожжения, выбросил в ведро пяток серьезно подгоревших, а остальные честно разделил на две порции. Настроение у меня было – хуже некуда. Сейчас бы пойти в кабак и надраться до лохматых чертей. Но алкоголизм мне скорректировали еще в начале зимы. И приступы немотивированной агрессии тоже сняли. А жаль. Взять бы да зарядить кому в рыло! Первому попавшемуся! А кто не спрятался, как говорится, я не терапевт. М-да, отличный вариант, но мне сейчас недоступен.

– Иди сюда, – позвал я Генку, который успел выбраться из ванной и мялся в коридоре. – Не буду я тебя бить. Да когда я тебя бил вообще? В декабре? Так это когда было!

– Давно… – мечтательно вздохнул Генка. – Хорошие были времена, да, Вадик?

Я поперхнулся пельменем.

– М-м-м!

– Хорошие, – убежденно сказал Генка. – Я тогда еще думал, что у нас с тобой всерьез и навсегда. Дурак был! Но счастливый.

– А теперь? – невнятно спросил я, прокашлявшись. – Теперь ты что? Умный и несчастный? Что с тобой случилось вообще?

– Теперь я педофил, – со значением сказал Генка. – Активный. То есть дееспособный. Больше никакой импотенции. На работу пойду, драмкружок в школе вести, с историческим уклоном. Пьесы будем ставить, древнегреческие…

Я нехорошо выругался.

– А что мне было делать?! – вдруг заорал Генка. – Ты думал, я бревно бесчувственное? Тебе на меня всегда наплевать было! А я-то старался, ужины тебе грел, икебану в прихожей сделал, в кружок вышивки записался! Ради домашнего уюта. А ты все Валерку своего вспоминал, чуть что… Валерку ты любил, всегда любил, до сих пор любишь, а меня? А меня – нет!

– Не смей ее называть Валеркой! – заорал я в ответ. – Она тебе не Валерка, а Валерия! Понял, ты?

– Ах, она-а… – картинно протянул Генка. – Ну конечно, как я посмел!

Я зарычал.

Генка победно ухмыльнулся.

А мне внезапно стало его жаль. И правда, что хорошего он от меня видел? Ни любви, ни ласки, одни бытовые придирки, даже подарки не от души, а по обязанности.

– Бедняжечка, – искренне сказал я.

Генка с визгом подскочил и неумело стукнул меня по шее.

Я дал сдачи, и мы слегка подрались. Потому что немотивированную агрессию мне стерли, но Генка-то меня мотивировал, да еще как! После мы убирали разбитую посуду и мыли пол от пельменей. Потом смотрели реалити-шоу «Только ты, а еще ты и ты», пили сладкий липкий ликер из Генкиной заначки и немного плакали.

Потом я ушел спать, а утром в квартире уже не было ни самого Генки, ни его вещей – только прощальная записка и пыльный уродливый веник в прихожей. Теперь я знал, что это называется икебана, а проку?

Прочитал я оставленное Генкой послание и выперся с горя в скверик рядом с домом.

Светило весеннее солнце, пели птички. В общем, хоть вешайся. Вот только с повешеньем я давно завязал. У меня вообще суицид плохо идет. И, спрашивается, что осталось мне в этой жизни? А? Кто ответит?

Тут я остановился и осмотрелся, будто в самом деле искал, кого спросить. В сквере поутру оказалось до фига народу. Перед клумбой две впавшие в детство бабульки одышливо играли в резиночку. На одной скамейке кто-то храпел. За другой скамейкой кто-то демонстративно прятался, вытарчивая головой в лыжной шапочке – онанист, вуайер, а может, геронтофил. По аллейке прогуливались юная девушка с вальяжным догом (интересно, кто он ей?), две однополые парочки в обнимку и одна разнополая за ручку, немолодой мужчина в черном плаще, черной шляпе, черных очках и черных туфельках на шпильках. Прямо на клумбе сидел очень толстый юноша с пакетом фаст-фуда на коленях и самозабвенно жрал.

Злая тоска вдруг накрыла меня, как океанская волна, с головой. Все и каждый в этом заплеванном скверике нашли свое место в жизни – и только я один не знал, что с собой делать. С горя я уселся на свободную лавочку, мстительно загородив обзор гражданину за ее спинкой, и уставился на девицу, что неумело косила под зоофилку. А ноги у нее красивые… Интересно, что будет, если я ей скажу комплимент? Пока я раздумывал, появилась девушка постарше, подхватила собачницу под руку, и подружки принялись целоваться взасос. И-эх!

Без комментариев.

Кто-то шмякнулся рядом со мной на скамейку. Я медленно повернулся и обнаружил в соседях немолодого мужчину во всем черном. Туфельки на шпильках были ему явно и оскорбительно малы, как башмачок Золушки ее сестрам. Усевшись, он высвободил пятки из туфель и не сдержал вздох облегчения. Я мысленно окрестил мужчину в черном Золушкой – наверное, потому что понятия не имел, как звали сестер.

– Я вас знаю, – понизив голос, сообщил мне Золушка.

Я пожал плечами.

– Вы купили квартиру в моем доме, – доверительно продолжал мужчина. – Причем еще до того, как я въехал в свою. Признайтесь, чего вам это стоило?

Квартира? При чем тут квартира? Я опешил и пропустил момент, когда надо было встать и уйти. Золушка цепко ухватил меня за локоть.

– Видите этих якобы гуляющих? – он перешел на свистящий шепот. – Это все маски, личины, подделка!

Я машинально кивнул, но собеседник вещал дальше на своей волне:

– Они здесь ради меня! Они охотятся за мной. Я, только я – предмет их сокровенных грез, их безудержного вожделения. Мне невозможно обрести покой нигде. Все взгляды на улице, в магазине, в метро обращаются на меня! И если я зайду в парламент, все отвернутся от спикера и президента. Я – Человек, Которого Хотят Все.

Мужчина сделал драматическую паузу. Я безуспешно пытался разжать его пальцы и

высвободить руку.

– Увидев меня единожды, – проникновенно сказал Золушка, – люди становятся рабами желания видеть меня всегда. И многим недостаточно трансляции со скрытых камер моей квартиры. Назойливые обожатели караулят меня у подъезда, они ходят за мной по пятам и жадно лапают взглядами, ощупывают и домогаются.

Он картинным жестом сдернул с носа черные очки и заглянул мне в глаза.

– Вот вы, например…

Ну, знаете! Я изо всех сил ущипнул его за кисть руки, больно и с вывертом. Золушка ойкнул, но только усилил хватку и настойчиво продолжал:

– Хотя вы не такой, как все. Я ценю вашу многолетнюю верность мне и вашу уникальную скромность. Вы даже никогда не пытались заговорить со мной! Теперь я сам снизошел к вам. Можете признаться в том, как вы счастливы. Я разрешаю. Ну же!

У меня потемнело в глазах. Надо было сдержаться. Надо было. Ну, подумаешь, выслушать очередного маньяка, поддакивая ему, а когда он размякнет от внимания, освободиться и свалить. Что я, не умею? Еще как умею!

Я просто не стерпел на этот раз.

Они меня достали. Они все. А психопат в черном стал лишь последней каплей.

Ну, так я ему отплачу!

Свободной от хватки мужчины рукой я сам вцепился ему в отворот черного плаща.

– Ты мне не ерзай, виндюк кракнутый, – жарко выдохнул я в одутловатое лицо. – Следил за мной, да? Я тебя еще вчера хакнул. Щас все стравишь – явки, пароли, серваки…

Золушка резко побледнел, выпустил мой локоть и отпрянул. Черная ткань затрещала под моими стиснутыми пальцами. С мужчины слетела шляпа, обнажив неряшливую лысину.

– Й-я вас не знаю! – взвизгнул он. – Оставьте меня, пустите!

Но теперь уже я не хотел его отпускать. Боевое блаженное бешенство затопило мой слабый рассудок. Я изо всех сил встряхнул лысого, словно он был не человек, а манекен.

Золушка придушенно пискнул, пригнул голову и вдруг, дернувшись вперед, ловко саданул мне макушкой под подбородок. Лязгнули зубы, от боли в прикушенном языке у меня закрылись глаза и разжались руки. Когда глаза открылись, лысый уже скинул туфельки и удирал, сверкая босыми пятками. Развевающийся черный плащ смутно напомнил мне что-то из классического кино, но для экскурсов и аллюзий было не время.

В два прыжка я настиг врага и опрокинул наземь.

Адреналин пел в моей крови.

Я заломил лысому руки.

Он извернулся и оказался ко мне лицом.

О, сладкий восторг встречи с достойным противником!

Я надавил ему коленом на живот.

Он впился зубами мне в шею.

Мы ворочались на колючем гравии дорожки; над нами громко кричали люди и оглушительно лаял дог; а вдалеке уже слышался всепроникающий вой сирен. К нам спешила бригада службы социальной стабильности.

Доктор поднял на меня добрые усталые глаза. В них читалось бесконечное терпение и вселенская собачья печаль.

– Ну что, социально неадаптированный, – сказал он. – Какие у нас проблемы на этот раз?

Я его знал. То есть доктора. То есть я его знал по-настоящему, это не паранойя взыграла. И он меня знал, очень хорошо и очень давно. Лет двадцать назад мы учились в одном классе. Играли в одном дворе. Ходили на один каток. И жизнь тогда была совсем непохожей на нынешнюю.

В те далекие дни нас назвали бы друзьями. Но сейчас в списке утвержденных Конституцией и одобренных к использованию патологий дружба не значилась.

Я поерзал на стуле. Как всегда, после уколов жутко чесалась задница. А свежевыбритые для мнемошлема виски свербели от жирной фуллконтактерной мази.

– Жора, – жалобно попросил я, – давай по-человечески, без этих ваших профессиональных закидонов.

Доктор сморщился.

– Не могу, Вадим, – сказал он. – Я ведь тоже скорректированный. У меня служебная этика в предпрограмме.

– А ты кольнись, – посоветовал я. – А потом мнемонись. Поговорим хоть раз нормально, без программ.

– Социально неадаптированный, – сурово сказал доктор. – Вы в курсе, что предлагаете мне совершить служебный проступок?

– Проступок – не преступление, – пробормотал я. – Плохо мне, Жорка. Даже хуже, чем плохо. Честно говоря, мне полная икебана.

Доктор вздохнул. Поднялся со стула, обошел стол, закрыл изнутри дверь на ключ, а ключ оставил в замке.

– Подожди немного, – попросил он.

Я встал, подошел к окну и стал через зарешеченное окно смотреть на больничный двор. А потом перевел взгляд на синее-синее небо, которое начинало уже по-вечернему темнеть, обретая особенную глубину красок. Вот так, укололи раз, укололи другой – и день прошел незаметно… Впрочем, какая разница? Утро вечера не лучше. Так я стоял, слушал, как Жорка за моей спиной возится с мнемошлемом, и ни о чем не думал.

– Кофе будешь? – спросил Жорка через какое-то время.

– Буду, – я обернулся. – А выпить нет?

– Вчера все допили.

Жора поднял на меня взгляд. Глаза у него по-прежнему были добрые и усталые, и терпения в них не убавилось. Только прибавилось тоски.

Он сочувствовал мне под психокоррекцией. И теперь, когда коррекция была снята, он по-прежнему сочувствовал мне. И не потому, что знал с детства. Надо полагать, он сочувствовал каждому из своих пациентов.

Мой школьный друг был врачом милостью божьей и очень хорошим психопатологом. Стыдно сказать, в этот миг я ему позавидовал. Потому что у него было прекрасное место в нашем новом мире. В отличие от меня.

– Ну что с тобой делать, Вадик?

Пока я изучал Жорку, он, судя по всему, изучал меня. Нет, все-таки психиатр – это диагноз.

– Не знаю, – сказал я. – Не могу я так. Сил моих больше нет. Какой-то я агрессивный стал, выше заданных параметров. И каждую ночь Валерия снится. Такой снится, как была, когда мы только-только с ней поженились. Помнишь, какие мы были влюбленные? А теперь меня сны-воспоминания изводят, и никакая амнезия их не берет! И ведь наяву я прекрасно помню, что она уже много лет как мужчина, а засну – и вижу ее как тогда, в летнем платьице…

Тут у меня перехватило горло, и несколько минут мы молчали.

– Да, ты ж еще не знаешь, – я криво улыбнулся. – От меня бойфренд ушел. Вместо гея-импотента заделался педофилом. А поскольку я давно вышел из нежного и трепетного возраста… короче, гуд бай, май лав.

– Знаю, – вздохнул Жора. – Я сам твоего Генку корректировал. Это как раз ты не знаешь. Готовится поправка к Конституции. Стабильные семьи скоро перестанут считаться социально приемлемыми. Пришла неофициальная разнарядка на район – не больше пятнадцати процентов постоянных связей, независимо от пола и количества супругов. А также возраста и видовой принадлежности.

– Так что ж ты нас! – Я чуть не закричал, но сдержался. Только кулаки стиснул. – Не мог на ком-нибудь другом отыграться?

– А кого брать? – Доктор посмотрел на меня больными собачьими глазами. – Кого, Вадик? У меня на участке постоянных семей двадцать пять процентов, это же катастрофа! Завотделением в крик, и я его тоже понимаю. Но и ты меня пойми! Вот у меня две девчонки, десять лет вместе, друг без друга жить не могут, все коррекции в комплекте берут – ну, там, садо и мазо, или копрофилия и… ладно, это служебное. Так что мне – их разлучить? А вот еще семейка, там вообще на грани неадаптации, разнополая, трое маленьких детей, все свои собственные… Этих разделить, да?

Доктор сорвался на хриплый шепот.

– Про вас с Генкой, ты извини, я точно знал, у вас никакой любви не было, да и физических отношений тоже. Так, встретились два одиночества… А ты, ты вообще знаешь, что я себя тоже скорректировал? Что я свою Маньку собственными руками в приют сдал? Пять лет! Пять лет, и она меня ни разу даже не боднула, только ластилась. К-козочка моя…

Жора уронил голову на руки и разрыдался. Я потрясенно молчал.

– Прости, – сказал я, когда мне показалось, что Жорка выплакался. – Прости, что я тебя так. По живому.

– А-а, – доктор махнул рукой и потянулся за кофе. – Я знал, что так будет. Давно коррекцию не снимал. Год, наверное. Напряжение накапливается, а потом разрядка. Это как нарыв вскрыть – больно, но полезно. Ничего. Главное – понимать, что происходит.

– Вот я как раз и не понимаю, – глухо сказал я. – Не могу понять, как мы дошли до жизни такой.

– Как, как. При помощи этой штуки, вот как.

Жора взял со стола мнемошлем, повертел в руке и заглянул ему в глухое забрало.

– Бедный Жорик, – сказал я. И в ответ на его вопросительно поднятые брови честно выложил ассоциативный ряд:

– Шекспир, «Гамлет», кладбище, череп, мысли о смерти…

– Не раскисай, Вадим, – жестко сказал доктор. – И вообще давай работать. Надо подобрать тебе устойчивую коррекцию, хотя бы на полгода. Что-нибудь из пассивного ряда, а? И можно опять попробовать фетишизм, в прошлый раз неплохо прошло. У тебя вещи Валерии еще остались?

Я не слушал. Меня вдруг понесло.

– Да ты пойми, я не хочу никаких коррекций! У меня здоровая психика, в ней не приживаются патологии. Мне от них плохо. Почему я не могу быть таким, как я есть? Ведь сказано в Конституции: «Сексуальным и психопатическим меньшинствам – равные права!» Вот я и есть это самое меньшинство! Я гетеросексуал и однолюб, нас таких мало. И я хочу, чтобы меня не трогали! Пусть социум отстанет от меня, отстанет, отстанет!

– Вадик, замолчи! – Жора заметно побледнел. – Такого нельзя говорить никому и никогда. Постой, может, у тебя плохо снялась прошлая коррекция? Остаточные явления? Паранойя, мнительность, избыток агрессии… ну конечно! Дай я тебя подправлю…

Доктор потянулся к мнемошлему.

Я вскочил.

– Не подходи ко мне с этой штукой!

Жора демонстративно скрестил руки на груди и покачал головой.

– И вот ты говоришь, что ты нормальный, – тихо и укоризненно сказал он. – Психика, Вадик, очень хрупкая вещь. А кто возьмется судить, что есть норма? И если кто-то возьмется, что вырастет из его суждений? Толерантность превыше всего. Ты часть социума, Вадик. Ты должен подчиниться. Мы живем в очень гуманном обществе.

– «От каждого по способностям, каждому по диагнозу», – процитировал я с горечью в голосе. – «Психопат – это звучит гордо».

– Было еще такое понятие, как политкорректность, – заметил доктор. – Еще до изобретения мнемошлема. Так мы и двигались, от корректности к коррекции.

Мне вдруг стало холодно. Запредельно холодно, как будто меня уже вышвырнули на орбиту, в космическую мерзлую пустоту. Стало нечем дышать, словно воздух примерз к

легким. И я понял, что принял решение. Давно принял, но понял только сейчас. Наверное, для меня все кончилось еще тогда, много лет назад, когда Валерия сменила пол. Ерунда, казалось бы. Кто мне мешал любить ее как мужчину? А я не смог. Ни полюбить, ни разлюбить. Ни смириться, ни взбунтоваться.

В этом всем было что-то невыносимо неправильное, но я не мог понять, что. И уже не хотел понимать.

– Жора, – сказал я глухо. – Ответь мне на последний вопрос. Какой у меня предварительный диагноз?

– Ты же сам знаешь, Вадик! – Жора поднял перед собой ладони – то ли успокаивая меня, то ли защищаясь. – Ты же умный, у тебя по сей день IQ больше ста, никакие коррекции не берут. Ты об этом не спрашивай, Вадик. Не надо.

Я внезапно осип, губы пересохли. Я попытался заговорить, и слова мерзко зашелестели на губах, но наружу не вышло осмысленных звуков, лишь какой-то змеиный шип. Я прокашлялся.

– Вадик, нет! – Жора понял, что я хочу сделать. – Молчи, не смей!

Громко и отчетливо я произнес, и диктофоны врачебного кабинета зафиксировали каждое мое слово:

– Я требую реализации своего неотъемлемого конституционного права. Права на окончательный диагноз!

Меня везли по коридору, примотанного к каталке, и надо мной мелькал убогий больничный потолок, а почему-то казалось, что я вижу небо и звезды. В ушах продолжал эхом отдаваться шепот друга: «Ну зачем, Вадик, зачем? На что ты надеялся? Что ты хотел доказать? Ты же умный, Вадик, ты же все знал!»

Окончательный диагноз:

«Социальной адаптации не подлежит.

Конституция гарантирует вам пятнадцатиминутный запас воздуха.

Вы можете взывать о помощи, молиться, звать маму, требовать адвоката.

Рекомендовано воздержаться от заявлений, призванных разжигать войну; межнациональную или религиозную рознь; расовую, гендерную или сексуальную нетерпимость. Все равно никто не услышит».

– Все системы в норме. Маршевый двигатель – старт!

– Поехали!

Кирилл Бенедиктов
Чудовище

Полиция продолжает поиски так называемого «чудовища из Бутово», терроризирующего столицу. По мнению главы департамента полиции, лицо, страдающее биполярным эффективным расстройством, может быть задержано до конца этой недели.

Женя вздохнуло и приглушило звук телевизора. Новости о страшном существе из Бутово уже давно перестали быть новостями. Да и к самому округу Бутово это существо отношение имело теперь лишь постольку-поскольку. Действительно, первые свои жертвы оно находило именно там – на улице Кадырова и Аллее Мамая, бывшей Дмитрия Донского. Но после того, как в округе был введен режим максимальной заботы о населении, чудовище покинуло Бутово и принялось рыскать по столице, руководствуясь лишь ему одному понятными мотивами. Полиция сбилась с ног, пытаясь вычислить, где оно нанесет очередной удар, но до сих пор все усилия были тщетны. Почти каждый день поступали сообщения о новых жертвах – их под прицелом телекамер грузили в белые фургоны «Скорой помощи» и увозили в загородные центры реабилитации. Назад, насколько было известно

Жене, не вернулся еще никто.

Настроение у Жени испортилось. Вечно в новостях показывают один негатив. Как будто и без того жизнь – сплошная малина с сахаром.

Малина, кстати, это мысль, подумало Женя. В морозилке лежал спрессованный брикет голландского ягодного ассорти. Если разогреть его в микроволновке и полить взбитыми сливками из баллончика, получится вполне приличный десерт. А через полчаса начнется новая серия «Хранителей Закона», там, в отличие от информационных программ, стражи порядка всегда находят преступников и побеждают их. Так что вечер еще можно спасти.

Женя, потягиваясь, поднялось с дивана и направилось на кухню. Из холодильника тянуло сладковатым неприятным запашком, да и брикет с одного бока немного размок – видно, ночью опять отключали электричество. Последние полгода такое случалось нередко – на работе шептались, что столичным электростанциям не хватает топлива и зимой будут отключать не только свет, но и горячую воду. Вроде бы сибирские нефтяные месторождения почти истощились, а контракты с Европой подписаны на десять лет вперед, так что экономить приходится на своих. А уголь чуть ли не весь продают китайцам…

«У, узкоглазые твари!» – подумало Женя и тут же устыдилось: даже про себя так говорить нехорошо. А уж если произнести подобное вслух, можно нарваться на крупные неприятности. Как это случилось с секретарем из аппарата руководителя управления, в котором трудилось Женя. На корпоративе несчастное существо рассказало анекдот, в котором фигурировало смешное слово «черножопые». Кто-то, разумеется, тут же стукнул начальству, и секретаря уволили на следующий день по страшной 382-й статье. Теперь, наверное, просит добровольной социальной поддержки на площади Трех вокзалов.

Нет, Женя никогда себе такого не позволит. Оно очень осторожно, очень внимательно к мелочам. Не говорит лишнего, вообще старается больше слушать, а рот открывать только по делу. Поэтому в свои двадцать шесть лет уже занимает должность главы юридического отдела и получает очень приличную зарплату. Живет в маленькой, но собственной квартире почти в самом центре столицы, в Новогиреево. Ездит на новенькой «Тойоте», пусть и собранной в Китае. Встречается с модным адвокатом, которое ведет самые громкие дела и постоянно мелькает на телеэкране. Любое другое существо было бы счастливо и довольно жизнью. А вот Женя почему-то мается.

Микроволновка негромко звякнула, и в ту же секунду, словно отвечая на ее зов, где-то в прихожей заверещал брелок автомобильной сигнализации. Женя выглянуло в окно – у припаркованной возле помойки «Тойоты» дергались какие-то черные фигуры, кажется, там шла драка. Впрочем, с высоты семнадцатого этажа сложно было разглядеть все в деталях. Но машина – и это Женя видело четко – покачивалась и жалобно мигала фарами.

«Надо вызвать полицию! – мелькнула мысль. – Но пока они зарегистрируют вызов, пока приедут – от «Тойоты» одни колеса останутся».

Сигнализация продолжала пищать. Женя бросилось в прихожую, путаясь в рукавах, натянуло куртку, лихорадочно втиснуло ноги в кроссовки. Выскочило на лестничную клетку, нажало кнопку лифта. Повезло – дверцы открылись сразу же, видно, кто-то из соседей только что приехал.

В просторном холле подъезда, за пуленепробиваемым стеклом, сосредоточенно решало кроссворд менеджер домовой безопасности Дробязго – огромное, обрюзгшее существо с багровой физиономией человека, имеющего проблемы с потреблением спиртосодержащих напитков. Женя вытащило из кармана куртки крупную купюру и, приложив ее к стеклу, забарабанило кулаком в дверь.

– Уважаемое! Помогите, пожалуйста! Там, во дворе, мою машину ломают!

Дробязго, близоруко прищурившись, уставилось на купюру.

– Кто ломает? – недоверчиво спросило оно.

– Какие-то хулиганы, – выпалило Женя и тут же поправилось: – Лица с альтернативной моделью поведения. Прошу вас, помогите!

– А почему это я? – недовольно пробурчало Дробязго. – Моя зона ответственности –

дом и подъезд. А машина у вас во дворе стоит.

– Ну, вы же такое внушительное! Вы только появитесь, у них сразу охота пропадет… это… альтернативно себя вести. А я отблагодарю, не сомневайтесь…

К первой купюре присоединилась вторая. Дробязго тяжело поднялось и вывалилось из своей бронированной конуры.

– Пойдемте, чего уж там. Только быстро, и чур – никому ни слова, что я пост свой оставило…

Вслед за менеджером Женя выскочило на улицу, под противно моросящий мелкий осенний дождик. «Тойота» стояла в самом дальнем конце двора, и возле нее действительно толкались и орали друг на друга на каком-то гортанном наречии четверо коренастых смуглых существ. Одно из них спиной упало на широкий капот «Тойоты» и попыталось ударить ногами другое, вовремя отскочившее в сторону.

– Ну, – сказало Дробязго, останавливаясь, – это же кавказороссияне! Я с ними связываться не стану, потом по судам затаскают…

«Вот незадача, – подумало Женя. – Нет чтобы какие-нибудь бомжи… в смысле, люди с нестандартным подходом к выбору жилищных условий!»

– Ничего вам не будет, – горячо зашептало Женя, – вы же моего друга знаете, Валю? Оно адвокат известный, если что, отмажет вас…

И сунуло деньги в широкий карман Дробязго. Это решило дело. Из другого кармана Дробязго извлекло никелированный травматический пистолет и несколько раз оглушительно выстрелило в воздух.

– А ну, самки псовых, – рявкнуло оно страшным голосом, – выметайтесь с муниципальной территории на корень многолетнего травянистого растения семейства капустных!

Смуглых смыло. Правда, перед тем, как исчезнуть, одно из них с досадой врезало кулаком по багажнику «Тойоты», от чего машина завопила еще жалобнее. Женя опасливо приблизилось к автомобилю – видимых повреждений нет, и на том спасибо.

– Ну, все в порядке? – нетерпеливо прикрикнуло Дробязго. – Мне тут некогда с вами под дождем мокнуть…

На радостях Женя добавило к его гонорару еще одну радужную бумажку. «Ничего, – подумало оно, – не обеднею. А хорошие отношения с такой важной персоной, как менеджер домовой безопасности, дорогого стоят…»

Поднимаясь к себе на семнадцатый этаж, Женя с удивлением осознало, что от недавнего унылого настроения не осталось и следа. И машину удалось спасти, и хулиганов прогнать. А впереди – вкусный ужин и любимый сериал. Что может быть лучше?

В комнате по-прежнему бубнил телевизор. И, кажется, опять криминальные новости. Ну уж нет, хватит на сегодня негатива, решительно сказало себе Женя и, щелкнув кнопкой пульта, выключило звук.

И тут же застыло, парализованное страхом, с дурацким пультом в руке. Эх, если бы вместо этого пульта был пистолет!

За спиной Жени что-то двигалось. Что-то чужое. Оно двигалось очень тихо и осторожно, но у Жени был идеальный слух.

Женя сделало самое глупое, что только могло. Обернулось и завопило:

– Кто здесь???

На кухне что-то опрокинулось и загремело. В дверном проеме возник огромный силуэт с ножом в руке. Женя, чувствуя, как отнимаются от страха ноги, швырнуло в силуэт пультом. Судя по звуку, попало.

– Мать твою, – удивленно вскрикнул чей-то грубый голос. – Больно же!

«Все, – обреченно подумало Женя, – я пропало… Сейчас оно меня ножом…»

И только тут осознало, что именно произнесло непрошеное создание. Этого слова Женя не слышало с детского сада – там дети еще не знали, что оно нехорошее, запретное. Но как-то Женя сказало это слово дома, и случился жуткий скандал. Родителю номер один стало

плохо, и его пришлось отпаивать валерьянкой, а родитель номер два отправилось в детский сад и забрало оттуда Женины документы. Оставшиеся до школы годы Женя провело под присмотром няни, которое очень тщательно следило за своей речью.

А создание подняло руку с ножом, и тут Женя увидело, что это не нож, а ложка. Ложка была вымазана чем-то красным, и создание, не стесняясь Жени, облизало ее.

– Извините, – сказало оно уже не таким грубым тоном, – я у вас там в кастрюлю залез… Просто очень есть хочется.

В душе Жени слабо шевельнулась надежда.

«Может, не убьет… Но какое странное! И страшное…»

Существо, вторгшееся в квартиру, было огромного роста – явно выше двух метров. Массивное Дробязго на его фоне смотрелось бы карликом. У существа были широкие плечи, крепкая шея и загорелое лицо с большими голубыми глазами. Одето оно было в обычные синие джинсы и обычную осеннюю куртку, которые явно были ему малы.

– Извините, – повторило оно, – вы дверь в квартиру не закрыли… а мне очень нужно было спрятаться.

– Дверь? – переспросило Женя. – Правда?

И точно. Выскочило на лестничную клетку второпях, лифт подошел сразу же, дверь закрыть оно просто забыло… Вот ведь идиотское существо!

– Правда. – Огромное создание застенчиво улыбнулось. – Я вам ничего плохого не сделаю, честное слово. Поем вот, посижу немного и уйду.

– А как же вы прошли мимо менеджера? – подозрительно прищурилось Женя. – Там, внизу, всегда сидит менеджер домовой безопасности…

В голубых глазах мелькнули веселые искорки.

– Консьерж? Он ведь с вами на улицу выскочил.

«Как оно нехорошо разговаривает, – подумало Женя. – Иностранное?»

– Но откуда вы узнали, где я живу? Или… или вы следили за мной?

На этот раз существо не ответило, и страх вцепился Жене в душу с новой силой. «Оно от кого-то прячется… оно следило за мной… да ведь это же оно и есть! Чудовище из Бутово!»

Оно появляется словно бы из ниоткуда, говорили по телевизору. По-видимому, тщательно выслеживает свои жертвы, перед тем как напасть на них. В точности неизвестно, что именно чудовище делает со своими жертвами, но явно что-то ужасное, потому что после встречи с ним еще никому не удалось сохранить рассудок…

– Уходите, – попросило Женя позорно дрожащим голосом. – Пожалуйста…

Чудовище – а в том, что перед Женей стояло именно оно, сомнений уже не оставалось – тяжело вздохнуло и опустило голову.

– Послушайте, – проговорило оно, глядя в пол, – вы только не бойтесь… вы же наверняка наслушались всяких ужасов, вот и дрожите, как заячий хвостик. Я никому ничего плохого не делал, они за мной гоняются просто потому, что я не такой…

– Не такой? – глупо переспросило Женя. – Не такой, как кто?

– Не такой, как они. Как вы. Как все здесь.

Оно шагнуло к нему, но Женя отшатнулось, и чудовище тут же остановилось.

– Я уйду, правда… Через полчаса. Облава закончится, ваш толстый консьерж будет, не отрываясь, смотреть своих «Хранителей», и я спокойно выйду из подъезда, никем не замеченный.

– Откуда вы знаете, что Дробязго вас не увидит? – Жене очень хотелось поверить его словам. – А если оно не станет смотреть телевизор?

– Станет, обязательно станет. Все консьержи смотрят «Хранителей» и представляют себя крутыми полицейскими. Да и потом, они обращают внимание на тех, кто входит в дом, а не тех, кто его покидает.

«Спокойно, – сказало себе Женя. – Может быть, оно сейчас не очень агрессивное… Что там говорили в передаче о лицах с биполярным эффективным расстройством? Что

маниакальная фаза чередуется у них с депрессивной. Если у него сейчас депрессивная фаза, у меня есть шанс».

– Ладно уж, – произнесло Женя миролюбиво. – Можете немножко побыть тут. Хотите еще чего-нибудь поесть? Там в холодильнике есть голубцы…

– Спасибо, – усмехнулось чудовище. – Только на кухню мы пойдем вместе.

– Почему это?

– Потому что, если я пойду туда один, у вас возникнет соблазн выскочить за дверь и запереть меня в квартире, а потом вызвать полицию. Я уже с таким сталкивался, знаете ли.

Женя, действительно обдумывавшее такую мысль, оскорбленно поджало губы.

– Ну, как хотите… И что же вы делали с теми, кто пытался сдать вас полицейским? Убивали?

«Что я делаю? – мелькнула паническая мысль. – Оно так добродушно настроено, зачем же я его провоцирую?»

К счастью, чудовище не разозлилось.

– С чего вы взяли? Наслушались всякого бреда по телевизору… Я просто уходил, ну, или, если совсем честно, убегал. Мне совсем не хочется попасть в лапы к вашим мозгоправам. Я у них быстренько стану таким же, как и вы…

Женя нахмурилось.

– Почему вы все время говорите загадками? И, кстати, вы что, откуда-то издалека приехали? У вас, извините, речь неправильная…

Чудовище фыркнуло.

– Неправильная? Вы бы себя послушали. «Оно не станет смотреть телевизор!» Ну какое, к черту, «оно»? Здоровенный бугай, бородатый, потный – а вы «оно»!

Женя напряженно улыбнулось.

– То, что вы сейчас говорите, – это сексизм. А акцентировать внимание на физических недостатках личности – неприлично и даже противозаконно.

– Вот-вот, – кивнуло чудовище. – Противозаконно. Законы у вас тут такие… интересные. Я первое время даже не верил, что все это всерьез. А потом… потом уже поздно было.

Оно покрутило в руках облизанную ложку и с сожалением положило ее на книжную полку.

– Вы правы, я нездешний. Приехал… из Китая. Родители у меня русские, работали в Шанхае, а потом, когда все здесь так завертелось, решили не возвращаться.

Женя удивленно посмотрело на него.

– Послушайте, уважаемое… но так же не говорят. «Русские» – такого и слова-то нет. Вы хотели сказать – россияне нетюркского происхождения?

Чудовище замотало головой. Волосы у него были светлые, с желтоватым отливом.

– Так у нас с вами никакого разговора не получится. Давайте хотя бы познакомимся для начала. Меня Вадимом зовут, а вас?

– Женя, – секунду подумав, Женя протянуло ему свою руку. – Странное у вас имя, Вадим…

– Нормальное русское. И кто вам сказал, что нет такого слова – «русские»? Хотя я знаю, кто. В школе учили, потом в институте, да?

Женя молча улыбнулось. «С ним надо вести себя дружелюбно, – подумало оно, – тогда, возможно, все обойдется… и соглашаться, какой бы бред оно ни несло…»

– У всех одно и то же, – пожаловалось чудовище. – Никто даже не пытается поставить под сомнение то, что вам вкладывают в головы с самого детства. Я сначала недоумевал – как же так? А потом понял. Если с пеленок уничтожать само понятие личности, стирать грань между «он» и «она», лишать людей исторической памяти, делать всех одинаково безликими – то и сомневаться никто ни в чем не станет.

– Вы правы, Вадим, – поддакнуло Женя. Чудовище скривилось, как будто проглотило что-то несвежее.

– Вы говорите так, потому что меня боитесь. И черт меня возьми, Женя, если бы вы боялись меня, как мужчину, я бы это понял! Но вы во мне даже мужчину не видите, вот что самое обидное!

– Не надо так говорить, – попросило Женя. – Это такие слова… опасные. За них предусмотрена административная ответственность. Я юрист, я знаю.

Чудовище махнуло огромной рукой.

– Женя, Женя! Что может быть опасного в словах «мужчина» и «женщина»? Кроме того, что какие-то ублюдки в правительстве под давлением еще больших ублюдков в общественных организациях объявили их вне закона?

– С юридической точки зрения, Вадим, – Женя говорило терпеливо, словно объясняло урок маленькому несмышленому ребенку, – эти слова несут в себе эмоциональную нагрузку, подчеркивающую сексуальное неравноправие граждан. А у нас все граждане равны перед законом, это основной принцип Конституции. Разве в Китае не так?

Чудовище издало странный хрюкающий звук.

– К счастью, не так. В Азии люди вообще оказались поумнее, чем на Западе. Сначала Штаты, потом Европа, ну, а Россия, как всегда, компенсировала свое отставание завидным энтузиазмом. Нет, Женя, представьте, в Китае люди по-прежнему делят друг друга на мужчин и женщин. И если я вижу, что по улице идет толстяк, то я не говорю – вон идет горизонтально ориентированный индивидуум. А если я вижу слепого на улице, то мне и в голову не придет назвать его инакозрячим. И наркомана там назовут торчком или нарколыгой, но никак не пользователем нетрадиционных лекарственных средств. А главное, Женя, – никто не говорит о себе в среднем роде. Я мужчина, и это классно. Я – не «оно», Женя, не какое-то безликое серое существо. Я – это я, Вадим Юрьевич Лодейников, и про меня следует говорить «он». Третье лицо единственное число. А про вас, милая Женя, нужно говорить – «она», потому что вы девушка, и к тому же чертовски симпатичная девушка.

Женя дернулась, как от удара. Ей и вправду показалось, что чудовище хлестнуло ее по лицу своей широкой ладонью, хотя оно и не думало двигаться – так же стояло у книжной полки и улыбалось своей дурацкой белозубой улыбкой.

– Так нельзя говорить, Вадим! Это лукизм! Все люди равны, и предпочитать более привлекательное менее привлекательному – запрещено! Конечно, если вы хотите меня обидеть…

Голос Жени прервался. Чудовище смотрело на нее, слегка склонив голову, и в его глазах было что-то такое, от чего странно замирало сердце.

– Как же тебе мозги-то запудрили, сволочи! Ты очень красивая, Женя, поверь мне. У тебя волосы такие… шелковистые. И глаза зеленые, как у колдуньи. И губы… они же у тебя от природы такие, у вас ведь косметические операции запрещены?

Щеки у Жени вдруг стали мокрыми. Слезы. В самый неподходящий момент.

– Нет, не запрещены… Только те, что для улучшения внешности…

– Ага, значит, уродовать себя можно. Очень гуманно.

– Мне… мне советовали… нос… и губы… я не захотело… испугалось…

– Не захотела, – поправило чудовище мягко. – Испугалась. Ну и правильно сделала, умничка.

Оно приблизилось плавным, трудноуловимым движением. Женя не успело отшатнуться – рука чудовища оказалась совсем рядом, пальцы легко дотронулись до волос.

– Не бойся, девочка, – в голосе чудовища слышалась печаль, – страшнее того, что с вами сделали, ничего не бывает…

Рука у него была теплая и неожиданно нежная. Совсем непохожая на вялую, слабую руку Вали, прикосновения которой иногда наводили Женю на мысль о медузах и водорослях.

– Я и не боюсь, – сказала Женя решительно. – Чего бояться-то? Подумаешь, маньяк в гости зашел…

Эти слова вырвались у нее как-то сами собой, будто где-то внутри всегда прятался

озорной ребенок, только и ждавший момента, когда можно будет выскочить на свет и, прыгая и кривляясь, нарушить запреты взрослых. И сразу же оказалось, что она умеет говорить на том неправильном языке, которым изъяснялся Вадим. Ведь вырвалось же у нее слово «маньяк» вместо привычного «лица с биполярным эффективным расстройством»…

А маньяк взял ее голову в свои огромные ладони, наклонился и крепко поцеловал в губы. И это было страшно и весело одновременно. Целоваться с чудовищем, подумала Женя. Вот здорово. Даже если он меня потом убьет.

Она проснулась оттого, что луна, полная и круглая, как отполированная серебряная монета, выползла из-за тучи и осветила своим призрачным сиянием наспех разложенный диван.

Вадим спал на спине, широко раскинув мускулистые руки. У него была фигура древнегреческого атлета – Женя видела такие в детстве, в шкафу у Родителя номер один хранились старые книжки с фотографиями мраморных античных скульптур. Сам Родитель номер один был толстый и рыхлый, лысоватый и с редкой рыжеватой бороденкой. Родитель номер два, крепкий и коренастый, наоборот, с ног до головы зарос курчавым черным волосом. Женя однажды случайно зашла в ванну, когда Родитель номер два отмокал там после тяжелой ночной смены. Ей очень четко запомнились черные завитки волос в белых клочьях пены и торчащая откуда-то из густой поросли толстая красная сарделька. Вадим не был похож ни на одного, ни на другого. Он был красивым – Женя с удовольствием повторила про себя запретное слово, – от него хорошо пахло, у него не росли волосы на груди, но короткие светлые волосы на голове было приятно гладить и прижиматься к ним щекой. И внизу у него все было в порядке, Женя даже представить не могла раньше, что у мужчин – она улыбнулась в темноте – может быть все так чудесно устроено. Куда чудеснее, чем те резиновые игрушки, которые они с Валей использовали в своих играх.

Маньяк, подумала Женя, глядя на залитое лунным светом тело. Чудовище из Бутово спит в моей постели. Чудовище, вернувшее мне саму себя. Пусть даже то, что он говорил, – полная чушь. Пусть я сама не верю в то, что произошло со мной этой ночью. И все-таки это – было…

Он ей все рассказал. Как, не послушав родителей, приехал на свою историческую родину, чтобы преподавать в университете. Как после первой же его лекции к нему подошли две тетки в серых костюмах и с рыбьими мордами, представившиеся инспекторами комиссии по семантическому контролю. Как долго и занудно объясняли ему, что в его словах было просто неправильно, а что влекло за собой административную и даже уголовную ответственность. Как он в конце концов психанул и швырнул им в рыбьи морды все эти бумажки, которые ему предлагалось изучить и подписать. И как тем же вечером на квартиру, которую он снимал в Южном Бутово, явились полицейские…

– Ну, я их разбросал, конечно, – Вадим виновато пожал могучими плечами, – они у вас тут вообще какие-то мелкие. Отобрал оружие и ушел. С тех пор веду подпольную жизнь, благо среди двадцати миллионов москвичей затеряться несложно.

По его словам, он никому не хотел причинять зла. Всего лишь искал в толпе одинаковых обезличенных существ тех, в ком еще можно было разглядеть индивидуальность. То ли пытался сколотить партизанский отряд, то ли просто хотел найти кого-то, с кем можно было поговорить по-человечески. Но за ним по пятам шла полиция, и ему все время приходилось скрываться, он нигде не мог найти себе убежища…

Она осторожно, чтобы не разбудить Вадима, сползла с дивана и села на пушистый ковер, обхватив руками круглые колени. У меня красивые ноги, сказала она себе, раньше я не могла себе в том признаться, а теперь мне не страшно… И в ту же секунду ее охватил нестерпимый ужас.

Я не смогу жить со всем этим, подумала Женя. Я выдам себя в первый же день. Взглядом, улыбкой. А если еще что-нибудь ляпну… Нет, это невозможно.

Что же ты со мной сделал, подонок, мысленно спросила она Вадима. Кто просил тебя

вламываться именно в мою квартиру? Кто позволил тебе ломать мне жизнь?

Она сидела так до тех пор, пока монета луны не закатилась за большую темную тучу. Тогда Женя бесшумно поднялась с ковра, взяла с журнального столика пачку сигарет и мобильный телефон и тихо пошла в ванную. Закрыла дверь на задвижку, открыла воду, села на край ванны и поднесла зажигалку к сигарете. Рука дрожала.

Женя выкурила сигарету до фильтра и затушила окурок в раковине. Потом набрала короткий номер и прикрыла телефон ладонью.

– Полиция? – сказала она шепотом. – У меня в квартире – маньяк из Бутово. Его зовут Вадим Лодейников. Он приехал из Китая…

– Назовите адрес, – голос в трубке звучал совершенно бесстрастно.

– Улица Интернациональная, дом семь. Квартира сто девяносто пять, это семнадцатый этаж. Внизу домофон, но, если вы наберете номер, раздастся звонок и он… маньяк… может проснуться. Поэтому лучше разбудите менеджера…

– Мы знаем, что делать, – перебил ее бесстрастный голос. – Спасибо за звонок, оставайтесь дома и постарайтесь не спугнуть известное лицо до нашего прибытия.

В трубке раздались гудки – слишком громкие. Женя торопливо нажала отбой и спрятала телефон в шкафчик для бытовой химии.

Потом зачем-то тщательно умылась, выключила воду и вышла из ванной.

Вадим стоял в прихожей. Он был уже полностью одет – та же короткая куртка, те же доходящие до щиколоток джинсы.

И он смотрел на нее. Смотрел так, что ей стало ясно – он все знает.

– Всегда одно и то же, – у него дернулся уголок рта. – Хоть бы одно исключение из правил. Так нет же…

– Я не понимаю, – прошептала Женя. – Я курила в ванной, ты же говорил, что не любишь дыма…

– И заодно вызвала полицию. – В его голосе не было ни злости, ни раздражения – только бесконечная усталость. – Потому что не смогла принять мир таким, какой он есть. Я все понимаю, девочка. И я не в обиде. Вы все так делаете.

Он быстро взглянул на часы.

– Я постоянно ошибаюсь в вас. Я ищу самых лучших, самых умных, тех, кто, как мне кажется, готов отбросить эти проклятые шоры – достаточно лишь слегка подтолкнуть. Я пытаюсь открыть им глаза… и вроде бы все получается. А потом срабатывает какой-то внутренний капкан. Каждый раз.

Женя прикусила губу.

Почему он медлит? Сейчас приедет полиция. Глубокая ночь, на улицах нет пробок. А он стоит и философствует, вместо того чтобы бежать со всех ног.

– И ты со всеми спишь? – неожиданно спросила она. Прозвучало глупо, но он не удивился.

– Нет, не со всеми. Но результат от этого не меняется.

Он протянул руку, чтобы дотронуться до ее волос, но на этот раз она успела отшатнуться.

– Иди, – почти крикнула Женя. – Иди скорее, они сейчас будут здесь!

Несколько мучительно долгих секунд он стоял и просто смотрел на нее. Тогда она изо всех сил толкнула его к двери. С таким же успехом можно было толкать скалу.

– Прощай, Женя, – сказал Вадим.

Полиция приехала через десять минут после того, как за Вадимом закрылась дверь. Полицейских было всего двое, и Женя всерьез засомневалась, что им удалось бы справиться с чудовищем, реши оно остаться.

– Ушло? – деловито поинтересовался старший полицейский. Он был похож на альбиноса, с красными кроличьими глазами и жесткими белыми волосами. – Почему не задержали?

– Сами бы попробовали, – пожала плечами Женя. – В нем росту за два метра и весу

килограммов сто двадцать…

Второй полицейский, толстый и кривоногий, держа наготове большой черный пистолет, быстро осмотрел всю квартиру, заглянув даже под диван.

– Никого нет, – доложил он альбиносу. – Может, оно нас дезинформировало?

Альбинос усмехнулся.

– Нет, оно сказало правду. Чудовище здесь было. Ладно, уважаемое, одевайтесь, поедем с нами.

Женя почувствовала легкий укол беспокойства.

– Зачем это? Я не совершало никаких противоправных действий. Доложило о местонахождении чудовища, вызвало полицию… Я юрист, и знаю законы.

Альбинос внимательно посмотрел на нее.

– Отлично, – произнес он. – Вы знаете законы. У меня на руках запись вашего звонка в нашу диспетчерскую службу. Вы трижды говорили о чудовище в третьем лице единственного числа с использованием гендерной идентификации. Вы использовали запрещенную терминологию.

– Это административное нарушение, – перебила его Женя. – В лучшем случае. Если органы правопорядка не считают возможным посчитать смягчающим обстоятельством мою активную гражданскую позицию, я готова заплатить штраф…

– Ого, – присвистнул толстяк. Они с альбиносом переглянулись.

– Извините, – смутилась Женя. – Я немного не в себе… в любом случае, я могу оплатить штраф и направить вам платежное поручение по почте…

– Вам придется проехать с нами, – сказал альбинос. – Советую взять с собой теплую одежду.

– Но почему? – Женя отступила на шаг, но толстяк тут же поднял пистолет, и она остановилась как вкопанная.

– Общение с чудовищем нанесло вред вашей психике. – Альбинос бубнил заученные фразы, словно автомат. – Вам необходимо пройти психологическую коррекцию. Это займет всего пару месяцев, и к тому же совершенно бесплатно. Вашему работодателю мы сообщим…

В дверь резко, требовательно постучали. Толстяк повернулся, чтобы открыть. Ствол пистолета отклонился и смотрел теперь в пол.

Это Вадим, подумала Женя, чувствуя, как радостно забилось сердце. Он пришел, чтобы спасти меня, он убьет этих красноглазых ублюдков, и мы уедем отсюда, уедем далеко-далеко, в Китай, туда, где женщинам можно делать комплименты, где слепых называют слепыми, а уродов – уродами…

Дверь распахнулась, и она увидела за ней жестко накрахмаленные белые халаты и розовые пятна одинаковых лиц.

– Ну, наконец-то, – буркнул толстяк. – Мы уж думали, опять самим везти придется…

Тогда Женя повернулась и побежала. Бежать ей было некуда – слишком мала была квартира, – и она рванулась к окну. По мягкому ковру, по раскиданному дивану, еще хранившему тепло их с Вадимом тел…

Они и не надеялись его поймать, поняла она вдруг, он все время опережает их на несколько шагов… Они с самого начала ехали только за мной…

Пули ударили Жене в спину, когда она была уже на подоконнике.

У меня красивые ноги, думала она, летя в пятидесятиметровую пропасть. У меня такие красивые ноги…

Олег Дивов
Между дьяволом и глубоким синим морем

«…Посеяв хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить…

Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать… художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства… Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы народной нравственности… Будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку всегда будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее».

Приписывается Аллену Даллесу, на самом деле – А. Иванов, «Вечный зов», редакция 1981 г.

Апрель 1981 года, юг США

Сержант-детектив Вик Рейнхарт прибыл на место уже к шапочному разбору: мостовая покрыта толстым слоем битого стекла, дом напротив весь в пулевых оспинах, преступник вообще в решето, спецназ раскладывает своих по машинам «Скорой помощи», эксперт-криминалист уныло бродит от одного белого силуэта к другому. У того парня был «Ругер-Мини» с тридцатизарядным магазином, и стреляла эта падла – в смысле, не винтовка, а эта падла – резво, как из автомата.

Репортеры еще не слетелись на дерьмо, зато через оцепление ломится грузовик компании по эксплуатации лифтов – всегда бы так.

Пару минут Вик и Лора топтались на месте, оглядываясь и привыкая: чего они раньше видали в своем «отделе убийств», поножовщину да бейсбольнобитие, ну, для разнообразия, утюгом по голове. До провинциального Джефферсона как-то не дошла мода на любительские холокосты с применением гражданского оружия. Тут бабахали редко и по закону: мирные жители валили грабителей. Еще наши, было дело, ловили злостного угонщика, стреляли по колесам, рикошетом порвало ухо карликовому шпицу – попробуй нарочно так попади, – хозяйка собаки подала в суд, с тех пор нам запретили стрелять по колесам…

Копы шутили: вот мы ловко устроились, на такой работе только от старости помирать.

Еще вчера шутили.

– Прогресс, мать его, не стоит на месте. Каждой деревне – по маньяку! – сказала Лора.

Очень ей не хотелось идти опрашивать свидетелей. Но именно сегодня начинать должна была она. Лучше, чтобы она. А Вик поднялся на крышу поглядеть, что осталось от «снайпера»… И спустился вниз с ответом на самый главный вопрос. Пять минут, и дело вроде бы яснее ясного, а ни черта подобного.

Картина преступления оказалось на редкость прозрачной и столь же загадочной. Все понятно, как оно было, только поди пойми, зачем.

Ты же не маньяк, куда тебе в его логику вкопаться.

Около полудня человек, которого уже к вечеру вся Америка будет звать «джефферсонским снайпером», поднялся на крышу. Разобранную винтовку он нес в футляре от гитары – тоже, конечно, заметная штука, но не пугает людей. В плечевой кобуре у него был револьвер тридцать второго калибра. Обычно маньяки-убийцы запасаются боеприпасами и провизией: гулять так гулять. У этого только бутылка колы, один магазин к «Мини» и шесть патронов в барабане «смита». И портативная рация, настроенная на волну женского такси. Модная штука, недавно у нас – в смысле, не рация, а такси для баб. У англичан идею подхватили. Кстати, неплохо для профилактики разбоя и насилия.

Офис такси был в доме напротив, а на лавочке у дверей курили девчонки: четверо водителей, исполнительный директор компании, тоже по совместительству водила, и секретарша, она же уборщица. Некоторые страшные, особенно исполнительная, а вот секретарь очень даже ничего блондиночка. Кстати, именно ее стрелок пощадил. Трудно поверить, что такой меткий и быстрый ублюдок, с его-то талантом валить по человеку в

секунду, упустил добычу, парализованную ужасом. Да они там, в общем, все застыли, когда началось – шмаляй на здоровье. Естественная реакция, если рядом ударяет пуля: замереть и сжаться хотя бы на мгновение, спросите любого снайпера. Преступник не был снайпером, зато был, как потом узнали, охотником, а дичь удирает, не раздумывая, вот он и насобачился, растуды его туды.

Исполнительную директоршу и двух водительниц он убил выстрелами в грудь, потом внизу началась суета, и еще одной, прыгнувшей к дверям офиса, он продырявил легкое, а последнюю, метнувшуюся к гаражу, достал на бегу в позвоночник. Секретаршу, которая, рискуя собой, бросилась к женщине-боссу, сползающей с лавки, стрелок будто и не заметил. Зато всадил пулю в окно комнаты диспетчера: то ли обозначил намерение, то ли привет горячий передал.

И все кончилось. Потом стрелок положил винтовку, достал револьвер и метко жахнул себе тридцать вторым точно в сердце. Когда именно, установить не удалось. Может, он еще понаблюдал за неразберихой внизу. Может, и полицию дождался, кто его знает. Вдруг ему хотелось заодно пострелять по бабам в униформе, а таких, как назло, не приехало. Короче, он лежал вниз лицом, головой к краю, и винтовка под ним, и ствол торчал с крыши – самую малость, но видно.

И вот из-за ствола дурацкого, и еще положения тела, начался полный трэш, которого лучше бы не было, потому что стыдно очень, только без трэша у нас не всегда получается. Мы стараемся, конечно, работать четко, но иногда как заклинит… Видимо, это не по-американски – когда строго по плану и в рамках приличий. Широкая нация, размашистая, за что ни возьмемся, только прячься. Все у нас большое и поэтому громко падает. То-то нас за границей не любят, а мы уверены, будто нас нельзя не любить. Ведь мы такие идиоты, загляденье просто.

Примчались наши, дымя резиной, увидали тела и кровищу, уже знали, что выстрелы были с крыши, сразу заметили ствол. Начали орать этому уроду, чтобы он сдавался, падла, а когда он, падла, не сдался, открыли шквальный заградительный огонь, чтобы не мог высунуться. Ну, нервничали ребята, можно понять: они раньше такого не видали. Потом всех наказали.

Тем временем спецназ битком набился в лифт, а кому не хватило места, рванули вверх по лестнице. В лифте сработало реле перегрузки, и тогда двое мордоворотов подпрыгнули и растопырились, упершись в стенки, чтобы реле обмануть. А то грустно пешком во всей амуниции на шестой этаж, пускай молодые бегают. И кабина поехала, опасно скрипя. Она новая была, недавно ставили. Но все остальное, почему она там ездит, вкорячили в тот дом, ей-богу, задолго до изобретения лифтов, а само здание строили негры, только-только импортированные из Африки, прямо из трюма парусника. Через три этажа механизм лифта громко хрустнул и развалился сразу весь, и кабина новая тоже. Странно, дом не рухнул. Что интересно, клиновые уловители сработали, только фиг чего они поймали, там особо нечего было ловить. Потом всех наказали, когда выздоровели.

А молодые, которые пешком бежали, увидали на крыше ту падлу, носом вниз поверх винтовки, будто вот-вот снова пальнет по улице и вдруг кого из наших ухлопает… Молодых тоже понять можно. Шесть этажей бегом в полной броне не сахар: еле дышишь, плохо соображаешь, забрало еще запотело, потому что вчера дюжину пива выдул. Ну и боязно, если честно – мало ли, как поведет себя преступник, упорно не желающий сдаваться и цинично разлегшийся на крыше спиной к тебе. Засадили в него очередь без разговоров. А то чего он, падла, не сдается… Молодых сурово наказали, и за пиво в том числе.

По итогам разбора влетело всем, даже Рейнхарту за опоздание, хотя он с другого конца города ехал, но еще вопрос, чего они там с Лорой забыли, на том конце. Вик привычно соврал, что забыл там ценную информацию по глухому делу. Лейтенант так же привычно не поверил. Вик был честный и неглупый коп, но раздолбай. Небось сидел, жрал бесплатный ланч у китаезы, которого год назад спас от рэкета. И, что для сержанта Рейнхарта особо характерно, спас по чистой случайности, просто мимо проходил. А так сержанта не

докличешься. Когда сержант внезапно требуется начальству, фиг найдешь его. Сразу у него дела на другом конце города. Шибко деловой у нас сержант Рейнхарт, да? Чего молчите – думаете, как бы еще соврать? А не надо тут думать, надо работать! Кто-кто работает?.. Какой отчет?.. Этот комикс для умственно отсталых вы называете отчетом?.. И так далее, и тому подобное.

…Стоя на крыше и глядя вниз, Вик уже догадывался, какие теплые слова услышит от лейтенанта. Даже закрой ты дело прямо сейчас, тебе все равно вдуют – просто за компанию. Но, господи, какое было бы счастье схлопотать ведро помоев на голову, настоящее, не иносказательное, взамен пяти белых силуэтов на асфальте.

И то, что в бумажнике «снайпера» Вик нашел водительские права, нисколько его не утешало.

Девчонок-то не вернешь.

И этого урода не спросишь, чего он на них вызверился.

А главное, в чем совсем не хотелось себе признаваться, – Вик был напуган. В его город вломилось что-то страшное. Нечеловечески безжалостное. Оно раздавит тебя, если ты встанешь на его пути. Но ты обязан. Иначе меняй профессию.

Рейнхарт вошел в офис, где тихо всхлипывали, обнявшись, секретарша и диспетчерша. Врачи уже накапали им успокоительного. У Лоры было такое лицо, будто ей тоже не помешало бы.

– Взгляни, – сказала она, протягивая открытый блокнот.

Вик проглотил комок в горле, откашлялся и сдавленно произнес:

– Дамы, я сержант Рейнхарт. Мы с детективом Фарина ведем это дело. Понимаю, как вам трудно, но…

Бормоча привычные слова, он глядел в блокнот – и осекся. Лора, умница, не теряла времени и набросала список персонала такси. Деловито пометив крестиками выбывших. Живых осталось четверо, включая президента компании мисс Беверли Уорд и…

Последним в списке был мужчина. Единственный мужчина. Некто Джон Кеслер, механик-ремонтник. Сегодня с утра приболел.

Вик достал ручку, поставил напротив его фамилии крестик и вернул блокнот Лоре. Поймал удивленный взгляд, слегка мотнул головой в сторону крыши.

Тут Вика крепко толкнули: в офис ввалилась мисс Беверли Уорд.

Вик подумал, что раньше видел ее, только, убей бог, где именно, не вспомнит. Президентша оказалась крепкой широкой теткой, одетой в брючный костюм почти мужского кроя и ботинки на низком каблуке. Тяжелая челюсть, тяжелая поступь, тяжелый взгляд. И стрижка коротким ежиком. Лора, девушка фигуристая, способная кого хочешь вырубить одним пинком, рядом с этой бой-бабой смотрелась, как статуя греческой богини. Только сейчас до Вика дошло, что именно так и есть: вылитая Афина Паллада, он в телевизоре видел. Хороша у него напарница. Стреляет только небрежно, ну да нам все равно запретили…

Увидав бой-бабу, детектив Фарина встала и машинально приосанилась. Вик с трудом подавил неуместный смешок.

На него самого президентша глянула так, будто это он тут всех поубивал.

– Можете оставить нас хотя бы минут на десять? – пробасила мисс Уорд вместо приветствия.

– Разумеется, мэм, – Вик поманил Лору за собой и вышел на улицу. Под подошвами захрустело стекло.

Вик бесцеремонно уселся на «расстрельную скамейку», вытянул ноги и закурил. Лора пристроилась рядом.

– Ишь, куда ее занесло, – сказала она.

– Я, кажется, знаю эту суровую даму, – сказал Вик. – Не помню только, откуда.

– Да ты что. Это же Беверли-С-Яйцами! Главная феминистка города Джефферсона.

– Типа, «все мужики сволочи»?

– Ты ее недооцениваешь. Мисс Уорд у нас представитель какой-то всеамериканской лиги защиты прав убогих. Любых убогих оптом, чтобы два раза не бегать. Там крутятся серьезные деньги, это отличная кормушка для того, кто не любит работать. Она ведь из тех еще Уордов, старых, ну, ты понял. Состояние давно профукано, а все равно, спорю, эта Беверли ничего тяжелее хера отродясь в руках не держала…

– Злая ты, – сказал Вик с плохо скрываемым удовольствием.

– Не люблю таких ловких, – отрезала Лора. – Между прочим, и такси тоже не ее личный бизнес. Это отделение большой сети, которая сейчас по всей стране разворачивается. «Голова» у них в Нью-Йорке. Иначе они в Джефферсоне прогорели бы. Заказы есть каждый день, но пока они тут больше тратят, чем зарабатывают. В общем, та же история, что с феминизмом: ловкая тетя Беверли чужие деньги крутит. Она же ничего больше не умеет…

– Давно ты ее видела в последний раз?

– Где-то с годик. Помнишь, когда мэр запретил гей-парад и из-за этого наши подрались с гомосеками?..

– Я был на другом конце города, – пожаловался Вик.

– Именно мисс Уорд приходила с протестом, грозилась из шефа все дерьмо вытряхнуть. Не было тогда еще никакого такси, фирма свежая.

– Женское такси в принципе дело хорошее… – протянул Вик задумчиво. – С точки зрения профилактики.

– Кто бы спорил… Ну что, начальник, надо двигать к Кеслеру домой и переворачивать все вверх дном. Вдруг отыщется зацепка.

– Наши уже там. Слегка задержимся, беды не будет. Давай подумаем, что мы тут видим странного кроме самого факта расстрела, – Вик кивнул под ноги.

Лора слегка поежилась: ее туфля была совсем рядом с меловым контуром на тротуаре.

– Стрелок не дождался приезда мисс Уорд. Либо не мог, либо она его не интересовала.

– И секретаршу он не тронул, – добавил Вик. – Хотя в окно диспетчера весьма красноречиво запулил. Демонстративно запулил, я сказал бы. Секретарша – черт с ней. В первую очередь меня интересует мисс Уорд. Очень интересует.

Лора насмешливо покосилась на Вика.

– Хочешь спросить, как она умудрилась довести мужика?.. Да ей это раз плюнуть, она вас в принципе за людей не держит. Так, самоходные фаллоимитаторы. Ей волю дай, она вам запретит женщинам двери открывать. Я уж молчу про стул подвинуть…

– Насколько Кеслер мужик, еще вопрос, – заявил Вик.

Лора несколько раз моргнула, и Вик обратил внимание, какие у нее длинные и пушистые ресницы. А раньше в упор смотрел – не видел. Интересно действует на отдельных мужчин феминистка и защитница прав убогих мисс Уорд.

– Взбесился на почве импотенции? – несмело подала версию Лора.

Вик пожал плечами. Он просто сказал первое, что на ум пришло. Чего они раньше видали в своем «отделе убийств»: на почве ревности, на почве жадности… Чаще всего на почве бедности и сопутствующего алкоголизма. Ну, для разнообразия, на почве наркомании.

На редкость скучно им тут жилось до сегодняшнего дня.

Скучно и комфортно.

И вот нате вам. Прогресс, мать его, не стоит на месте.

– А я вас знаю, – сказала мисс Беверли Уорд.

Она сидела, тяжело опершись на свой президентский стол, занявший почти весь тесный кабинетик. Курила сигарету без фильтра и по-прежнему глядела на Вика так, словно именно он принес с собой беду.

Каменная баба, подумал Вик, я такую в телевизоре видел. Широкая, да, но не рыхлая, прикоснись – уткнешься в твердое. Некоторым очень даже нравится. Мисс Уорд могла быть по-своему привлекательной, но… Не хочет?

– Вы же тот самый Виктор Рейнхарт, который…

– Я просто случайно проходил мимо, – перебил Вик.

– Вы даже не знаете, о чем я.

– Ну, значит, я случайно оказался на другом конце города.

– А то?.. – спросила мисс Уорд, недобро щуря глаза.

– А то пришлось бы вмешаться, – ответил Вик по возможности миролюбиво. Каменная баба вызывала у него неуправляемое желание разозлить ее как следует.

– Извините, я и правда не знаю, о чем вы, мисс. Если позволите, сначала я спрошу – у нас мало времени… Кеслер. Почему он это сделал?

Мисс Уорд глубоко затянулась и раздавила окурок в пепельнице.

– У Джонни была очень непростая жизнь, – сказала она, глядя в стол.

Вик слегка обалдел от такого начала. Он ждал чего угодно, например, типичного «черт его знает», только не рассказа о нелегкой жизни убийцы. Занятные, однако, люди эти феминистки. Совсем у тетки мозги наперекосяк.

– Трудно ему приходилось. С юных лет каждый божий день его шпыняли. Чтобы этому противостоять, нужна внутренняя сила, уверенность в своей правоте. Джонни был слишком мягок. Я учила его быть сильным…

Научила на свою голову, подумал Вик.

– Еще подростком я сама прошла через нечто подобное. Было очень нелегко, но однажды я решила – хватит! Главное, мистер Рейнхарт, принять решение, набраться смелости и совершить поступок. И тогда вы увидите, как все вокруг меняется. Я поняла: человеку, личности, должно быть абсолютно наплевать, что о нем думают окружающие. Иначе ты личностью просто не станешь, так и проживешь до старости неудачником. В десятом классе я взяла и демонстративно перестала брить ноги. И все. Через год я уже была феминисткой и лесбиянкой…

Мисс Уорд наконец-то подняла глаза на Вика и заглянула ему прямо в душу – понимает этот тупой коп, о чем она, нет?

Блин, подумал Вик, стискивая зубы, чтобы не расхохотаться, какое счастье, что Лора осталась внизу, она бы сейчас под стол упала. С ней бы истерика сделалась. Не потому что смешно – просто от осознания идиотизма происходящего. Лора молодая еще. Я-то всякое видал. Я самого Апача допрашивал, от которого следователь убежал в слезах. У меня на морде ни один мускул не дрогнет.

– Кеслер принял решение?.. – осторожно спросил Вик.

– Он был уже близок к этому. Ему действительно приходилось нелегко: всю жизнь, и в школе, и просто на улице, потом на работе, в него вколачивали комплекс неполноценности…

– Ага… – буркнул Вик. – Антисемитизм у нас, конечно, тот еще… Ну, да.

Мисс Уорд изумленно уставилась на него.

– Ну, да… – эхом отозвалась она. – И это тоже. Но вообще-то… Ах, вы еще не в курсе. Видите ли, Джонни был геем.

Вик почти бегом выскочил из офиса, открыл дверь машины и бросил Лоре:

– Пересаживайся. Я поведу. А то ты услышишь новости – врежешься.

– Я угадала? Импотент? Эти тетки над ним смеялись? – Лора проворно скользнула на правое сиденье.

– Мы идиоты, – сообщил Вик, захлопнул дверцу и рванул с места.

– Какая свежая мысль. Ну?..

– Помнишь, я ляпнул, мол, мужик ли Кеслер – еще вопрос. Действительно вопрос. Зачем банде моторизованных лесбиянок мужик-механик?

– О-па…

Лора на миг задумалась и кивнула:

– Мы идиоты.

– Проблема в том, что это ни черта не объясняет.

– Еще как объясняет. Потому у нас и раскрываемость такая низкая.

– Нашла время издеваться.

– Полчаса назад у меня было ощущение, будто я наступила в лужу крови, – сказала Лора. – Сейчас кажется, что наступила в дерьмо.

– А мне кажется, мы в дерьме уже по уши. Между дьяволом и глубоким синим морем[1].

– Как ты догадался?.. Ладно, эта Беверли, с ней все сразу ясно. Но остальные…

– Я не догадался, а на самом деле ляпнул первое, что в голову пришло. Думаешь, есть вероятность?..

– Секретарша вроде нормальная. Хотя кто их разберет…

– Кеслер не тронул ее, – напомнил Вик.

– А вот диспетчер – жуть, – заявила Лора. – Я все понять не могла, чего меня от нее с души воротит. Прямо мурашки по телу. Знаешь, похоже, ты прав. Ты еще не видел фотографий в личных делах. Странные мягко говоря, тетки. Неприятные. Не люблю таких.

– Тем не менее, дорогой мой напарник…

– Сама знаю. У нас три трупа и два тяжелых. И надо понять, как так вышло. Чтобы это не повторилось.

– Четыре трупа.

– Четвертый – не труп, – отрезала Лора. – В лучшем случае вещдок. Не могу я его за человека считать.

– Если начистоту – я тоже, – сказал Вик. – А придется.

– Ну и зачем он их поубивал?

– Пидор, – объяснил Вик.

– Не смешно. Одни педики ненавидят женщин, действительно почти до убийства, другие – едва не боготворят. Я не успела тебе сказать… Стелла, их секретарша, уверяет, Кеслер был совершенный лапочка. Когда узнала, что это он стрелял, пришлось ее в «Скорую» отвести. Хорошо, одна машина дежурить осталась… Кеслер был отличной подружкой, верной и надежной, всегда готовой помочь. И, кстати, механик рукастый.

– И стрелок отменный, – ввернул Вик.

– Не там ищем, – сказала Лора. – Не там.

– Там уже полчаса как ищут, – заверил Вик. – Сейчас и мы подключимся.

– И ни черта не найдем.

Тут Лора не угадала: нашли, да еще как нашли.

Лучше бы не находили.

Вчера в полдень Джонни Кеслер, жид и пидор, открыл пальбу по бабам. Снайпер херов, он за пять секунд завалил трех и еще двух тяжело ранил. Остальные бабы, к счастью, разбежались, зато к месту происшествия сбежались наши, и что было потом, лишний раз вспоминать не хочется. Как вы знаете, на той неделе психопат Хинкли стрелял в президента Рейгана – хотел понравиться своей любимой актрисе. В кого был влюблен жид и пидор Джонни Кеслер, кому он думал понравиться, открыв пальбу по бабам, даже представить страшно. А придется не только представить – надо выяснить, и выяснить быстро.

Так обрисовал положение лейтенант на утреннем совещании. Исчерпывающе.

Вику речь лейтенанта пересказала Лора. Вик на совещание не успел – ездил сдавать дневник Кеслера на психиатрическую экспертизу. Он читал дневник всю ночь, делал выписки, много раз звонил по телефону, что-то уточняя, под глазами у Вика была синева, ему не мешало бы побриться и сменить рубашку.

Вик уже не чувствовал себя испуганным. Он был усталый и очень злой.

– Не ходи так к лейтенанту, – посоветовала Лора. – Приведи себя в порядок сначала.

---

[1] «Between the devil and the deep blue sea» (*амер* .) – идиома, означающая дилемму выбора между двумя нежелательными ситуациями.

– Именно так и пойду. А то скажет – не видно, что работал.

– Ага. Он скажет – почему в непотребном виде?

– Да мне плевать, – отрезал Вик. – Как уверяет мисс Уорд, надо в один прекрасный день принять решение, что тебе плевать. И совершить наконец-то поступок.

– И чего именно она совершила?

– В десятом классе перестала брить ноги. А тебе слабо?..

– Да я и не начинала…

– Так и ходишь с небритыми? Я тоже. Знал, что мы с тобой оба крутые.

– Да иди ты, – сказала Лора. – Морду побрей сначала.

В коридоре она спросила:

– Ты мне скажешь хоть слово про дневник Кеслера?

– Пидор, – сказал Вик.

– Да у него вся комната в фотографиях Стеллы!..

– Вот и пидор он после этого, – сказал Вик.

– Ага! – делано обрадовался лейтенант. – Кого я вижу. Старски и Хатч!

Вик даже не поморщился: он ведь решил, что ему плевать.

Который год им с Лорой поминали ту неудачную стрельбу по колесам, вколачивая в обоих комплекс неполноценности. Чтобы этому противостоять, нужна внутренняя сила, уверенность в своей правоте. Раньше Вику хватало воли делать вид, будто не замечает подначек. Теперь он был готов на большее.

– Рейнхарт и Фарина, – сообщил Вик хмуро, с нажимом.

– М-да? – озадаченно буркнул лейтенант.

Какая-то лесбиянка с принципиально небритыми ногами – может за себя постоять. Какой-то долбанутый сукин сын – и то показал зубы, а я?.. Хватит надо мной прикалываться, у меня и без этого проблемы. У вас, кстати, тоже. У нас у всех со вчерашнего дня такие проблемы, хоть в петлю.

– Разрешите доложить?

– Ну… Присаживайтесь.

– Спасибо, – Вик подвинул Лоре стул, дождался, пока напарница сядет. Раньше за ним такого джентльменства не знали. Лора удивилась, конечно, но виду не подала: что бы Вик ни учудил, ее задача – поддержать игру.

– Дело, считайте, закрыто, – сказал Вик. – Экспертиза покажет, что Кеслер давным-давно сошел с ума. У него была шикарная паранойя. Точнее, мания заговора, я просто не в курсе, как это правильно называется. Парень раскрыл заговор лесбиянок и пидорасов.

– Так он же сам педик… – буркнул лейтенант, глядя на Вика пустыми глазами: переваривал услышанное, пытался сообразить, хороши ли новости.

– Он придурок. Это маскировка.

– То есть он не педик?! – В глазах лейтенанта сразу появилось осмысленное выражение.

– Дьявол! Да какая разница, кто он… Я неточно выразился, босс. Кеслер, сам того не понимая, докопался до сути. Есть уйма организаций, тесно связанных вместе. Всякие лиги гомиков, клубы лесбиянок, фонды феминисток… Они накрыли страну плотной сетью. И мы о них, в сущности, ни черта не знаем. А они все заодно. Обмениваются информацией. И ведут антиамериканскую деятельность. Как вам идея?..

Лейтенант выдвинул ящик стола, покопался внутри, нашел сигару и принялся ее грызть. Лора сидела тихонько, почти не дыша.

Когда меньшинства не возбухают, они незаметны. От них все отворачиваются и поэтому не видят в упор. А они ведь с каждым годом все лучше оснащены и крепче спаяны. И что творится в их офисах – поди узнай. К ним так просто не сунешься: вонь поднимут на всю страну.

Но самое неприятное – они уже потихоньку становятся частью пейзажа. К ним привыкают. И так они распространяют свою идеологию. Просто живут с тобой рядом и приучают к мысли, будто они совсем не страшные… А потом узнаешь, что твоя дочка трахается с жуткой сорокалетней бабой, и это только потому, что ты плохой отец. Невнимательный. На самом деле ты плохой отец в том смысле, что бить надо было этих смертным боем, когда только высунулись. Мы-то, идиоты, думали, они за права слабых и обиженных. И многие так думают. Про то, как они малолеток совращают, по телевизору не покажут – боятся. А у нас сводки на столах с реальными цифрами. И что делать теперь?..

Лейтенант слегка передернулся.

– Хреновая идея, – сообщил он невнятно. Выплюнул кончик сигары, достал зажигалку. – В смысле – дурацкая.

– Хотел бы верить, – сказал Вик и умолк.

– Ну?.. – не выдержал лейтенант. – Проклятье, не говори мне, что это так на самом деле. Это не может быть так. Ну, не молчи, ты!!!

– Лично я думаю, что их сексуальная ориентация и всякие завиральные идеи – только прикрытие. Слишком много стало в последние годы этих самых некоммерческих организаций. Растут, как грибы. Изо всех щелей. И не испытывают недостатка в деньгах. Какие-то из них, конечно, настоящие, но многие наверняка липовые, для отвода глаз: сидит пара лесбиянок, бумажки со стола на стол перекладывает… Они могут заниматься чем угодно на самом деле. Хоть деньги мафии отмывать, хоть наркотики возить… – Вик пожал плечами.

– Снимать и распространять порнуху… – грустно добавила Лора.

– Но мне кажется, в первую очередь, это роскошная агентурная сеть, – заключил Вик.

– Но почему именно… эти?! – почти вскричал лейтенант.

– А вы попробуйте их пальцем троньте.

Лейтенант оплыл в кресле. Он хорошо помнил, как тут, в Джефферсоне, где все по-простому, по-домашнему, год назад «этих тронули». Потом лейтенанта так тронули, едва в отставку не попросился.

– А при чем тут такси? – уныло спросил он.

– Это совершенно легальный холдинг, который уже накрывает всю страну не фигурально выражаясь, а кроме шуток. В перспективе – каждый город с населением больше десяти тысяч. Смекаете? «Голова» у них в НЙ, только это наша местная «голова», а вообще-то они завязаны на Европу, откуда все пошло изначально. На Лондон. Интересно?

– Но ведь парень сумасшедший…

– Да забудьте вы про него!.. В Джефферсоне основная клиентура этого такси – женский персонал местной лаборатории «Рокуэлл». Сами знаете, полигон во Французовой балке. Очень удобно оказалось, туда автобуса из центра города нет, а у этих дамочек цены демпинговые. Ну правильно, бизнес только раскручивается…

– Ты тоже сумасшедший? – спросил лейтенант со слабой надеждой в голосе.

– Феды думают иначе, – сказал Вик. – Они ведь уже здесь, правда? Иначе для кого так аккуратно подшивали копии дневника Кеслера этой ночью…

– Целая бригада. Их старший с утра заходил к шефу.

– Они тут все перебаламутят.

Лейтенант выпустил огромный клуб дыма и уставился в потолок. Город будет очень недоволен, если по нему проскачет отряд федеральных агентов, суя носы во все двери. А виновата окажется полиция, конечно. Шеф это еще утром объяснил лейтенанту, сразу после разговора с федами. А то сам не понимает. Полиция обязана защищать граждан от беспокойства. А кто беспокоит – не суть важно. Здесь у нас глубокий Юг, людям до фени, кто по городу лазает: чужак он и есть чужак. Даже оборзевшие местные ниггеры так не бесят, они какие-никакие, а именно что местные. Сунешь в морду, ниггер понял. Он бегом за своими, ты бегом за своими – и понеслись. Лучше, конечно, без этого, но раз на раз не приходится… А чужака пуганешь – уже скандал. А если чужак из ФБР…

Лора поглядывала на Вика с легкой опаской. Тот сидел абсолютно спокойный. Мятый, небритый, измученный, но какой-то просветленный. Что у него на уме?

– Мало ли чего они проверяют по этому делу, – сказал наконец лейтенант. – Они обязаны проверять всякую херню. Массовый расстрел – достаточный повод. Тем более сейчас, когда президента чуть не грохнули. Чтобы выгнать федов из города, ты должен им что-то дать.

– Так мы и дадим, – Вик улыбнулся, достал из-за пазухи небольшой томик и небрежно бросил его на стол. «Джером Сэлинджер» – значилось на обложке.

– Кеслер голову сломал, пытаясь вычислить кодовую книгу. Потом решил, что это «Загадка женственности» Бетти Фридан. Она лежит на самом видном месте в кабинете мисс Уорд, и вообще эта книжка у каждой дамы на рабочем месте валялась. В детективных романах именно так прячут самый главный ключ… Но я тоже был там. Слушал эту Беверли-С-Яйцами, шарил глазами по полкам – много писанины, вся по одной теме… И вдруг вижу знакомую вещицу. Затрепанную такую. Одну-единственную нормальную книгу среди весьма специфической литературы. Зуб даю, лейтенант, это она.

Лейтенант склонился над Сэлинджером и глубоко задумался.

– Так все-таки Кеслер не сумасшедший?! – спросил он совсем уже обалдело.

– Нужна санкция на обыск офиса, – сказал Вик. – А Кеслер, конечно, псих и пидор. Но и то, и другое скорее в переносном смысле. Я вам сейчас объясню, как он их вычислил. Тут не надо быть психом, и так с перепугу волосы на заднице дыбом встанут…

– Если что, над нами будут хохотать все, – сказал лейтенант. – Понимаешь?

– Лично мне не привыкать, – Вик хмыкнул и почесал щетину на подбородке.

Что бы там ни говорил лейтенант, Джонни Кеслер был даже не еврей – так, четвертушка. Еще на четверть он был индейцем, чем очень гордился, а наполовину не разбери-поймешь: белый, и ладно. На свою беду, с раннего детства он выглядел неестественно хорошеньким, прямо девчонка. И уж совсем проклятьем для него оказалась врожденная застенчивость. Он рос не в меру чувствительным, мог по любому поводу удариться в глубокую рефлексию и стеснялся всего на свете. Ну, мальчишку и затюкали. Его добрая, но непутевая мама, каждый вечер выливавшая в раковину все пиво, что у нее еще осталось, ничего тут поделать не могла. Она только-только научилась не выпивать все пиво, до которого могла дотянуться, и считала это большой победой над собой. Ей было как-то не до сына. Слишком занята: проснувшись к обеду, сразу отправлялась в магазин и потом до ночи боролась с выпивкой. В короткие моменты просветления она всячески обласкивала мальчика, но никогда не задавала вопросов. Да и толку-то было бы.

«Педиком» Кеслера в школе даже не обзывали – это была практически кличка. Иногда таким везет, и на их защиту становятся девчонки. Но Кеслер оказался каким-то нереально невезучим сукиным сыном. Парню было четырнадцать, когда одна лихая деваха на спор со всем классом – педик или не педик – поцеловала его взасос посреди школьного двора. Как назло, именно ее Джонни терпеть не мог, но, главное, от девушки несло сивухой: хлебнула для куража. У Кеслера реакция на этот запах была однозначная: его стошнило.

По счастью, Джонни не догадался, что некоторых после такого ловят и трахают в задницу, а то бы сразу покончил с собой. По счастью же, школа была хреновенькая, но видали и хуже. Школу надо было срочно менять, и именно тогда Кеслер совершил первый в жизни поступок, что бы там ни думала мисс Уорд: он просто ушел.

Несчастный ублюдок, вечный троечник и всеобщий объект насмешек, Джонни поневоле вырос скрытным. В жизни у него было две отдушины, о которых почти никто не знал. Когда становилось невмоготу, он брал раздолбанную мелкашку – все, что осталось ему в наследство от безвестного папаши, – и тихонько уходил за город стрелять, вымещать накопившуюся злобу на крысах и сусликах. А в гараже старого Бенбоу на дальней окраине он возился с железом. Сортировал запчасти, отделяя совсем никчемные от еще годных на восстановление, учился паять и варить металл, зарабатывал гроши на патроны и

подержанные книги в мягких обложках. Старик Бенбоу никогда не называл Джонни педиком. Крысы и суслики тоже.

Социальная служба немного побегала за Кеслером и плюнула: его слишком трудно было найти, чтобы всерьез им заняться. Мама через пару лет умерла от цирроза печени. Парень остался сам по себе и, особо не горюя, погрузился с головой в мир изношенного оружия, дряхлых автомобилей и дешевой фантастики. Если слегка поднапрячься, он мог бы уехать из Джефферсона, только на это не хватало смелости. В родном городе он более-менее знал, как себя вести, на чужбине – нет.

Хотелось, конечно, друзей помимо крыс и сусликов. Для этого требовались новые поступки. Несколько месяцев Кеслер готовился к подвигу, но все равно чуть не обмочился от страха, шагнув через порог стрелкового клуба. Там сидели такие мужики… Настоящие.

Удивительно: ни один из них не обозвал Джонни педиком, ни сразу, ни потом. Одевался он бедненько, но чистенько, а стрелял уже тогда неплохо. А что до неприлично смазливой мордашки и неуместно мягких манер – ну, кто-то, может, посмеялся за спиной… Только не в лицо. Этот парень машинально втягивал голову в плечи, когда к нему обращались, но ведь нашел силы прийти сюда. Значит, его хватит и на большее. Подрастет – все сумеет.

Именно через стрелковый клуб Кеслер и начал социализироваться всерьез. Сменил работу в гараже Бенбоу на мастерскую получше, записался на курсы механиков. Там его обозвали педиком, но Кеслер откинул полу куртки и показал ствол. У него уже была пушка, такая дрянная, что только гвозди забивать, да у него все было плохое, однако теперь он верил: это только начало.

Потом его много раз обзывали педиком. Еще в школе Кеслер думал, а может, он и правда извращенец, и не имеет ли смысл попробовать, но оказался чересчур слаб духом для такого поистине отчаянного шага. Кроме того, ему нравились женщины. Да чего там «нравились», он любил их, и все тут. Из фантастических романов Джонни с детства предпочитал те, где герою доставалась в награду принцесса-девственница. Она всегда была нетронутой – потому что принцесса. У принцесс с этим строго. Ну и как-то по жизни складывается – если твой папа звездный король, меньше шансов, что тебе дадут по морде и поставят раком в подворотне. Джонни случайно видел такое совсем еще мальчишкой: белые парни вдули черной девчонке, а он мимо проходил. Ему дали по шее и сказали, тоже вдуют, если не уберется. Джонни заплакал и убежал.

Женщин он любил, но сторонился – боялся, опять стошнит. От женщин часто пахло выпивкой, а пить Кеслер даже не пробовал. Зато попробовал играть на гитаре – получалось вроде ничего. В свободное время сочинял лирические баллады, такую же дешевку и пошлятину, как все, из чего состояла его жизнь, но этого он просто не понимал.

К двадцати годам у него была машина, гитара, винтовка, револьвер, убогая квартирка и глубокое осознание полной обреченности прожить невыносимо скучную жизнь. А потом он как-то ждал «зеленого» на перекрестке, и ему в зад въехала мисс Беверли Уорд.

И все переменилось.

– Спать хочу, – заявил Вик. – Кончился я на сегодня. Иссяк. Вместо крови чистый кофе, а все равно засыпаю. Пускай другие бегут за медалями. У меня нервное истощение, я не привык так много думать.

Он стоял на ступенях участка, раскачиваясь взад-вперед, того и гляди свалится.

– Я отвезу тебя, – сказала Лора. – Вот этот тип скажет тебе, чего ему надо, – и сразу отвезу.

По ступеням поднимался опрятный мужчина средних лет.

– Агент Сарториус, – представился «вот этот тип».

– Ишь ты, – сказал Вик.

– Да ладно вам… – Сарториус снял темные очки и приветливо улыбнулся. У него оказались живые веселые глаза. – У меня кроме фамилии ничего местного, я даже в городе

толком не ориентируюсь.

Вик критически оглядел его: строгий костюм – такой синий, что почти черный, – безупречно повязанный галстук, белоснежная рубашка, ну прямо образцовый фед из комикса.

– Я из тех Сарториусов, что уехали еще до Второй мировой, – объяснил Сарториус.

– Но породу-то не спрячешь, – сообщил Вик. – Наверняка хулиган и возмутитель спокойствия. Извините, агент. Я больше суток на ногах, кофе надрызгался до изумления, хожу как пьяный, несу чепуху. От меня сейчас толку ноль. Вот заберете у нас дело Кеслера – тогда поговорим. Как раз к тому моменту высплюсь.

– Пока не забираем, – Сарториус так и лучился доброжелательностью. – Напротив, рассчитываем на кооперацию, вам должны были сказать. Мы – вам. Вы – нам…

– А вы-то нам – что? – спросил Вик, снова раскачиваясь с пятки на носок.

Сарториус опять надел очки.

– Не любим мы женское такси, – сказал он негромко.

– Это почему же? – очень натурально удивилась Лора. – Отличная вещь для профилактики разбоя и насилия.

– Ну вот не нравятся нам всякие английские штучки, – сказал Сарториус, невоспитанно уставясь на нее темными стеклами.

– Когда убили Джона Леннона, – заявил Вик, – лично я чуть не расплакался!

– А я Джейн Остин читаю перед сном, – добавила Лора. – Непатриотично, зато снимает напряги.

– Друзья… – начал было Сарториус.

– Дарт Вейдер тебе друг! – перебил Вик. – Очки сними! И хватит лыбиться! Знаем мы эту вашу манеру прикидываться добренькими!

Сарториус весь мелко задрожал. Лора на всякий случай чуть-чуть развернулась и одну ногу отодвинула назад. Но тут агент снял очки и поднял руку утереть слезы. Он ржал.

– Ну… Ну вы даете, ребята… Ой. Пойдемте кофе выпьем, а? И поговорим.

Услышав про кофе, Вик тихо застонал.

– Здесь тебе не Манхэттен, – сказал он, гордо выпячивая грудь. – Или что там у вас крутое есть. Мы люди дикие, невоспитанные, сразу правду в глаза. О чем говорить-то?

– Вам нужен мотив убийства, чтобы закрыть дело. Нам он тоже не помешает…

– Чтобы открыть свое?.. Будет вам мотив к вечеру, когда психиатр даст предварительное заключение. Мотив шикарный: Джонни Кеслер – псих и пидор.

– Но ведь это неправда, – мягко произнес Сарториус. – Точнее, не совсем правда.

Вик раскрыл было рот, да так и закрыл.

– Сержант Рейнхарт очень устал, – сказала находчивая Лора. – Видите, на ногах еле держится. Зачем вы его мучаете?

– А мы, городские пижоны, любим поиздеваться над хилбилли. Не меньше, чем они над нами.

Сарториус глядел на Вика снизу вверх и уже совсем не улыбался.

– Что у вас есть? – сухо и деловито спросил Вик.

Таким голосом, будто готов был работать еще хоть сутки напролет.

– Мы предполагаем, что Кеслер… Скажем так… Вы понимаете, Виктор, я ведь могу открыть вам не больше, чем мне позволено…

– Хватит мямлить, земляк.

– Он их не за тех принял, – осторожно, почти робко, выговорил Сарториус.

– Твою мать…

– Очень хочется кофе, – совсем уже застенчиво сообщил Сарториус.

– Твою мать! – Лора всплеснула руками. – Да откуда ты взялся такой!

– Сами говорите – отсюда, – и Сарториус опять улыбнулся.

Машины были подержанные, зато дневной пробег ерундовый – Кеслер легко

справлялся в одиночку. Второго механика ему пообещали сразу, но тот оказался пока не нужен. Вот когда бизнес раскрутится…

Джонни расцвел. В женском такси ему нравилось все, начиная с самой идеи и заканчивая скамейкой перед офисом. Он, правда, не курил, но все равно здорово было сидеть с девчонками, слушать их болтовню и поддакивать. Особенно когда приходила Стелла.

Джонни сам не понимал, что с ним творится. Его скованность вроде бы никуда не делась, он по-прежнему робел, но внутренне ему с каждым днем становилось легче и легче в окружении женщин. Он их, как раньше, любил всех сразу, и Стеллу в отдельности, и как раньше, опасался, только уже по-другому. Было немного страшно того неведомого, что они будили в нем самом. Он больше не боялся, что его стошнит. Напротив, Джонни мечтал, чтобы случилось нечто. Допустим, вдруг из гаража выскочит крыса, и испуганная девчонка бросится ему на шею. Пускай девчонке уже за тридцать и она совсем не принцесса – ну, вы поняли, – какая беда? Зато она своя в доску, прямо-таки родная, Джонни ей менял масло и фильтры и учил ее прогревать коробку передач перед выездом…

А Стеллу он тайком сфотографировал. Очень удобно оказалось залечь на крыше дома напротив – открывался прекрасный вид на ту самую скамейку. Джонни взял напрокат камеру с телевиком, рано утром занял позицию и нащелкал снимков: Стелла в движении, Стелла крупным планом, Стелла в дверях, Стелла через окно… Фотоохота, подумал он про себя. Снимки расклеивал дома по стенам – как трофеи вешал.

Стелла была доброй. Со временем Джонни заметил: остальные, хоть и тоже нравились ему, при ближайшем рассмотрении выглядели слишком жесткими, видимо, чересчур закалила их борьба за сушествование. А эта – добрая. Мисс Уорд тоже была очень добрая. Просто не каждому давала разглядеть свою доброту. Она ведь всю жизнь защищала таких, как Джонни – затюканных, несчастных, – и другие ее не интересовали. Перед благополучными людьми она не раскрывалась. А с Джонни она вела долгие беседы о его детстве и юности, расспрашивала о том о сем… Естественно, он не рассказывал ей всего. Иногда просто сочинял, привирал. Джонни знал, что ему-то раскрываться до конца никак нельзя. Он не хотел и тут прослыть педиком: это бы обрушило маленький уютный мирок, с таким трудом обретенный.

И тут его обрушила Стелла.

Время, когда приходилось лазать за запчастями по «разборкам» и кладбищам автомобилей, прошло: теперь механик-ремонтник Кеслер заказывал все по каталогу и просто отдавал список секретарю. В один несчастливый день Джонни то ли замечтался, то ли его отвлекли – и забыл внести в заявку пару позиций. Так, мелочовка, которую пришло время менять. Или не менять, на скорость не влияет. И не факт, что он забыл ее заказать. Может, забыл, как заказал.

Болезненно аккуратный во всем, что касалось работы, и столь же болезненно мнительный, Джонни прямо измучился. Забыл? Не забыл?

Он пошел к Стелле. А я твой список еще вчера в корзину бросила, сказала она. Но ты не переживай, заявка сейчас у мисс Фишер на подписи. Слушай, посиди тут пять минут, я за пончиками сбегаю, а потом найду там у нее, чего ты заказал, а чего нет.

Джонни согласился, конечно.

У исполнительной директорши мисс Фишер кабинета не было – тут отдельные места полагались только мисс Уорд и диспетчеру, да еще Кеслер мог считать своей территорией гараж с ремонтной ямой и будкой-мастерской. А у мисс Фишер так, закуток в уголке. Стол, кресло и несколько стеллажей, плотно заставленных файлами с документацией. Сама мисс Фишер была сейчас на выезде. Джонни подошел к ее столу, увидел папку, воровато оглянулся – и открыл. Не мог он ждать пять минут, надо было ему прямо сейчас понять, забыл – не забыл.

Вот она, заявка. Ура, все в порядке. Он все тот же Джонни Кеслер, четкий парень. А это что?.. А-а, это копии для головного офиса в Нью-Йорке, в двух экземплярах. Мы перед ними по всем позициям отчитываемся. Секундочку, секундочку… О-па…

А всего-то легкий ветерок от вентилятора случайно разворошил листы.

Джонни хорошо помнил номера деталей по каталогу. В заявке для поставщика они правильные. В первой копии «начальству» – тоже. А во второй – совсем нет. Хотя названия деталей те же! А номера… Группы цифр, не имеющие ничего общего с реальными запчастями.

Стелла тоже заказывала всякую канцелярскую ерунду, и Кеслер случайно видел пару раз, как маркируются ее расходники. Он схватил листы с заявками на офисные принадлежности – и окончательно перепугался. Первый и второй идентичны, на третьем – загадочный шифр. И ведь если не знаешь – не заметишь ничего странного. А как ловко сделано! Отпечатано под копирку, номера вбиты идеально в строку. У Джонни зоркий глаз и привычка обращать внимание на мелочи, а кто другой не увидел бы разницы: копия и копия.

Один экземпляр уходит в НЙ для самой обыкновенной отчетности, второй… Для чего?..

Он едва успел сложить бумаги обратно в папку и сделать шаг из-за стола.

– У тебя ко мне дело, Джонни? – ласково спросила мисс Фишер.

Она была вся какая-то квадратная, обычно Кеслер ее жалел, а тут вдруг увидел: зря. Она его совсем не жалеет. И если он сейчас ошибется, ему конец. Мисс Фишер его просто сожрет. И не таких небось ела на завтрак. Опасная женщина.

Джонни не надо было притворяться недотепой – собственно, он и был им. Привычно втянул голову в плечи, будто застигнутый на месте преступления. Того, кто хоть пару раз видел Кеслера, это сразу сбивало с толку. У этого придурка и неудачника всегда был виноватый вид, когда к нему обращались. И он никогда, никогда не делал ничего плохого. На редкость положительный молодой человек. Придурок только.

– Да я… Насчет запчастей… – промямлил Джонни. – Думал, тут постою, вас подожду…

– Спасибо, не уселся на мое место, – все так же ласково сказала мисс Фишер, продолжая буравить Кеслера взглядом. Голос ее говорил одно, глаза совсем другое.

Прямо как две копии заявки для НЙ.

Вик боролся с тошнотой – он все-таки снова выпил кофе, – и поминутно глядел на часы. Санкция на обыск нужна как можно скорее. Офис вчера не опечатали – не было повода, «сцена преступления» оказалась снаружи. Да никто и не думал, что в офисе нужно копаться. Что там сейчас? Где шляются мисс Уорд, Стелла и эта унылая корова, диспетчер, как ее, мисс Хиггинс? Не пустишь за ними оперативника, ссылаясь на дневниковые записи «психа и пидора». И запрос в офис прокурора составляли очень аккуратно – ничего ведь конкретного сказать не можем. Нам бы, знаете ли, в бумажках поковыряться. А ну как прокурор заартачится… А ну как он вспомнит, что за страшный зверь Беверли-С-Яйцами, и свои яйца подожмет трусливо…

В кафе было пусто, Сарториус глядел за окно, там тоже было пусто. Город не шевелился. Все на работе, а кто не работает, тот дома валяется. Кажется, Сарториусу это нравилось. Все-таки местное происхождение дает себя знать.

– Там работает наш человек, – сказал Сарториус. – Кеслер не тронул его. Мы, собственно, поэтому здесь.

– Ах, вот как… – Вик с Лорой переглянулись.

– Кеслер спутал нам все карты. Противник ошарашен, невозможно предсказать, как он поступит с перепугу. Вот просто черт знает, что у него на уме. Мы своего человека ведем, конечно, а то вдруг его грохнут. Но даже вступить с ним в контакт не рискуем. В общем, угодили мы из-за этого Кеслера в безвыходное положение…

– …И тут мы с обыском! Давай начистоту: это окончательно испортит вашу игру?

– А вот и нет, – сказал Сарториус. – Обыск дело полезное. От вас они не ждут подлянки. Ну, ищете вы мотив Кеслера – и что? Ну, перелопатите в офисе все бумажки. А там и нету ничего такого…

Вик и Лора глядели на Сарториуса, стараясь даже не мигать. А то вдруг он по глазам читает мысли – феды, они такие.

Вчера в такси был день ежемесячной отправки заявок на запчасти и расходные материалы. Папка лежала на столе мисс Фишер. Лора ее отлично помнила, эту папку.

А в папке должна быть шифровка.

Без которой дневник Кеслера – сплошной бред.

Мисс Уорд могла бумаги подписать, а Стелла – отправить. Прямо сейчас, пока они тут упиваются взаимным недоверием, правоохранители фиговы. Или еще вчера. Но есть вероятность, что даже такая каменная баба, как Беверли-С-Яйцами, пережила вчера серьезный шок. И папка с шифровкой лежит на прежнем месте. Возможно, шифровку припрятала Стелла. И вот это, между прочим, для полиции худо, ведь если Стелла – федеральный агент, тогда у нее нервы крепкие, и первым делом она постарается шифровку спасти и отправить по назначению: выслужиться перед мисс Уорд, завоевать доверие. Стелла из местных, и с точки зрения «таксистского» начальства, гуманно будет после всего случившегося забрать ее из Джефферсона на повышение. А ей только того и надо…

Кстати, чужак в женском такси города Джефферсона вообще был только один: покойная мисс Фишер. Ее сюда прислали, чтобы начать дело. Мисс Уорд давала «крышу» – обеспечивала теплый прием у местных феминисток и вставала формально во главе бизнеса. Потому что здесь чужаков не любит никто. Но запускала проект именно мисс Фишер, и крутилась эта тетка, как заводная. И сама за баранку села: на первых порах служебной машины ей не полагалось, а так она полдня такси водит, полдня мотается по городу, утрясая оргвопросы… И между прочим, между прочим, это ведь она подбросила мисс Уорд идею насчет того, что не ходит автобус из центра во Французову балку, ну, знаете, где лаборатория и полигон…

Много интересного можно было вытрясти из дневника Кеслера, если читать упорно и внимательно, продираясь сквозь паранойю.

– Если там ничего такого нету, тогда что же вы ищете? – спросил Вик и снова поглядел на часы.

– Вернее, что вы попробуете отнять у нас, когда мы это найдем? – добавила Лора и улыбнулась федералу сладко-сладко, будто замуж за него собралась. Была у нее такая своеобразная манера говорить людям гадости.

– Ну, шифровки наверняка уже отправлены, – сказал Сарториус и улыбнулся Лоре в ответ. Вик раздраженно крякнул.

– Вижу, мы поняли друг друга, – сказал Сарториус. – Теперь главное. Наш человек достаточно умен, чтобы не проявлять к шифровкам интереса. Он не будет пытаться их перехватить или даже снимать копии. На этом слишком легко засыпаться. Да это и не имеет смысла, пока мы не взломали код. Но вдруг по какой-то случайности шифровки все еще в офисе… Поэтому хочу попросить вас об одолжении, друзья. Вы там ничего, совсем ничего интересного для себя не найдете.

Вик крепко сжал зубы.

– Это и есть то сотрудничество, о котором нас предупредили? – спросила Лора.

– Не только. Искать все-таки надо. Благодарность Бюро к вам лично, мэм, – Сарториус слегка кивнул в сторону Лоры, – и к вам лично, сэр, – кивок Вику, – не будет иметь границ, если вы наведете нас на кодовую книгу. Что это такое, наверняка знаете. Какая-нибудь достаточно широко распространенная книжка. Короче, ваш обыск не будет пустой имитацией. Напротив, от вас потребуется напряженная работа. Но, ради всего святого, не изымайте ничего компрометирующего. Если вы наткнетесь на что-то, напоминающее шифрограмму, и приметесь раскручивать шпионское дело… Во-первых, вы его просто не раскрутите – все уйдут в отказ и будут глядеть на эти бумажки квадратными глазами. Во-вторых, наша работа пойдет коту под хвост. Противник не поверит, что эту банду лесбиянок раскрыл жалкий псих и все описал в своем дневнике. Противник начнет самоочистку рядов, а там ведь еще наши люди есть. Обидно будет потерять их из-за того, что

у провинциального лопуха оказалось больное воображение.

Вик бросил взгляд на циферблат – время уходило. Тянут с санкцией, тянут… Может, коллеги Сарториуса как раз сейчас у прокурора? И весь этот задушевный разговор – так, для подстраховки?

– А если найдем? А если раскрутим? – приятно иногда чужака позлить. Вдруг чужак о чем-нибудь проболтается.

– Повторяю: не раскрутите. А несколько человек угробите. Зачем? Или вам интересно, что на это скажет Бюро? Как благодарность, так и неудовольствие может быть поистине безграничным.

– Ну скажи, скажи, что нас собственное начальство раньше выгонит на улицу, чем Бюро успеет всерьез обидеться, – попросил Вик.

– Зачем мне это говорить? – удивился Сарториус. – Это же очевидно. Ваши всегда рады загнобить простого копа, чтобы прикрыть свою задницу. Вот поэтому я беседую не с лейтенантом и не с шефом полиции, а именно с вами. Пытаюсь найти понимание. Я лично не хочу, чтобы вас выгнали. Вы ведь тот самый Рейнхарт, который своим телом заслонил женщину от ножа, верно?

– Это случайно вышло, – сказал Вик, неприязненно морщась. – Я был молод и глуп. И просто мимо проходил. Всего-навсего хотел отнять живопыру у пьяного идиота. А этот гад оказался фехтовальщиком и расписал меня снизу доверху. Мне тогда дико повезло, что я попал ему в челюсть на полсекунды раньше, чем ослабел от потери крови… Признаться, очень не люблю вспоминать эту историю.

– А почему вы его не застрелили?

Вик уставился на Сарториуса с недоумением.

– У нас так не принято, – объяснила Лора. – За что убивать-то? Обычный пьяный инцидент. Будь дело в кабаке, Вик навернул бы этого дурака стулом. Или столом. Правда, Вик?.. А тут улица, ничего тяжелого под рукой…

– Такая вот история, – сказал Вик и уставился на часы.

– Хорошо живете, – заметил Сарториус с нескрываемой завистью.

– Ну так давайте к нам, – сказала Лора. – Пусть вас сюда командируют за нашими лесбиянками присматривать. Хорошо живем… До вчерашнего дня хорошо жили. Прогресс, мать его, не стоит на месте. Докатился и до Джефферсона.

– Чем они занимаются? – спросил Вик.

– Это надо понимать как «да»? – быстро отозвался Сарториус.

– Ну купил ты меня, купил. Не люблю, когда убивают женщин, пусть они даже и федеральные агенты. Верно, напарник?

– Я тоже не люблю, – Лора кивнула.

– Мы сначала терялись в догадках, – сказал Сарториус. – Понимаете, не нужна такая разветвленная сеть просто для охраны прав меньшинств. И для агитации она развернута с большим превышением – ведь эти деятели сейчас подминают под себя газеты, радио, телевидение… Все возможности засирать народу мозги. Зачем им столько отделений на местах? И откуда столько денег?! А потом нам показалось, что все координируется из единого центра. И… Можете смеяться, но первая мысль была – это заговор, управляемый извне. Большая долговременная программа по развалу страны. Подорвать мораль, сделать нас уязвимыми. Натравить женщин на мужчин. Развратить нацию, в конце концов. Но потом стали появляться структуры наподобие женского такси. Такие вполне невинные структуры, на которые мы долго не обращали внимания. Бизнес и бизнес. А они потому и возникли, что мы сконцентрировались на некоммерческих фондах. И спокойно работали себе, гады.

– Военно-промышленный шпионаж?

– Теперь мы уверены в этом. Вот и до вас добрались. У вас тут во Французовой балке такая штука интересная…

– Вот же твари, – сказал Вик. – Сначала развели у себя извращенцев в немереном количестве, потом наших стали спонсировать, а оборачивается все банальным воровством.

– Европа, – сказал Сарториус. – Но, согласитесь, такую схему прикрытия разработал неслабый ум.

– Несколько э-э… Извращенный, – оценила Лора.

– Да почему же. Он просто нашел тех, кого нельзя пальцем тронуть, не опасаясь вони на всю страну. С ними же ничего нельзя поделать, ни-че-го!

– Нашел бы евреев, допустим, – предложил Вик.

– Евреи сами найдут кого хочешь, – сказал Сарториус и поглядел на часы. – Что-то тянет резину ваш прокурор.

– Опасается пальцем тронуть. Беверли-С-Яйцами – местная знаменитость.

– Может, оно и к лучшему… – буркнул Сарториус. – Взломаем мы их коды, рано или поздно взломаем…

Вик на всякий случай отвернулся.

– Мистер Рейнхарт! – позвали от стойки. – Вас к телефону!

Мисс Фишер после того случая глядела на Кеслера недобро, но Джонни больше не пугался. Она могла пойти к мисс Уорд и потребовать выгнать его – но ничего такого не сделала. Боялась, наверное, что Джонни настучит в ФБР. Да он бы и настучал, будь немного поглупее. Но Кеслер прочел слишком много шпионской фантастики, чтобы выставить себя дураком. Фантастика очень полезна, если умеешь пользоваться. Там навыдумано черт-те чего, на все случаи жизни.

Он только не знал, как теперь вести себя со Стеллой – не понимал ее роли в происходящем. А как вести себя с мисс Фишер, было понятно. Следить. Отличный, кстати, повод освежить и углубить познания в радиотехнике.

Перемещения исполнительного директора в роли водителя – Кеслер так и не понял, зачем ей это надо – легко отслеживались на рабочей волне женского такси. Взяла пассажира тут, высадила там. А на случай, если это маскировка, и на все прочие случаи заодно, Кеслер воткнул ей под обшивку багажника маяк. Идея была нелепая изначально: если ты не можешь точно установить расстояние до маяка по затуханию сигнала, пеленговать его надо с двух далеко разнесенных станций. Но Кеслер упорствовал. Он регулярно засекал уровень сигнала, точно зная, где сейчас машина, и со временем составил шпаргалку, по которой наловчился вычислять ее местоположение с шагом в милю. Не так уж плохо.

Работа превратилась в беготню от закутка-мастерской в углу гаража, где был спрятан приемник, к ремонтной зоне и обратно. Антенну Кеслер повесил открыто: это была у него как бы люстра, изящная, из гнутой проволоки. Одной рукой крутишь верньер настройки, другой вращаешь люстру, не так уж неудобно, как может показаться на первый взгляд. Тем более слова «неудобно» в лексиконе Кеслера не значилось.

Через пару месяцев он знал о мисс Кэтрин Фишер столько же, сколько любой другой мог выяснить безо всех этих хлопот, просто немного поболтав с людьми. Мисс Фишер снимала квартиру вместе с теткой из числа местных феминисток. Чаще всех ездила на заказы в лабораторию «Рокуэлл» – у нее там была постоянная клиентура. Внеслужебное время проводила в недавно открывшемся клубе, где собирались всякие, кого в городе не любили, но старались лишний раз не трогать. Особенно после знаменитой драки полиции с гомосеками, закончившейся для полиции худо: конечно, копы их побили, только они потом копов – уделали. Затаскали по судам.

Тут-то до Кеслера и дошло, с кем он работает. Джонни внезапно прозрел, как это могло случиться только с таким законченным простофилей: бац – и глаза на лоб. Отдышавшись, он немного подумал, и еще немного подумал, и сделал далеко идущие выводы, настолько далеко, что хоть вешайся.

Эти выводы он собрался изложить в дневнике, но сначала решил почитать, чего там у него набралось с момента поступления на службу в такси. В дневник Кеслер скрупулезно заносил все события каждого дня – кто где сидел, кто что сказал, кто на кого как поглядел. Взглянув на описанное новыми глазами, Кеслер совсем ошалел. Это же надо быть таким

идиотом. В компании было три нормальных человека – Стелла, мисс Уорд и он сам. Остальные вели себя, мягко говоря, подозрительно. Не в том проблема, что не по-женски. Еще хуже: не по-людски.

Их объединяла тайна. Они выглядели командой, делавшей одно дело. Только это были совсем не перевозки женщин, опасавшихся таксистов-мужчин. Тут крылось нечто большее.

И шифром в штаб-квартиру они передавали что угодно, только не простую шпионскую информацию, как думал Кеслер сначала. Да кому он сдался, тот «Рокуэлл» – полгорода знает, что там пытаются вкорячить боевой лазер в самолет… Правда, другая половина города уверяет: там проектируют защиту от русских баллистических ракет, чисто по-американски простую и остроумную, путем заброски на орбиту ста тысяч ящиков с гвоздями. Собственно, одно другому не мешает.

Нет, дамы-таксистки почти каждый день обсуждали на лавочке перед офисом совсем другое. Намеками и полунамеками, а иногда почти открыто они говорили о воздействии на умы. О том, как вербовать и склонять на свою сторону. Как правильно заводить разговор и поворачивать в нужном направлении. Кеслера они не стеснялись нисколько. То ли были уверены, что он, дурачок, не понимает ничего, то ли…

О, Господи, да ведь если верить дневнику, они сто раз спрашивали его: ты согласен, Джонни, что скажешь, Джонни… И он всегда отвечал то, что они хотели слышать. Всегда в точку. Они смеялись, хлопали его по плечу, хвалили.

О, Господи, они считали его своим в доску.

Педиком.

– Тронулись, – сказал Вик и быстро вышел на улицу. Забыв, конечно, расплатиться, это Сарториусова печаль. Да почему его – Бюро платит.

Вик уже не шатался, ноги держали как надо. Тело поняло, что сейчас придется работать, хоть ты тресни, и покорилось разуму. Только за руль пусть лучше сядет Лора. А то вдруг придется стрелять по колесам, усмехнулся про себя Вик. Хотя нам запретили…

– Вам туда минут двадцать?.. – спросил Сарториус, догоняя Вика.

– Пятнадцать. Но мы опоздаем, наши с ордером будут через десять.

– Проинструктируй их, будь добр.

– Не понадобится. Во-первых, мы с Лорой знаем, чего не надо искать и где оно лежало, хе-хе… Во-вторых, старший все равно я, что найдут, то мне принесут.

Он открыл дверь машины и, кряхтя, полез в нее: нет, тело все еще раздумывало, стоит ли ему работать сегодня.

– Кодовая книга обычно художественное произведение, – сказал Сарториус. – Как искать, по каким признакам, я даже боюсь тебе подсказывать, чтобы не сбить с толку. Удачи!

Лора завела двигатель, положила руку на рычаг коробки передач, и тут Вик удержал ее.

– Погоди-ка, – сказал он и обернулся к Сарториусу. – На всякий случай… Вы, крутые ребята, не забыли проверить Бетти Фридан? «Загадку женственности»? На которую Кеслер подумал?..

– Она лежит в офисе на каждом подоконнике, – небрежно бросил федерал. – И, кстати, в каждой машине женского такси. Они возят кучу агитационной литературы и раздают пассажиркам. А это вообще настольная книга феминистки.

– Я не понял, – сказал Вик. – Вы ее проверяли?

– Да какой смысл? Это пустышка.

– Ну вы и дебилы, – сказал Вик. – Знаешь, Сарториус, ты мне нравишься, но поскольку вы все дебилы, то, извини, ты тоже дебил!

Захлопнул дверь и сказал Лоре, очень довольный собой:

– А вот теперь полный газ. А этот пускай попрыгает.

Сарториус проводил машину взглядом. Даже в темных очках вид у него был крайне озадаченный.

Дамы не имели привычки болтаться в гараже и уж точно никогда не заходили в мастерскую, и Кеслер от неожиданности вздрогнул. А это была Стелла со стаканом лимонада. Жарко сегодня, держи, сказала она. Презент тебе от компании за верную службу! И засмеялась.

Кеслер был тронут – он понимал, что компания тут ни при чем, просто Стелла добрая. И для нее он точно не педик. И лимонад оказался вкусный.

Да, такая теплая весна, с непривычки весь день в сон клонит, пожаловался он. Это от перемены погоды, со всеми бывает, сказала Стелла. А что ты делаешь сегодня вечером?

Думаю, как мне дальше жить, честно ответил Кеслер и осекся. Стелла всегда оказывала на него действие почти гипнотическое. Она спросила – он ляпнул.

Вот просто сидишь дома и думаешь?

Ну, еще я в это время играю на гитаре, так думается лучше.

Да ну тебя, сказала Стелла и опять засмеялась. Умора ты, Джонни. Надоест быть механиком, иди в комики. А почему ты думаешь о том, как жить дальше? Ой, ты пей, не слушай меня. Я стакан-то заберу, у нас стаканов осталось всего ничего, Хиггинс их постоянно роняет со своего стола, корова такая…

Мне кажется, в моей жизни пора что-то менять, сказал Кеслер, отважно глядя Стелле в глаза. Совершить, как говорит мисс Уорд, поступок. Я долго не был готов, а теперь вот потихоньку готовлюсь.

С этими словами он картинно, как ему показалось, допил лимонад и пожалел, что в мастерской нет зеркала.

Только не вздумай увольняться, сказала Стелла. Не вздумай, слышишь? Без тебя здесь совсем тоскливо станет. Они же все думают только о работе и феминизме. Я тоже феминистка та еще и тоже вкалываю, но у меня знаешь сколько других интересов? Да ты и не знаешь, Джонни, ха-ха… Ладно, сегодня вечером я разрешаю тебе подумать, как дальше жить, а завтра ты мне расскажешь, чего надумал.

Забрала стакан и ушла.

Кеслер повернулся к верстаку, на котором в тисках был зажат тормозной суппорт с закисшим поршнем, и вдруг пошатнулся. Лимонад холодный, а толку никакого – вот как парит сегодня… А не присесть ли мне на минуточку в это удобное кресло? И он присел. А не закрыть ли глаза?

Ну-ка, очнись, сказал голос мисс Фишер. Ты чего тут дрыхнешь.

Кеслер встряхнулся, но перед глазами все плыло. А радиомаяк в чьей-то громадной лапе вообще двоился.

Зачем это, Джонни, спросила мисс Фишер. Мы же с тобой по-хорошему. А ты с нами вон как. И ведь до чего глупо. Я езжу, он пищит… Думал, не услышу? А ведь мы с тобой по-хорошему, Джонни. А могли бы и сожрать еще тогда.

Кеслер кое-как сфокусировал взгляд, но легче не стало. Предметы то удалялись, то приближались и были все искажены, и громадная жуткая когтистая лапа принадлежала, оказывается, мисс Фишер, а вместо лица у нее одни зубищи да растопыренные черные дупла ноздрей. И голос мисс Фишер звучал то громовым басом, то хриплым рыком.

Наверное, страшно, но в первую очередь невыносимо скучно. Скука просто затопила Кеслера по самую макушку, и он знал, что надо делать: поскорее отвечать на вопросы, тогда от него отстанут. Тогда можно будет подремать немного на рабочем месте, все равно суппорт заклинило насмерть, он уже новый заказал… А после с невинным видом утомленного трудяги отправиться домой.

Ведь мы повсюду, Джонни, говорила мисс Фишер, ты даже не представляешь, сколько нас на земле. Ты против кого пошел, глупышка? Ты нас, главное, не бойся. Мы тебе ничего раньше не сделали и теперь не сделаем. Нам еще с тобой работать и работать. Ты теперь знаешь нашу тайну, и мы тебя не отпустим. А если ты рыпнешься… Мы просто Стеллу твою ненаглядную на кусочки порвем и съедим. Уяснил, да? Повтори, что уяснил. Молодец. А теперь давай, рассказывай…

И тут Джонни понял: это все настоящее. Вот эта лапа с кроваво-красными длинными когтями. Вот эти зубы. Эти крошечные, едва различиме точечки глаз и растопыренные ноздри. Это и есть мисс Фишер, которую он считал когда-то женщиной, а потом хотя бы человеком.

Если бы не скука, он бы умер от страха или попытался убить инопланетное чудовище. Но пушка лежала в ящике верстака, и тянуться за ней было совсем скучно, а страха настоящего не было, скорее брезгливое отторжение.

«Сколько нас на земле», сказало оно. На Земле. Проговорилось. Раскрыло себя. Мало ли, кем оно хотело прикинуться, но Кеслер все понял.

И он теперь будет работать с ними, пока им не надоест. А если что, они убьют Стеллу. Это он тоже уяснил накрепко.

Джонни рассказал чудовищу все, и угадал: оно оставило его в покое, приказав на прощание спать. И Джонни заснул. А когда проснулся, выпал из кресла на пол, сжался в комочек и сдавленно, чтобы не услышали, зарыдал.

Он ничего не забыл. Он все помнил.

Ты хотела знать, что я надумал, Стелла?

Да я, вот беда, не успел. Я хотел придумать, как мне посадить тебя в машину и увезти далеко-далеко. Но тут оказалось – за меня все придумали. А когда ты видишь, что за тебя думают другие, значит, надо собраться с духом и решиться на поступок, как говорит мисс Уорд.

Придурок и неумеха Хинкли расстрелял весь барабан за три секунды. Готов поспорить, он почти не целился. И все равно три пули угодили в людей, а четвертая рикошетом достала президента Рейгана. А я умею метко стрелять, Стелла. И я буду целиться спокойно, как на охоте.

Ведь они не люди.

Ты узнаешь, почему я буду стрелять, в кого и зачем. Запишу это в дневник, и когда все кончится, тебе передадут мой рассказ, а с ним и мои последние слова.

Я не педик, Стелла.

Они услышали пожарную сирену издали.

– Не успели, – сказал Вик.

– Может, это не там.

– Там. Врубай нашу, а то не протолкаемся, если уже все перекрыто, – Вик пошарил под сиденьем и вытащил «мигалку» с магнитной присоской.

– С чего ты взял, что это там?!

– Потому что от сексуальных извращенцев и британских шпионов ничего хорошего не жду, – отрезал Вик.

Офис женского такси горел, как соломенная хижина, с хрустом и снопами искр, весело горел. Вик откинул спинку сиденья и со словами «Поспать, что ли…» закрыл глаза. Лора вышла из машины. Если пожарные сработают четко, гараж почти не пострадает, отметила она. Гараж только и останется.

Но тела надо искать на первом этаже офиса – там, где ярче всего полыхает. Тела всегда там, иначе какой смысл поджигать.

Вик, казалось, спал. Лора оглянулась в сторону крыши, с которой стрелял Кеслер. Теперь ей хотелось прочесть его дневник. Вчера она легко уступила эту работу Рейнхарту, признавая за ним ум и опыт. Но по дороге Вик рассказал ей, в кого на самом деле стрелял несчастный мальчишка, и теперь Лоре отчего-то очень нужно было прочесть его последние слова.

Она помнила, что Кеслер был не вполне психически здоров, и довести его, бедолагу, мог любой достаточно ловкий мерзавец. Но ведь не довели в школе, не довели на улице, не довели в гаражах! Побольше бы нам таких психов.

Что же они с тобой сделали, твари, думала она. Что же они с тобой сделали.

Ведь ты, стреляя в них, думал, что бьешься один-одинешенек против инопланетного вторжения. Один за всех нас.

Ты отомстил своим обидчикам, но какого черта…

А если бы они нас с Виком так обработали? Что бы сделали мы?..

Тут примчался Сарториус, а за ним вся его братия.

– Ну что, говнюк, доигрался? – спросила Лора.

– Да, нехорошо получилось, – согласился федерал.

– Это у вас называется «мы своего человека ведем»?!

– Нестыковка произошла. Нестыковочка.

– Тебе надо было всего-навсего позвонить в офис прокурора и убедить его, чтобы он там не соплю жевал и боялся обидеть феминисток, а поспешил с санкцией на обыск! А еще лучше, вместо того чтобы кофе хлестать, пойти самому за этой долбаной санкцией! – Лора наступала на агента грудью, и Сарториус пятился, пятился и уперся спиной в своих, застывших полукругом с каменными лицами.

– Ну кто же знал… – промямлил Сарториус.

– Да все мы хороши, – сказала Лора и отвернулась. – Идиоты.

– Не напрягайся раньше времени. Наверное, улики жгут.

– Трупы – это тоже улики!

Сарториус тяжело вздохнул.

– Объявлен розыск, – сухо доложила Лора, глядя в сторону. – Перекрыли все, что могли. Ищем Беверли Уорд, Джоанну Хиггинс, Стеллу Макферсон. Больше просто не знаем, кого. Хотя, наверное, имеет смысл отловить всех местных извращенцев и проверить алиби, как ты думаешь? Чего-то мне кажется, это неплохая идея!

– Не заводись ты опять, – попросил Сарториус. – Только не заводись. Такая красивая, а такая злая.

– Посмотрим, какой ты красивый будешь, когда оттуда понесут трупы, – сказала Лора, указав подбородком в сторону пожара.

Сарториус вздохнул еще тяжелее.

– Пойду, что ли, позвоню, – буркнул он и исчез.

Лора подошла к машине.

– Вик, а Вик, – позвала она. – Хватит притворяться. Не бросай меня тут одну. Наедине со всем этим дерьмом.

Рейнхарт не ответил. Он спал.

Его растолкали через полчаса, когда вскрыли гараж – сообщить, что внутри ничего интересного. Рейнхарт выругался и заснул опять. Потом его разбудили, когда стало можно войти в офис. И там «интересного» нашлось сколько хочешь.

Гасить пламя начали вовремя, поэтому диспетчерская и кабинет мисс Уорд на втором этаже почти не пострадали, только их сильно закоптило да стекла полопались. Зато первый этаж выгорел напрочь, со всей бумажной документацией. Под развалинами стеллажей нашли обугленное до полной неузнаваемости тело, которое опознали предварительно как Стеллу Макферсон – по остаткам наручных часов с дарственной надписью.

Мисс Беверли Уорд лежала грудью на своем рабочем столе. Один глаз у нее вытек, потому что в него угодила пуля. В крепко сжатом кулаке погибшей нашли смятый клочок бумаги с отпечатанными на нем группами цифр и одной уцелевшей надписью – «суппорт тормозной левый передний».

– Проклятье! – воскликнул Сарториус. – Ну зачем она… Ну зачем! Ну просили же ее!..

Вик хмуро уставился на федерала, потом на мертвую мисс Уорд. Покачал головой и ничего не сказал. Поглядел в сторону книжной полки, где между томами обычного формата прятался маленький красный Сэлинджер, – и опять промолчал.

Повернулся к Лоре и совсем не по-служебному взял ее за руку.

– Наше дежурство кончилось вчера, – сказал Вик. – Тут ребята без нас разберутся. Отвези меня домой, пожалуйста.

Сарториус догнал их уже на улице.

– Постойте, постойте! Секунду! Об этой моей вспышке эмоций наверху – никому ни слова, прошу вас. Вы ничего не слышали. Вы ничего не знаете про мисс Уорд.

– Крутая была тетка, – буркнул Вик. – Из тех еще Уордов, ну, ты понял. У нас ее весь город звал Беверли-С-Яйцами.

– Уважали ее, – добавила Лора. – Ну, в известном смысле.

– Вот-вот! Как здорово, друзья, что вы такие понятливые. А теперь одна вещь тоже, так сказать, не для протокола, но вы имеете право знать. Виктор, вы не поверите. Похоже, это действительно «Загадка женственности»! Ну, вы поняли.

Лора негромко хмыкнула и крепче сжала руку напарника.

– Какими же надо быть дебилами, – с наслаждением произнес Вик, – чтобы за вас всю работу сделал один-единственный несчастный псих!

– На себя посмотрите, – надулся Сарториус и ушел, не прощаясь.

Вик повернулся к Лоре.

– Не могу больше, – сказал он. – Мне надоело это сумасшествие вокруг, в котором я участвую. Слушай, напарник… Я нажрался кофе и ничего не соображаю, и несу чепуху, но, по-моему, так жить нельзя. Это неправильно. Самое время, как говорила покойная, совершить поступок.

– Да-да, я уже везу тебя домой.

– Я про другое.

– Вик, остановись. Это безумное дело Кеслера – такой удар по психике и для тебя, и для меня тоже, я все понимаю…

– Я мужчина, ты женщина, – заявил Рейнхарт. – Какого черта мы который год работаем вместе и притворяемся, будто ничего больше друг от друга не хотим?

– Уговорил. Отвезу домой и приготовлю тебе поесть. Не ляжешь спать голодным.

– Я же люблю тебя! – выпалил Рейнхарт.

– Нам же тогда не дадут работать вместе… – пробормотала Лора.

Стелла – теперь ее звали Мелиссой, – сидела за рулем женского такси и ждала пассажирку. Она запарковалась на обочине загородной дороги, среди десятка машин с дипломатическими номерами.

В зеркало Стелле был виден неприметный автомобиль, в котором сидели двое. Нужно быть полным идиотом, чтобы не признать агентов секретной службы Ее Величества.

Стеллу все происходящее забавляло, только нос болел. Сначала его сломала эта сука Уорд своим железным кулаком, потом он выдержал пластическую операцию – геройский нос, но пора бы ему перестать ныть. И пора бы нашим расфуфыренным климактеричкам заканчивать трепаться. Все знают, что они старые подруги, но мало ли…

У советских посольских в Лондоне это называется «съездить на горку». Тут действительно чудесный солнечный пригорок, где по выходным расставляют складные столы и устраивают пикник. Иногда подъезжают гости – поболтать. Не часто, но случается. Вот и сейчас чуть в стороне от общего веселья устроились на травке две дамы неопределенного возраста.

– Не думаю, что ты поступаешь разумно, таская за собой эту авантюристку, – говорила супруга второго секретаря.

– Да ее теперь не узнать, – возразила знаменитая некогда журналистка, чье время давно прошло. – Никакого риска. А девка – огонь.

– Да-да, огнем все и кончилось в Джефферсоне… – русская неодобрительно покачала головой. – Тебе не кажется, что вы там немного… Перестарались?

– У девочки не было выхода. И потом, она не стратег, она – чистильщик. Подчищает за другими, если ты понимаешь, о чем я. Ее винить просто не в чем. Она сидела там на случай, если все пойдет наперекосяк.

– Там все было неправильно с самого начала, – сказала русская. – Нельзя рисковать,

когда проводишь в жизнь план, рассчитанный на десятилетия. Нельзя увлекаться побочными задачами в ущерб главной.

– Скажи это своим, – парировала гостья. – Они давили на нас. Им нужны военные секреты, видишь ли. Что мы могли?.. Они угрожали срезать финансирование.

– Обещаю, это не повторится, – сказала русская. – И денег будет очень много. Есть принципиальное решение. К нему давно шли, но провал в Джефферсоне ускорил дело. Теперь никакого мелкого шпионажа. Мы разворачивали американскую сеть с большим запасом, с расчетом на серьезную задачу, и вот, время настало. Все силы и все деньги – на главную цель. С этого дня ваши люди в Америке должны твердо знать, что их миссия – последовательно, эпизод за эпизодом готовить великую постановку, равной которой не было и не будет…

Голос русской вдруг зазвенел.

– Это самая грандиозная трагедия в истории. Трагедия гибели целого народа, который познает участь Содома, ибо сам ее выбрал. Семена, посеянные сейчас, взойдут только к концу века, а настоящие плоды дадут уже в следующем. И тогда содрогнется целый континент. Я верю, мы доживем, мы увидим это – нашу победу. Но ради победы нужно сегодня расчетливо и продуманно вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы нравственности. Расшатывать поколение за поколением. Браться за людей с детских лет и разлагать, развращать, растлевать их… Мы в таком положении, когда победить военной силой – значит проиграть. Но есть сила не менее эффективная, чем все бомбы и ракеты. Сила предательства людьми самих себя, своей человеческой сущности. Сила извращения. Мы расколем страну по половому признаку, натравим женщин на мужчин. Заставим мужчин бояться открыть дверь перед женщиной. Заставим мужчин стыдиться того, что они мужчины. Раз Америка так уязвима с этой стороны – что ж, значит, она выбрала свою судьбу. Через полвека это будет нация педерастов. Через сто лет от этой нации не останется и воспоминания.

– Тебе бы книжки писать, – сказала гостья.

Русская бросила на нее короткий прищуренный взгляд и едва заметно улыбнулась.

В машине Стелла осторожно погладила нос кончиком пальца.

Бедный мой маленькиий носик, подумала она.

Бедный маленький носик.

Хотя могло быть и хуже. Поймала бы пулю от малахольного Джонни – и с концами… Да нет, никогда. Только не от Джонни. Парень отлично знал, в кого можно стрелять, а в кого нельзя. Поэтому я глупо и непрофессионально металась под огнем, повинуясь дурному бабскому инстинкту. Чувствовала: мне бояться нечего. Ведь смешной туповатый Джонни, что бы о нем ни думали все остальные, был в глубине души настоящий мужчина.

Не педик.

Татьяна Томах
Дом для Чебурашки

– Боюсь я, Димкус…

– А?

– Как бы еще лапти плести не пришлось, – Егорыч нахмурился, скатал в рулончик клавиатуру, задумчиво покрутил между ладонями.

– А?

– Да отвлекись ты уже от сети. Как дитя малое. Допустили к свободному Интернету, теперь за уши не оттащить… чего ищешь-то?

– Кого, – поправил Димка, не отрывая взгляд от монитора.

– А… Или вот еще, – Егорыч вздохнул, задумчиво подпер клавиатурой подбородок. – Гусли, частушки или того хуже – балалайка.

– Это что?

– Я, в общем, сам не отчетливо понимаю, – смущенно признался Егорыч. – Но заранее сомневаюсь. Или вот медведь. Надо, чтоб по улицам ходил.

– С балалайкой?

– Я, в общем, не отчетливо понимаю. Но, знаешь, не исключено, – Егорыч еще больше погрустнел.

– Это, кстати, запросто. Где-то я только что… – Димка повозил пальцем по монитору, перебирая разноцветные окошки. – А, во. «Проектирование домашних питомцев. Выращивание детей для любящих семейных пар и триад с включением частей геномов заказчиков. Любые ваши самые безумные фантазии». То есть хочешь – медведя с балалайкой, хочешь – говорящего крокодила. Еще они документы оформляют. Свидетельства о рождении, гражданство, страховки…

– Гражданство? Крокодилу?

– Говорящему – запросто. Ты, Егорыч, в своем лесу одичал совсем. Вот, глянь, тут в новостях.

Егорыч заинтересованно склонился над монитором. Зашевелил губами:

– «Поп-дива Анжелика Мурр оставила состояние кото-мальчику Тимоти. Пока нет возможности завершить юридические формальности – расстроенный исчезновением своей полуматери, кото-мальчик отказался разговаривать и искусал нотариуса. Нотариусу наложили семь швов и предъявили иск о моральной компенсации за неуважение особенностей психики представителя видо-меньшинства». Опа! И чего я не крокодил?..

Сегодня во дворе опять убивали влюбленных.

Настя плотно закрыла окна, задвинула дрожащими руками шторы, стараясь не смотреть. Но взгляд все равно соскользнул, и в узком столбе света между смыкающихся тяжелых портьер зацепил неподвижно замершую посреди двора парочку. Маленькие хрупкие фигурки на свободном пятачке в центре плотной, покачивающейся толпы. Стоят, держась друг за друга, будто на крохотном островке среди океана. Знают, что уже не спастись, что сейчас накроет волной, протащит по камням, разорвет в клочья клыками прибрежных скал и швырнет кровавые обрывки в море.

Но пока еще стоят, крепко сплетя теплые пальцы и взгляды, баюкают последние капли своей жизни, одной на двоих. Жизни, которая могла бы быть долгой и счастливой, озаренной смехом детей и внуков. Чудесная длинная дорога, которую они могли бы пройти вдвоем, поддерживая и оберегая друг друга.

Настя застонала. Слезы выжигали глаза, от отчаяния и сдерживаемого крика заболело в груди. Слепо, спотыкаясь и отталкиваясь от стен, выбралась в коридор. Захлопнула комнатную дверь. Сползла на пол, зажимая ладонями уши. Только бы не слышать, как они будут кричать.

Настя вспомнила, как страшно кричали те, другие, два месяца назад.

Ей показалось, что зазубренные ножи вонзились в уши, глаза и сердце. Врезались в тело, заживо разрывая в клочья. Как разрывало тех, которые корчились под ударами камней, продолжая отчаянно цепляться друг за друга окровавленными пальцами.

Их ладони, по-прежнему сжатые вместе, так и остались снаружи, чуть в стороне. И когда тела уже скрылись под грудой камней, тонкая рука женщины еще некоторое время вздрагивала, стискивая запястье мужчины. Будто умоляла – подожди, не уходи без меня. Подожди.

Тогда Настя кричала вместе с ними. Потому что ей казалось, что ее тоже забивают насмерть. Плотная толпа, сквозь которую она пыталась прорваться, была как груда камней. И не было вокруг ни одной живой теплой руки. Ни одного лица. Только жесткие серые камни.

А потом кто-то ловко и больно вывернул ей локоть, вытащил из толпы, втолкнул в темный подъезд. Зашептал успокаивающе:

– Тш-ш, тш-ш…

Насте вдруг почудилось на секунду, что это Индеец.

Что он искал ее все это время и вот сейчас, когда стало невыносимо, когда она совсем заблудилась в темном каменном кошмаре, наконец нашел.

И теперь все будет хорошо, потому что он возьмет ее за руку и выведет к дому, который она сама никак не может найти…

Настя обмякла в сильных руках и зарыдала, уткнувшись в жесткое плечо.

Но оказалось, что это не Индеец, а участковый Муса.

– Вай, – сказал он, – такой красивый девушка, а скандал устроила. Нехорошо. А? Зачем в полицию звонишь, людей зря от службы отрываешь?

Теперь Настя знала, что во двор сейчас выходить нельзя. И в полицию звонить не нужно. Надо просто переждать – вот здесь, в прихожей, плотно закрыв окна и двери, чтобы не слышать криков. А потом пойти на работу и поторопиться, чтобы не сильно опоздать. Если бы она знала, надо было бы просто выйти из дома раньше. Если бы знала… Настя всхлипнула, ужаснувшись этой мысли, и зарыдала сильнее, захлебываясь слезами, отчаянием, гневом и бессилием…

От звука дверного звонка ее будто ударило током.

Индеец, подумала Настя. Вскочила, покачнулась. Из-за слез все плыло перед глазами.

Она часто представляла, как Индеец приходит за ней. Повзрослевший, но все равно прежний. Высокий, тощий, в старых стоптанных кроссовках, вытертых джинсах и брезентовой куртке. Улыбается, широко и открыто, как всегда, откидывает со лба длинную светлую челку. Говорит укоризненно: «Ну, ты и забралась, Настюха. Еще бы в берлогу залезла. Пойдем домой?»

И Настя с визгом кидается к нему, повисает на шее. Кожа и волосы Индейца пахнут сосновой хвоей и дымом костра, как всегда. Дальше Настина фантазия заканчивалась, представляя обрывочно, как они идут вместе с Индейцем почему-то через ночной лес, а вокруг в темноте ворочаются и ворчат невидимые страшные чудовища. Но рядом с Индейцем это все совершенно не страшно, потому что его теплая рука крепко держит Настину ладошку и ни за что теперь не отпустит.

А потом ночь светлела, и дорога выворачивала к дому.

– Где же ты так заблудилась, горюшко, – причитала мама, укутывая Настю в теплое одеяло, придвигая поближе чашку чая и яблочный душистый пирог…

Это была любимая Настина мечта. Благодаря ей Настя пережила некоторые особенно паршивые дни в Доме социальных сирот. Когда становилось совсем худо, пряталась куда-нибудь в безлюдное место и представляла, что вот сейчас открывается дверь и входит Индеец.

Сейчас, когда появилось свое жилье, больше не нужно было прятаться и придумывать несуществующую дверь. Когда становилось невыносимо, Настя просто садилась в прихожей и представляла, как сейчас в квартиру входит Индеец.

Джамиля метнула на зареванное лицо Насти неодобрительный быстрый взгляд, подтолкнула девушку внутрь квартиры, защелкнула замок. Сказала совершенно обычным спокойным голосом:

– Не завтракала, да? Я тебе горячую долму принесла, сейчас вместе кушать будем.

Подхватила Настю за локоть, повела на кухню, усадила за стол. Деловито и безошибочно, будто видела сквозь дверцы или уже открывала их не раз, извлекла из шкафчиков тарелки, чашки, вилки, пузатый фарфоровый чайник, упаковку чая. Распаковала свертки, которые принесла с собой.

От горячей долмы тянуло душистым ароматом тушеной баранины, чеснока и кинзы.

– Кушай, – велела Джамиля, вкладывая вилку в безвольные Настины пальцы. – Тощая, как кошка, никто замуж не возьмет.

Придвинула поближе тарелку, повернулась к окну, резким движением раздернула

шторы.

– Закрой, – тихо попросила Настя.

Джамиля не услышала, присела напротив, уставилась на собеседницу задумчивыми черными глазами. Улыбнулась – скупо дернула краешками тонких губ.

– Понравится, научу, как делать. Простой рецепт, только мясо хорошее надо.

– Закрой шторы, – повторила Настя. От запаха долмы ее мутило.

Джамиля не шевельнулась.

– Закрой, пожалуйста…

Сил и мужества подняться, повернуться к окну и задернуть шторы самой у Насти не было.

– Нет, – губы Джамили дернулись, скупая улыбка исчезла.

– Почему?

– Еще для долмы виноградный лист надо. В вашем климате плохо растет. Я тебя научу, где взять.

– Почему?!

Джамиля поднялась, включила чайник. Сказала, не поворачиваясь, раздраженно дернув худым плечом:

– Люди в закрытые окна посмотрят, подумают, ты не уважаешь наши традиции.

– Я не уважаю, – глухо ответила Настя.

– Совсем не слышу, что ты сейчас говоришь, Настья, – Джамиля опять передернула узкой спиной в черном платье – как кошка отряхнулась. Громко застучала ложкой, выкладывая в блюдце варенье.

– Я не уважаю традиции, в которых убивают людей, – тихо сказала Настя, – и мне все равно, чьи это традиции.

– Настья, – Джамиля обернулась. Села напротив. Одним пальцем, не то брезгливо, не то опасливо, тронула белый браслет на Настином запястье. – Ты совсем не боишься свой ошейник?

– Это просто индикатор, – пожала плечами Настя, задвигая браслет под рукав.

– И что?

– Ну, он же ничего не записывает и не передает, – смутилась под насмешливым взглядом Джамили. Уточнила: – Ну, так говорят. Гражданский индекс меняют из-за внешних сигналов. Аттестация на работе. Или если кто-то позвонит и нажалуется…

– Настья, – усмехнулась Джамиля. – У вас этот индекс очень важно, да? Из чего он делается?

– Уважать чужие традиции и особенности, – вздохнула Настя, цитируя определение из методички современного гражданина. – Не препятствовать. Не демонстрировать неуважение.

– Не препятствуешь? Правильно. Сегодня дома сидишь, на людей не кидаешься. Теперь не демонстрируй неуважение. Шторы не закрывай, поняла? Настья, – Джамиля вздохнула, заглянула с сочувствием в лицо. – Ты хорошая, но не очень умная. У нас свои традиции, у вас – свои, – она ткнула пальцем в Настин браслет. – Вот и уважай, что есть.

На работу Настя, конечно, опоздала.

Верочка уже сидела на месте, закинув ноги на соседний стул, неторопливо листала на компьютере какой-то форум с розовыми сердечками на страницах. Спросила, не оборачиваясь, начальственным насмешливым голосом:

– Опять опаздываем, Соловьева?

Хотя, в основном, опаздывала как раз сама Верочка.

– Привет, Вера, – вздохнула Настя.

– Не Вера, – строго ответила та. – А Виерра.

И повернулась.

Настя ошеломленно застыла.

За выходные Верочкино лицо изменилось до неузнаваемости. Серые глаза сменили

цвет на ярко-зеленый, серебряная цепочка пересекала побледневший лоб, острые кончики ушей торчали из-за подколотых на висках волос.

– Что уставилась? – спросила Верочка, усмехаясь тонкими алыми губами. – Не одобряешь? Да, такие, как ты, нас не понимают…

Она отвернулась обратно к монитору, но недостаточно быстро – Настя успела заметить на ее лице довольную улыбку, совершенно неподходящую к трагичному голосу…

– Тебя, кстати, начальство вызывало, – сообщила Верочка, опять углубляясь в розовые сердечки оставленного форума.

Когда Настя переступила порог кабинета Игоря Мариновича, индикатор на ее руке пискнул и замигал красным. Настя вздрогнула, торопливо натянула пониже рукав свитера. Кто-то из соседей все-таки позвонил? Или на работе где-то скрытая камера? Хотя чего такого было в разговоре с Верочкой?

– Анастасия… – Игорь Маринович отвел взгляд от монитора, посмотрел на Настю влажными карими глазами. Улыбнулся. – Вы так миленько выглядите сегодня.

Вздохнул. Поднялся из-за стола, одернул юбку, прошелся задумчиво от одной стены до другой, поглядывая то в окно, то на Настю.

– Анастасия, – снова вздохнул шеф. – Такая ситуация…

Настя похолодела. Подумала испуганно: «Он же не может меня уволить? За что?»

Если уволит, можно забыть о мечте переехать в другой район. Даже за теперешнюю квартирку, предоставленную Домом социальных сирот, отложенных денег хватит только на следующий месяц…

– Как вы знаете, Анастасия… Или не знаете? Наш главбух увольняется. Со следующей недели.

Теперь Насте стало жарко. «Главбух! Я? Ну а кто еще? Верочка-стажерка, которая месяц работает и дебет с кредитом путает?»

– К сожалению, на рынке труда сейчас толковых бухгалтеров не найти…

Настя улыбнулась. С окладом главбуха можно сегодня же начинать искать другое жилье!

– Поэтому со следующей недели вашим новым начальником будет Ве… э… Виерра Элиовна.

– Что?

– Понимаю, – вздохнул шеф. – Ве… Виерра – молодой сотрудник, опыта немного, ей будет нелегко… но ведь вы окажете содействие, э, как бы помощь?

– Конечно, – растерянно пробормотала Настя.

– Вот и чудненько, – улыбнулся Игорь Маринович, – я знал, что на вас, Анастасия, можно положиться.

К вечеру пошел дождь. Мелкий и нудный.

Настя брела по улице, не замечая луж. Раздвигала зонтиком мутные дождевые занавески, за которыми таяли силуэты прохожих, машин и домов. Думала – вот бы отвести в сторону эту мокрую городскую серость и шагнуть из сегодняшнего дождя в другой мир. В летний светлый вечер, в запах цветущих яблонь и маминых пирогов. Пройти вдоль дома, заглянуть осторожно в окно – чтобы не заметила мама и не позвала ужинать. Пробежать через сад по сугробам бело-розовых душистых лепестков, спуститься по узкой тропинке к реке, где сидит в ивовых кустах Индеец с удочкой, отмахиваясь от злых весенних комаров…

– Ой, это что там?

– Где? – досадливым шепотом переспросил Индеец, не оборачиваясь. Поплавок чуть вздрагивал, дразнясь, но под воду не уходил.

– В камышах. Ворочается. Большое. Слышишь?

– Крокодил, – уверенно сказал Индеец.

– Правда? – удивилась Настя. Ей было всего пять, и по части знаний об окружающем

мире десятилетний Индеец казался непререкаемым авторитетом.

– Сто кило, – подтвердил авторитет.

– Ой, – испугалась девочка. Сто кило – это было ужас как много, а если крокодил таких габаритов сидит в соседних камышах…

– Может, они здесь не водятся? – на всякий случай тоже шепотом, чтобы не раздразнить чудовище, спросила она.

– Еще как. Трехголовые. И говорящие.

– Змей Горынычи?

Настя немедленно припомнила вчерашнюю сказку и испугалась еще больше.

– Боишься? – Индеец снисходительно и почему-то смущенно покосился на девочку. – Да ладно, не бойся. Я тебя спасу, если чего.

– От крокодила? – восхитилась Настя.

– От него тоже, – махнул рукой мальчик, прихлопнул на лбу комара и снова взялся за удочку.

Настя на всякий случай придвинулась к нему поближе, почему-то сразу и без сомнений поверив в обещание ее защитить.

Он защищал.

От соседского злющего пса, который однажды сорвался с цепи и чуть не загрыз девочку. От мальчишек с хутора, которые любили подкараулить деревенских поодиночке и побить.

А когда девятилетняя Настя заблудилась в лесу, именно Индеец нашел ее первым и вывел к дому.

Настя улыбнулась. Ей почудилось на минуту, что Индеец где-то здесь, за завесой дождя. Знает, что она потерялась – теперь не в лесу, а в этом странном неприветливом городе, – и пытается ее найти. Чтобы, как десять лет назад, вытереть слезы с ее заплаканных щек, взять за руку и вывести к дому, который она сама никак не может отыскать…

Задумавшись, Настя едва не шагнула под колеса подъехавшей машины. Взвизгнули тормоза, разлетелись в стороны брызги из-под колес. Щелкнула дверца.

– Анастасия! – встревоженно воскликнул знакомый голос.

Настя вздрогнула, с волнением вгляделась в полумрак салона.

– Залезайте, милая, залезайте, – замахал руками Игорь Маринович, – не стойте посреди дороги. Промокнете совсем и сиденья мне намочите.

Поколебавшись, Настя сложила зонтик и нырнула в теплый, приправленный ароматами духов и алкоголя сумрак.

– Вот и чудненько, – блеснул улыбкой Игорь Маринович, – невыносимо смотреть, как гибнут под автотранспортом и дождем юные сотрудники. Вы, душечка, и сама простудитесь, и на работу заразы принесете, а у нас с вами квартальный отчет на носу. Сигаретку?

– Спасибо, – растерянно покачала головой Настя, разглядывая массивный золотой портсигар.

– Зря. Без табака, только ментол и мята, необычайно полезно для здоровья. Есть с запахом роз или арбуза. Все-таки нет? Владик, – шеф постучал пальцем по подголовнику водительского сиденья, – адресочек Анастасии по базе посмотри, и поехали.

С тихим шелестом опустилась темная перегородка между салоном и водителем. Мотор мягко рыкнул, как сильный сытый зверь, и машина, качнувшись, поплыла вперед. Будто поехала не по разбитому асфальту, а заскользила по воздуху.

– Анастасия, – умильная улыбка исчезла с лица шефа, голос стал грубее и суше. И сразу почему-то нелепыми показались угольно-черная подводка вокруг печальных глаз, длинная сережка в ухе, кружевной воротничок вокруг жилистой шеи. – Я бы хотел извиниться, – он вздохнул, – и объяснить. Вы ведь, наверное, не понимаете?

– Что?

– Анастасия, – шеф ухватил зубами сигарету, прикусил, поморщился, выплюнул ее

обратно в ладонь, смял в пепельнице. – Вы ведь из семьи отщепенцев? Воспитывались в Доме социальных сирот. Четыре месяца назад по их направлению попали к нам на работу. Я читал вашу анкету, разумеется. Живете одна. Друзей нет, любовников нет. Не состоите, не участвуете. Понимаете, что это никуда не годится, душечка?

Блестящие внимательные глаза Игоря Мариновича оказались вдруг совсем близко, обращение «душечка», произнесенное не обычным ласковым голосом, а сухо и жестко, заставило Настю вздрогнуть.

– Что? – тихо спросила она, отодвигаясь на самый край мягкого кожаного сиденья.

– Ваш гражданский индекс. Вы ладошкой-то индикатор не прикрывайте. Думаете, я не в курсе индексов своих сотрудников? Вы, надеюсь, понимаете, почему я назначил главбухом эту дуру Верочку, а не вас? Хотя работать придется вам, и за нее и за себя. Работать и надеяться, что мне не придется вас увольнять. Анастасия, – шеф склонился ближе, от его дыхания пахнуло мятой, – я очень положительно отношусь к вам лично. Но я ничего не смогу сделать, если вы сама…

– Что? – Настя опять отодвинулась и уперлась локтем в дверцу машины. Пробормотала беспомощно, сдерживая слезы: – Что мне делать с этим дурацким индексом? Пластику ушей и записаться в эльфы, как Верочка?

– Это вариант, – серьезно согласился шеф, – у них, кстати, очень хорошая организация. Еще пять лет назад над ними все смеялись, а сейчас, посмотрите – официально зарегистрированное псевдо-этно-меньшинство, свой профсоюз, квоты при приеме на работу, праздники оплачивают. Сейчас вот добиваются отмены приставки «псевдо» и сокращенного рабочего дня в соответствии с особенностями менталитета. Знаете, я думаю, скоро добьются. И в обычаях и традициях у них ничего э… противоестественного.

– Игорь Маринович, а вы… сам не собираетесь?

Настя представила шефа с острыми ушками и в серебристой юбке. И новый слоган фирмы: «Наша сантехника протестирована настоящими эльфами».

– Улыбайтесь-улыбайтесь, – хмыкнул шеф, – но мне-то и так неплохо. А вы… Анастасия, мне больно смотреть, как вы себя губите. Вот, возьмите, – он вложил в Настину ладонь визитку. – Гертруда большая умница, она подберет вам что-нибудь. Сделайте хотя бы это. Для начала.

Гертруда оказалась веселой могучей великаншей. Яркий румянец цвел на пухлых щеках, сотня косичек металась по мощным плечам в такт широкому шагу, цветастая шаль хлопала по огромным бедрам. Настя с трудом поспевала следом, чувствуя себя дюймовочкой, угодившей в страну больших людей. К тому же страна была престранной – на небольшом загородном участке у Гертруды размещалось несколько разномастных сараев и два ряда открытых вольеров, откуда летело многоголосое тявканье, мяуканье, повизгиванье, чириканье. Интонация в основном была восторженная, и какофония усиливалась, когда хозяйка проходила мимо. Звери и птицы кидались к решеткам, и могучая длань успевала по дороге поправить миски и поилки, почесать лоб ворону, кинуть игрушку щенку, погладить тощий бок кошки. Настя вертела головой, счастливо улыбаясь, чувствуя себя так, будто часть приветствий и восторгов предназначалась и ей.

– Туда даже не смотри! – басом крикнула хозяйка, перекрикивая звериный и птичий хор. – Там щенята обычные, тебе это не надо. Потом погладить дам, только руки помоешь. Сейчас к уродцам пойдем.

За дверью длинного сарая помещались странные существа.

В вольере возле входа метался встрепанный трехголовый пес. Кидался на решетку, вцеплялся в прутья сразу двумя пастями, грыз железо, роняя на пол слюну. Третья голова поскуливала и тоскливо смотрела в сторону слезящимися глазами.

– Лапушка, – вздохнула Гертруда, погладила скулящую голову и ловко отдернула руку от оскаленной пасти первой головы. Щелкнув в воздухе зубами, первая разочарованно хрюкнула и опять набросилась на решетку. – Цербер наш, – Гертруда вытерла руку о юбку, –

тут из ветинспекции все приходят, говорят, надо усыпить. А за что его, лапушку? Тут человек шизеет, если у него в башке две личности, а с собаки чего взять? Крокодил еще у меня такой был, на прошлой неделе забрали.

– Тоже трехголовый? – изумилась Настя. – Змей Горыныч?

– Ну, вроде, – улыбнулась Гертруда. – А тебе что, надо? С ним попроще, но тоже кормить сложно, головы на разные стороны тянут, дерутся друг с другом. Может, мне его опять обратно вернут. Я тебе позвонить тогда могу, если надо.

– Нет, спасибо. У меня он в квартиру не влезет. Так странно у вас. Интересно, как в сказке.

– Интересно? – почему-то неодобрительно прищурилась Гетруда. – Вот и им было интересно. Доинтересничались. Ты, лапушка, посмотри пока здесь сама. Может, что интересное для себя найдешь.

Шестиногая лошадь печально бродила по деннику. Спотыкалась. Поджимала ноги по очереди. Опять спотыкалась. Остановилась, укоризненно посмотрела на Настю.

В соседнем вольере летучая кото-мышь хлопала кожистыми крыльями, подпрыгивала и опять падала на пол. Села, задрала заднюю лапу, потянулась и свалилась на бок, запутавшись в крыльях и хвосте. Запищала жалобно, бестолково ворочаясь в попытках подняться.

– Интересно? – спросила хозяйка, заглядывая в огорченное Настино лицо. – А вот, смотри, кто тут еще есть.

Последний в ряду вольер показался сначала пустым. Только несколько рыжих апельсинов горкой валялись в углу.

– Кис-кис, – позвала Гертруда. Апельсины дрогнули и раскатились в стороны. Темный мохнатый комок двинулся к решетке – дергаными, рваными движениями. Потом запнулся и грохнулся на пол, задергался, еле слышно захныкал.

– Тихо-тихо, – неожиданно нежным и тихим голосом забормотала великанша. Открыла дверцу, подняла хныкающий комок, вынесла на свет, ближе к Насте. Размером с кошку, четыре маленькие лапки с короткими розовыми пальчиками, круглые испуганные глаза и огромные уши, толстые тяжелые мохнатые лопухи, в каждое из которых можно было бы завернуть странное существо целиком.

– Совершенно несамостоятельный, – вздохнула Гертруда. – Два шага сделает и падает, уши перевешивают. Сам есть не может, лапки короткие, мордочка плоская. Надо с ложки кормить и поить. Два раза в день минимум. Иначе умрет от голода, даже если рядом будет еда лежать. Вот так, лапушка. Интересный зверек, как думаешь?

– Ты извини, лапушка, – сказала Гертруда, когда они вместе пили чай в доме. Чай был черный и очень крепкий, от горечи и терпкости у Насти сводило скулы. – Что я с тобой резковато. Я, в общем, им и так многое прощаю, что не нужно.

– Кому им?

– Людям. Поработай у меня немного и поймешь, о чем я. Вчера вот пуделя принесли. Шок, истощение, обезвоживание, гнойные раны. Его избили, перемотали скотчем лапы и морду и бросили в кусты. Умирать. Он и умирал. Сутки или около того, пока случайные прохожие на него не наткнулись.

– Зачем, – еле слышно пролепетала Настя. Горло перехватило от слез. Она представила. Добродушный маленький песик, чей-то домашний любимец, которого любили, ласкали и гладили, доверчиво подходит к незнакомцу. А тот… – Зачем так с ним?

– Хо, лапушка, думаешь, ответ на этот вопрос что-то изменит? – Гертруда пожала плечами. Взяла со стола черную, прокуренную трубку, примяла пальцем табак, щелкнула зажигалкой. – Покуда у людей беспомощность провоцирует насилие, ничего не изменится. Ни-че-го.

Гертруда выпустила из трубки клуб ароматного дыма. Спохватилась:

– Не возражаешь, если я тут покурю?

– Это твой дом, – улыбнулась Настя.

– Ну, – невнятно буркнула великанша, придерживая зубами кончик трубки и доливая в чашку чай. – Это не всех останавливает.

– Кого?

– Некоторых гостей. Бывает же, а? Ты их даже вроде не зовешь. А они припрутся, напачкают сапожищами, разлягутся на твоем диване, наплюют семечек. И еще будут тебе указывать, в какой одежде тебе ходить, какой температуры кофе им подносить и можно ли тебе курить в собственной гостиной. И что, я должна это терпеть?

Гертруда фыркнула и пыхнула трубкой.

– Нет уж. В моем доме ходим в тапочках, разговариваем вежливо, и вообще живем по моим правилам. Не устраивают правила – до свидания. Валите к себе домой и живите там по своим правилам. Каким хотите. Хоть в сапогах по постельному белью ходите и в занавески заворачивайтесь, мне наплевать. Извини, лапушка, что-то я сегодня нервничаю. Новости утром посмотрела. Так что, ты именно Чебурашку решила взять?

– Кого?

– Хо! Ты не читала эту сказку? – изумилась великанша. – Обожди, сейчас найду. Я ее как раз перечитывала недавно. Вот, возьми. А насчет Чебурашки подумай хорошенько. Зачем тебе столько возни? Странную зверушку для поднятия гражданского индекса я тебе могу и попроще подобрать. Сейчас чай допьем и пойдем во второй блок. В общем, первый я тебе так показала. Для расширения кругозора и избавления от некоторых иллюзий.

– Не надо, – сказала Настя.

– Чего? Избавления от иллюзий? Хо! Лапушка, это самое лучшее, что я могу для тебя сделать.

– Не надо зверюшек для поднятия индекса, – Настя поморщилась. Подумала, что великанша права. Что выглядит это именно так: пришла девушка не помочь бездомному животному, а подыскать себе средство для поднятия индекса. – Я возьму его.

– Ну, – Гертруда развела руками. – Я предупреждала. Апельсины не забывай ему давать. Он с ними спит в обнимку. Привык. Мне его так и подбросили – в ящике с двумя апельсинами.

– Подбросили?

– Хо! Думаешь, я выиграла его в лотерею? Или купила на аукционе? Лапушка, ты куда пришла? В питомник йоркширских терьеров или в приют брошенных животных? Брошенных, лапушка! Это значит, что бывшие хозяева, в лучшем случае, удосужились принести нежеланных младенцев…э… то есть надоевших питомцев мне под дверь и быстро смыться, стеснительно избегая встречи. А в худшем… Я тебе рассказала про вчерашнего пуделя? Ты видела детишек из первого блока, которых этот ублюдочный ветинспектор регулярно предлагает усыпить? Раньше люди хотя бы просто приручали, а потом вышвыривали своих питомцев из дома на улицу, а сейчас… Ты ведь, лапушка, смотришь телевидение и знаешь, что у нас теперь продвинутое современное общество, где все прежние отклонения считаются нормой, а норма, стало быть, превратилась в отклонение? Поэтому в соответствии с новой нормой мы сперва создаем уродов, неспособных даже существовать самостоятельно, а потом вышвыриваем их на улицу уже не просто мучиться, а мучительно умирать.

Дом для Чебурашки Настя устроила в большой картонной коробке, оставшейся от переезда. Постелила на дно одеяло, положила подушку, прикрепила в углу лампочку. Чебурашка постоял возле стенки, разглядывая новое жилище. Попробовал двинуться вперед, но сразу же упал мордочкой вниз и захныкал. Потом они приспособились – Настя взяла Чебурашку за лапку, а другой рукой придерживала со спины, прислушиваясь, куда он хочет идти. Так, уцепившись маленькой ладошкой за Настин палец, Чебурашка обошел свой новый дом. Потрогал подушку, покатал апельсин и наконец уселся под лампочкой, облокотившись о стену. На его страдальческой мордочке появилось подобие улыбки. Кажется, дом ему понравился.

По дороге на работу Настя занесла Чебурашкин паспорт в отдел регистрации.

– Дополнительная площадь нужна? – спросила паспортистка.

– Что?

– Ну, животное большое?

– А, нет, спасибо.

А потом Настя спросила на всякий случай:

– А если большое, вы даете дополнительную площадь?

– Девушка, – паспортистка оторвалась от компьютера, посмотрела на посетительницу со смесью брезгливости и снисхождения, – вы откуда свалились? Если нужна дополнительная площадь, животное изымается до тех пор, пока хозяин не переедет в подходящее помещение. Понятно?

– Еще как, – кивнула Настя.

Сообщение об улучшении гражданского индекса пришло уже на работе.

Игорь Маринович отловил Настю в коридоре. Быстро оглянулся, подхватил под локоть, увлек за угол, за аквариум с разноцветными рыбками.

– Поздравляю, душечка, – улыбнулся, дохнул приторным мятным ароматом. – Как вам Гертруда?

– Спасибо, все хорошо.

– Чудненько, – темно-карие глаза шефа смотрели взволнованно. Чуть кривоватая подводка на правом веке придавала взгляду комически-печальное выражение. Игорь Маринович вдруг показался Насте похожим на старого клоуна, который забыл переодеться после арены.

– Анастасия, услуга за услугу.

– Да?

– В следующую субботу мне нужна спутница. На одно… э… закрытое мероприятие. Я могу на вас положиться?

– Конечно, – растерянно согласилась Настя.

– Чудненько, – шеф подмигнул и выпустил Настин локоть. Распрямился, поправил прическу и обычной пританцовывающей походкой направился к своему кабинету.

Похожий на клоуна, выходящего на арену под аплодисменты зрителей.

Настя заметила, что с появлением Чебурашки ей стало легче жить.

Нет, все страхи, сложности никуда, конечно, не делись. И воспоминания об Индейце, о прошлой жизни и о Доме социальных сирот. И самый главный страх, что, если она не справится, если ее индекс упадет ниже минимума, ей не разрешат жить самостоятельно и заберут обратно, в дом сирот, откуда второй раз выбраться уже будет сложнее. И ощущение нелепого, дикого маскарада, костюмированной игры, в которую играли окружающие. На работе – Игорь Маринович и Верочка; соседи – женщины, закутанные с головы до пят в черные одежды, хмурые бородатые мужчины; в телевизоре – симпатичные молодые ребята с остроконечными ушами, которые серьезно говорили о праве своего этно-меньшинства на самоопределение и необходимости уважения давно сложившихся эльфийских традиций.

Настя часто засыпала в слезах. Почему-то именно по вечерам ей часто казалось, что Индеец никогда больше не придет. Не спасет ее, не выведет из этого жутковатого, вывернутого мира, где даже любимые Настины детские сказки пересказывают неузнаваемо и нелепо.

– …И вскочила Василиса Храбрая на коня, подпоясалась мечом и поскакала на поиски Ивана-царевича, которого унес Змей Горыныч… И отругала Ивана – мол, что ж ты, царевич, обижаешь Змея нашего Горыныча? Нешто он не имеет права на личное счастье потому, что не такой, как ты? Устыдился Иван-царевич. И поженились они все, втроем со Змеем Горынычем, и стали жить долго и счастливо.

– Поженились втроем? – удивленно переспросила Настя.

Взгляды воспитательницы и детей обратились на нее с одинаковым выражением осуждения и брезгливой снисходительности.

– Тебе что-то непонятно, деточка? – сладким голосом поинтересовалась воспитательница и фальшиво улыбнулась. В ее глазах был холод.

Насте стало неловко. Как новенькую, на занятиях в Доме социальных сирот ее определили в младшую группу. Но даже шестилетки смотрели на нее с превосходством, зная многие вещи, которые она не понимала.

– А… кто тогда у них был муж? – запнувшись, смущенно сказала Настя.

– Влада Ольговна, что такое муж? – спросил один из слушателей – то ли мальчик, то ли девочка, Настя не поняла. Младших воспитанников стригли и одевали одинаково, в образовании также исключая различия между мальчиками и девочками. Только в старших классах давали возможность выбора одежды и занятий, неявно поощряя в девочках развитие мужественности, а в мальчиках – женственности. Так детям было проще устроиться в дальнейшей жизни.

Двенадцатилетняя Настя со своей косичкой, бантиками, привычкой к платьям, готовке и вышиванию оказалась объектом насмешек и даже презрения.

– Мы не употребляем устаревших слов, деточка, – внушительно сказала воспитательница. – В следующий раз за это будут сняты баллы с твоего индекса. Запомните, дети, что я сказала.

Дети, улыбаясь, закивали. Каждый из них получал возможность заработать себе дополнительные баллы, если донесет о нарушении запрета.

Индекс гражданина присваивался, конечно, после совершеннолетия, но дети в Доме социальных сирот носили свои детские браслеты. Индексы вел учительский совет на отдельном сервере. Правила были примерно те же, что и во взрослом мире.

Неудивительно, что у Насти сейчас был такой низкий индекс гражданина, – в Доме социальных сирот у нее тоже всегда не хватало баллов…

Раньше, когда она думала, что Индеец никогда не придет, Насте хотелось умереть. Уснуть и больше не проснуться.

А теперь она думала – а как же Чебурашка? Кто будет его кормить? Если, предположим, Настя умрет во сне и никто о ней не вспомнит, Чебурашка тоже умрет от голода и жажды. Будет тихо хныкать, беспомощно дергать короткими лапками, но так и не сможет ни подняться, ни тем более выбраться из коробки. Представив себе эту жалостливую картину, Настя решила пока не думать о смерти. В конце концов, Чебурашке было еще хуже. Он не мог сам передвигаться, есть, пить. Не говоря о том, чтобы ходить на работу, разговаривать или найти себе новое жилье.

У него вообще не было никакого выбора.

А через неделю Чебурашка заговорил.

Настя уже привычно каждый вечер торопилась домой, покупала по дороге молоко, чтобы сварить зверьку свежую кашу. Больше всего он любил манную, но Гертруда советовала разнообразие, поэтому Настя готовила разные.

Усаживала Чебурашку на колени, кормила с ложечки, не торопясь, чтобы он успел прожевать. Поила сладким чаем. Чай ему нравился с лимоном – зверек потешно морщился, причмокивал и торопливо тянулся за добавкой.

Настя с ним разговаривала. Рассказывала про Индейца, про прежнюю жизнь до Дома социальных сирот. Чебурашка слушал с удовольствием, держался лапками за Настину руку, подрагивал большими ушами, смотрел пристально умными желтыми глазами. Больше всего ему нравилась история про то, как Настя потерялась в лесу, а Индеец ее нашел. Чебурашка замирал, сжимал в лапках Настин палец и следил за ее лицом, не отрываясь.

И однажды, когда Настя замолчала и сидела задумчиво, вспоминая, как было страшно и одиноко в лесу, и шевелилось и рычало в темноте что-то большое и жуткое, и она уже не верила, что снова увидит дом, Чебурашка крепко сжал маленькими пальчиками ее палец и

вдруг отчетливо сказал:

– Потерялась.

Настя вздрогнула и ошарашенно посмотрела на него. Пролепетала изумленно:

– Ты говоришь?

Чебурашка молчал, только смотрел на нее грустными большими глазами.

– Ты почему не сказала, что он разговаривает? – спросила Настя у Гертруды, позвонив ей в тот же вечер.

– Что?! – изумилась Гертруда и некоторое время шумно дышала в телефон. Потом уточнила севшим голосом: – Ты имеешь в виду, осмысленно разговаривает?

– Ну, – замялась Настя, которая сама до сих пор не очень верила в происшедшее. – Более или менее.

Гертруда помолчала, потом сказала непривычно тихо и взволнованно:

– Ты понимаешь, что это куда хуже, чем могло бы быть?

– Что?

– А ты понимаешь, лапушка, что он в таком случае чувствует?

Джамиля Чебурашку испугалась.

Воскликнула:

– Шайтан! – и, подхватив длинные юбки, отпрыгнула от Насти со зверьком почти на середину комнаты.

Настя расхохоталась. Ей, пожалуй, впервые за все годы с того момента, как ее забрали в Дом социальных сирот, стало по-настоящему весело. Очень уж испуганное было лицо у Джамили, и с таким удивительно человеческим недоуменным выражением смотрел на нее Чебурашка.

– Ты что, телевизор не смотришь? Интернет не читаешь? – сквозь смех спросила Настя. – Правда, сейчас вроде как раз ограничивают самостоятельное проектирование животных…

– Муж не разрешает, – буркнула Джамиля.

Она все-таки согласилась выпить чаю, уселась на самый край табурета, неодобрительно косясь на Чебурашку у Насти на руках.

– Замуж тебе надо, – заявила она, отодвигая чашку. – И детей.

– Зачем? – удивилась Настя.

– Ребенка надо растить, а не с этим чудовищем возиться.

– Кому надо?

– Муса мой брат, знаешь? Поговорить просил. Ты ему нравишься. Нашу веру примешь, возьмет тебя замуж.

– Спасибо. А… – Настя замялась, отвела взгляд, – он мне тоже Интернет будет запрещать? А если меня с другим мужчиной увидят, камнями забьют насмерть? Как тех? – она коротко кивнула в сторону окна.

– Настья, – помолчав, хмуро сказала Джамиля, – тебе здесь плохо жить, да? Если тебе так не нравится в нашем Петроградском районе, почему не переедешь, ну, вот в Купчино. А?

– В Купчино эльфы, – вздохнула Настя. – Я не знаю, куда переезжать, чтобы… Джамиля?

– Да?

– А тебе самой так нравится жить?

Джамиля подняла голову, посмотрела пристально. Поджала губы. Тихо сказала:

– Меня не спрашивали.

Настя потянулась, взяла ее за руку, пожала легонько.

И тут поверх ее ладони легла маленькая лапка, и Чебурашка сказал, печально глядя в лицо Джамили:

– Потерялась.

Джамиля округлила глаза, охнула еле слышно:

– Шайтан! – и сползла с табурета на пол.

В субботу утром Игорь Маринович прислал Насте коробку с короткой запиской: «в семь ноль-ноль у подъезда». В коробке лежало длинное, совершенно роскошное платье. Тяжелый переливающийся шелк и кружево, украшенное малюсенькими жемчужинками. Настя немедленно примерила и долго смотрела на себя в зеркало, не узнавая. Она была похожа на принцессу из старых сказочных фильмов. Тех, где принцесу похищал Змей Горыныч, а храбрый принц ехал за тридевять земель ее вызволять из плена.

У подъезда ожидало такси с затененными стеклами.

– Анастасия, – позвал из салона приглушенный голос Игоря Мариновича, – поторопитесь.

Шеф был не похож на себя. Черный смокинг, бабочка на белоснежной рубашке, узкие отглаженные брюки, коротко стриженные приглаженные волосы. Без сережек и макияжа его лицо казалось незнакомым – мужественным и даже немного суровым.

Коротко кивнув и улыбнувшись, он натянул черную полумаску, поправил завязки на затылке и протянул похожую маску Насте – только золотистую, в цвет ее платья.

– Маскарад? – неуверенно спросила она.

– В некотором роде.

Это был самый настоящий бал. С дворецким в роскошной ливрее у подножия длиннющей лестницы, выложенной коврами. С блеском и сиянием сотен свечей, зеркал, подвесок хрустальных люстр, бриллиантов на обнаженных шеях, стразов в складках бархатных и шелковых платьев, шампанского в стеклянных бокалах. С волшебной музыкой настоящего оркестра – то завораживающе-плавной, то игривой, как вспышки пузырьков шампанского на языке.

– Игорь Мари…

– Игорь, – перебил шеф, улыбаясь. – И Настя. Да? Вот и хорошо. Попробуйте, Настенька, икру, сегодня она особенно хороша.

Игорь Маринович научил ее танцевать вальс. Оказалось, это не так уж и сложно. Теплые губы, пахнущие шампанским, шептали у самого уха: «раз-два-три», и Настя почти ни разу не сбилась.

Голова кружилась – от шампанского, музыки и вальса. Настя зажмурилась и вдруг представила, что вместо Игоря Мариновича рядом с ней Индеец. Счастье сейчас же затопило ее от макушки до пяток – искристое и сверкающее, как глоток шампанского. Настя улыбнулась и положила голову на плечо своему спутнику.

– Я не знала, что так бывает. Это как… как в старом фильме. Спасибо, – сказала Настя с благодарностью, когда они с Игорем уселись передохнуть от танцев за столик.

– Настенька, это тебе спасибо, – восхищенно улыбаясь, сказал шеф, – я знал, что именно ты будешь так чудесна здесь в этом платье. Такая девушка, как ты… таких почти не осталось… Видишь ли… тут как бы такой закрытый клуб, мы иногда устраиваем вечера, хотя это несколько как бы незаконно.

– Я никому не скажу, – перебила Настя. И смущенно попросила: – Можно будет еще когда-нибудь…

– Не только можно, а более того… – взгляд Игоря Мариновича стал пристальным и взволнованным. – Анастасия, ты выйдешь за меня замуж?

– Что? – изумилась Настя.

– Ну, то есть, – замялся Игорь Маринович, – формально это будет, конечно, не совсем так. Ты понимаешь, мне нужно думать о репутации и о своем индексе. Браки старых традиций сейчас совершенно невозможны для человека моего положения. Но у нас есть чудесный вариант. Змей.

– Кто?

– То есть формально он как бы эльф. Делал косметическую операцию на лице с посеребрением кожи, и что-то там не удалось – в общем, у него сейчас зеленая физиономия.

Страшновато на первый взгляд, но потом привыкаешь. Если мы вместе с ним, Настенька, зарегистрируем семейную триаду, это будет просто великолепно.

– Правда? – слабо улыбнулась Настя. Хмель потихоньку рассеивался, захотелось зажмуриться от слишком яркого света свечей и люстр, приглушить слишком громкую музыку. – И поженились они все, втроем со Змеем Горынычем, и стали жить долго и счастливо, – пробормотала она. – И, правда, какое чудесное предложение…

– Гертруда, – попросила Настя, – а ты не возьмешь меня на работу? Ну, тебе же, наверное, нужна помощь с твоими зверями? Денег не надо, а едим мы с Чебурашкой немного, ну и если переночевать где…

– Хо, – удивленно сказала Гертруда, едва не выронив трубку изо рта. – Лапушка, у тебя же вроде есть работа? И квартира? И как его, этот ваш чертов индекс вроде уже на приличном уровне, ты говорила?

– Да ну его, – Настя махнула рукой. – И я, кажется, увольняюсь.

– Перед такими переменами в жизни надо выпить, – заявила великанша.

Залезла в буфет, позвякала там стеклом и выставила две пузатые бутылки.

– Виски? Коньяк? С теперешним общественным устройством скоро совсем не останется приличного алкоголя. Ты замечаешь, лапушка, что все летит в тартарары? Беда ведь, лапушка, в чем?

– В чем? – Сначала коньяк показался Насте слишком крепким, но потом она научилась, как велела Гертруда, растягивать каждый глоток, катать на языке, вслушиваясь в аромат. Потом прихлебывать терпким черным чаем. Получалось интересно, и даже разглагольствования Гертруды становились все более ясными и понятными.

– Видишь, что получилось из неплохой вроде бы идеи. Вот возьмем странность, отклонение от некой общепринятой нормы. С одной стороны, никуда не годится странности запрещать. Тем более за это наказывать, преследовать, травить и тем более убивать. Что мы при этом получаем? Правильно. Закоснелое, неразвивающееся традиционное общество, где все живут в страхе быть не такими, как все. С другой стороны, что мы получили сейчас, когда как бы странности разрешили?

– Что?

– Закоснелое, неразвивающееся общество с идиотскими странностями вместо умных, выверенных временем традиций. Общество, где все живут в страхе быть такими, как все. Верно? Тупик какой-то, да?

– Тупик, – вздохнула Настя. – Чебурашка сказал бы – потерялись.

– Потерялись. Но не тупик, – возразила Гертруда. Хлебнула коньяка. Зажмурилась. – А штука вот в чем. Люди как бы хотели сказать, что они уже умные и развитые. Изменили отношение к норме, понимают и уважают любую странность. А на самом деле? Мы не изменили отношение. Мы просто изменили норму. Теперь мы преследуем не панков и хиппи, а тех, кто не панк и не хиппи. Все, что складывалось веками и тысячелетиями, шлифовалось, отлаживалось, мы сломали и искорежили в один миг. Вместо того чтобы подобрать бездомного щенка и воспитать себе друга и помощника, мы создали нелепого Чебурашку, несчастного уродца, которого теперь надо кормить с ложечки, чтобы он не умер…

Чебурашка волновался, пока Настя собирала вещи. Похныкивал, возился, катал свой апельсин. Может быть, беспокоился, что Настя уйдет и забудет его в пустой квартире. Может быть, боялся, что там, куда они переедут, будет хуже, чем здесь.

Настя взяла его на руки, погладила, успокаивая. Чебурашка невнятно поворчал, потом ухватил Настю за палец, посмотрел в лицо встревоженными ярко-желтыми глазами. Спросил взволнованно:

– Потерялась?

– Потерялась, – согласилась Настя. – Только нельзя всю жизнь сидеть и ждать, что тебя

найдут и приведут за руку к дому. Понимаешь? Может, этого дома уже нет. А может, нет того, кто мог тебя найти и взять за руку, – Настя запнулась, в горле встал комок, глаза заслезились. Она погладила Чебурашку по голове. – Поэтому надо вставать и идти самой. Искать дорогу. Искать свой дом. Понимаешь?

Чебурашка смотрел внимательно, иногда моргал длинными пушистыми ресницами. Наверное, тот, кто его придумывал, хотел, чтобы получился красивый, умный и веселый зверек. Наверное, он тоже прочел ту книжку, которую дала Насте Гертруда. И что-то было ужасное, неправильное, несправедливое в том, что человек, прочитавший хорошую добрую книжку, придумал и создал такого нелепого беспомощного уродца. А потом, не зная, что делать с этим уродцем, подбросил его в собачий приют.

Из хорошей идеи получается иногда такая мерзость, как правильно говорит Гертруда.

«Но, с другой стороны, – подумала Настя, – это ведь он меня спас. Это Чебурашка вытащил меня из моего леса, где я потерялась. Значит, все правильно получилось. Правильно и хорошо».

Настя улыбнулась Чебурашке, он понял и ответил на ее улыбку – весело сморщил мордочку.

– Все будет хорошо, – пообещала ему Настя.

И вздрогнула от дверного звонка, едва не выронив Чебурашку из рук.

«Наверное, Джамиля. Вот и ладно, – подумала Настя, – как раз надо бы попрощаться».

На пороге стоял мужчина. Высокий, худой, в обтрепанных джинсах и брезентовой куртке.

– Ну, ты и забралась, Настюха. Еще бы в берлогу залезла, – сказал он, широко и счастливо улыбнувшись.

– Индеец, – выдохнула Настя, бросилась ему на шею и заплакала.

– Ну чего, – сказал он, осторожно вытирая слезы с Настиных щек, – чего ты, Насть. Я же обещал, что тебя найду.

– Столько лет, – всхлипнула Настя.

– Я искал. Ты ведь знаешь, семьи отщепенцев специально разбивают, фамилии меняют, чтобы мы друг друга не нашли. Я когда из своего Дома СС сбежал…

– Ты оттуда сбежал? Как?

– Ну, – Индеец самодовольно хмыкнул, – я три раза убегал. Ловили. Потом все-таки сбежал, вернулся домой. Там уже не было ничего, конечно. А потом я деда Егорыча нашел, он недалеко в лесу прятался. А теперь мы… Поехали, Насть, а? Поехали домой? Я тебе все по дороге расскажу.

Машина неслась по шоссе, взрыкивая на поворотах. На заднем сиденье, в кошачьей переноске, возился Чебурашка.

Ветер бил в лицо. Настя улыбалась, иногда протягивала руку, дотрагивалась до Индейца – проверяла, что это все на самом деле.

Индеец рассказывал.

– Как вы здорово придумали, – сказала Настя.

– Ну, прикинь, оказалось не так уж и сложно. В общем, нас-то таких уже сейчас действительно меньшинство. Правда, Егорыч говорит, народ повалит, как узнает. Когда мы станем не изгоями, а как бы наравне со всеми. Потом Егорыч узнавал по каким-то своим источникам, что там, ну, наверху, тоже сильно встревожены тем, что происходит. Получилось, мол, совсем не то, что хотели. Катастрофа получилась. Население сокращается стремительно. Депрессии, самоубийства, рождаемость на нуле. Ну, реальную статистику замалчивают, как всегда, конечно. Так что нам поддержка будет. Вот смотри, видишь, река, а за ней дома начинаются. Приехали.

– Димкус! – обрадовался Егорыч. – А мы тут без тебя…

Он широко махнул руками.

Два молодых человека в одинаковых серебристых костюмах за соседним столом

одновременно подняли головы от мониторов и посмотрели на Димку с одинаковым неодобрительным выражением. Он торопливо моргнул несколько раз, проверяя, не двоится ли у него в глазах.

– Юристов дали, – сказал Егорыч, кивая в сторону блестящих близнецов. – И мы тут… Название придумали. И вот, глянь. – Едва не опрокинув немытую чашку с разводами кофе, Егорыч сгреб со стола охапку бумаг с текстом, исчирканным вдоль и поперек, гордо встряхнул. – О-па, устав почти готов. В компьютере осталось поправить. Они тут, – Егорыч покосился в сторону поджавших губы юристов, – веселились, что я с бумагой работаю, а не с монитором. А чтоб не сильно ржали, я им сказал, что еще заставлю их итоговый вариант на бересту переписать. Ничего идея?

– Вполне, – одобрил Димка.

– А какое название? – спросила Настя.

– Люди старых традиций. Ничего?

– Ну, насчет традиций как-то, – засомневалась Настя, вспомнив разглагольствования Гертруды.

– Все еще в процессе, – махнул рукой Егорыч. – Можем поменять. Это здорово, что вы приехали. Он тебя, Настасья, знаешь, как искал? Ого. Я думаю, все это дело только для этого и придумал, а, Димкус?

– Ну… – смутился Димка.

– Индеец, – сказала Настя, дернув его за рукав, – а давай где-нибудь Чебурашку разместим? Он столько часов в дороге, устал.

– Это кто тут у вас? – заинтересовался Егорыч. – Кот? Очень своевременная животная, я тут мыша под полом слышал.

– Не совсем, – Настя достала из переноски Чебурашку. Егорыч отпрянул.

– О-па, – сказал он, – это из этих, мутированных уродцев? Не, Димкус, давайте везите его обратно. У нас такое нельзя.

– Как нельзя? – удивилась Настя. Посмотрела на Индейца. Тот смутился.

– Ну, – сказал он, – слушай, Насть. Это, правда, не того. Противоречит всему, что мы заявляем.

– Во, – подтвердил Егорыч. – Именно.

– Хочешь, я тебе котенка подарю? Или щенка?

– Вот он очень прав, барышня, особо советую кота. А этого чудища с юристами отдадим, пусть в город свезут, они туда едут сегодня. Возьми его Димкус, упакуй обратно.

Настя отступила от протянутых рук Индейца.

Прижала к себе Чебурашку.

На глазах набухали слезы.

«Как же так, – подумала она, глядя на Индейца, – я так мечтала, что он меня найдет. А теперь я что, сама от него уйду?»

Хотелось расплакаться, уткнуться в плечо Индейца. Чтобы он погладил по голове, утешил, взял за руку и отвел домой. Пусть решает, как надо. Пусть возьмет Чебурашку и вернет обратно Гертруде. Поставит коробку под дверь и нажмет звонок. Надо только напомнить, чтобы не забыл положить апельсин, чтобы Чебурашка не скучал. Ничего страшного, с ним ничего не будет, Гертруда его возьмет к себе. Неважно, что она скажет. Потому что Настя не услышит. Потому что это глупо – выбирать между человеком, которого она ждала всю жизнь, и…

Настя смахнула слезы. Отступила еще на пару шагов, чтобы точно не передумать.

– Индеец, – сказала она. Глубоко вздохнула, как перед прыжком в холодную воду, и взглянула в лицо, которое представляла столько раз в мечтах. – Если я его брошу, это будет как… как если бы ты меня тогда нашел в лесу, а потом бросил одну. Если ему здесь нельзя, я тогда уеду вместе с ним. Туда, где для него тоже будет дом. Извини.

– Настюха, – растерянно позвал он.

– Слушай, Димкус, – дернул его за рукав Егорыч, – брось. Одумается, вернется. А не

одумается… Нам такое правда нельзя. Иначе все, что мы тут придумывали, не годится.

Индеец посмотрел на Настю. У него были очень отчаянные и больные глаза, как у третьей головы Цербера из первого блока.

– Настька, – сказал он тихо, – ты что, думаешь, я могу тебя найти, а потом бросить одну в лесу?

– Димкус, отпусти ее. Видишь, она не хочет…

Индеец даже не обернулся.

– Настюха, я тебя нашел, – сказал он. – А значит, дальше мы пойдем вместе. Туда, где тебе будет хорошо. И мне. Нам обоим.

– Э, стойте, ребята, – растерянно пробормотал Егорыч, – вы чего? Серьезно? Димкус, мы же с тобой это место выбирали, а? Ты говорил, чтоб река, лес, чтоб, значит, твоей Настасье понравилось. И чего теперь? Ну, можно как-то так, чтоб никуда не уходить, а?

Настя замялась под их взглядами – умоляющим – Егорыча и отчаянным – Индейца.

– Можно, наверное, – неуверенно сказала она. – Если этот ваш устав как-то переписать…

– Перепишем, – пообещал Егорыч, – перепишем все наново, как скажете. Хоть на глине, хоть на бересте, – он махнул рукой. – Чего это все мне одному? Надо, чтоб и вам… Место хорошее тут. И климат. Пусть ваш дом будет здесь.

– И его, – сказала Настя, показывая на Чебурашку.

– Пусть и его тоже, – согласился Индеец.

Владимир Березин
Вечера в Териоках

Они сперва шли вдоль берега Залива, а потом свернули на дорожку между дачами.

Ночь кончалась, да, впрочем, и ночи в Териоках сейчас никакой не было.

Двух собеседников окружала тишина, и даже птицы, казалось, замерли, набираясь сил. Только слышен был в этой тишине ритмический шум прибоя.

Один из прогуливающихся был совсем молод. Он, почти мальчик, худой и высокий, продолжал длинный разговор:

– И все-таки: я люблю работать по ночам – у нас были сложности с лабораторией, приборов мало, а ночью все свободно, никто не мешает. Люблю ночь.

– Любовь к ночным светилам прекрасна, но не проворонь ваши дни: вам нельзя отказываться от общения со студентами. Настоящему ученому нужно преподавать: только так вы будете проверять самого себя. Студенты безжалостны, – отвечал ему старик с острой бородкой, – но устоявшее после их проверки стоит, как правило, прочно.

– Студенты сейчас больше думают о революции, а не об интегралах.

– Это пройдет. И революция, и половой вопрос.

– Половой вопрос пройдет? Взаправду?

– Ну не он, а ажитация.

– Так все пройдет, но какой ценой мы оплатим наши эксперименты?

– Это не *наши* эксперименты, а – их, – старик произнес «наши» с сильным нажимом.

– *Наши* , – молодой отвечал старику с тем же нажимом, – просто мы в качестве лабораторных крыс, а не экспериментаторов. И отказаться нельзя.

Наша революция – прямое следствие той, французской. Они ведь все придумали за наших эсеров – закон за законом, пункт за пунктом. Никаких, прости Господи, марксистов, никаких бомбистов. У них уже были все нужные слова: «враг народа», «контрреволюция», «революционный трибунал», «ревком»… Ну и прочее – если в России снова начнут, им вовсе не нужно будет ничего изобретать. Нас с вами гильотинируют… нет, все же расстреляют по новому «Закону о подозрительных».

Все эти желания кровавых перемен и массового живодерства не в культуре, а внутри человека. Вот даже эротические эксперименты у наших союзников-лягушатников уже

были – и вполне революционные. Маркиза де Сада из Бастилии, кстати, освободили… Впрочем, не помню точно, как там было.

В этот момент окошко одного из финских домиков открылось, и оттуда вывалился молодой человек довольно странной наружности. Во-первых, он был в мятой блузе, какую обычно носят художники, а во-вторых, идеально брит и головой напоминал бильярдный шар. Со стороны могло показаться, что из окна его выбросил пороховой заряд.

Молодой человек встал и, отряхнувшись, погрозил кулаком в окно.

Затем он снова похлопал себя по брюкам, счищая песок, и споро пошел в сторону железнодорожной станции.

– Да-с, – с некоторым недоумением заметил старик. – Вот случай. И, боюсь, мы никогда не поймем, что это было.

– Да что тут думать? Кого-то выкинули из дому за дурное поведение, возможно, человек напился и позволил себе лишнее. Наблюденные факты иногда очень просты. Даже физические факты.

– Как знать, вдруг когда-нибудь физические законы окажутся слишком сложными? Такими сложными, что вы не поймете моей работы, а я – вашей? Сейчас 1912 год, а кто знает, что будет через сто лет? Я через пару лет уже не узнаю научного пейзажа. Но мы – естествоиспытатели природы, – мы будем нужны всегда. Только давайте вернемся, надо заснуть, прежде чем проснется наша молодежь. А вечером нас опять будут терзать про Эйнштейна и теорию относительности – мои гости всегда путают дачную жизнь с публичным лекторием.

И прогуливающаяся пара повернула обратно.

Но вечером ни молодого физика из второй столицы, ни профессора Е. И. В. Санкт-Петербургского университета и многих почетных званий и орденов кавалера не расспрашивали ни о теории относительности, ни о скорости света, не о машине времени.

Говорили на дачной веранде о революции, да только о революции особого рода – «половом восстании», как это явление назвала стриженая курсистка.

Едва слышно, но очень быстро хлопал крылышками мотылек, пожизненный узник абажура.

В круге света тускло светились лафитники и чайные чашки.

Говорили о проблеме пола, и студент в расстегнутой тужурке уже прочитал чужое стихотворение:

«Проклятые» вопросы,
Как дым от папиросы,
Рассеялись во мгле.
Пришла проблема пола,
Румяная фефела,
И ржет навеселе.

Москвич с опаской полез в разговор, как купальщица в быструю реку:

– Но это еще не все там! Помните, как там кончается?

Научно и приятно,
Идейно и занятно –
Умей момент учесть:
Для слабенькой головки
В проблеме-мышеловке
Всегда приманка есть.

– «Проблема-мышеловка» – как верно это сказано!

Но его не слушали.

Какое-то странное напряжение сгустилось в воздухе – его рождали близость моря, запахи сосен и близость молодых женщин, казавшихся доступными, – причем доступными не так, как раньше, а по революционному обету, для прогресса.

Говорили также о том, что в будущем случится свобода не только социальная, но и половая. Причем для всех. Вспомнили и изломанных молодых людей, что томно сидели в летних ресторанах, не особо скрываясь.

Приехавший из города знаменитый писатель утверждал, впрочем, что энергия, накопившаяся в педерастах, послужит делу революции – ибо она только увеличивается и копится под спудом.

Старик-профессор брезгливо поморщился:

– Это ж содомия. Вот завтра заглянет к нам наш сосед-дьякон, он вам подробно это распишет.

– Бросьте, а Чайковский… – не отставал писатель.

– Нет, Чайковского мы вам не отдадим, скотство какое! Сводить Чайковского к содомии!

– Да отчего же скотство!

– Да оттого! Оттого, что приказчик, причем всякий приказчик теперь думает: «Ага, Чайковский-то кто!» И вот от этого приказчик чувствует, что он в своей низости ближе к Чайковскому, что своим выдуманным грехом Чайковский со своей бессмертной музыкой становится ниже – на один уровень с толпой. Понимание его музыки, которое трудно и требует работы над собой, замещается обсуждением мерзкого слуха…

Москвич с любопытством слушал все это, но теперь уж в разговор не мешался.

Он снимал тут не дачу, а сарай у одного финна. Сперва, когда он завез в сарай оборудование, финн решил, что новый жилец решил устроить у него динамитную мастерскую, и даже привел полицейского. Московский гость показывал бумаги и чертежи, но убедил осторожного финна визит адмирала из Петербурга. Адмирал был на самом деле кораблестроителем, полным академиком и более академиком, чем генералом.

Черный мундир адмирала произвел на финна неизгладимое впечатление – как, собственно, и предполагалось.

Но как только дверь дачной лаборатории закрылась, мундир повис на стуле, а суровый адмирал стал ползать под странным агрегатом, состоявшим из баллонов, насосов и электрических моторов. Его заинтересовала идея остановить движение молекул абсолютным холодом и обратить его вспять, вернув тем самым прошлое. Пустить время обратно – чем не прекрасная идея, вот и приехал академик посмотреть на молодого, да раннего гения. Приехал он по совету своего давнего друга-профессора, который каждое лето жил среди финских сосен и скал.

А молодой, да ранний каждый вечер ходил к своему соседу, на даче у которого собиралась молодежь. Старик любил молодых без разбору на чины, он был одинок – гости заменяли ему семью.

Иногда хозяин с московским гостем отправлялись гулять в середине ночи – они оба ценили это время, годное для неспешных мыслей. День – время решительных обобщений и смелых деклараций, а ночь хороша для осторожных рассуждений и медленных исследований.

Под утро молодой москвич двинулся к своей лаборатории, в ставший уже родным сарай.

Он пошел по тропинке между дачами и вдруг увидел за кустами на берегу лежащее тело. Москвич всмотрелся в странную позу и обнаружил, что в руке у лежащего зажат револьвер.

«Самоубийца», – с ужасом подумал москвич, но в этот момент тело пошевелилось. Крепкий юноша со светлыми кудрявыми волосами просто спал – но спал отчего-то с

оружием в руке.

«Нет, не понять мне этих петербуржских нравов, – подумал тогда москвич. – А ну как этот молодец просто охраняет лодки, да и заснул за этим делом. Лодки, я слышал, тут воруют и перекрашивают. Лодки и взаправду рядом нет… Но все же, как это я его быстро принял за самоубийцу – как отвратительно быстро это я сделал. Самоубийства у нас стали модными, не пугают гимназистов черти со сковородками. Да и гимназисток не пугают. Вот и я, дурак, вижу все пессимистически – а этот парень просто приплыл на лодке из Сестрорецка да принялся ловить фармазонов, что покушаются на таких, как он».

Поздним утром все сошлись на профессорской даче за завтраком.

Молодой человек сидел со своим наставником, который отговаривал его переезжать в северную столицу: «А не заклюют ли вас тут на болотах, голубчик, а? Лучше жить дома, подальше от двора, как нам, помните, завершал Плиний-старший».

Потом на веранде появился и Писатель.

Писатель с утра был помят и глядел медведем, не вовремя прервавшим спячку. Москвич спросил его (больше из вежливости):

– А что вы пишете? Что сейчас вы пишете?

Писатель поднял на него глаза и сказал, что сочиняет роман о России будущего.

Там не будет церкви вовсе. И венчаний не будет.

– Да, помилуйте, как же так?

– А заметьте, – прошептал хозяин москвичу. – Заметьте, что наш священник взят напрокат из «Дуэли» Чехова?

Москвич согласился, но в этот момент Писатель, переваливаясь корпусом, действительно как медведь-шатун, подошел к ним.

– Я хотел бы узнать ваше мнение как физика, – он ткнул пальцем в старика. – Вот в чем дело – в моем романе через сто лет все человечество объединилось.

И для развития прогресса ему понадобилось электричество в невиданных доселе количествах – поэтому тысячи техников, инженеров, астрономов, математиков, архитекторов и других ученых специалистов будут самоотверженно работать над осуществлением самой вдохновенной, самой героической идеи: Всемирный Союз Анархистов решит обратить земной шар в гигантскую электромагнитную катушку, и для этого обмотали его с севера до юга спиралью из стального, одетого в гуттаперчу троса, длиною около четырех миллиардов километров. На обоих полюсах они воздвигнут электроприемники необычайной мощности и, наконец, соединили между собою все уголки земли бесчисленным множеством проводов.

Управление будет осуществляться с Северного и Южного полюса, с главных станций великой Электроземно-магнитной Ассоциации. И вот дальше…

Писатель остановился и обвел дачную веранду похмельным взглядом, снова остановившись на хозяине и его молодом друге.

– Послушайте, вы же физики, вам должно быть это понятно – неистощимая магнитная сила Земли приводит в движение все фабрики, заводы, земледельческие машины, железные дороги и пароходы. Она освещает все улицы и все дома и обогревает все жилые помещения. Она делает ненужным дальнейшее употребление каменного угля, залежи которого, кстати, скоро иссякнут. Она стирает с лица земли безобразные дымовые трубы, отравляющие воздух. Она избавляет цветы, травы и деревья – эту истинную радость земли – от грозившего им вымирания и истребления. Наконец, она дает неслыханные результаты в земледелии, подняв повсеместно производительность почвы почти в четыре раза. А, каково? Но что вы мне еще могли посоветовать?

– Но как я могу вам советовать? – добродушно ответил старик. – Это же у вас, позвольте сказать, аллегория! Никакого отношения к реальной науке это иметь не должно, да и не имеет.

– Как, разве электричество не получается из магнетизма?

– Получается. Но для этого вовсе недостаточно опутать всю землю проводами, да к

тому же почему стальными, а не медными?

– Вы оставьте это, тут у меня пафос социальный. Это ведь у меня царство иных людей, по-настоящему свободных, они красивы и телом и душой, как настаивал Чехов. Да и одеждой красивы, хотя одежда им, может, и вовсе не понадобится. Климат изменится, и все будут будто в раю.

– То есть голые?

– Не голые, а как античные статуи. Они будут открыты любви. Любовь тоже будет свободной.

– Далась вам эта свободная любовь! Бывает ли несвободная?

– Нет, слушайте дальше – эти человекобоги соберутся вместе – и все будет общим, они совместно будут воспитывать детей. Все будет по желанию, и ничего запретного.

– И чувства мужчины к мужчине?

– Разумеется. И вот герои собираются в какое-нибудь общественное место. Натурально, вокруг мороз и холод, а тут стеклянные стены и все обогрето электричеством. Там собираются люди, прекрасные, как греческие боги, лишенные былых пороков, действующие только сообразно своим свободным желаниям. Они сидят за столами, танцуют и прогуливаются по огромной зале и вспоминают нас. У них праздник, и они вспоминают нас, да-да!

И вот встает их вождь и говорит: «Дорогие мои сестры и братья! И вы, прелестные женщины, к которым теперь обращена моя страсть! И вы, сестры, прежде любившие меня, вы, к которым мое сердце преисполнено благодарностью! Слава вечно юной, прекрасной, неисчерпаемой жизни. Слава единственному богу на земле – Человеку. Воздадим хвалу всем радостям его тела и воздадим торжественное, великое поклонение его бессмертному уму!

Вот гляжу я на вас – гордые, смелые, ровные, веселые, – и горячей любовью зажигается моя душа! Ничем не стеснен наш ум, и нет преград нашим желаниям. Не знаем мы ни подчинения, ни власти, ни зависти, ни вражды, ни насилия, ни обмана. Каждый день разверзает перед нами целые бездны мировых тайн, и все радостнее познаем мы бесконечность и всесильность знания. И самая смерть уже не страшит нас, ибо уходим мы из жизни, не обезображенные уродством старости, не с диким ужасом в глазах и не с проклятием на устах, а красивые, богоподобные, улыбающиеся, и мы не цепляемся судорожно за жалкий остаток жизни, а тихо закрываем глаза, как утомленные путники. Труд наш это наслаждение. И любовь наша, освобожденная от всех цепей рабства и пошлости, – подобна любви цветов: так она свободна и прекрасна. И единственный наш господин – человеческий гений!

Друзья мои! Может быть, я говорю давно известные общие места? Но я не могу поступить иначе. Сегодня с утра я читал, не отрываясь, замечательную и ужасную книгу. Эта книга – История революций XX столетия.

Часто мне приходило в голову: не сказку ли я читаю? Такой неправдоподобной, такой чудовищной и нелепой казалась мне жизнь наших предков, отдаленных от нас девятью веками.

Порочные, грязные, зараженные болезнями, уродливые, трусливые – они были похожи на омерзительных гадов, запертых в узкую клетку. Один крал у другого кусок хлеба и уносил его в темный угол и ложился на него животом, чтобы не увидал третий. Они отнимали друг от друга жилища, леса, воду, землю и воздух. Кучи обжор и развратников, подкрепленные ханжами, обманщиками, ворами, насильниками, натравляли одну толпу пьяных рабов на другую толпу дрожащих идиотов и жили паразитами на гное общественного разложения. И земля, такая обширная и прекрасная, была тесна для людей, как темница, и душна, как склеп»…

«Вот ужас, – подумал про себя москвич. – Это так он все время пишет? Это ж какая-то пародия, а не человек».

Тут писатель возвысил голос:

– Но вождь наших потомков как бы возражает самому себе, он говорит: «Однако и

тогда среди покорных вьючных животных, среди трусливых пресмыкающихся рабов вдруг подымали головы нетерпеливые гордые люди, герои с пламенными душами. Как они рождались в тот подлый, боязливый век, – я не могу понять этого! Но они выходили на площади и на перекрестки и кричали: «Да здравствует свобода!» И в то ужасное кровавое время, когда ни один частный дом не был надежным убежищем, когда насилие, истязание и убийство награждались по-царски, эти люди в своем священном безумии кричали: «Долой тиранов!»… И они обагряли своей праведной горячей кровью плиты тротуаров. Они сходили с ума в каменных мешках. Они умирали на виселицах и под расстрелом. Они отрекались добровольно от всех радостей жизни, кроме одной радости – умереть за свободную жизнь грядущего человечества.

Друзья мои! Разве вы не видите этого моста из человеческих трупов, который соединяет наше сияющее настоящее с ужасным, темным прошлым? Разве вы не чувствуете той кровавой реки, которая вынесла все человечество в просторное, сияющее море всемирного счастья?

Вечная память вам, неведомые! Вам, безмолвные страдальцы! Когда вы умирали, то в прозорливых глазах ваших, устремленных в даль веков, светилась улыбка. Вы провидели нас, освобожденных, сильных, торжествующих, и в великий миг смерти посылали нам свое благословение»!..

Две курсистки захлопали, а несколько студентов, стоявших у веранды, превратили аплодисменты в овацию.

Старик-хозяин, между тем, наклонился к москвичу:

– Давайте его разыграем?

– А как?

– Очень просто – отправим его в будущее.

– Это как?

– Приведем его в вашу лабораторию, посадим в кресло и отправим.

– Так моя машина не умеет делать этакие штуки! Ведь она устроена вовсе не так – возможно лишь на краткое время воссоздать вокруг себя прошлое, а вот путешествовать в будущее никто не может по определению.

– Но он ведь этого не знает?

– Не знает, но все едино – он же ничего не увидит.

– Нам этого и надо. Помните сказку о голом короле – он не признается и наверняка станет фантазировать. В этом и заключена вся шутка. Машина сочинять не умеет, а вот наш писатель умеет. Посмотрим, что он скажет, когда заработают ваши насосы, замигают лампочки и потянет холодом. Но куда интереснее, как он опишет воображаемое будущее. Поверьте мне, я ведь его знаю – он ужасный хвастун и не преминит что-то сочинить.

Я очень хорошо помню, каким он был в Крыму. Вместе с одним поэтом они на пару ловили скорпионов и заставляли их пожирать друг друга. Скорпионы водились в долине неподалеку. Знаете, мой молодой московский друг, они так и стоят у меня перед глазами – вдвоем, толстый и тонкий, охотились там за ними и приносили их в стеклянных банках на дачу. На даче они устраивали скорпионам гладиаторские состязания. Два скорпиона сажались в стакан, а потом в стакане они вступали в драку, и сильный пожирал слабого. Так отбирались самые сильные скорпионы; потом этих силачей стравливали друг с другом, пока не остались только сильнейшие. Победителем этого состязания оказался поэт – у него был скорпион, который мог пожрать любого другого скорпиона, сколько бы их ни подсаживали ему в стакан.

Да, коллега, я заметил, что самые лирические поэты нет-нет, а произведут нечто кровожадное. Но и наш писатель не отставал – я тогда и понял механизм его сочинительства. Он ведь пишет о себе и то и дело рассказывает, героем каких переделок он побывал, в каких дуэлях участвовал.

Мы тогда покупали вино в больших жестяных чайниках, которые были принадлежностью всякого путешествующего. Чайники надевали за ручки на два длинных

шеста, двое мужчин брали каждый шест за концы и, сопровождаемые всеми, двигались в деревню. В деревне все чайники доверху наливались молодым белым вином. Крестьяне-болгары, жившие неподалеку, брали за кружку вина, вмещавшую полбутылки, пять копеек. На обратном пути тащить чайники было тяжело, носители шестов часто сменялись. Устраивались привалы для отдыха, садились на горячие от солнца каменные ступеньки болгарских домиков. Терпения, разумеется, не хватало, и пить начинали на этих привалах – сосали вино из носиков чайников; и на дачу приходили уже слегка навеселе. И на этих привалах наш писатель тут же сочинял истории, а внимательный слушатель мог понять, что все они сделаны из чужих жизней, из баек, рассказанных накануне. Мало того что он приписывал себе идею банок со скорпионами, он врал вдохновенно – в глаза очевидцам истинных событий.

Так что, будьте покойны, настоящее приключение он не упустит. И рассказывать он будет цветисто, как Шахразада. Да и ваши опыты известны – газетчики давно прозвали их строительством машины времени.

– Да неловко как-то – разменивать науку на балаган.

– А кому, как не вам? Кому?

Но, не дожидаясь его согласия, старик подсел к писателю и, заговорщицки оглядываясь, заговорил:

– А вам не хотелось посмотреть, как там – лет через сто? Что там будет в вашем прекрасном будущем?

– Можно и посмотреть. Вы случайно не о…

– Именно! Но учтите, здесь для вас пройдет несколько секунд, а в будущем вы проведете около часа. Смотрите, не отходите там от аппарата, а то он вернется без вас, автоматически.

– А почему же я?

– Мы с моим молодым другом не можем лететь, потому что должны оперировать рычагами машины в настоящем. Ну а кому, как не вам, автору чудесной утопии, первому увидеть то, как она воплотится в реальность? Да и расскажете об увиденном вы всяко лучше нас, косноязычных.

– А это… Опасно?

– Не многим опаснее, чем полет на аэроплане. Опасность есть, но я бы не стал ее преувеличивать. Только давайте не будем никого звать – нам ведь свидетели не нужны, да?

Поутру у лабораторного сарая собрались дачники.

Хотя решили никому не говорить об эксперименте, все «под большим секретом» рассказали своим – и вот уже с полсотни человек окружили сарай московского физика.

Пришел даже молодой дьякон и осенил аппарат крестным знамением.

– Друг мой, – да что же вы? – подкатился к нему старик. – Вы ж не верите в это железное чудовище прогресса?

– Верить не верю, а человек, может, на муку идет.

– Тьфу! Да вы накаркаете еще. Скажите проще – сами, поди, не отказались бы, но звание не пускает?

– Н-нет, – сказал дьякон. – Я, конечно, и вправду не могу, но Господь не велит забегать в будущее всем. И вам оттого не посоветовал, и ему не советую.

Писатель сел в железное кресло внутри шкафа.

Загудели двигатели, начали свою работу насосы. Какое-то устройство, чавкая, стало втягивать в себя воздух.

Вдруг что-то резко засвистело в утробе аппарата, и москвич дернулся – но старик-профессор, заглянув в иллюминатор, сделал ему знак – дескать, все нормально.

Прошла драматическая минута, в течение которой старик-профессор молча стоял с трагической миной на лице.

Наконец, он сверился с одним из приборов (москвич про себя отметил, что это был

манометр газового баллона) и дернул рычаг. Дверца открылась, и писатель вылез из аппарата.

Его лицо было белым, а губы тряслись.

Ужасное будущее видел он. Ужас там был, какой-то форменный ужас!

Как только машина начала работать, писатель ощутил себя изображением, медленно проявляющимся на фотографической бумаге. Только проявлялся он сам, целиком, посреди знакомых улиц Петербурга. Никаких циклопических дворцов он не увидел – обычный Петербург, разве экипажи на улицах были довольно странные. Писатель очутился у Зимнего дворца, в толпе, похожей на римских рабов. Вокруг сновали полуголые люди – будто не было двух тысяч лет христианства.

Толпа на Дворцовой площади была толпой каких-то морлоков, поющих хором песни с неразличимыми словами. Медленно по Неве двигался корабль с кровавыми парусами, повсюду полоскались красные флаги, и писатель догадался, что революция победила.

Двое тех, кого давеча старик-профессор брезгливо звал содомитами, целовались прямо у Зимнего дворца. Были они накрашены хуже, чем пьяные работницы на Масленицу. Прямо на улице дрались – безобразно и нелепо, по щиколотку в мусоре. Дравшиеся были чем-то похожи на тех скорпионов, что он собирал когда-то в Крыму.

Итак, будущее было ужасно. Все в нем было так, как он описывал, но все же чуть по-другому. И эта добавка, это чуть-чуть, превращали его будущее в карикатуру, красоту – в противное кокетство, естественность – в хамство.

Хамство – точно-точно, это было то, что всем обещали, говоря о грядущем хаме. Хам пришел, и не просто показывал всем наготу своего отца, а пошел дальше по дороге греха. Писатель вглядывался в лица толпы и не верил сам себе.

Картины праздника будущего были чудовищные, но кто в это поверит из тех, кто ожидает его возвращения?

И будет ли лучше, если поверят, – каково будет этим прекрасным, все-таки прекрасным людям ощущать приближение Содома?

И писатель крикнул прямо в лицо собравшимся дачникам:

– А вы знаете, ничего не было, господа! Ровно ничего! Опыт не удался! Ха-ха! Опыт не удался!

Слова упали в тишину, как камни в болото – вязко и беззвучно.

Старый профессор развел руками. Розыгрыш не удался.

Гости, разочарованные результатом, стали расходиться.

Только молодой москвич с некоторой тревогой заглядывал в лицо писателю.

Он догадывался, что все пошло не так, сию минуту случилось рождение какой-то тайны, причиной которой стала его установка, но что случилось – он никак не мог понять.

Сергей Чекмаев
Потомственный присяжный

– Но вы же двупол? – инспектор свернул экран и посмотрел на меня поверх мерцающей полосы. – Зачем вам приемыш?

Ну да, конечно, называть натуралов двуполами совсем незазорно. Жаргонизм, обиходная словесная конструкция. Но попробуй только окрестить гомосексуалов педиками или лесбо, как тут же поднимется вой на всю вселенную. А назавтра в почту свалится судебная повестка.

– Понимаете, у нас с женой не может быть детей, и мы решили…

– Справка есть?

Он сунул бумагу в сканер, убедился в том, что все печати подлинные. Хмыкнул.

– Не понимаю…

Да, тяжко такому продвинутому индивидууму с крашеными волосами и радужной лентой в петличке понять нас, диких двуполых варваров. У него каминг-аут только что на

лбу не напечатан. И даже пуговицы на форме отливают перламутром.

– Не понимаю, зачем вам жить с женщиной, если она все равно бесплодна? Возьмите нормального партнера – и не забивайте себе голову.

Тут мне очень захотелось врезать ему в челюсть. С размаху так, от души. Бросить Аньку, мою Анютинуглазку, за которой я два года ухаживал, как влюбленный десятиклассник, и жить с каким-нибудь заросшим «медведем»? Нет, или меня сейчас стошнит прямо здесь, или будут жертвы.

Я придвинулся к столу, задел прозрачную крышку. Хлипкая конструкция дернулась, табличка, стоявшая на самом краю, покачнулась и в который уже раз брызнула мне в лицо отраженным электрическим светом. Веселые разноцветные буквы зашевелись, словно копошащийся клубок экзотических насекомых.

«Центр передачи потомства. Инспектор-консультант», и снизу – крупно: «Васили». Черт бы ее взял, эту дурацкую моду на бесполые имена!

Васили ничего не заметил – он брезгливо ковырялся в моих справках и документах. А может, и заметил, только не подал виду.

Но и я уже остыл. Глупо проявлять агрессию к человеку, от которого зависит одно из самых важных решений в твоей жизни. Чуть что не так, признает нас с Анютой неспособными к воспитанию – и все. Отказ в усыновлении для гетеросексуальных пар – это на всю жизнь. Никакими апелляциями не отмоешься.

Слишком много желающих, чтобы заморачиваться именно твоими проблемами. Всегда найдется дюжина идеальных пар на наше место.

– Хорошо. Будем работать с тем, что есть. Если я поставлю вашу заявку уже сегодня, то при существующих темпах усыновления… – он побарабанил пальцами по столу, – а они, должен вам сказать, неудовлетворительны: очередь с каждым днем все растет, количество детей, оставляемых в приемниках и бэби-боксах, падает. Так вот, при существующих темпах, если ничего не изменится, вы можете на что-то рассчитывать лет через семь-восемь.

– Сколько?!

– Но я бы не планировал так скоро. Согласно букве «Закона об усыновлении» все пары равны, но вы же понимаете… Новые прогрессивные семьи особенно щепетильны во всем, что касается соблюдения их прав.

Да уж, однополые пары всех поставят на уши, если только заподозрят, что кто-то может их опередить. А кому охота ходить с клеймом расиста и гомофоба? Короче, ясно. Мы будем болтаться в конце очереди до морковкиного заговенья.

Может, ему денег предложить?

– Восемь лет! Мы не готовы столько ждать! Неужели нельзя как-нибудь… ускорить? Поставить в очередь в другом городе, например.

– В другом городе и без вас списки заявок по швам трещат.

– Э-э… возможно, я могу как-то помочь… отработать волонтером или еще как-нибудь…

Инспектор Васили быстро глянул на меня и снова уткнулся в бумаги. Заглотил наживку? Интересно, сколько он запросит… Только бы денег хватило!

– Отработать, – он словно попробовал слово на вкус. – Да, можно и так сказать.

– Я готов.

– Смотрите, сейчас вы – обычный двупол. Индекс социальной значимости у вас и вашей партнерши очень низкий, вам нечем доказать обществу, что ваша заявка важнее чьей-либо другой. Значит, надо сделать… что?

Не «жены» – да, как я мог забыть. «Муж», «жена» в этом здании – практически запрещенные слова, только «партнер» или «родитель».

– Сколько? – прямо спросил я. Наконец-то перешли к делу.

– Не сколько, а что. Сколько раз – потом посчитаете сами. Для начала вам надо написать заявление в Ювенальную палату с просьбой принять в состав присяжных. Вы же знаете, традиционалисты атакуют ювенальную юстицию со всех сторон, и приходится

каждое слушание обставлять на манер общественного заседания. Чтобы поумерить негатив. Ситуация складывается очень удачно, хочу заметить, и этим надо пользоваться, пока есть такой шанс, потому что за каждое принятое решение присяжным повышают индекс, и вы сразу подниметесь в очереди на десяток-другой позиций.

Молчал я примерно полминуты. Не то чтобы язык проглотил, просто переваривал информацию.

– А вы… уверены, что я смогу? Там же, наверное, столько всяких подводных камней! В новостях всегда рассказывают, что только прочтение дела занимает несколько дней, а то и недель. Это, выходит, даже на поверхностное изучение я убью пару месяцев?

– Да от вас ничего такого не требуется! Незачем вникать в подоплеку каждого дела. Будете ходить только на последние, вердиктные заседания.

– Но там же…

– Выносится приговор, да. Но вам-то – какая забота? Просто одобряйте все решения, больше ничего не нужно.

– Но я ничего не понимаю в юриспруденции! Я же, черт возьми, строитель, а не юрист!

– Не волнуйтесь – там таких большинство. Судейские их кличут «потомственными», а есть еще «социальные», которые за субсидии отсиживают. А что делать, если по доброй воле никто не идет общественным заседателем в Ювенал?

Не могу сказать, что его предложение было мне по душе. Тянуло от всей этой истории каким-то душком.

Инспектор собрал мои документы, перебросил через стол.

– Вижу, вам трудно решиться. Понимаю. Пока я впишу вас в очередь на общих основаниях. Но имейте в виду: у меня запрос на четверых, если до завтра вы не надумаете, боюсь, я больше ничем не смогу помочь.

Холеные пальцы поправили табличку, снова ослепив меня зайчиком.

– Ничем, – повторил он.

Дома меня ждал небольшой ураган. Анька набросилась прямо с порога.

– Ну! Не молчи же! Рассказывай!

Я легонько ущипнул ее за нос.

– Какая нетерпеливая! А мужа накормить? Накорми, напои, спать уложи, а потом – расспрашивай.

– Напоить могу, а покормить и спать – потерпишь. Забыл, что мы к Суриковым идем?

Конечно, я не забыл. Анька всю неделю только об этом и говорила – у наших друзей, Дениски и Риты Суриковых, недавно родилась вторая дочка. В начале месяца маму наконец отпустили домой, и в полный дом счастливых родителей потянулось настоящее паломничество знакомых двуполых пар – посмотреть на маленькое чудо. Не так и много нас осталось.

А собственные дети – такая редкость.

Никогда не спрашивал, есть ли у Суриковых друзья среди прогрессивных. Наверное, им тоже хотелось бы посмотреть.

– Ты долго будешь меня мучить? Говори наконец! – Анька даже ногой топнула от негодования. – Вечно ты меня дразнишь!

– Да все нормально. Заявку оставил, но ты же понимаешь, очередь очень большая. Придется подождать.

– Сколько ждать? Полгода? Ужас, если больше! А вдруг целый год, я же не выдержу!

Разве я мог сказать ей правду?

– Пока не ясно, Анютиноглазка. Желающих много, но мне предложили вариант… – я покрутил пальцами в воздухе. – Терпи, казачка, мамой будешь!

– Правда?

Я ушел в ванную, включил воду и сделал вид, что не расслышал. Предложение радужного инспектора Васили мне активно не нравилось.

Аньке хватило информации, чтобы всю дорогу болтать не умолкая о том, как мы будем жить втроем, что нужно переделать в маленькой комнате, которую мы уже много лет, не сговариваясь, называли детской.

Суриковы встретили нас радушно, но с некоторой долей усталости. Мы были допущены лицезреть сокровище, только в масках, конечно, чтобы – боже упаси! – не занести какую-нибудь инфекцию.

Малышка выглядела сытой и довольной. Она задорно улыбалась нам слюнявым ротиком, нисколько не испугавшись очередной делегации новых лиц. Потом Суриковы, конечно, плюнули на строгости, и Аня с Ритой снова отправились гукать и умиляться. Даже, по-моему, кормили вместе – в смысле кормила Рита, а Аня только держала, но была на седьмом небе от счастья.

Дэн пока предложил сыграть пару партий в новую настолку, и через пять минут мы уже азартно стучали фишками. Он играл хорошо и, честно скажу, выглядел вполне довольным жизнью.

Я ему страшно завидовал.

Две дочки – свои, не приемные! – настоящая, полная семья. Суриковы лет на пять нас постарше, но первая дочь уже почти взрослая, а теперь появилось еще и второе, маленькое солнце этой семейной вселенной.

– А где Стаська? – спросил я. – Давно ее не видел.

– Э-э, – Денис чуть поморщился. – С подружками где-то болтается. Мы ей в последнее время не слишком интересны, переходный возраст, «я теперь взрослая, решаю сама» и все такое. Психолог сказал: не мешать. Мол, перебесится, повзрослеет, все войдет в норму.

Он замолчал, нервно перетасовал карточки, зачем-то поправил и так идеально расставленные фишки. Что-то удержало меня от дальнейших расспросов, особенно насчет подружек. Сейчас у этого слова слишком много новых значений.

Раскрасневшаяся счастливая Анька появилась только через два часа, когда мы заканчивали то ли третью, то ли пятую по счету партию.

Она с заговорщицким видом толкнула меня локтем:

– Я сказала Ритке!

Сначала я не понял. Увлекся игрой, да и соображалка под вечер начала тормозить.

– О чем?

– О приемыше, глупый! Я сказала, что у нас тоже скоро будет маленький!

Чуть позже, когда мы возвращались домой, она как будто встрепенулась. Сначала долго возилась на заднем сиденье, не решаясь спросить, потом все же выпалила:

– Ты ведь не против, что я проболталась? Ритке-то можно сказать, она точно завидовать не станет!

– Не рано? Мне еще даже подтверждение не пришло.

Анька наклонилась вперед, положила голову мне на плечо и жарко, щекотно прошептала:

– Но ведь будет, да? Скажи честно: будет?

Ну что я мог ей ответить?

– Не волнуйся, милая. У нас есть хороший шанс, только придется немного подождать. Потерпи, пожалуйста, я все улажу.

– Вуууух! – выдохнула она и снова откинулась на спинку. – А как мы его назовем?

Утром я отправил заявление в Ювенальную палату. По дороге на работу позвонил инспектору Васили. Тот прямо расцвел:

– Прекрасно, я ждал, что вы именно так и поступите! Сегодня же поставлю вас в очередь с пометкой о возможном изменении индекса. Помните, чем чаще вы будете ходить на заседания, тем быстрее он будет расти. Все зависит только от вас.

Первое слушание я помню смутно. Дело казалось крайне простым: отец грубо обращался с ребенком при полном попустительстве матери. Сторонник здорового образа

жизни, всяких там зарядок на свежем воздухе, обливаний и бега трусцой, он не слишком церемонился с сыном. Отказался от прописанных врачом биодобавок, вывозил коляску на улицу в любую погоду, на ночь оставлял в детской открытую форточку.

Показания соседей, врачей и ювенального инспектора звучали достаточно убедительно, обвинитель вызывал их по очереди, нарисовав в итоге жуткую картину. Я, правда, так и не понял, заболел ли в итоге бедный малыш, и – если нет – то почему методы оздоровительного папаши названы преступлением?

По совету Васили я пришел на последнее, вердиктное заседание и подумал, что другие, куда более тяжкие обвинения были выдвинуты раньше. Да и в новые-то я особо не вслушивался, на работе, как всегда, синим пламенем горели все графики – и мысли мои целиком занимал проблемный объект, а не чужие воспитательные эксперименты.

Само собой, мой ребенок будет расти совершенно в других условиях.

Заключительная речь обвинителя расставила все по местам, и мы, присяжные заседатели, проголосовали за лишение родительских прав и передачу настрадавшегося младенца в приемник.

Растерянный отец – я даже не запомнил его фамилии – о чем-то умолял с трибуны, кричал и требовал справедливости. Рядом плакала навзрыд маленькая женщина, хватала за руки судейских и просила снисхождения.

Я вышел из зала через заднюю дверь, специально предназначенную для присяжных.

Мой индекс социальной значимости поднялся почти на пятьдесят пунктов.

Вечером я пролистал очередь на сайте Центра передачи потомства. Мы с Анькой продвинулись сразу на девятнадцать позиций.

Один месяц из восьми лет можно было вычесть.

Потом заседания пошли сплошной чередой. Школьница написал жалобу на родителей – не купили новый планшет и лишили похода в кино за какие-то провинности. Грустный, худенький и женственный мальчик утверждал, что в семье его унижают за прогрессивную ориентацию.

Директор гимназии брызгал слюной и яростно стучал кулаком о край свидетельской трибуны:

– Вы же знаете, на каждом уроке физической культуры и толерантности тела мы проводим обследование учеников. И что же выяснилось?! На груди и животе маленького Андрея медсестра обнаружила длинные ряды царапин! И один синяк на предплечье! Я лично могу это подтвердить! Сам осматривал! Очень внимательно! Я всегда осматриваю сам, если есть хоть какие-то подозрения. И вот, что я вам скажу: ребенка избивали, уважаемые! Ежедневно и методично избивали несчастного мальчика, не способного оказать сопротивление насилию!

К седьмому слушанию мы продвинулись на целый год. Анька теребила меня с ремонтом детской, и я в конце концов согласился, предоставив ей право действовать. Первым делом она заказала фосфоресцирующие обои в цветочек и мягкие краски для потолка, которые меняли цвет в зависимости от освещения.

Я только посмеивался. Все же насколько хорошо, когда жена занята будущим.

Постепенно я заметил в наших заседаниях некоторые закономерности.

Если уж дело дошло до суда, ювенальный обвинитель намертво стоял за лишение прав. А что еще остается? Я, конечно, толстокожий и не слишком интересуюсь миром за пределами своих ежедневных проблем, но и мне понятно, что после того, как однополые семьи уравняли в правах с устаревшими, их становится все больше: и модно, и пропаганда действует, да и обязанностей у них практически нет, одни права. И на передачу потомства – в том числе. А откуда взять столько непристроенных детей, если даже в бэби-боксы теперь не подбрасывают младенцев, зная, сколько стоит приемыш на черном рынке?

Одна надежда на ювеналов. Говорят, раньше они занимались трудными подростками, их перевоспитанием, потом стали больше внимания уделять профилактике преступлений, а теперь фактически вся служба направлена на перераспределение детей. Чтобы те выросли в

хороших, спокойных семьях.

И в этом наш с Анькой шанс.

Когда мы скинули три года, я на радостях купил шампанское. Наверное, я что-то разболтал ночью, опьяненный успехом, уютным теплом любимой женщины и остатками алкоголя… В общем, утром она уже сидела на сайте заказов и выбирала колыбельку, коляску и первые игрушки.

– Как думаешь, вот эта, красная, подойдет?

– Да подожди, Анюта! Мы еще не знаем, кого нам дадут! Может, это будет двухлетний карапуз: в такую колясочку он никак не влезет!

Она счастливо рассмеялась:

– Вечно ты со своими предосторожностями! Я только цены смотрю.

Лишь однажды мы разбирали дело, не касающееся лишения прав. Наоборот, прогрессивная пара – два ухоженных, симпатичных родителя, людей творческой элиты, судя по всему – подала прошение о снятии ювенального предупреждения. Пару лет назад они попали в поле зрения инспекции за невнимательное отношение к приемному сыну. Пятилетний мальчик ушел из дома, и полиция смогла обнаружить его только через несколько дней, голодного и грязного, в каком-то подземном переходе. Вроде бы он даже не хотел возвращаться, плакал и просил его отпустить, но, убедившись, что оба родителя относятся к приемышу с лаской и вниманием, ювеналы ограничились предупреждением.

Сейчас, предоставив все нужные справки, однополая семья просила о реабилитации. С мальчиком беседовали психологи инспекции, и он заученно отвечал на каверзные вопросы, родители блистали трогательным отношением к сыну, и дело, к всеобщему удовлетворению, разрешилось быстро.

После двадцать восьмого слушания мы наконец попали в пятьсот счастливчиков, которые могли рассчитывать на усыновление в течение года. Но тут навалились дела в конторе, на носу была сдача сразу двух объектов, и несколько следующих заседаний я пропустил.

Нас обходили другие, две недели подряд единственная на всю полутысячу консервативная двуполая пара – то есть мы – числилась четыреста девяносто второй.

Я уже не скрывал от Аньки очередь, она сама каждое утро бегала на сайт смотреть обновления.

Зря, наверное.

В один из дней я поздно возвращался с работы. Позвонил с полдороги, но трубка лишь монотонно гудела вызовом – телефон так и не сняли.

Легкое беспокойство переросло в неслабую панику, когда я стоял перед запертой дверью и судорожно рылся в карманах в поисках ключ-карты: обычно Анька ждала меня у раскрытой двери, чтобы сразу броситься на шею.

Она сидела на полу в коридоре и тихо плакала. Судя по всему, плакала уже не первый час, потому что сил почти не осталось, лишь тихонько вздрагивали плечи и по щекам тянулись жгучие дорожки слез.

Перед Анькой стояли три здоровенные упаковки памперсов, из раскрытой коробки с рисунком веселого и упитанного младенца торчали распашонки, чепчики, штанишки, еще какая-то малопонятная одежда. Рядом валялось два одеяла: розовое, в цветочек, и синенькое, с коняшками.

– Ты что? Солнышко, что ты плачешь?

Я знал, почему она плачет. Конечно, знал. Но все-таки должен был спросить.

– Зачееееем я тоооолько… – всхлипнула Анька, – все это купииила… Все равнооо… не понадобитсяяяя… Наааас опяяять подвинууулиии…

– Почему ты так решила? Очень даже понадобится. Совсем немного осталось потерпеть.

Надо ли говорить, что тем же вечером я подписался сразу на десять заседаний подряд?

Три дела пролетели незамеченными, я не запомнил ни лиц, ни показаний свидетелей, ни речи обвинителя. У меня перед глазами стояла плачущая Анютка, и больше всего на свете я надеялся, что эта картина никогда не повторится.

Теперь мы снова продвигались вперед, она повеселела, собрала раскиданные детские вещи и с какой-то неистовой энергией рассовывала их по шкафам.

Утро теперь начиналось с вопля:

– Ура! Четыреста вторые!

– Триста семьдесят!

Нам оставалось месяца четыре, максимум полгода. Или – по моим подсчетам – еще девятнадцать слушаний.

Новое заседание назначили на пятницу. Я с трудом разрулил рабочие дела, уехал пораньше, чтобы успеть переодеться. Все-таки стройплощадка не самое удачное место для делового костюма, а приходить в Ювенальную палату в форменной куртке я стеснялся.

Анька лично отгладила новую рубашку, не доверяя машине. Расправила воротник, смахнула невидимые пылинки с рукава.

– Удачи, мой герой! Уже сегодня мы можем стать сотыми! Ура!!

Слушание неожиданно оказалось интересным. Некая Станислава Фромм, пятнадцати лет, обвиняла своих родителей – архаичную двуполую пару – в том, что они ограничивали ее контакты и подавляли сексуальную ориентацию. Из-за чего она испытывала серьезное психологическое давление и всем своим поведением протестовала против излишней опеки.

Интересно, что самой Фромм в зале не было, она сидела в поднадзорной комиссии по обвинению в магазинной краже.

Ювенальный инспектор клеймил с трибуны:

– …и вот, доведенная до отчаяния устаревшими представлениями своих родителей, мятущаяся душа влюбленной юности ушла из дома к мечте всей жизни. И даже сменила фамилию, взяв красивый псевдоним – имя знаменитого неофрейдистского мыслителя. Отринутая всем миром девушка с прогрессивными представлениями о семейном счастье вынуждена была скитаться по знакомым, жить в каких-то грязных съемных углах и верить, что когда-нибудь она сможет воссоединиться с той, которую любит. И даже противоправный поступок ее заставили совершить обстоятельства – бедная девочка голодала, лишенная самого важного, что только может быть в жизни, любви ближних. Ее так называемые родители отказали Фромм в праве на выбор утонченного духовного развития и фактически своими руками определили ее несчастную судьбу.

Любопытная история. Девица накуролесила, а теперь, чтобы избежать ответственности, валит все на родителей. Кто-то слишком умный посоветовал, сама бы она не додумалась. Интересно, в чем подоплека дела? Перевести стрелки на родителей-двуполов? Но у нас же не разбираются уголовные дела!

Теперь я слушал с все возрастающим любопытством. Судья не прерывала инспектора, хотя его речь явно превысила нормы регламента.

– …но есть еще одно обстоятельство, которое мы обязаны принять во внимание. Мы обязаны остановить новую катастрофу, пока еще есть такая возможность. Предотвратить духовное разрушение другой, совершенно невинной души. У обвиняемых родителей есть вторая дочь, и, несмотря на то, что возраст ее очень мал, со временем их безнравственное воспитание может испортить и ее. Еще одно человеческое существо будет варварским образом отброшено в прошлое, ее мечты и идеалы – растоптаны и ввергнуты в мракобесную отсталость. Мы должны не допустить этого!

Судья трижды стукнула молотком. Распорядитель огласил:

– Дело о лишении родительских прав номер 498565. Денис и Маргарита Суриковы, зарегистрированная семейная пара, гетеросексуальные отношения. Индекс социальной значимости негативный. Ввести обвиняемых!

Возможно, у меня потемнело в глазах. Я не видел, как они прошли через зал, и

обнаружил знакомые лица друзей практически напротив себя. За грубо покрашенными прутьями решетки. Ритка подняла голову и посмотрела прямо на меня.

У меня дрогнули руки. В одно мгновение передо мной пронеслись все вынесенные вердикты. Я всегда писал: ВИНОВЕН.

Может быть, так правильно, и надо отбирать детей у тех родителей, что не могут их нормально воспитать. Надо передавать их в устойчивые, прогрессивные пары, социально значимые для общества, активные и готовые в лепешку разбиться ради долгожданного приемыша. Все так. Пока еще остались гетеросексуальные пары и все еще рождаются дети.

Но, Анька, любимая, бога ради, подскажи мне, что я должен написать сейчас?!

Юлия Рыженкова
Демконтроль

– Вот я говорила тебе к Валентиновне идти! А ты все резину тянула! Дотянулась…

– Теть Галь, ну хватит уже, а? – Даша опять обхватила себя за плечи. – Сейчас-то уже чего.

– Ну ладно, ладно. Ты не переживай. Может, еще не подойдешь им.

– По всем анализам подхожу…

Даша встала прогуляться по коридору с крашеными грязно-бежевыми стенами и белым потрескавшимся потолком. В одно ухо орало техно, второй наушник болтался на груди. Тетя Галя терпеть не могла, когда Даша «затыкала уши своими затычками». Пятнадцать шагов в одну сторону – ряд дверей слева и жестких металлических стульев, привинченных к полу, справа. Тридцать шагов в другую сторону – и табличка «Выход». Ладони опять взмокли, и она привычно обтерла их о шорты. Очень хотелось дать деру из этой грязно-желтой «стерильности» с запахами йода и нашатыря, от которых мутило. Во всем коридоре они были одни, так что никто, кроме тети, ее бегства не заметит… до следующего дня. А завтра за ней придет наряд из Демконтроля с судебной повесткой. Нет уж, лучше самой. Если за три месяца результатов не будет, то можно демобилизоваться. Выдержать бы эти три месяца…

Дверь кабинета номер пятнадцать открылась.

– Ушакова Дарья Александровна? – Медсестра на Дашу даже не взглянула, уткнувшись в медкарту.

– Да, я.

– Проходите.

– С Богом! – Тетя сжала ее руку, перекрестила. Даша перешагнула порог ватными ногами.

Это оказался обычный медицинский кабинет с гинекологическим креслом в углу. Она присела на краешек стула, решив, что взмах руки медсестры именно это и означал. Сестра удалилась, так и не удостоив Дашу взглядом, зато из смежной комнаты вышел врач. Белый халат смотрелся на нем совершенно неестественно, больше подошли бы боксерские перчатки и красные спортивные трусы. Крепкий, невысокий, с железными руками и, наверное, нервами – он словно бы попал сюда с ринга.

– Ну-с, сударыня, давай знакомиться. Меня зовут Лев Давидович, я буду твоим куратором. – Даше показалось, что у доктора улыбка маньяка. – Я не буду повторять весь тот пафос, который крутят по телевизору, про долг родине, сохранение нации и прочее. Понимаю, то, что тебе придется делать, – не совсем нормально, что по доброй воле ты не стала бы заниматься этим, но, к сожалению, таков закон. Я постараюсь сделать так, чтобы это было не слишком мучительно.

Даша кивнула, стараясь не подавать виду, что у нее скрутило живот. В голове вертелась фраза: «Мы тебя не больно зарежем, чик – и ты уже на небесах».

– Ты когда-нибудь имела гетеросексуальный контакт?

Она замотала головой, надеясь услышать что-то вроде «ну, тогда нам не подходишь», вместо этого громом прозвучало:

– Тогда сначала я сделаю небольшую операцию. Раздевайся, ложись. – Врач указал на гинекологическое кресло.

– П-прям с-сейч-час?

Во рту пересохло.

– А когда? Через десять лет? – хмыкнул врач.

Колени подгибались, ноги никак не хотели слушаться. «Господи, ну почему я? – панически думала она. – Дура я, дура. Если бы сейчас еще можно было все переиграть, нашла бы эти несчастные деньги – побиралась бы по знакомым, украла, но дошла бы до Анны Валентиновны. Только бы не лежать сейчас тут. И ведь этот ужас терпеть еще год!» Все подруги нашли способ «откосить»: кто-то женился, кто-то не прошел по здоровью, кто-то, кто побогаче, нашел денег на Валентиновну… только она одна попала сюда. Стало холодно. Даша вцепилась крепче в подлокотники кресла, зажмурилась и стиснула зубы, стараясь не кричать. Внизу живота остро резануло.

– Вот и все. Сейчас немного отдохнешь и начнем.

Боль потихоньку уходила, но легче от этого не стало, ведь Даша знала, что ее ждет дальше.

Посередине смежной комнаты стояла кровать на металлических ножках, привинченная к полу так же, как и стулья в коридоре. Даша предпочла бы никогда не увидеть, что находится в этой комнате. Ее усадили за маленький круглый столик у облупленного шкафа из ДСП, налили чай. Правда, к чаю ничего не предложили, даже сахару. Она, обжигая губы и язык, пила кипяток маленькими глоточками, не ощущая вкуса и стараясь не думать о том, что еще сейчас произойдет. Даша чувствовала себя изнасилованной. Ладони опять стали мокрыми, и чашка чуть не выскользнула из рук.

– Это Даша, это Максим, – сказала медсестра, входя в комнату вместе с высоким блондином атлетического телосложения. Рельеф мышц был хорошо заметен даже через защитную гимнастерку, плотно облегающую накачанное тело. Даше захотелось броситься в ноги этой крашеной пожилой женщине в коричневых туфлях с аляповатыми блестящими застежками-бабочками, притягивающими взгляд. Она готова была целовать и бабочек, и ноги медсестре, всячески избегавшей смотреть в глаза пациентке. «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не делайте этого, не отдавайте меня им», – крутилось в голове с такой громкостью, что, казалось, должно быть слышно всему медицинскому центру. Но весь персонал, казалось, «заткнул уши своими затычками».

– Даша у нас первый раз, так что ты поаккуратней. Закончите – выходите.

Блестящие бабочки процокали к двери, оставив их одних.

– Привет, – улыбнулся Максим, будто позируя в рекламе жвачки.

– Привет, – прошептала она.

Солдат тут же скинул с себя сапоги, стянул гимнастерку, обнажив торс.

– Уф-ф! Жара!

Даша была в липком холодном поту и не замечала, какая тут температура, хотя за окном летнее солнце действительно било рекорды.

Солдат тем временем налил себе чаю и залпом выпил его.

– Готова?

Даша изо всех сил замотала головой. Мозг отказывался принимать то, что сейчас должно было произойти.

– Может, мы просто тут посидим часик и все? А скажем, что все было… – срывающимся голосом предложила она.

– Ты дура, да?

Ответа он не дождался, так что продолжил сам:

– Думаешь, если они вышли, то не видят нас? Ага! Тут таких умниц через одну. Да в этом кабинете больше камер, чем у тебя пальцев!

– Боже… но… это же ненормально! Ненормально заставлять людей делать это! Ненормально смотреть на все это! Это же кошмар!

– Детка, это просто медицинский процесс. Когда тебе врач клизму ставит – это ненормально? Да, не приятно, но надо! Что ты как маленькая? Кто-то должен отдавать долг нации. Неужто тебе еще мозги этим не прокомпостировали?

Максим тем временем снял камуфляжные штаны, а затем и трусы-боксеры. Даша уставилась на него, не в состоянии вымолвить ни слова. То, что она увидела первый раз в жизни, показалось мерзким.

– Давай же. Раньше начнем – раньше кончим, – хмыкнул атлет.

– Не трогай меня! – взвизгнула она, отпрыгнув. – Не подходи!

– Так! Спокойно! – рявкнул Максим. Он вдруг превратился из улыбчивого блондина в оскаленного хищника. Мгновенно оказался рядом, притиснув ее к стене всем телом и зажав рукой рот. – Тихо! Отставить истерику! Если я сейчас не оттрахаю тебя, то сидеть мне на «губе». Я не собираюсь из-за какой-то истерички неделю там торчать!

Почему-то это совершенно эгоистичное признание как-то странно успокоило Дашу: она обмякла, перестала вырываться.

– Не ори, слышишь?

Она кивнула, почувствовав себя тряпичной куклой. Сознание будто отключилось, не в состоянии принять происходящее.

– Сейчас идем к кровати и ложимся. Дальше я все сделаю сам!

Она опять кивнула.

Максим медленно убрал ладонь от ее рта, сжал рукой Дашин локоть и повел к кровати. «Как скотину на убой», – на краешке сознания появилась мысль, но это уже не было важно. Она действительно чувствовала себя бессмысленным и бессловесным животным. Ватные пальцы не слушались, безуспешно пытаясь расстегнуть молнию на шортах. Наконец она справилась, легла и закрыла глаза. Тяжелое потное тело сверху, снова боль внизу живота… время тянулось бесконечно.

– Все. Одевайся. – Мучитель откатился в сторону.

Пока она трясущимися руками натягивала футболку, он успел полностью одеться.

– Расслабься. Поначалу всем девкам страшно и больно. А потом некоторым это даже нравится.

Максим снова превратился в рекламного блондина с ослепительной улыбкой. Даша ему не поверила.

Тетя Галя все это время ждала в коридоре. Увидев ее, Даша расплакалась.

– Ну-ну, не плачь. Все хорошо, все уже кончилось, – гладила она по голове. – Пойдем домой.

– Все только начинается. – Слезы текли ручьем, их невозможно было остановить. – Завтра опять сюда к девяти часам.

Семейный совет заседал уже полдня. Было выпито, наверное, с десяток чашек чая, но ни к какому решению так и не пришли. Даша заявила, что ни за что не пойдет туда завтра, хоть что с ней делайте. Вот родители и думали, что же с ней делать. То ли прятать от Демконтроля, то ли уговорить все же продолжить службу. Тетя Галя в очередной раз рассказала, как она служила в «корде», но дочь была непреклонна.

– Дашк, это тебя. – Сестренка протянула трубку городского телефона. Звонила Марина.

– Привет, синичка! Ну, ты как?

Они с Мариной встречались, но Даша никак не могла разобраться в себе, по-настоящему ли она ее любит, или это просто увлечение. Марина неоднократно намекала, что не против пожениться, но Даша все тянула.

– Ужасно! Мерзость какая! – Она опять разревелась.

– Да уж… сочувствую… не плачь, дорогая… может, мне приехать все же?

– Не знаю, Марин. Честно – мне сейчас ни до кого. Как представлю, что завтра опять туда же, – так трясет. – Рев перешел во всхлипывания. – А если потом еще забеременею, так это вообще мрак. Мало того что у меня кто-то в животе будет жить, так, говорят, это еще и

больно.

– Ну, может, еще получится демобилизоваться досрочно. Я читала, далеко не всем девушкам, годным по здоровью, удается забеременеть. Сколько там надо ждать? Два с половиной месяца?

– Три.

– Все же лучше, чем год.

– Да я вообще не понимаю, почему до сих пор не отменят эту позорную «корду»! Ученые давно уже придумали, как делать детей в пробирке!

– Я слышала, это лоббируют сексуальные извращенцы. Ну, разные гетерики в правительстве. Типа нашего премьера.

– Да ладно тебе! Премьер нормальный гом, у него и муж есть…

– Муж… объелся груш. Ты чего как маленькая! Муж этот давно живет с другим, он-то нормальный. А премьер бегает по девочкам, только всячески скрывает это. Не видела, что ли, ролики в Интернете?

– Да это монтаж, доказали же.

– Кто доказал? Подконтрольный ему суд? Дашка, ну не будь такой наивной!

– Да черт с ним, с премьером! – вспылила она. – Мне-то что делать?!

– Тебе придется мучиться минимум три месяца, – отрезала Марина. – Не вздумай бегать от Демконтроля!

– А ты думай, что по телефону говоришь! – рявкнула Даша.

– Да я тебе это и лично скажу. Хочешь в тюрягу на десять лет? Дуреха, они ж тебя из-под земли достанут! Это ж Демконтроль!!! И потом, ты что, не знаешь, что всех заключенных детородного возраста используют для их нужд? Так тебе год мучиться, а так десять лет!

Даша притихла. Она, конечно, слышала об этом, но то были единичные случаи… «Или нам рассказывали только о единичных случаях», – шепнул ей внутренний голос. Конечно, когда мир столкнулся с гигантской демографической проблемой, почему бы не использовать уголовников для «воспроизводства человеческого потенциала», как они это называют? Если глава Демконтроля дошел до того, что начал пропагандировать гетероотношения, то дело совсем плохо.

– Да, ты, наверное, права. Если меня поймают, то мне крышка.

– Будь умницей, синичка. Ты мне очень-очень дорога, и я тебя буду ждать хоть год, хоть десять лет, но побереги себя. Тут ты хотя бы после процедуры домой приходишь, можешь принять ванну, расслабиться, почитать книжку. Если попытаешься сбежать – будет в тыщу раз хуже!

– Да, я знаю.

Она положила трубку с тяжелым сердцем. Марина, как обычно, права. Не Даше тягаться с Демконтролем. Эта организация шуток не любит.

На столе стояла очередная чашка чая с бергамотом. Тетя Галя суетилась у плиты, тетя Саша курила.

– Ладно, – убитым голосом объявила Даша. – Я пойду завтра.

Тетя Галя обняла ее и заплакала.

– Я знала, что у меня разумная дочь, – пустила дымовое кольцо тетя Саша.

На следующий день грязно-желтый коридор за табличкой «Медицинская служба коррекции демографии» или попросту «корда», как ее все называли, звенел голосами. Через секунду Даша, открыв дверь, увидела девушек призывного возраста, толпившихся в коридоре. Они громко смеялись, играли в карты и целовались.

– Ничего не знаю! Проиграла – давай исполняй желание! – настаивала высокая девица с короткими фиолетовыми волосами, обращаясь к маленькой худенькой девчушке в полупрозрачном платье.

– Ага, а потом мне твоя Ирка голову оторвет! – отбрыкивалась та.

– Ирки тут нет, а карточный долг – это святое.

Худенькая вздохнула, встала на цыпочки и крепко, взасос, поцеловала победительницу. Девушки вокруг заулюлюкали, кто-то начал считать, остальные присоединились, и вот они уже хором орут: пятнадцать, шестнадцать, семнадцать… Рука победительницы тем временем полезла под подол побежденной, пытаясь обхватить узкие бедра.

– Что за разврат тут устроили! Да еще и без меня! – гаркнул Лев Давидович, распахивая дверь кабинета.

– А мы тренируемся отдавать долг нации. – Девица посмотрела на врача с вызовом.

– Лосева, тебе жениться надо!

– Нет уж, Лев Давидович, я слишком хороша, чтобы жениться. И потом, вдруг после ваших экзекуций мне мальчики понравятся? Останусь у вас на сверхсрочную…

Взрыв смеха.

– Тихо тут! А то всех на улицу выгоню, буду по одной вызывать.

– Молчим-молчим, – пообещала Лосева, но таким тоном, что даже Даша поняла, что та и не подумает молчать. Высокая, под два метра ростом, крупная, но не толстая, а скорей тяжелая, Лосева казалась баскетболисткой, хотя на самом деле баскетбол не любила и не признавала никакого спорта, кроме бега. Нарочито мужская одежда ярких, вызывающих цветов, ни грамма макияжа и громкий низкий голос. Даша всегда боялась таких.

Доктор закрыл дверь, а Лосева увидела Дашу.

– А ты новенькая?

Вся орава повернулась к ней. Даша покраснела.

– Ау! Ты глухонемая, что ли? – Лосева помахала рукой перед ее носом.

– Я… вчера пришла первый раз.

– Ясно… – протянула та. – С тетенькой ходишь?

– Ну, она просто проводила, ей по дороге, – залепетала Даша, сама понимая, как глупо и смешно выглядит ее ложь. Прошептала тете Гале: – Иди домой, я дальше сама.

– Уверена? – Тетя обеспокоенно посмотрела на свою то краснеющую, то бледнеющую дочь.

– Да. Все нормально.

Тетя Галя ушла, но Даша вовсе не чувствовала себя нормально. Теперь к ужасу предстоящего очередного «долга нации» добавился страх перед обществом этих вульгарных девиц. В школе и вообще в жизни она старалась с такими не пересекаться и понятия не имела, что у них на уме и как ей себя вести.

– Будешь с нами в дурачка? – тасуя колоду, поинтересовалась худенькая.

– Нет, спасибо.

– Мальчиков еще не привезли, их автобус сломался, так что фиг его знает, сколько нам тут торчать.

– Да не ссы, мы не кусаемся! – захохотала фиолетовая. – Я смотрю, тебя счас кондратий хватит. – И вдруг резко, меняя тон с язвительно-шутливого на серьезный, спросила тихо: – Боишься?

– Да.

– Мы все боялись. Через неделю перестанешь. Привыкнешь.

– Ну что, бабы, сыграем в подкидного дурачка по парам на этот раз? – Лосева снова стала громогласной. – У меня будет пара… как тебя зовут?

– Даша…

– Я с Дашкой играю, – обняла она плечи новенькой.

Худенькая в полупрозрачном платье усмехнулась и начала сдавать карты.

За сорок минут, что ждали солдат, Даша умудрилась раз выиграть в паре и дважды проиграть самостоятельно. Играли на поцелуи. Один раз она проиграла Людмиле, беременной на третьем месяце, так что все обошлось простым чмоканьем в губы. А второй раз выиграла везучая Лосева, и тут уж отвертеться не удалось. Не обращая внимания на Дашино смущение (какой позор целоваться с первой встречной!), та не отпускала ее минуты две. Такого развратного поцелуя у них с Мариной никогда не бывало.

За время игры наслушалась разных историй, после которых все ее проблемы показались детским лепетом. Василисины родители, когда напивались, избивали ее, а поскольку они пили ежедневно, она предпочитала дома не появляться. Наташа три месяца прожила у маньяка-гетерика, который ее просто насиловал, худенькую Ингу, что целовалась с Лосевой, семья попыталась женить на «выгодной партии», объединив таким образом финансы двух фирм, и никого не волновало, что у нее была безумная любовь. В итоге ту девочку увезли далеко и надолго, а Инга сбежала под опеку государства, то есть в «корду». Лосеву же с детства натаскивали на карманника, и у нее прекрасно получалось. До тех пор, пока она не попалась полиции… Но поскольку на тот момент она была несовершеннолетняя, ее сдали в программу адаптации на три года. Так что еще год она обязана делать то, что ей предписывали полицейские психологи, в частности, рожать.

Дашу вызвали в пятнадцатый кабинет неожиданно, она не успела дослушать историю Людмилы. Но теперь выступивший пот на Дашином лбу выступил не от страха, а просто оттого, что сегодня температура решила побить очередной рекорд.

Никита, ее кавалер на час, совсем не был похож на Максима: худой, сутулый, шатен с большими темными глазами, он сам, казалось, боялся ее, хотя и гордо заявил, что его отец работает в Демконтроле. Врал небось. Такой родитель «отмазал» бы своего от службы. Тем не менее с ним она почувствовала себя свободней.

– Отвернись, пожалуйста, я разденусь, – чуть заикаясь, попросил он.

– И ты тоже на меня не смотри, – кивнула Даша.

Они шмыгнули в кровать с разных сторон, стараясь не глядеть друг на друга.

– Ты уже делал это?

– Немножко…

Действительно, как и говорили девчонки в коридоре, второй раз было легче. Все равно неприятно, конечно, но уже не так ужасно.

За полтора месяца Даша привыкла и воспринимала походы в медцентр просто как обязаловку. Утром – в «корду», днем – готовиться к поступлению в химико-технологический институт, рисовать, загорать на пляже с Мариной или сидеть в парке на лавочке, читая книгу. Жизнь начала налаживаться.

– Поздравляю, вы беременны, но это временно, – хохотнул Лев Давидович.

– Дурацкие шутки, – вырвалось у Даши от неожиданности. Она тут же прикрыла ладошкой рот.

– Какие уж тут шутки, – ответил уже серьезно врач. – Теперь ежедневно на обследования будешь приходить в семнадцатый кабинет.

Она уже привыкла к мысли, что за три месяца не забеременеет и ее отпустят домой.

– Если все будет нормально, то на седьмом месяце ляжешь в больницу, а после родов, если появится молоко, покормишь месяцок, ну и дальше свободна.

«Молоко? Роды? Боже, это он обо мне?» – ужаснулась Даша. А затем в голову пришла совсем другая мысль: «Интересно, ребенок от Никиты?» Ребята каждый день были новые – у них это тоже входило в службу, а контроль в медцентре не допускал, чтобы один и тот же солдат встретился с девушкой в «корде» дважды. Официально такая сменяемость была организована для повышения вероятности забеременеть, неофициально – чтобы девушка никого не воспринимала как отца ребенка. Все это Даша вспомнила уже после того, как ляпнула:

– А можно узнать, от кого?

Вот тут Лев Давидович посерьезнел, и Даша испугалась не на шутку.

– Деточка, послушай, что я тебе скажу. И не думай даже об этом, ясно тебе? Это не твой ребенок, у него пока нет родителей, и не вздумай привязываться к нему. Поломаешь себе всю жизнь! Слышишь меня?

Даша кивнула, боясь вымолвить хоть слово. Казалось, доктор сейчас треснет ее по голове воображаемой боксерской перчаткой.

– Вот и ладненько. Я знаю, что у восемнадцатилетних дурех на уме сплошная романтика и геройство. Но тут нет ни того, ни другого. Твое геройство обломается на первом же допросе в Демконтроле. Я тебе хочу добра и сделаю все, чтобы уберечь от дури. Если замечу еще хоть раз тягу к гнилой романтике – тут же положу в больницу на весь срок беременности. Шагу без медконтроля не сделаешь! Зато потом меня благодарить будешь, что это был медицинский контроль, а не демографический. А сейчас – шагом марш в семнадцатый кабинет!

– Дашка, что с тобой? – подскочила Лосева в коридоре, увидев бледную как простыню Ушакову, выходящую из кабинета.

– Я… я беременна, и они… обещали посадить на весь срок в больницу.

– За что?!

– Я просто спросила, от кого ребенок…

– О боже. Ну, ты совсем ку-ку! Так, меня уже зовут на спаривание, а ты дождись меня на улице, разговор будет.

По газону медцентра во дворе можно было ходить, чем все беззастенчиво пользовались. В такую жару там постоянно ошивались компании беременных и родители служивых. Даша устроилась под березой, в теньке. Лосева пока не появлялась, книжки с собой не было, так что она просто врубила плеер на полную и прикрыла глаза. Почему-то мысли сразу вернулись к Никите. Ей хотелось, чтобы ребенок был именно от него, а не от кого-то из остальных. Особенно не от Максима!

Вообще, Даша за эти полтора месяца увидела столько ребят, сколько не встречалось, наверное, за всю жизнь. В детстве с ней постоянно был кто-то из родителей: или тетя Галя, или тетя Саша. Школа, конечно, как и большинство общеобразовательных, была раздельной, то есть в ней учились одни девочки. Это казалось разумным, ведь смешанные классы – сплошной стресс, это сильно отвлекает от учебы. Все подружки, естественно, тоже женского пола, а что, разве можно дружить с мальчиками? Да и взяться им особо неоткуда. Что пацанам делать в районах, где только женские школы, салоны красоты, магазины женской одежды и прочее?

Мужчины в основном жили на юге города, там, где военные базы, автосервисы, футбольный стадион, школы для мальчиков. Нет, ну мужчин она, конечно, видела: те же автосервисы были и на севере: машины и у женщин ломаются, а чинят их лучше всего мужчины. Врачи, преподаватели вузов, дворники, музыканты… никакого запрета на профессию по гендерному признаку в обществе, конечно, и быть не может. Просто далеко не каждый мужчина по доброй воле купит квартиру в женском районе. Там ведь даже пофлиртовать не с кем. А семейной паре с ребенком тоже никакого резона там жить: мальчику нужно в школу ходить. Не возить же его каждый день на другой конец города!

Даша вдруг подумала, что, наверное, мужчины тоже бывают разные. И не так много она их видела, чтобы однозначно сказать, какие они, хотя раньше казалось совсем наоборот. Вот, например, Никита… он совсем не такой, как остальные. Интересно было бы узнать что-то о нем. Может, они могли бы даже иногда общаться… В этом же ничего плохого нет? Не как животные – сексом заниматься, а просто по-человечески. Возможно, в будущем дружить семьями.

– Вот ты где! – Лосева дернула за проводки, и наушники выпали из Дашиных ушей. – Я тебя обыскалась.

– Тут тенек. Садись.

Лосева плюхнулась на траву и тоже привалилась к березе. Июль был в самом разгаре, пахло разгоряченной землей, листвой и летом. Наверху самозабвенно чирикала какая-то птичка, показывая, что ей и дела нет до «корды» и всего прочего.

– Так. Скажи мне, чудо в перьях, ты подумала умыкнуть ребеночка? – без перехода брякнула Лосева.

– Я? Нет! Мне просто стало любопытно, от кого он. Там был один мальчик… Никита…

он мне понравился…

Лосева загоготала так, что спугнула птичку и нескольких беременных.

– Извращенка! Мальчик ей понравился! Нормальным людям нравятся девочки, а ей мальчик понравился!

– Да я не в этом смысле! Ну тебя! – надулась Даша.

– Ладно, шучу я, шучу, – отсмеялась та. – А теперь давай серьезно. Я тебе сейчас одну историю расскажу, только поклянись, что она останется между нами.

– Клянусь, конечно!

– Вот и прекрасно. А теперь слушай драму в трех актах. Акт первый – половой. Мои мама и папа познакомились неведомо где, кажется, в институте, когда папа заблудился и зашел в женский корпус. Ты ведь знаешь, кто такие мама и папа?

– Да, конечно. Так раньше называли…

– Так называют реальных биологических родителей. До сих пор. Только сейчас мало кто может произнести фразу «мои мама и папа». Все говорят «мои тетеньки» или «мои дяденьки». Ладно. Поехали дальше. Мои мама и папа оказались извращенцами-гетериками. Оба. Они обнаружили, что им в кайф секс друг с другом. Вот ты мучаешься от этого, а им нравилось. Дальше они просто взяли и сделали ребенка. Безо всякого Демконтроля и «корды». Для себя. Не спросив ни у кого.

Даша не могла заснуть всю ночь. Ей так и представлялась маленькая девочка, которая родилась в семье гетериков. Она примеряла ситуацию на себя. Жить с мамой и папой? Каждый день видеть в доме мужчину? Относиться к нему так же, как к родной тете? Лосева уверяла, что все было замечательно, но Даша не очень верила. Просто та была маленькой и не знала еще, что нормально, а что нет. Ей бы показалось нормальным и в стае волков жить. И просто чудо, что мужчина-гетерик ее не насиловал. Это ж сплошь и рядом случается – вот поэтому нельзя, чтобы девочка жила в семье с мужчинами, а мальчик – с женщинами. Плюс ко всему необходимость постоянно прятаться: родители же понимали, что это незаконно. Они мотались по всей стране, больше полугода не жили на одном месте, причем старались селиться подальше от цивилизации.

– А потом их поймали. Мне было лет восемь, и меня отдали в центр планирования семьи на удочерение. Но жить с чужими «тетеньками» я не смогла и сбежала. – Слова Лосевой впечатались в Дашину память.

По мотивам скитаний девочки с фиолетовыми волосами можно было написать книгу (правда, тогда у нее волосы еще были обычного русого цвета). Она несколько раз попадалась, но сбегала снова, пытаясь найти родителей. Пока, наконец, ее не подобрали воры и не объяснили расклад: что родители, скорей всего, сидят в тюрьмах – далеко и надолго, и что если она дальше будет их искать, то и их не спасет, и сама пропадет. И поскольку ее никто не собирался сдавать государству и никого не надо было называть «тетенька», Лосева осталась с ними. Научилась воровать, а также еще массе полезных для выживания вещей. А в шестнадцать лет попалась, ну и в качестве альтернативы тюрьме ей была предложена госпрограмма адаптации.

Даша слушала раскрыв рот. О таких историях иногда рассказывали по телевизору, но никогда – в подробностях. И тем более никогда – с позиций ребенка, который был ДОВОЛЕН тем, что жил у гетеросексуалов. С тех пор, как общество стало толерантно относиться ко всем, были разрешены не только однополые, но даже браки с животными. Вот только детей таким семьям нельзя было иметь: дети должны быть защищены ото всех извращений – это записано в Конституции.

– Поскольку я неблагонадежный материал, меня предупредили сразу: только забеременею – тут же окажусь в больничке без права выхода и переписки. Ну и ребенка, конечно, сразу отберут. Чтобы даже мысль оставить его себе в голову не успела прийти, – вспоминала Даша слова Лосевой. – Самое смешное, что я совсем не хочу этого. Мне просто очень жалко дитенка: я знаю, каково ему будет, понимаешь?

Даша кивнула.

– А вот они не понимают. Думают, что я напрочь испорчена гетеросексуальным воспитанием.

– А ты испорчена? – решилась спросить она. – Я имею в виду, кто тебе нравится?..

– Мальчики или девочки? Знаешь, мне все по фигу. Но я чего тебе все это рассказываю – совсем не для того, чтобы ты меня жалела. Я хочу, чтобы ты пожалела своего ребенка. Ну и себя. Если уж у тебя появились такие мысли, совсем необязательно кому-то о них знать. Я тебе, конечно, не «тетенька», – Лосева произнесла это максимально презрительно, – учить жить не буду, но советую ничего не отчебучивать. Ты нормальная девка, не то, что я. Найдешь себе другую нормальную девку, поженитесь, вам выдадут младенца, будешь любить его и жить счастливо. Чего тебе еще надо?

– Да я ни о чем таком и не думала! – вспылила Даша. – Я просто подумала, что Никита – неплохой парень. Лучше, чем остальные, которых я знала. Чего все вокруг забегали так, будто я похищение века запланировала?!

– Да потому, что с этого обычно и начинается. Сначала Никита тебе кажется неплохим парнем, потом ты хочешь от него ребенка, потом тебе не хочется дите отдавать в центр планирования семьи, потому что оно «от неплохого парня», ну а потом ты ныкаешься по норам с младенцем на руках, не понимая, чего дальше делать. А дальше тебя ловит Демконтроль и ставит жирный крест на всем.

Даша прокручивала этот разговор в голове до тех пор, пока сквозь шторы не пробилась узкая полоска света. Она действительно не хотела воровать ребенка, но после рассказа Лосевой задумалась: почему детей забирают у всех? Нельзя, что ли, оставлять тем, кто хочет этого? Потрогала живот. Вроде никаких изменений. Интересно, это будет мальчик или девочка? Вот если бы они с Мариной поженились и родилась девочка – почему бы ее не оставить себе? Но тут же сама ответила на этот вопрос: они не подходят ни по возрастному цензу, ни по материальному. К тому же, если можно будет оставлять девочек, то возмутятся мамочки, родившие мальчиков. А если мальчиков тоже оставлять, то начнется полный кавардак: как две женщины могут воспитать мальчика? И что делать мужским семьям? Жить без детей?

С рассветом Даша провалилась в тяжелый сон, и ей снились маленькие мальчики, тянущие ручки и зовущие ее мамой.

Толкаться ребенок начал на пятом месяце, к этому времени Даша проштудировала всю доступную литературу по беременности. Она знала, что все протекает нормально, хотя ее постоянно тошнило. Судя по книгам, это была верная примета, что родится мальчик. В семнадцатом кабинете ничего не объясняли, но Даша справедливо решила, что если бы что-то пошло не так – ее сразу бы забрали в больницу. Она продолжала гулять по парку, несмотря на частые дожди и голые деревья. А вот подготовку к институту совсем забросила – даже разумная Марина не смогла уговорить продолжить. Все Дашины мысли были о ребеночке. Ей казалось, что она слышит биение его сердца, и она даже пыталась с ним разговаривать, но только тогда, когда была уверена, что никто не услышит. Она больше ни разу никому ничего не сказала про Никиту, да и о ребенке старалась особо не распространяться, несмотря на то, что думала и о том, и о другом постоянно. Поэтому ее стало тяготить общество, и под предлогом того, что плохо себя чувствует, она часто уходила в свою комнату.

Лосева давно не появлялась в коридоре, из чего Даша сделала вывод, что та тоже забеременела. Их шумная компания развалилась: Людмилу и еще некоторых забрали рожать, худенькая Инга демобилизовалась через три месяца, Василиса психанула и отказалась приходить на «корду». Говорили, ее забрал Демконтроль, но никто ничего о ней не слышал. Так что Даша не очень расстроилась, когда ее попросили на следующий день прийти со сменой белья и необходимыми вещами на два месяца. Февраль на окне рисовал белые узоры, а она читала книги, благо ее режим допускал визиты родственников, которые снабжали ее

чтивом, или же мысленно разговаривала с ребенком. Вслух, при шести девушках в палате и постоянных обходах медсестер, она не решалась.

Нельзя сказать, что она была полностью готова к родам, но все же сразу поняла, когда они начались. Медсестры на Дашу внимания почти не обращали, однако дело свое знали. Врачом оказался мужчина, но роженице к тому времени было абсолютно все равно, кто он – хоть президент, хоть баба-яга. Эти сутки застыли в Дашиной памяти сгустком боли, зато какая оказалась награда!

Мальчика роженице показали на следующий день, когда принесли кормить. На ноге у него болталась бирка с номером 313562, но Даша сразу назвала его Никитой. Темные глазки, смешной маленький носик и чуб на голове – конечно, это его сын! Впрочем, это тоже вдруг стало неважным. Это был ее сын, и только ее. «Он такой маленький, такой беззащитный», – удивлялась Даша, прижимая сверточек к груди.

Когда ребенка уносили, Даша не могла ничего делать, даже читать. Она ждала. С молоком у нее оказалось все хорошо, так что Никиту приносили шесть раз в день, и это были счастливейшие минуты. Молодая мама старалась не думать, что скоро сына отберут. Она ощущала его частью себя, третьей рукой или, скорее, вторым сердцем. Но совсем не думать не получалось. Месяц заканчивался, и момент расставания все приближался. Каждый раз как в последний Даша прижимала ребенка к себе, готовясь попрощаться навсегда, но при этом ясно сознавая, что просто не способна на это. Неожиданно она поняла, что на самом деле готова убить любого, кто посмеет разлучить их. «Это просто материнский инстинкт, это атавизм, – убеждала она себя. – Он нам достался от животных предков, надо просто перетерпеть». Но ничего не помогало. Атавизм был чрезвычайно силен, и вся борьба с ним заканчивалась слезами в подушку. Ее кидало от вершин счастья в бездну отчаяния, и эти качели неимоверно выматывали.

Все девушки в ее палате родили и тоже были счастливы, но по-другому. Большинство радовалось скорому дембелю. Кормежку они воспринимали как тяжелую повинность, но зато все остальное время были свободны и веселы: болтали, играли в слова, «морской бой», обсуждали симпатичных медсестер и делились планами на будущее. Обычные нормальные девятнадцатилетние девчонки. Лишь Оксана, седьмая в палате, была все время мрачна и нелюдима. Неделями от нее никто не слышал ни слова, так что сложно было понять, что у нее на уме.

В начале мая в палате вдруг появилась Лосева. Она сильно похудела, но все так же смотрела на всех нагло и вызывающе. Короткий фиолетовый ежик превратился в грязный сине-коричневый конский хвост сзади, но Лосеву это явно не смущало.

– Здорово, мамашка! – заорала она.

Все, кто был в палате, обернулись, но тут же решили, что связываться с этой девицей – себе дороже, и сделали вид, что ничего не видели и не слышали.

– Здорово! – улыбнулась Даша.

Лосева тут же утащила ее в курилку, хотя обе не курили. «Там хоть поговорить можно», – объяснила она. В рекреации за стеклянными дверями на десятом этаже было пусто и накурено.

– Ну чего, родила? – Лосева в своей манере спрашивала сразу, без прелюдий.

– Ага. Мальчика! – гордо ответила Даша. – А ты?

– Родила.

– Кого?

– Не знаю.

– Как это? – обалдела Даша.

– Мне не сказали. Родила – и сразу забрали, больше ни разу не приносили. Забыла? Я ж неблагонадежная.

– Ужас…

– Да ладно! Какой ужас? Ну, увидела бы я ребенка, ну даже кормила бы его месяц, и чего? Легче было бы? Вот тебе легко сейчас, да?

Даша тяжело вздохнула:

– Меня каждый день трясет от того, что любая минута может оказаться для нас с Никитой последней.

– Ого! Ты ему даже имя дала? В честь отца, да? «Мне просто понравился один мальчик», – передразнила ее Лосева.

– Да хватит тебе! И так тошно. Это мой ребенок, понимаешь?! Не могу я его отдать никому. Это как руку отрезать!

Лосева фыркнула, всем своим видом показывая: «А я же предупреждала!»

– Слушай, а ты можешь узнать, кому его отдадут? Ну, наверняка же можно получить как-то доступ в базы центра планирования. А я просто буду иногда проходить мимо той семьи и смотреть, как там мой Никитка.

– Идиотка – это диагноз. И почему у нас не лечат дурость? – театрально воскликнула подруга. – Не-е-ет! Слышишь меня, дурочка? Я не сделаю этого, даже если бы могла. Ты не понимаешь, о чем просишь. Ты о самоубийстве просишь! Причем в особо извращенной форме. Это у тебя от секса с мальчиками мозги набекрень встали.

– Я не просила этого секса, – огрызнулась Даша.

– Вот и забудь его как страшный сон!

– Страшный сон у меня будет всю оставшуюся жизнь, если я отдам сына! Как ты не понимаешь? У тебя же была мама!

– Заткнись, идиотка! – Лосева вдруг стала страшной, и Даша поняла, что та перестала шутить.

Обе увидели через стеклянные двери, как мимо курилки проходит Оксана. Что из разговора она слышала? Достаточно было одной фразы, чтобы тут появился Демконтроль.

– Доорешься счас до тюряги, – прошипела Лосева.

– Ты мне поможешь?

– Я тебе помогу! Тем, что не дам совершить большущую глупость.

– Достань адрес. Любые деньги.

– Засунь себе в одно место свои деньги.

– Да или нет?

– Нет. И точка! Достала!

– Ну и проваливай! Без тебя разберусь! – Даша бегом бросилась из курилки, оставив Лосеву одну.

Молодая мама действительно потеряла бдительность, потому что во время следующего кормления прямо при медсестре сказала:

– Ну что, Никитка, будем обедать?

– Как ты его назвала? – встрепенулась та.

Даша промямлила что-то типа «ну не триста тринадцатым же номером мне его звать», но поняла, что это конец. Сестра ничего не сказала, просто молча ушла, а у Даши потекли слезы ручьем, так что Никитка тоже расхныкался.

– Ну-ну, маленький мой, не плачь. Мама тебя больше никогда не увидит, но ты расти большим и здоровым. Тебя будут любить дяди, и я надеюсь, ты будешь счастлив. В отличие от мамы.

Она зацеловала его от макушки до пят, так, что соседки по палате решили, что она сошла с ума, и притихли.

– Я люблю тебя, сынок, и всегда буду любить, – шептала она в маленькое ушко, убаюкивая и успокаивая.

Когда медсестра вернулась, Даша последний раз обняла ребенка, поцеловала в лоб и отдала. Больше Никиту на кормление не приносили. Долгое время Даша пролежала, уткнувшись в мокрую уже подушку.

На следующий день доктор сообщил, что ее срок службы в центре коррекции демографии подошел к концу. Долгожданный дембель! Только она ничуть не обрадовалась.

– Может, тебе стоит обратиться к психологу? – предложил он.

Даша представила, как ее начнут уверять, что любить собственного ребенка, особенно мальчика – это неестественно для женщины, пропишут антидепрессанты, подавляющие все эмоции, и покачала головой.

– Со мной все нормально, – попыталась она улыбнуться.

– Ну хорошо. Сегодня мы возьмем у тебя анализы еще раз, чтобы убедиться, что ты здорова, и, если все будет в норме, завтра можешь ехать домой.

Даша понимала, что у нее не может быть все в норме, ведь ей только что отрезали часть плоти. Навсегда. И это никогда не заживет. Впрочем, анализы показали обратное, и к обеду следующего дня она уже сложила стопку книжек и стопку одежды (чуть поменьше) и гуляла по коридору в ожидании. Тетя Саша обещала забрать ее на машине. Находиться в палате не было сил – после той сцены с Никитой соседки ее явно сторонились.

Оксана ее, видимо, ждала, потому что появилась именно тогда, когда из лифта, с другой стороны коридора вышла тетя Саша. Она сунула Даше в руку листок бумаги со словами:

– Это то, что ты просила у своей подруги.

И быстро ушла. Даша не успела от удивления даже рта раскрыть. В записке был телефон и имя: Лиана Тамаровна. Она не могла ни о чем спросить Оксану – тетя Саша уже почти подошла, но ей и не надо было ничего спрашивать. Все понятно: Оксана слышала разговор в курилке и решила помочь вместо Лосевой.

Узнать, в какую семью передают ребенка под номером 313562, оказалось на порядок дешевле, чем откосить от службы в «корде», хотя и то, и другое было одинаково незаконно. А может, просто пожилой грузинке Лиане Тамаровне не так нужны были деньги, как молодой Анне Валентиновне. Даша узнала не только адрес и фамилию семьи, но и личную информацию «отцов». В центре планирования семьи была огромная база, в которой содержалась только перепроверенная информация о семьях, пожелавших иметь детей.

Эрик Бакмет, тридцать восемь лет, служил в армии, судимостей нет, здоровье хорошее, ресторатор. Владелец ресторана «Приват». Личный годовой доход – 2,7 миллиона. Антон Бакмет, двадцать три года, студент четвертого курса художественного института. Не служил, судимостей нет, здоровье удовлетворительное.

Даша тут же возненавидела эту парочку, ведь очевидно, что богатенький Эрик просто «отмазал» своего Антона от армии!

В браке пять лет, родители обоих живы, находятся на пенсии.

«Странно, родили их одни, а родителями называют других», – удивилась она вдруг привычному для нее термину.

Даша редко бывала в южных районах города и почувствовала себя заезжей туристкой. Высотные дома из стали и стекла, больше похожие на офисы, спортивные автомобили, бары и рестораны на каждом углу и, конечно, много мужчин. Вроде бы никто особо не пялился, но она спиной чувствовала их удивление и немой вопрос: «Что она тут делает?» От этого и от мыслей о Демконтроле под порывистым ветром стало холодно. Она еще не сделала почти ничего противозаконного, но до запретной грани оставался один шаг. Если поймают на покупке секретной информации из центра планирования семьи – ее ждут серьезные неприятности. Но если застукают в доме Бакметов – будет в сто раз хуже. Впрочем, Даша уже больше недели не видела сына, поэтому сейчас перла как танк, наплевав на Демконтроль и все остальное.

До нужной улицы пришлось еще долго ехать на автобусе, а потом идти пешком: они жили за городом, в частном доме. Когда добралась, практически стемнело. Впрочем, это было даже хорошо: так она меньше попадалась на глаза случайным прохожим.

Опасение, что дом будет огорожен двухметровым сплошным забором, не подтвердилось. Забор оказался ажурным, скорее декоративным, и Даша с третьей попытки его перелезла. Двухэтажный дом из красного кирпича выглядел элегантно и стильно. Резные

наличники, кованые чугунные вензеля на балконе, большие высокие окна, через которые видно всю гостиную, если не задернуть тяжелые бежевые портьеры. Именно там на ковре у камина сидел Антон с Никиткой на руках. Даша застыла, боясь пошевелиться.

Свежеиспеченный родитель тряс перед носом ее сына погремушкой, пока тот не заплакал. Тогда он начал трясти уже ребенка, неумело укачивая, расхаживая по комнате. Никита не утихал. «Не так! Ему так не нравится!» – хотела крикнуть Даша, но не могла пошевелиться.

– Ты кто такая и что тебе тут надо?

От неожиданности Даша дернулась и чуть не упала. Высокий мужчина с бородой эспаньолкой стоял у нее за спиной. Это не мог быть никто кроме Эрика Бакмета.

– Я… я Даша, – пролепетала она.

– Воровка?

– Нет…

– А кто?

Даша попыталась взять себя в руки и решила вести себя как Лосева:

– Я – мать этого ребенка!

Эрик схватил ее за шиворот и поволок к выходу. Даша упиралась как могла, отказывалась идти, висла, поджимая ноги.

– Нет! Вы не понимаете! Это мой ребенок! Да послушайте же!

– Если ты не уберешься с моего двора, я вызову полицию! – Голос у Эрика был резким и хлестким. Неудачливая нарушительница понимала, что если сейчас ее выкинут за калитку, шансов хотя бы дотронуться до сына у нее никаких не будет.

– Давайте хоть поговорим! – взмолилась она.

– О чем?

– О ребенке!

– Вон отсюда!

– Я же от вас не отстану! Буду приходить каждый день и стоять у забора! Это не запрещено, и меня нельзя будет забрать в полицию! Я клянусь, что сделаю это, если вы меня сейчас не выслушаете! – Шантаж был так себе, ведь Дашу уже можно было привлечь к уголовной ответственности, но он сработал. Эрик, видимо, не успел задаться вопросом, откуда она вообще взяла их адрес.

– Ладно. – Он отпустил ее воротник. – Пойдем в дом. Но при одном условии: к ребенку не прикасаться! Иначе я сразу звоню в полицию.

Даша кивнула. Выбора особо не было.

Нужно было видеть обалдевшее лицо Антона, когда они оба ввалились в коридор, но Дашу больше волновала не его реакция, а то, что Никита до сих пор плакал. Она сжалась вся, но сдержалась, ничего не сказала и не прикоснулась к нему.

– Знакомься, это… как там тебя?

– Даша…

– Это Даша, – представил ее Эрик. – Куртку повесь сюда, – это уже ей.

Жар камина распространялся по всей комнате (а может, это было центральное отопление), и только тут Даша поняла, как продрогла у окна: май в этом году выдался очень холодным.

– Принести чаю? – спросил Антон, ничего не понимая.

– Не сейчас. Сначала мы послушаем вот эту девицу. Боюсь, нам будет не до чая.

Эрик задернул портьеру, и они расселись вокруг журнального столика. Никита все плакал. Даша не выдержала:

– Он не любит, когда его так трясут. Если его прижать к груди и гладить по голове, то он скоро успокоится.

Антон недоуменно посмотрел на Эрика, тот пожал плечами. Совет действительно помог, и ребенок вскоре утих.

– Итак, ты его мать. Что дальше?

Темно-синий костюм, белоснежная рубашка, манжеты, выступающие из-под рукавов пиджака на пару сантиметров, как и положено, серебряные запонки… Образ старшего Бакмета был идеален. И разговаривал он с ней как с назойливой мухой, от которой другим способом сложно избавиться. А Даша не знала, что дальше. Не придумала. Ей и в голову не приходило, что можно вот так по-дурацки попасться. В планах было просто посмотреть на сыночка и уехать, а опасалась она лишь Демконтроля, но никак не вернувшегося с работы главу семьи.

– Я просто хотела посмотреть на него.

– Прекрасно, ты посмотрела. Теперь уезжай.

Тут Дашу прорвало. Захлебываясь словами, боясь, что ей не дадут договорить, она заголосила:

– Вы не понимаете! Это мой сын! Мой! Я его выносила, рожала целые сутки, а это, между прочим, очень больно! И у него мои глаза, и такой смешной носик, а губы от… неважно. Я люблю его и не могу жить без него. Он когда улыбается – будто весь мир улыбается для меня, а если плачет, то я сделаю что угодно, только бы ему опять стало хорошо. Это мой ребенок, вы это слышите!

– Слышим, слышим. Это все? – На Эрика речь не произвела никакого эффекта.

– Отдайте его мне, – вдруг прошептала она.

– Что-о-о-о? – тут уже возмутился Антон. – С какой стати? Да мы пять лет ждали ребенка! Это наш сын!

– Неправда! Это мой Никита!

– Стоп! – рявкнул Эрик. – Во-первых, его зовут Максим. Во-вторых, по всем человеческим и божеским законам, это наш сын, а в-третьих, я звоню в Демконтроль.

«Максим? Только не Максим! Это ужасное, ужасное имя! Это же Никита, неужели они не понимают!» – обожгло Дашу, но вместо этого она выпалила:

– Родила его я, значит, я его родитель, а не вы.

– Да, ты его биологическая мать, и что? Разве это дает тебе какое-то право на ребенка? Давай-ка почитаем закон «О правах родителей и детей». Статья третья – «Об усыновлении». Пункт первый: ребенка мужского пола может усыновить только мужская семейная пара, ребенка женского пола – только женская. Ты уже не подходишь. Пункт второй: для усыновления необходима семейная пара, прожившая минимум пять лет в браке, не имеющая разводов. Ты вообще жената? Пункт третий: один из родителей должен быть не младше тридцати лет и не старше пятидесяти. Девочка, ты когда перестала играть в куклы? Пункт четвертый: совокупный доход семьи не может быть ниже удвоенной средней зарплаты в регионе проживания. У нас сейчас это около восьмидесяти тысяч. Ты столько зарабатываешь? И пятый пункт: детей не могут усыновлять семейные пары нетрадиционной ориентации, типа гетеросексуалов, бисексуалов, транссексуалов и тому подобное. Ну, тут даже спрашивать ничего не буду. Можешь не сомневаться, закон я процитировал дословно. За столько лет обивания порогов центра планирования семьи выучил его наизусть. Итак, где говорится хоть слово о биологическом родстве?

Даша молчала. Собственно, сказать было нечего.

– Ты вообще соображаешь, что творишь? Тебя за это Демконтроль засадит лет на семь. Подумай о своих родителях!

– Можно я хотя бы буду иногда приходить смотреть на Никиту? – Она старалась держать себя в руках, но слезы капали, и ничего с этим поделать Даша не могла.

– Ты, кажется, меня не слышишь или не понимаешь. На каком языке тебе объяснить? Забудь сюда дорогу и про ребенка. Нет у тебя никакого ребенка и никогда не было! Вот этот вот мальчик, который уснул на руках Антона, – это наш сын, и только наш.

Эрик наконец заметил слезы, замолчал. Потом кивнул Бакмету-младшему:

– Тош, уложи Максимку и принеси нам чаю.

Молодой папаша кивнул и осторожно, чтобы не разбудить ребенка, вышел.

– А с тобой давай поступим так: я сейчас позвоню другу, попрошу, чтобы он тебя отвез

домой, и мы забываем весь этот разговор и то, что ты вообще тут была. Ты никому никогда об этом не рассказываешь, а я не обращаюсь в Демконтроль и не задаю вопрос, откуда ты узнала адрес усыновителей. Но если я еще раз увижу тебя тут или узнаю, что ты каким-то образом добиваешься возврата ребенка, – тут же набираю их номер и рассказываю все. После этого тебя, конечно, посадят, а нам придется переехать, зато Максим будет в безопасности. Я не позволю, чтобы какая-то истеричка портила ему жизнь.

Даше вспомнилось, как она первый раз пришла в «корду». Наверное, имя Максим ей это напомнило. Как и тогда, сейчас она чувствовала себя изнасилованной тряпичной куклой, которой все равно, что с ней делают. Поэтому она просто кивнула.

Дома ее ждал сюрприз.

– Даш, ты где пропадаешь? Тут такая беда, такая беда…

Она напряглась: тетя Саша всякую ерунду бедой не называла.

– Помнишь, девочка с тобой в палате лежала? Тихонькая такая? Тебя еще при выписке провожала?

– Оксана? – Даша похолодела.

– Наверное. Сегодня узнала, что она убилась. Прыгнула с моста на рельсы!

Даша испугалась не на шутку. Самоубийство? Или инсценировка? Неужто Демконтроль прознал про ту записку…

– Теть, почему?

– Говорят, не смогла пережить, что у нее «кордового» ребенка забрали. Я знаю, такое бывает. Бедная, бедная девочка.

Тетя Саша затушила окурок в пепельнице и потянулась за следующей сигаретой, а Даша вдруг очень ясно поняла, что ей делать дальше.

Для того чтобы собрать необходимые ингредиенты, потребовалось не так много времени. Уротропин скупила в ближайших аптеках, за азотной кислотой пришлось ехать на юго-восток, в «Химмаркет» и потом тащить через весь город 28-литровую бутыль – меньшей расфасовки в магазине просто не было. С дистиллированной водой и остальной мелочовкой проблем не возникло. Мензурки и прочее оборудование дома валялись и так: есть свои плюсы в том, что один из родителей – химик-технолог.

Самое сложное и страшное было потом, когда образовалась горка белого порошка. Всего несколько десятков граммов могли взорваться от малейшего колебания с такой силой, что от квартиры бы ничего не осталось, а Даше нужны были килограммы этого вещества!

Конечно, произведенная таким кустарным образом взрывчатка была опасна прежде всего для нее самой, и далеко не с первого раза удалось добиться, чтобы она именно взрывалась, а не просто горела. Испытания Даша бегала производить на пустырь за пару кварталов. К тому времени, как все получилось, нервы у нее сдали окончательно. По сути, Даша каждую минуту ходила по грани жизни и смерти (а вдруг порошок сдетонирует?). Зато это прекрасно отвлекало от мыслей о Никитке.

Чтобы хоть как-то обезопасить себя и окружающих, она накупила детских наборов пластилина и лепила цветные взрывоопасные кубики. Воск, а пластилин – это тот же воск, немного снижал чувствительность взрывчатки, так что у Даши появлялся шанс добраться со всем этим добром до места, не подорвав по дороге окружающих.

Все готово было к концу мая, ей оставалось лишь купить широкий длинный плащ. Еще вечером Даша поцеловала обоих родителей, сестренку, увиделась с Мариной. Почему-то грустней всего было осознавать, что она спит в своей кровати последний раз в жизни. И никогда больше не увидит дурацкую картину с подпрыгнувшей пятнистой длинноухой собакой, которую купила как-то после школы у бродячего художника. Никогда не посидит на широченном подоконнике, разглядывая кленовые ветки, норовящие залезть в окно.

Утром родители ушли на работу, сестра – в школу, и Даше тоже было пора. Пластилин, обмотанный ватой, был аккуратно сложен в два чемодана. В плаще было еще прохладно, но это не имело значения.

Говорят, раньше в этом здании размещалась служба государственной безопасности. Толкая тяжелую дверь, Даша в этом не усомнилась. И хотя название «Демографический контроль» не из военного лексикона, да и работали там сейчас гражданские, методы у них были те же.

Перед тем как войти, она на соседней улице вынула все пластилиновые кубики и набила ими широкий кусок ткани, обвязавшись им, как поясом, а пустые чемоданы просто выкинула. Шесть килограммов ощутимо тянули к земле, стало почти нестер-пимо жарко. Предательски задрожали руки, и Даша сунула их в карманы.

На входе стояла арка металлодетектора – об этом юная террористка узнала заранее, когда приезжала сюда на разведку. Пластилин не звенел, так что охранник молча пропустил ее в большой круглый зал. Справа располагалась стойка регистрации, за которой три девушки, мило улыбаясь, общались с посетителями. Даша заняла очередь за старичком в темно-сером плаще. Все было продумано до мелочей. Возможные варианты ответов она отрепетировала еще неделю назад. Сейчас главное – не показать, как ей страшно. Улыбаться, вести себя естественно и непринужденно. Это оказалось очень сложно с дрожащими руками и шестью килограммами взрывчатки на талии.

– Здравствуйте, чем могу помочь? – улыбнулась секретарша через стекло, отгораживающее стойку от посетителей.

– Мне нужно переговорить с начальником отдела защиты информации. – Даша попыталась улыбнуться в ответ, но не смогла.

– Вам назначено?

– Нет, но я по важному вопросу.

– Что за вопрос?

– Мне бы не хотелось говорить о нем здесь… – Даша постаралась сделать загадочное лицо.

– Извините, но я не могу просто так вас записать к нему на прием.

«Записать?! Мне надо сейчас!» – хотела воскликнуть террористка, но сдержалась.

– У меня есть сведения, что из вашей базы данных воруют информацию. Понимаете, я не могу вам сообщить подробности, но дело срочное. – Даша надеялась, что секретарша не слышит набат, который било ее сердце.

– Минутку.

Девушка с кем-то поговорила по телефону, но до Даши не доносилось через стекло ни слова.

– Вас ждут в кабинете 1112, – это уже Даше. – Одиннадцатый этаж. Возьмите вот этот магнитный пропуск.

Пришлось вынуть руку из кармана, чтобы взять карточку на веревочке и повесить ее на шею. Вроде бы пальцы не слишком сильно дрожали.

Одиннадцатый этаж – это прекрасно. По той информации, которую ей удалось раздобыть, где-то в районе двенадцатого этажа находились базы данных на всех рожавших. Уничтожить их – программа-максимум. Ведь тогда никто не будет искать мать, сбежавшую с ребенком, – она просто нигде не будет фигурировать.

Сквозь стеклянную кабину лифта Даша разглядывала огромное величественное здание Демконтроля. Одиннадцать этажей вниз, и еще столько же вверх, в центре – пустота, по окружности которой – камень и стекло. Все это напоминало ей сводчатые подземные дворцы гномов из сказок.

Табличка под номером 1112 гласила: Корнелюк Сергей Сергеевич. Робко постучала и, не дожидаясь ответа, вошла. Корнелюк оказался сорокалетним бородатым усталым человеком. Он поднял на нее взгляд, пробормотал: «Присаживайтесь» и забарабанил по клавиатуре. Даша осталась стоять.

– Присаживайтесь, – уже громче сказал Сергей Сергеевич, отрываясь от компьютера.

– Я постою…

– Да вы не бойтесь.

– Я… верните моего сына, – вымолвила она наконец. Язык вдруг стал большим и неуклюжим и с трудом ворочался во рту.

– Я? При чем тут я?

– Вы начальник отдела защиты информации. Можете убрать информацию обо мне из базы, я заберу сына и исчезну с ним.

Ей очень не хотелось делать то, ради чего она сюда пришла. И этот бородатый мужчина с большими карими глазами… наверное, его ждут дома родные и друзья. Он ни в чем не виноват. Не он создавал эту систему. «Но он ее поддерживает, – сказал внутренний голос. – А значит, пусть отвечает».

Сергей Сергеевич покачал головой:

– Девочка, ты не понимаешь…

– Нет, это ты не понимаешь!

Даша сбросила плащ, и службист увидел, что она обвешана цветными бомбочками.

– На мне шесть кило октогена, и сдетонировать он может в любой момент. Убьете меня – я взорвусь, не выполните мои требования – я взорвусь, напугаете меня – я взорвусь!

– Тихо! Успокойся! Я сейчас посмотрю, что можно сделать. Только не дергайся, очень тебя прошу! Мне нужно позвонить.

Даша кивнула. Пусть звонит. Ей уже все равно. Она уже перешла границу жизни и смерти после того, как сбросила плащ. Понятно, что Никитку ей не отдадут. А тогда зачем жить? Может быть, хоть своей смертью она поможет таким отщепенцам, как Лосевы, выжить.

Ей вдруг стало нестерпимо жалко этого сгорбленного над телефоном человека в голубой рубашке с мокрыми пятнами под мышками.

– У вас есть сын? – вдруг спросила она.

Он медленно опустил трубку, из которой еще доносился голос.

– Да.

– Никитой зовут?

– Да… – удивился Корнелюк.

Даша вдруг почувствовала себя спокойно и расслабленно. Губы сами собой расползлись в улыбке.

– Теперь еще и внук будет. Навестите как-нибудь семейство Бакметов, поцелуйте за меня ребенка. А теперь – идите отсюда! Быстро!

Он, кажется, понял, что сейчас произойдет. Стараясь не поворачиваться спиной, дошел до двери, открыл. Даша увидела, что коридор заполонили люди в черных шлемах и бронежилетах. Автоматы были наведены на дверь кабинета 1112.

– Уходи! Подальше! – крикнула она и закрыла глаза.

Ломались перекрытия, полы и потолки обрушились на два этажа, заваливая балками военных, дымом заволокло все здание, которое содрогнулось, но выстояло. Но Даша ничего этого уже не слышала.

Тим Скоренко
Теория невербальной евгеники

Данный рассказ не имеет ни малейшего отношения к личной позиции автора и является не более чем художественной фантазией на заданную тему.

С детства меня учили, что homo europaeus произошел от homo sapiens, но я не мог в это поверить. Гораздо проще было представить, что начало нашему роду положила какая-нибудь обезьяна в каменном веке. Наши позорные предки роднили нас с семитами, что казалось чудовищной хулой, идущей вразрез со всеми принципами, заложенными фюрером. Тем не

менее идти против официальной науки можно было, разве что игнорируя домашние задания и получая по антропологии пятерки. После каждой пятерки маму вызывали в лицей и выговаривали ей за мое непослушание и упрямство. Нашу классную руководительницу, фрау Герлиг, очень раздражала моя странная позиция: единицы по всем предметам, кроме антропологии и истории.

Антропологию вел старый профессор Шульц. Он родился еще до Великой войны и рассказывал, что в его времена семитов было много, они свободно ходили по улицам и разговаривали с арийцами на равных. «Конечно, не на равных, – откашливаясь, поправлялся он. – Мямлили, просили милостыню на исковерканном немецком…» Почему-то мне казалось, что он лжет, но поймать за руку я его, конечно, не мог. Тайной оставалась и сама суть лжи. То ли на самом деле семиты вообще не умели говорить, то ли не ходили по улицам – одно из двух. Но поверить в свободно гуляющих и беседующих между собой в полный голос семитов – ни за что, никогда.

Собственно, семита впервые в жизни я увидел лет в десять. Мы с мамой шли по улице, и вдруг из какой-то арки вышли двое мужчин. У одного в руках был поводок, конец которого терялся в темноте подворотни. Я машинально повернул голову, чтобы посмотреть, какой породы у мужчины собака. Но из темноты появился силуэт, ни в коей мере не похожий на собачий. Это было человекоподобное существо, сгорбленное и худое, обряженное в свободные панталоны. На спине оно несло деревянный ящик с черными пиктограммами «не кантовать» и «не бросать».

«Мама, что это?» – спросил я.

«Это семит, – ответила мама. – Он носит грузы».

«Как слон, да?»

«Да, как слон».

Мама никогда не отвечала на вопросы «не знаю» или «отстань», как часто делают другие матери. Ее ответы казались мне исчерпывающими, их с гаком хватало для ребенка. Это – семит, он носит грузы, все понятно.

Семитов в Берлине было мало, впрочем, как и в любом другом крупном городе. В основном они работали на заводах и никогда не выходили за пределы находящихся под напряжением сетчатых заборов. Позже мы с мамой побывали в Париже, и количество тамошних семитов меня поразило. Их было существенно больше, чем в Германии. Впрочем, они точно так же изъяснялись нечленораздельными звуками и отрывочными словами, а работу выполняли исключительно черную и простую.

Когда я учился в школе, между мальчишками ходили различные байки. Рассказывали, что некоторые знатные арийцы содержат семитов в качестве домашних животных – для развлечения, а не для работы. Мне казалось, что это очень противно. Если бы мне пришлось выбирать между семитом и собакой, я бы остановился на последней. Так я думал в те годы.

Углубленная антропология, изучаемая в восьмом классе, серьезно перевернула мое понятие о семитах. Оказалось, что они – одно из многих ответвлений homo sapiens, не сумевших развиться в полноценного человека. В частности, серьезное внимание старик Шульц уделял славянам, как наиболее опасной и разумной группе унтерменшей. Отдельные группировки славян оказывали ожесточенное сопротивление Великой армии еще в течение пятнадцати лет после войны, а последних партизан выкурили из Сибирских лесов в 1970-х. «Лес, – говорил профессор, – естественная среда обитания славянина. Он хорошо чувствует себя среди деревьев и мхов. Цивилизация слишком сложна для его недоразвитого мозга…» Этим Шульц объяснял сложности, возникшие при очеловечивании территорий Московии и других восточных рейхскомиссариатов.

Примерно в то же время я узнал о существовании унтерменшей с кожей черного цвета. Мне было ужасно интересно увидеть хотя бы одного, но до Африки было достаточно далеко, плюс к тому африканские рейхскомиссариаты в большинстве своем были закрыты для свободного посещения обычными гражданами. Впрочем, партийные функционеры свободно передвигались по миру в любом направлении. Именно моя жажда путешествий заставила

меня после окончания школы пойти по правительственной линии. Великолепная родословная и идеальная арийская внешность открыли передо мной, безотцовщиной, двери Берлинского дипломатического университета.

К слову, об отце. Конечно, он у меня был. Но через три года после моего рождения он пропал без вести где-то в Южной Америке. Его направили туда по делам Центральноамериканского рейхскомиссариата, который постоянно испытывал проблемы с кадрами. Расселение арийцев в исторически нехарактерных для них местах шло медленно, а местное население, несмотря на расовую неполноценность, оказывало вялое, но действенное сопротивление. В частности, оно отказывалось работать. Первое время от отца приходили письма, рассказывающие об успехах и достижениях его рейхскомиссариата, но потом письма прекратились. Мать запрашивала информацию об отце, и после третьего или четвертого запроса нам объявили, что он пропал без вести.

Впрочем, мама прекрасно понимала, что мальчик должен чувствовать сильную мужскую руку, и потому поддерживала тесные отношения со своим братом Гюнтером, служившем где-то в министерстве внутренних дел. Не думаю, что маме было приятно общаться с ним. Просто Гюнтер был одинок (его жена умерла еще до моего рождения) и нуждался в семье, а мне нужен был заменитель отца. Мама то ли не хотела выходить замуж повторно, то ли никто на нее не зарился (будем честны, красотой она не блистала), и потому все мужское, что во мне было, я почерпнул из дядиной манеры общения, его историй и баек, его тяжелой походки и ироничного, с хитрецой взгляда из-под слишком тяжелых для арийца надбровных дуг. Конечно, дядя не мог в полной мере заменить отца, но все же он стал мне настоящим другом. Когда у меня возникали проблемы по учебе или отношениям с людьми, я всегда шел за советом к дяде, и он в большинстве случаев мог разрешить мои сомнения относительно того или иного аспекта бытия.

В возрасте шестнадцати лет я прошел обязательное государственное генетическое исследование. Его результаты попадали во всемирную базу данных; только по результатам тщательного отбора в соответствии с этой базой я имел право жениться и заводить детей. В этом не было ничего унизительного или ограничивающего мои свободы. Заводить интрижки и заниматься сексом можно было с любой женщиной. Но на тот момент арийская раса не была окончательно очищена от посторонних генетических примесей, поэтому контроль над рождаемостью требовался очень жесткий. Каждая пара, желающая вступить в брак, проходила процедуру контрольного совмещения генетического материала. Если результат оказывался положительным (с определенным процентом погрешности), им давалось «добро». В противном случае они могли сохранять близкие отношения, но заводить детей не имели права.

Несмотря на мамино сопротивление, я принял решение пойти по стопам отца и поступил в Берлинский дипломатический университет имени Хлодвига Гогенлоэ. Мне нравились многие предметы, преподаваемые там, – как теоретические, так и прикладные. Особое впечатление на меня произвела физиогномика. Нас учили по чертам лица мгновенно распознавать расу и подрасу собеседника, оценивать его мимику и жесты, подобно ходячим детекторам лжи. Высокий рост, лептосомное телосложение, выпуклый затылок, прямой нос, узкий выступающий подбородок были для нас признаками настоящего арийца; с такими людьми стоило вести дела и рассматривать их в качестве кандидатов на ту или иную работу. Важнейшим показателем был черепной указатель. Долихокефалам можно было доверять, в мезокефалах надлежало сомневаться, брахикефалы автоматически записывались в унтерменши.

Очень сложной, но невероятно интересной наукой казалась теория невербального общения. По микроинтонациям и паралингвистическим показателям мы умели определить степень искренности собеседника, уровень уверенности в себе; более того, нас учили сенсорике и одорике, тренировали «слышать между строк» и переводить с «невидимого» языка на обыкновенный.

Учиться мне было достаточно легко. С предметами я справлялся без проблем,

независимо от степени их сложности. Пожалуй, я не смогу сейчас назвать хотя бы одну дисциплину, казавшуюся мне неприятной. Все было по плечу, и мать, несмотря на первоначальное сопротивление, гордилась моими университетскими достижениями.

Первым с нашего курса женился Курт Краузе, скромный, незаметный молодой человек, физиономист по основной специализации (моей специализацией стала экстралингвистика). Его девушка, Клара, частенько появлялась в нашем институте между занятий и после них. Они с Куртом обнимались в укромных уголках, шептались, а Курта все дразнили. Теперь я понимаю, что основным чувством, толкавшим нас на издевательства, была жгучая зависть. Большинство моих однокурсников к моменту женитьбы Курта оставались девственниками.

Не стоит думать, что мы замыкались в науках и учились, подобно механизмам. Нет, мы все-таки были обычными студентами, молодыми ребятами, которых тянуло к девушкам, к пиву, к мелким дракам. В частности, мы нередко подшучивали над преподавателями (хорошо помню, как мы намазали салом чуть скошенный вперед стул профессора Цоллерна, и он скатился с него, подобно мячику; весь курс за это получил строжайший выговор).

На третьем курсе в моей учебной группе появился новенький. У него было тонкое, чуть асимметричное лицо с высоким лбом, длинный разрез глаз, волевой подбородок – типичный тевтонордид по классификации фон Эйкштедта. Новенького звали Карл фон Барлофф. Он мало разговаривал, слушал и записывал молча; при необходимости выступить у доски говорил сухо, безэмоционально, тихо и четко, как синтезатор речи, поставленный на слишком низкий уровень громкости. Мне он был интересен. В его мимике и жестах я видел элементы, с которыми ранее не сталкивался ни в учебниках, ни в практическом применении теории невербального общения.

В частности, меня беспокоил взгляд Карла. Я никогда не видел такого выражения глаз и потому никак не мог классифицировать его. В его глазах при разговоре с собеседником сквозил не интерес, не страх, не волнение, не ирония. Ни одно немецкое слово не могло толком охарактеризовать этот взгляд.

Впрочем, то же самое можно было сказать и о жестах нового студента. В них была какая-то подозрительная женственность, не присущая основной массе молодежи. Например, он брал ручку двумя пальцами – большим и указательным – и лишь после перехватывал ее для более удобного письма. Слушая лекцию, он опирался подбородком о внутреннюю сторону запястья, а не о ладонь или кулак. При ходьбе он держал локти чуть согнутыми, будто модница, идущая за новой шляпкой.

В то же время меня тянуло к Карлу фон Барлоффу. Мне был интересен этот человек, его повадки, его взгляд, его странная, вальяжная леность, порой просыпавшаяся в движениях. Он достаточно часто приходил на семинары неподготовленным, но каким-то образом выкручивался, умудряясь перевести разговор с преподавателем на далекую от первоначального предмета тему. Его тихий говор был едва слышен даже на втором и третьем рядах, поэтому я пересел со своего пятого на первый. Мне было интересно слушать искусное словоблудие Карла.

Иногда в ходе учебного процесса нам приходилось разбиваться на пары. Одно из таких заданий выглядело следующим образом. Первый студент должен был писать небольшое сочинение о каком-либо характерном случае из своего детства, а его партнер – изучать лицевую микромоторику пишущего. Затем партнеру предлагалось максимально точно изложить, о чем писал его визави, опираясь только на выражение лица последнего в процессе работы над текстом. Затем студенты менялись местами.

Мне выпало работать с Карлом. Сначала писал я, затем – он. Мое сочинение рассказывало о том, как в возрасте шести лет я лизнул металлический поручень в автобусе и, конечно, насмерть к нему примерз. Мама услышала, как я заныл, ужаснулась и начала метаться вокруг, не зная, что делать. Я же просто дернулся назад и оторвал язык от поручня – с мясом. Пошла кровь, язык болел еще много дней, мама мазала его какой-то вонючей гадостью, а кушал я только охлажденное, потому что горячее жгло неимоверно.

Карл выполнил задание неплохо. Он понял, что я описывал нечто неприятное, и догадался, что речь шла о вкусовых ощущениях. Скорее всего, сказал он, я чем-то обжегся за столом. В принципе, я получил холодный ожог языка, истина лежала близко, так что Карлу задание было зачтено.

В свою очередь, он взял ручку и начал писать. В течение двадцати минут я всматривался в его черты, ловил микромоторику, движения глаз, языка, щек, даже ушей. Самое странное, что толком понять что-либо было невозможно. Его моторика была бессистемной, точно он постоянно менял тему сочинения и даже стиль мышления. К концу я запаниковал, но взял себя в руки и понял, что нужно просто угадывать. Косвенные признаки подсказывали, что Карл писал не о себе, а о другом человеке, причем девочке, своей ровеснице. Что произошло между ними, я понять не мог. Признаков конфликта я не заметил. Поэтому я обрисовал ситуацию Карла, как игру с девочкой одного с ним возраста, закончившуюся вполне мирным образом.

Карл улыбнулся и покачал головой, а потом протянул мне свой лист. Его история повествовала о том, как отец учил его стрелять из пистолета, и мальчик случайно попал в семита, прислуживавшего в тире. Хозяин тира вынужден был добить унтерменша, а отца заставили выплатить стоимость слуги. Я представить себе не мог, насколько далеко отклонился от истины. За это задание я получил самый низкий балл.

Тем же вечером я догнал Карла, бредущего домой из университета.

«Постой!» – воскликнул я.

«Да?»

«Как у тебя это получилось?» – спросил я.

«Что?»

«Сочинение!»

«Просто. Я писал, как и ты. Случай из детства».

«Но твоя микромоторика… Ты намеренно шифровал ее? Ты умеешь это делать?»

Он покачал головой.

«Да нет. Просто у меня, наверное, немного другая микромоторика. Все люди разные».

«Но в разумных пределах, Карл! Мы все голубоглазые, все – блондины. Не бывает черноволосых или синеволосых людей, не бывает людей ниже полутора метров ростом, не бывает людей, у которых нет рук или ног! Ты хочешь сказать, что ты не homo europaeus?»

Это звучало страшно. Такое утверждение могло лишить Карла статуса человека.

«Что ты, – усмехнулся мой собеседник. – Конечно, homo europaeus. Но разница в микромоторике вполне вписывается в установленные рамки. У нас же разная форма носа, разная высота лба, разные отпечатки пальцев…»

Путь мы продолжали вместе. Мы спорили. Я стоял за единство человеческой расы, он же утверждал, что границы гораздо шире, нежели я предполагал. Это был интересный спор, необычный.

С той поры мы сдружились. Практически все время мы проводили вместе, спорили, смеялись, выпивали (конечно, не до свинского состояния, но все-таки до определенной степени неадекватности), ходили в бильярдную и в боулинг. Нас дразнили близнецами, но мы не обижались. Не каждый день встретишь человека, способного стать тебе настоящим другом.

Ближе к концу года профессор Штокманн, преподаватель социологии, читал нам курс лекций, посвященный толерантности и манипулированию собеседником путем демонстрации нейтрального отношения к его недостаткам.

«Тысячелетний Рейх, – вещал Штокманн, – это самое человеколюбивое и толерантное общество, когда-либо существовавшее на земле. Мы лишены зависти по отношению к представителям других национальностей, поскольку мы вообще отменили понятие «национальность». Достаточно просто принадлежности к человеческому виду. Наши женщины в полной мере равны мужчинам, дети имеют столько же прав, сколько и взрослые,

отсутствует классовое неравенство. Стать студентом престижнейшего высшего учебного заведения мира может даже простой крестьянин, а сын видного партийного деятеля может быть при необходимости отчислен за неуспеваемость. Великий фюрер привел человечество к абсолютной гармонии, уничтожил такие чувства и качества, как ненависть, зависть, лицемерие…»

Когда он закончил и традиционно предложил задавать вопросы, поднялась лишь одна рука. Это был Максимилиан Штайн, один из самых неуспевающих студентов потока. Он постоянно нарывался на неприятности, задавая преподавателям каверзные вопросы и демонстрируя свой оригинальный, незаурядный ум. «Язык твой – враг твой», – говорили ему, но Макс не слушал подобных замечаний.

Профессор кивнул, мол, задавайте вопрос.

«А как объясняется вашей теорией нетолерантное отношение к животным? – спросил он. – А к унтерменшам?»

Штокманн нахмурился.

«Во-первых, молодой человек, – ответил он, – теория это не моя. И это не теория, а давно оправдавшая себя практика. Во-вторых, она распространяется только на людей. Мы же не даем собакам избирательного права, не так ли? Потому что они неразумны. В этом нет ничего унизительного для собаки…»

Макс перебил профессора.

«А унтерменши? Они же другой подвид homo. У них есть определенная доля разумности, которую мы могли бы развивать, а не содержать их в животном, бесправном состоянии…»

В аудитории зашушукались. Профессор покраснел и явно не мог найти никакого толкового ответа. Высказанная Штайном идея и в самом деле была откровенно антифашистской. Мне было непонятно, как настоящий ариец может произнести такие слова, поставив семита на одну ступеньку с собой.

«Лекция окончена», – сказал профессор.

Следующий день должен был начинаться с лекции по истории Рейха. Но ее отменили. Вместо историка в аудитории появился гестаповец в чине штандартенфюрера. Некоторое время он ходил взад и вперед перед аудиторией, а затем остановился, заложив руки за спину. Не представившись, он начал говорить.

«Вчера, – он сделал паузу, – студент по имени Максимилиан Штайн задал вопрос, который не просто попахивает крамолой. Это антифашистский, антирейховский вопрос. Этот вопрос оскорбляет и унижает самого фюрера».

Между фразами он делал емкие театральные паузы, давая нам прочувствовать вес каждого его слова.

«Вчера мы провели тщательное исследование генетического материала Максимилиана Штайна и его родословной. И как вы думаете, что мы обнаружили?»

Он сделал очень большую паузу. Судя по всему, вопрос не был риторическим. Из зала раздалось:

«Он семит?»

«Да! – громко и отчетливо произнес штандартенфюрер. – Максимилиан Штайн имеет семитские корни. Каким образом он прошел тест, мы не знаем, ведется расследование. Но теперь вы понимаете: только в голове семита мог возникнуть подобный вопрос…»

Гестаповец распалялся все больше и больше. В общем-то, он безостановочно произносил одни и те же фразы в различных формулировках. Он говорил о том, что только зверь может спариваться со зверем, что межвидовые отношения невозможны. Он рассказывал, что человек не способен спариться с семитом, что такие контакты сразу выявляют неарийцев в нашей среде. При этом было совершенно непонятно, в каком поколении Макс может быть семитом – при его идеально арийской внешности. Гестаповец занял своим патриотическим рассказом практически всю лекцию. Преподаватель истории так и не появился, и когда штандартенфюрер покинул аудиторию, мы дружно начали

обсуждать произошедшее.

Я спросил у Карла, замечал ли он когда-либо что-то ненормальное в поведении Макса.

Карл ответил: «Нет, обычный парень, ничего особенного».

Мы вспомнили, какие шикарные розыгрыши придумывал Макс. В сфере издевательства над преподавателями он всегда был заводилой. Его шуточки частенько бывали злыми и провокационными, вызывали скандалы, но Макс всегда выходил сухим из воды. Теперь – не вышел. Правда, вопрос, заданный профессору Штокманну, не был розыгрышем.

Остальные лекции в тот день прошли как обычно. Гораздо более важным было то, что случилось после занятий, когда мы с Карлом шли домой (нам было по дороге, но он жил чуть ближе). Конечно, мы были подавлены. Мы понимали, что Макса больше не увидим, что он – не человек, не ариец, что он – представитель низшего класса, случайно затесавшийся в наши ряды. Но если разум это осознавал, то сердце восставало против такого взгляда на бывшего однокашника.

«Как думаешь, что с ним будет?» – спросил я.

Карл покачал головой и промолчал. Это могло означать, что он не знает. Но я слишком хорошо понимал Карла. В последнее время я начал разбираться в его странной микромимике, которая совершенно не соответствовала стандартам, описанным в учебниках по невербальному общению. Поэтому я понял, что имел в виду мой друг: Макса больше нет, он умер, исчез. Более того, его никогда не существовало.

Мы остановились у моего подъезда и некоторое время смотрели друг на друга. В глазах Макса читалась боль. Сложно сказать, что читалось в моих. Он протянул мне руку, но я, подчиняясь естественному и неожиданному порыву, притянул его к себе и обнял, похлопывая по спине. Он делал то же самое. Мне было очень хорошо в тот момент. От Карла пахло какими-то мужскими духами, я и раньше замечал этот запах, но не задумывался о нем, поскольку никогда настолько не сближался со своим другом.

Потом мы отстранились, Карл пожал мне руку и побрел к дому, а я смотрел ему вслед и думал о том, что несчастен тот человек, у которого нет подобного друга.

Переломный момент в моей судьбе случился спустя неделю. Конечно, Макс не вернулся, но лекции продолжали идти, как и прежде, и ничто не предвещало изменений. Тем не менее, изменилось все.

В один из дней мы выходили из университета вчетвером – я, Карл и еще два наших однокурсника – Фриц и Вилли. Фриц почти сразу же попрощался и куда-то пропал, а Вилли остановился на крыльце и сказал: «Вы идите, а я тут подожду».

«Девушку?» – ехидно усмехнулся Карл.

Вилли не ответил, но в ту же минуту из-за угла появилась девушка. На ней было длинное, почти до пят белое платье с оборками внизу, но без рукавов, и белая широкополая шляпа. Фриц улыбнулся и пошел ей навстречу.

«Красивая», – сказал Карл.

В этот момент я поймал себя на мысли, что девушка мне неинтересна. Не то чтобы не нравится – именно неинтересна, то есть я просто не могу оценить ее внешние данные. Я никогда не ловил себя на подобной мысли, а теперь поймал и почувствовал какую-то неловкость. Пока Вилли целовался с девушкой, а Карл смотрел на них, я пытался вспомнить, казалась ли мне действительно красивой хоть одна женщина. Ничего не получалось.

«Пошли», – позвал меня Карл.

Мы шли рядом, и я спросил у него:

«Карл, а у тебя были женщины?»

Он покачал головой.

«Тебе кто-нибудь нравится?»

Он снова покачал головой. Но внешние движения не соответствовали пантомимике его тела. Причем пантомимика выражала не отрицание: скорее всего, он и в самом деле

оставался девственником. Просто, как часто бывало, я не мог верно интерпретировать его движения.

«Максу сделали анализы», – вдруг сказал он.

«Откуда ты знаешь?»

«Бруннер с шестого курса ассистировал. А я с ним иногда общаюсь, наши родители дружат между собой».

«Что с ним сделали?»

«Говорят, семит на четверть. Как проскочило – непонятно. Таких отправляют в колонию без права на размножение. Наше общество справедливо».

Он сам не верил в то, что говорил.

Мы уже почти подходили к его дому и остановились, чтобы попрощаться. Мне нужно было сворачивать налево. Погода стояла теплая, но пасмурная; аллея, по которой мы шли, с обеих сторон была закрыта от окружающего мира высокими кустами.

«А если меня заберут? – вдруг сказал Карл. – А если тебя?»

«Мы не семиты».

«Макс тоже не знал об этом. Он тоже голубоглазый блондин, и что?»

Я покачал головой. Было страшно подумать о том, что вот так, в один момент, все может обрушиться. Карл взял меня за руку.

«Да ладно, – он слабо улыбнулся. – У нас все в порядке».

Мне не хотелось, чтобы он отпускал меня. Я протянул ему вторую руку, он принял ее. Мы стояли рядом, так близко друг к другу, что чувствовали дыхание собеседника. Он дотронулся носом до моей щеки, я не отстранился и почувствовал легкий, точно пушинка, поцелуй в щеку; моя рука скользнула на его талию, он прильнул своей щекой к моей.

Мне сложно объяснить гамму чувств, которые обуяли меня в тот момент. С одной стороны, я знал название тому, что происходило между нами. То же самое мы видели чуть раньше между Вилли и его девушкой. Я мог смело сказать Карлу, что люблю его, и не соврать ни в одном слове. Но в это чувство острым клином вмешивался разум. Я не понимал, как это может происходить, как мужчину может тянуть к мужчине. В этом было что-то ненормальное, искаженное. С детства естественным сочетанием для меня было сочетание разнополых людей, разнополых животных; интимные отношения между существами одного пола нигде не упоминались. Представьте себе, что вы никогда не видели жирафа и даже не слышали о том, что существуют животные с такой длинной шеей. И вот вы приходите в зоопарк и видите это огромное пятнистое парнокопытное. Вы в шоке. Вы не могли даже представить, что такое бывает, что у живого существа может быть такая непропорционально длинная шея, такой странный окрас, такие тонкие ноги. Примерно в такой ситуации оказался и я, только в гораздо более острой. Я не просто узнал о возможности однополых отношений между мужчинами. Я внезапно понял, что наше общество не примет и не поймет таких отношений.

В этот момент губы Карла уже нашли мои, и мы целовались, как неопытные щенки, в первый раз. Я испытывал возбуждение, мой член напрягся. Карл поместил руку мне в промежность и сжимал его через брюки.

Но в какой-то момент я отстранился.

«Нас могут увидеть», – сказал я.

Он тоже понимал это.

«Увидимся завтра», – сказал Карл и провел рукой по моей щеке.

Я развернулся и быстро, не оборачиваясь, зашагал прочь.

Дома я прошмыгнул в свою комнату и лег на кровать. От ужина я отказался, сказал, что очень устал. Сомнения терзали меня. Страшная мысль пришла ко мне в голову в связи с недавними событиями в университете. Возможно, думал я, однополые отношения являются прерогативой неарийцев. Возможно, в моей родословной есть погрешности, и я случайно прошел тест – так же, как это произошло с Максом Штайном. Мои размышления подогревались тем, что я практически не помнил отца, и самим фактом его таинственного

исчезновения. Кто знает, почему он пропал. Возможно, в Южной Америке он не прошел какой-то генетический тест, и отклонения позволили вычеркнуть его из арийских рядов.

Длительное время я стоял у зеркала и внимательно рассматривал свое лицо, а затем, раздевшись, и тело. Чем-то я напоминал знаменитого героя Карла фон Мюллера, служившего одним из пропагандистских образцов арийской внешности. Причем у меня был более сильный, волевой подбородок, что еще более подчеркивало чистоту моей крови. Длинный узкий нос, высокий лоб, голубые тевтонские глаза – все признаки арийца налицо. Но недочеловек жил внутри меня. Недочеловек тянулся своими тонкими арийскими губами к губам другого мужчины, Карла фон Барлоффа, и ничего страшнее этого я не мог себе представить.

Мне требовался совет. И я понимал, что единственный человек, способный дать этот совет, – это мой дядя Гюнтер. Мысль о том, что придется с кем-то поделиться своими сокровенными (и, возможно, запретными) переживаниями, вгоняла меня в панический ужас. Но еще страшнее было прийти на следующий день, сесть рядом с Карлом и как ни в чем не бывало слушать лекции очередного престарелого профессора. Я живо представлял себе, как мы будем идти после окончания занятий по той же самой аллее, и как Карл потянется ко мне, и каким сладостным будет это объятие, и какими страшными могут быть последствия в том случае, если подобные отношения все же ненормальны.

После нескольких часов размышлений (мама куда-то ушла и меня не беспокоила) я твердо решил поделиться своей историей с дядей.

На следующий день я шел в университет с тяжелым чувством. С одной стороны, меня радовала перспектива увидеться с Карлом, а с другой – я боялся разговора, предстоящего после занятий. Я не стал предварительно звонить дяде, полагая найти его дома (он довольно редко бывал в своем министерстве, потому что занимал какой-то серьезный пост и мог позволить себе свободный график работы). И все-таки большая часть моих мыслей была – о Карле.

Когда я вошел в аудиторию, меня постигло и разочарование, и облегчение: Карла еще не было. Я поздоровался с однокурсниками, занял свое место и с нетерпением смотрел на дверь, ожидая появления моего друга. Или больше чем друга – в тот момент я не мог толком понять.

Карл не появился. Лекция началась, а я никак не мог сосредоточиться, потому что думал о нем; профессор что-то говорил, чертил на доске, но все проходило мимо меня, будто я вовсе не присутствовал в аудитории. Я строил всевозможные теории того, что могло произойти. Возможно, Карл чем-то выдал себя, и его забрали – но тогда и надо мной висел дамоклов меч. Возможно, мой друг просто не выдержал психологического давления и остался дома, поскольку понимал, что никакой учебы в этот день быть не может. Я терялся в догадках.

На семинарах меня не вызывали, лекции пронеслись, как в тумане, и я вышел из университета с пустой головой и расшатанными нервами. Моросил мелкий дождик, и это немного охлаждало мой разгоряченный ум (в переносном смысле, конечно). Кто-то, живущий внутри меня, требовал идти к Карлу, делать вид, что просто навещаешь приболевшего друга, обманывать себя и других. Но разум победил сердце – и я направился в сторону дядиного жилища.

Дядя жил в престижном районе, на четвертом этаже довоенного дома, в огромной шестикомнатной квартире с четырехметровыми потолками. Когда не существовало центрального отопления, протопить такой объем не представлялось возможным, тем более архитектор предусмотрел камины только в половине комнат.

Я позвонил в дверь. Раздалось дядино шарканье, несколько щелчков, и дверь открылась.

«Ба! – воскликнул дядя. – Кого я вижу!»

На самом деле он уже видел меня через глазок, и его удивление было деланым.

Мы обнялись.

«Проходи, проходи, – улыбался дядя. – Чаю?»

Я не отказался. Пока дядя колдовал на кухне, я обдумывал, как начать разговор. Меня всегда раздражали выдержанные в классическом стиле, вычурные интерьеры дядиной гостиной, а огромная люстра пошатывалась, когда мимо проезжал трамвай, и норовила свалиться на голову. Я никак не мог сосредоточиться и блуждал глазами по многочисленным сувенирам, расставленным тут и там по комнате. В таком состоянии и застал меня дядя, вошедший в гостиную с подносом, на котором стоял чайник, две чашки и коробка с песочным печеньем.

Наливая чай, он спросил:

«Как дела в университете?»

«Хорошо».

Я мялся, мне было трудно начать.

«У тебя ведь какое-то дело ко мне, правда?»

Я кивнул.

«Полагаю, щекотливое», – он улыбнулся.

В детстве я частенько прибегал к дядиной помощи для решения различных проблем. Разбил соседское окно мячом – с соседом разговаривал именно дядя, а не мама. В драке сломал мальчику нос – в школу вызывали дядю. И так далее.

«Я не знаю, как начать», – сказал я чуть слышно.

Гюнтер нахмурился. Кажется, он понял, что дело серьезное.

«Просто рассказывай, что произошло».

«Это может быть преступлением», – выдавил я.

Он поджал губы.

«Все может быть преступлением, дружок, смотря как повернуть. Рассказывай».

И я рассказал ему. Я рассказал ему все с самого начала – от первого появления Карла в нашей группе до переживаний предшествующей ночи. Правда, я несколько сместил акценты, поскольку рассказывать о моих чувствах и физическом контакте с мужчиной было и странно, и стыдно. Долго и подробно я рассказывал о странной микромимике Карла, о его манерах и интересах, потом о Максе Штайне (опустив тот факт, что случившееся с ним вызвало у меня сочувствие), а затем о развязке нашей с Карлом дружбы.

Дядя не перебивал. Он слушал внимательно, а когда я делал паузы, терпеливо ждал, глядя мне в глаза. Надо сказать, что и я не терял времени даром, используя на практике полученные в университете знания. По его осанке, чуть заметным жестам, мимике я читал его мысли и отчетливо видел, что дядя мне сочувствует. Казалось, он понимал мои переживания, будто такие же некогда обуревали его самого.

Когда я закончил, некоторое время царило неуютное молчание.

«Ты правильно сделал, что выговорился, – наконец произнес он. – То, что произошло с вами, имеет название. Это называется «гомосексуализм». Некогда такое явление считалось правильным и нормальным, причем среди цивилизованных народов – эллинов, японцев. Боюсь, ты ничего об этом не знаешь, поскольку в вашем университете таких вещей не проходят…»

Он тяжело поднялся с кресла.

«Встань».

Я послушался.

Дядя подошел ко мне и взял мое лицо руками, притянул к себе и внимательно посмотрел мне в глаза. А потом неожиданно поцеловал меня в губы – и я не сопротивлялся.

«А теперь иди, – сказал он. – Я подумаю, как решить твою проблему. И, полагаю, найду решение».

Возвращаясь домой, я не мог успокоиться ни на секунду. Эмоции обуревали меня еще сильнее, чем на пути к дяде. Тем не менее глубоко внутри уже теплилось некоторое спокойствие: мы не одиноки, более того, у нас есть союзники, первый из которых, конечно

же, дядя Гюнтер.

Когда я пришел домой, я тут же позвонил Карлу. Трубку подняла его мать, серьезная и строгая женщина лет пятидесяти, сухая, точно дерево в пустыне.

«Карлу нездоровится», – сообщила она тоном личного секретаря.

Я представился и сказал, что, возможно, от беседы со мной Карлу будет лучше, ведь я все-таки его лучший друг. Чуть помедлив, мать передала трубку Карлу.

«Привет», – сказал он.

Мне было очень приятно слышать его голос.

Разговаривали мы ни о чем, поскольку доверять подобные тайны телефонной трубке нельзя. Я рассказал, что было в университете. Он сообщил, что с утра у него чудовищно болела голова, но теперь ему гораздо лучше, и обещал уже на следующий день быть на занятиях.

Я ложился спать с великолепным настроением. Беседа с дядей наполнила меня уверенностью, кроме того, я мечтал как можно скорее снова увидеть Карла. Буквально через несколько минут я уже сладко спал.

Меня взяли на улице, за полкилометра до университета. Они подошли с двух сторон, мужчины в форме гестапо, один предъявил удостоверение, и я пошел с ними, потому что сопротивление могло только усугубить мое и без того шаткое положение. За поворотом нас ждал длинный серый автомобиль. Меня не толкали, не пинали, не грубили мне; я самостоятельно забрался на заднее сиденье и молчал всю дорогу. Меня везли на улицу принца Альбрехта, в генштаб гестапо, могучее четырехэтажное здание с затемненными окнами. Тротуар перед зданием пустовал, прохожие предпочитали ходить по противоположной стороне, хотя у дверей главного управления тайной полиции не было даже охранника.

Меня вывели наружу, мы прошли через главный вход, через просторный холл, затем налево к лифтам. У моих сопровождающих (их по-прежнему оставалось двое) никто не спрашивал документы, никто не здоровался с ними. Судя по лифтовой панели, в здании насчитывалось не менее восьми подземных этажей. Один из конвоиров нажал кнопку «-7». Лифт чуть дернулся и двинулся вниз.

Я прекрасно понимал, что спрашивать о чем-либо бесполезно. Сопровождающие походили скорее на машины, нежели на людей. Когда лифт прибыл на нужный этаж, они вывели меня и снова долго конвоировали по бесчисленным коридорам со стенами, отделанными деревянными панелями, украшенными знаменами и портретами видных деятелей Рейха. Наконец, миновав очередную дверь, мы попали в большое помещение, напоминающее приемную врача. За столом в дальнем углу сидела секретарша и быстро набирала что-то на клавиатуре. Огромная деревянная дверь вела в кабинет высокого начальника, к которому меня, видимо, и привели.

«Свободен?» – Один из сопровождающих кивнул на дверь.

«Да, господин криминалькомиссар», – ответила девушка.

Криминалькомиссар едва слышно постучал и тут же открыл дверь. Мы вошли, а второй сопровождающий остался снаружи.

В огромном кабинете было довольно темно. За столом, выполненным в стиле минимализма, сидел грузный человек и что-то писал. Когда мы вошли, он встал, подошел и некоторое время смотрел мне в глаза, а затем сказал:

«Быстро произнеси четыре любых слова».

Я понял, для чего это нужно. Такую методику применяли специалисты по невербалике высочайшего класса. В зависимости от того, что говорил человек, с какой интонацией, как выглядела в этот момент его микромоторика, они делали далеко идущие выводы о его психофизическом состоянии, типе личности, склонностях, привычках. Чем выше класс физиономиста, тем меньше данных ему требовалось для получения результата.

«Слово, мальчик, страх, кабинет», – выпалил я.

Врать самому себе и физиономисту, думая над каждым словом, было нельзя. Он легко поймал бы меня на такой попытке и потребовал бы повторения теста – и так до тех пор, пока я не сказал бы необходимые слова автоматически.

«Хорошо, – сказал он. – В четвертый, как и полагали».

Меня взяли под руки, развернули и повели из кабинета прочь. В какой-то мере я удивлялся тому, насколько беззлобно, спокойно со мной обращаются. Никто не стремился причинить мне боль, под руки брали корректно, аккуратно, подстраивались под мою естественную скорость передвижения, не чинили никакого насилия. Признаюсь, когда я только увидел гестаповцев, подходящих ко мне на улице, я не на шутку испугался именно физической расправы. Впрочем, я не знал, что произойдет дальше, и страх перед неизвестностью давил не меньше, чем страх перед болью.

Мы прошли к тому же самому лифту и спустились еще на уровень ниже. Понятия «интерьер» на этом этаже не существовало: выкрашенные в серый цвет стены, тусклое освещение, провода и воздуховоды, проложенные прямо под потолком. Но, как ни странно, в коридорах царила жизнь. Сновали многочисленные служащие гестапо – как в форме, так и в штатском, – хлопали двери, раздавались голоса.

Мы шли долго, мне показалось – целую вечность, пока наконец не оказались перед массивной дверью, отделанной кожей. Криминалькомиссар открыл ее передо мной, и мы вошли в отделение гестапо, которое для большинства смертных, как выяснилось позже, являлось тайной за семью печатями. Более того, официально этого отделения не существовало. Все интерьеры этой части подвала напоминали собой кинотеатр – бархатные черные и красные портьеры, деревянные полы, многочисленные кресла и диваны во всех комнатах.

Меня провели через ряд дверей в помещение с киноэкраном на всю стену. В центре комнаты находилось мягкое кресло, и больше никакой мебели не наблюдалось. Меня усадили в кресло, на руках и ногах затянули ремни. Как ни странно, никакого страха в тот момент я не испытывал. Оба сопровождающих вышли.

Некоторое время я сидел в тишине и полутьме (горел лишь один тусклый плафон на высоком потолке), а затем почувствовал движение за спиной.

Он появился неслышно, высокий грузный человек в форме рейхскриминальдиректора гестапо, подошел к киноэкрану, а затем развернулся на каблуках. Он смотрел на меня с интересом и иронией, рот его чуть кривился, большие пальцы лежали на черном ремне. Я сосредоточил свое внимание на пряжке с орлом, потому что не мог смотреть в глаза этому человеку – моему дяде Гюнтеру.

«Смотри на меня, дружок», – сказал он.

Я поднял голову.

«Сейчас ты, видимо, думаешь, что зря пришел ко мне вчера, зря поделился со мной своей проблемой. Но это не так. Ты пришел к самому правильному человеку из всех возможных, к единственному, кто способен выслушать и понять тебя. Более того, много лет я ждал момента, когда ты наконец придешь».

Он начал ходить вокруг меня, не прекращая говорить.

«Гомосексуализм был распространен всегда. В Древней Греции мужчины из высшего общества часто предпочитали мальчиков женщинам, что отражено, в частности, в их мифологии. У Аполлона был целый ряд молодых любовников, да и Зевс нередко обращался к однополой любви. И в Греции, и в Риме сексуальные отношения между мужчинами считались нормальными. Более того, любовь между людьми одного пола могла быть сильнее, выше, гораздо более страстной, нежели обычные гетеросексуальные отношения».

Я самостоятельно догадался о значении слова «гетеросексуальный».

«В Японии, – продолжал он, – был распространен культ сюдо, отношений между мужчиной и мальчиком. Солдаты содержали своих любовников, порой любили их больше, чем жен. Буддистские бонзы вступали в интимные отношения со своими послушниками, и

это тоже было в порядке вещей. Если говорить в целом, гомосексуальность была возведена в ранг греха исключительно усилиями христианской церкви, усматривавшей в данном виде отношений нарушение библейских канонов. Но о каком нарушении может идти речь, если даже в Библии есть целый ряд героев-педерастов? Но все это история, которую ты узнаешь потом».

Это «потом» меня обнадежило. Кажется, меня не собирались ликвидировать.

«А сейчас я хочу, чтобы ты посмотрел один фильм».

Он кивнул кому-то за моей спиной и вышел, похлопав меня по плечу. Пока ничего страшного не происходило, и я постарался усесться максимально удобно, насколько это позволяли ремни, удерживающие меня в кресле.

А на экране появились мужчина и женщина – без всяких вступлений, без титров, без пояснений. Они стояли друг напротив друга по обе стороны огромной кровати. На ней был халат, на нем – трусы. Некоторое время они просто смотрели друг на друга, затем разделись и забрались на кровать, где без лишних предисловий начали заниматься любовью. Я впервые в своей жизни видел половой акт. Если честно, я и обнаженную женщину видел впервые, хотя примерно представлял ее строение по учебникам анатомии. В то время как мои сокурсники заводили девушек и даже женились, я оставался в вопросах полового воспитания наивным ребенком.

Фильм длился около получаса (мне так показалось), и все это время мужчина и женщина занимались сексом, умело меняя позы. Я с удивлением открыл для себя, что сношение может происходить различными способами и даже в различные отверстия, а не только в предназначенные для этого природой (в данном случае речь идет об оральном сексе, анального в фильме не было). Чувствовал ли я возбуждение? Да, безусловно, хотя не то чтобы очень сильное. И я никак не мог понять, кто мне более интересен – мужчина или женщина.

Фильм закончился бурным оргазмом мужчины, забрызгавшего женскую грудь своим семенем. Экран потемнел, а затем темнота сменилась новым фильмом. На этот раз возле кровати стояли двое мужчин в нижнем белье. Как по команде, они разделись и начали заниматься тем же, чем перед этим их разнополые «коллеги». Когда я смотрел второй фильм, мной овладели противоречивые чувства. С одной стороны, я возбудился гораздо более, чем при предыдущем просмотре, но с другой, мне было как-то гадко. Определенная неестественность была в этой любви, в этом соитии, в этих поцелуях и проникновениях. Более того, когда мужчины начали совокупляться, мой сфинктер заныл: я представил себе, каким болезненным может быть такой контакт.

Фильм закончился, зажегся свет, и передо мной снова появился дядя.

«Ну вот… – протянул он. – Помнишь ли ты микромоторику своего друга Карла?»

«Да», – кивнул я, не понимая, при чем тут это.

«Подобная микромоторика присуща людям нетрадиционной сексуальной ориентации. На одни и те же раздражители обычный человек и педераст реагируют по-разному, хотя неспециалист никакой разницы не заметит. У тебя – такая же микромоторика, правда, чуть более приближенная к обычной».

Я никогда не задумывался о своей микромоторике. Я знал, что у моих партнеров по университетским заданиям бывали проблемы с определением моих мыслей по микромимике, но списывал это на их неумение, а не на собственную уникальность.

«Я знаю, какой вопрос ты задаешь себе, – сказал дядя. – Соответствует ли гомосексуализм фашистской идеологии, отвечает ли он требованиям, заданным фюрером. Я отвечу тебе: нет. Гомосексуализм с точки зрения Партии – это серьезнейшее отклонение от нормы».

Я продолжал молчать.

«Но есть одно «но». Нельзя забывать о том, что мы толерантны. Что все люди в наших глазах равноправны, что не существует никаких общественных институтов, которые мы бы унижали или лишали права на самовыражение. Мы прощаем и принимаем абсолютно все, на

равноправии и толерантности строится наше общество, идеальное и совершенное. А теперь задай себе вопрос: почему мы можем позволить себе быть толерантными?»

Я думал, он продолжит, но он явно ждал от меня ответа. И я знал этот ответ.

«Потому что то, с чем мы не можем смириться, исчезает».

«Нет, друг мой. Оно не исчезает. Его просто не существует. Гомосексуализма никогда не существовало. Никогда не было разумных евреев или славян, никогда не было наркоманов, алкоголиков, проституток, душевнобольных, инвалидов. И тебя, мальчик мой, не существует. И меня».

Я раньше не слышал многих из употребленных дядей слов, но я понимал, о чем он говорит. И мне стало страшно.

«Что же, – подытожил он. – Сегодня первый день обучения. Дальнейшая твоя судьба напрямую зависит от твоих успехов».

И вышел, не дав мне сказать ни слова.

Мне сложно описать последующие несколько месяцев моей жизни. Мне отвели небольшую камеру, ежедневно приносили завтрак, затем вели в комнату-кинотеатр и показывали фильмы различного свойства. Когда мне нужно было в туалет, я нажимал на встроенную в кресло кнопку, меня отстегивали, провожали, а затем возвращали обратно в кресло. В два часа был перерыв на обед, в семь сеансы заканчивались. Мне приносили книги – как учебные, так и беллетристику для развлечения.

Все фильмы носили порнографический (я вскоре узнал это слово) характер. Отношения между мужчиной и женщиной в них представлялись обыкновенными, иногда занимательными, но неизменно доставляющими удовольствие обоим партнерам. Большинство фильмов были посвящены однополой любви, причем в основном между мужчинами. Удовольствие в них тоже присутствовало, но чаще всего процессы на экране выглядели довольно мерзко. Фигурировали каловые массы, остающиеся на половом органе, кровь, полное отсутствие мужественности, сцены с гинекомастией и другими мужскими заболеваниями, придающими женоподобность, а также секс с гермафродитами. Сексуальные сцены в фильмах перемежались с грамотно построенными лекциями о формировании арийской расы и фашистского общества.

Примерно через месяц таких сеансов я понял, что порнография уже не вызывает у меня удивления, да и возбуждение стало заметно умеренней. На третий месяц среди фильмов появились сюжеты с убийствами и некрофилией (как однополой, так и разнополой). Не раз меня рвало прямо в кресле, но со временем я привык и к этому.

Два-три раза в неделю ко мне приходил дядя и беседовал со мной о различных аспектах жизни фашистского общества, в том числе и о недопустимости пропаганды однополых отношений. Важнейшей причиной этого дядя считал даже не неестественность подобной любви (все-таки он сам относился к сексуальному меньшинству), а жесткую необходимость распространения арийской расы по всему миру и, соответственно, максимизацию естественного размножения.

Но на четвертый месяц моего странного «обучения» я увидел фильм, который серьезно изменил мое отношение к происходящему.

Я, как обычно, сидел в кресле и ожидал очередного порнографического сеанса. На экране появились двое обнаженных мужчин в кожаных масках, с кнутами и ножами. Некоторое время они целовались, а затем направились в соседнюю комнату, где стоял привязанный к косому кресту человек. Его голова была опущена. Один из мужчин взял его за подбородок и показал лицо распятого камере.

Это был Карл. Я дернулся в своих путах.

Затем последовало полтора часа пытки – физической для Карла и моральной для меня. Они истязали его, резали, насиловали в колотые раны, увечили, расчленяли, и все это время он оставался живым, что-то говорил (звук был намеренно приглушен). Ближе к середине фильма мучителей стало не двое, а пятеро. Я отворачивался, меня тошнило, но всякий раз

возвращался к страшной картине, потому что через отвращение все-таки пробивался интерес.

А потом я кричал. Я молил отпустить его, отпустить меня, хотя понимал, что Карла уже нет в живых, а я навсегда останусь в этих застенках. Фильм закончился очередным многократным семяизвержением палачей на изувеченные останки моего друга. А потом вошел дядя.

Я плохо помню, что кричал ему, и совсем не могу восстановить в памяти его ответные слова. Толком я пришел себя только наутро в камере. И как только я очнулся, протер глаза и сел на постели (видимо, меня отнесли и раздели, потому что событий предыдущего вечера я не помнил), появился дядя.

«Ты успокоился?» – спросил он.

«Вы убили его», – ответил я.

«Нет, – дядя покачал головой. – Его убили люди, получавшие от этого удовольствие. Ты же видел – это любительская съемка. Мы просто предоставили твоего друга им и предложили получить удовольствие так, как они посчитают нужным».

«Значит, вы убили его».

Он улыбнулся.

«Не мы, а пороки общества, которые мы пока что не смогли окончательно победить. Люди, которые убили Карла, содержатся под стражей – и в какой-то момент они будут уничтожены. Но пока что они нам нужны, как пример того, чего быть не должно».

Удивительно, но я верил в его слова. С одной стороны, я понимал, что Карла намеренно подсунули этой чудовищной компании (фильм и в самом деле попахивал любительской съемкой, в нем не было дублей, и камеру переставляли с места на места от силы три-четыре раза). С другой стороны, я знал, что, не будь в мире этих зверей, Карл погиб бы гораздо более гуманной смертью – или даже остался бы жив.

«Они звери, друг мой, – продолжил Гюнтер. – Мы могли бы стать такими же, как они, но мы не стали. Мы с тобой – люди, разум которых может превозмочь стремления души и сердца, сиречь настоящие арийцы, гораздо более достойные, нежели обычные люди. Мы – сверхраса, мы – юбер аллес, именно потому что мы можем заменить чувство расчетом, а любовь к отдельно взятому человеку – любовью к человечеству и его благополучию».

Я кивнул. Я понимал его, но мое сердце все еще продолжало бороться с разумом. Оно все еще сжималось в комок при мысли о страшной смерти Карла.

«Я хочу убить их», – сказал я.

«Правильно, – ответил дядя. – И ты сможешь сделать это прямо сейчас. Ты убьешь их и будешь убивать им подобных, чтобы наша раса с каждым поколением становилась чище и сильнее. Я не увижу окончательного триумфа, и ты не увидишь, и твои дети – тоже. Но, возможно, через несколько сотен лет это министерство окончательно потеряет смысл, и тогда во всем мире настанет абсолютный покой, и мы достигнем того, к чему всегда стремился наш великий Вождь, – к обществу абсолютного равенства и толерантности к себе подобным».

Теперь, сидя в огромном кожаном кресле более чем тридцать лет спустя, я думаю о том, что, возможно, Гюнтер относился ко всему с чрезмерным скептицизмом. Мне кажется, что мы завершим нашу миссию гораздо раньше, еще при моей жизни. Я расширил сеть специалистов по невербальному общению – теперь они есть в каждом государственном и частном заведении, они работают почтальонами и продавцами, коммивояжерами и охранниками, они тщательно рассматривают людей, проходящих мимо или останавливающихся поболтать, и отслеживают признаки, характерные для унтерменш. Они видят гомосексуалистов, они видят семитов, они умеют распознавать даже самые крошечные капли крови рейнландских бастардов и очищают наш мир от плевел, пропалывают его, пропускают через наимельчайшее сито из когда-либо созданных человечеством.

Подобных мне – единицы. Единицы способны справиться со своим пороком и

превратить его в достоинство. Бок о бок со мной работают люди, страдающие алкоголизмом и наркоманией, работают семиты, славяне, цыгане, темнокожие, метисы – но они арийцы, самые настоящие арийцы, задушившие в себе собственное убожество, свое чудовищное происхождение, свои грязные пороки и ставшие на службу величайшей в мире нации. С каждым годом борьба становится все труднее, потому что мишеней – все меньше и меньше, но пока они есть, мы будем бороться с ними и, если понадобится, положим на алтарь этой борьбы собственные жизни.

Я не могу говорить за руководителей других отделов. Не могу говорить даже за своих непосредственных подчиненных. Но я твердо знаю: если я буду уверен, что в мире больше нет ни одного человека с нетрадиционным взглядом на любовь, если мы сумели выжечь эту заразу каленым железом, если моя миссия закончена, то я возьму свой табельный пистолет и пущу пулю в рот. И моя смерть сделает мир чище, погрузив его в пучину беспощадной, безудержной, безупречной толерантности.

Юрий Бурносов
Москва, двадцать второй

Я не имею ничего против геев, пока они не шлепают меня.
Лиэм Галлахер, группа Oasis.

Сиди себе тихо и люби, как ты хочешь.
Алла Пугачева.

Матвеев сновал по кабинету, хлопая дверцами шкафов и звеня стеклом, а Воронин сидел в мягком кожаном кресле и снисходительно за ним наблюдал. Он вполне мог себе это позволить: все же столько лет не виделись, и вполне вероятно, что больше и не увиделись бы… Воронин взял со стола пластиковый кубик с логотипом издательства, в котором трудился Матвеев. Редактировал какие-то серии, что-то, связанное с образовательной литературой, кажется. В служебные дела приятеля Воронин никогда не совался, зная его в основном как бывшего сокурсника и как весьма медленного и малопродуктивного писателя-фантаста. Коллегу, короче говоря.

За всю жизнь Матвеев написал три книги, две из которых издали (не в его издательстве, что характерно), а третью не взяли за отсутствием внятных продаж первых двух. Впрочем, за прошедшие годы все могло измениться – вдруг Матвеев уже Донцову переплюнул по количеству написанного?

– Серега, ты все же не представляешь, как я рад тебя видеть, – тем временем в который уже раз повторил Матвеев, наливая коньяк. – Ничего, что я в обычные стаканы? Для коньяка нужны рюмки в виде тюльпана или бокалы, ну, ты знаешь… А у меня секретарша на больничном, черт ее знает, куда она бокалы засунула…

– Уймись, – благодушно сказал Воронин. – Мне небось и нельзя коньяк-то.

– Можно! – воскликнул Матвеев. – Можно! Даже нужно, в медицинских пропорциях, разумеется. Я у доктора спрашивал специально.

– Раз нужно, тогда за встречу.

Воронин взял стакан, втянул ноздрями острый и, как выяснилось, совершенно позабытый аромат. Не удержался и громко чихнул. Матвеев засмеялся.

– За встречу и за твое здоровье, Серега, – сказал он, чокаясь.

Воронин выпил мелкими глоточками, выдохнул горячий воздух и покрутил головой.

– Хороший коньяк ключница твоя делает, Федор.

– Не ключница, а республика Армения. – Матвеев быстро налил еще по стакану, подтолкнул к Воронину радостно-оранжевого цвета блюдце с ломтиками айвы, лимона и яблока. – Слушай, как же я рад тебя видеть…

– Я сам рад себя видеть, – несколько сварливо произнес Воронин. – Хватит уже

восхищаться. Что я тебе, Нефертити? Ну, повалялся в коме, с кем не бывает…

– Тоже мне сказал! «С кем не бывает»… Восемь лет, на рекорд не тянет, конечно, но тем не менее… Книгу, наверное, уже мысленно сочиняешь?

– О чем?! – удивился Воронин, обсасывая лимонную корочку. Вкус фрукта тоже был совершенно забытым, и потому он ел с наслаждением, хотя раньше лимоны терпеть не мог.

– Э-э… Ну, что-то типа «Восемь лет в ином мире». Что-то же человек чувствует, когда он в коме? Вот и опиши красиво, с выдумкой, с нравоучениями. На Западе давно бы уже накропали бестселлер.

– Во-первых, я меньше месяца назад очнулся и первый день, как выписался. Во-вторых, я ничего такого не помню. Аварию помню, как тачка в овраг кувыркается, а я внутри нее, словно лягушка в футбольном мяче…

– Хорошее сравнение, – понимающе заметил Матвеев.

– Это не мое, это я у Стругацких украл, – отмахнулся Воронин. – «Страна багровых туч», кажется… Так вот, мне писать-то не о чем.

– А ты наври с три короба. Свет в конце туннеля, астральные тела, все такое, – с улыбкой посоветовал Матвеев. – Народ съест и еще попросит. К тому же как бы из первых рук, видный писатель-фантаст.

– Откуда видный? – усмехнулся Воронин. – Если на табуреточку встать? У меня четыре книги вышло, пятую дописать не успел, всего семь авторских листов с мелочью…

– Ну, чтоб ты знал, после аварии книжки твои очень хорошо продавались. Доптираж, все дела. Проверь, кстати, карточку – там неплохие начисления должны быть… Потом, правда, подзабыли, но сейчас, полагаю, снова переиздадут. Вот я и говорю: видный писатель, не какой-нибудь экстрасенс-самоучка. И название хорошее – «Восемь лет в ином мире». С тебя процент за идею, хе-хе.

– А что, до сих пор прокатывает эзотерика?! – удивился Воронин. – Я думал, за восемь лет…

– За восемь лет, Серега, многое изменилось. Но пипл по-прежнему хавает всякую пургу. И будет хавать, куда он денется. Давай, за тебя.

После второй рюмки у Воронина ощутимо зашумело в голове.

– Все, Федя, я пас. Поберегусь немного, – сказал он.

– Как угодно. А я вот еще выпью, – Матвеев со скрипом выдернул пробку из бутылочного горлышка. – Как раз на днях срочную работу сдал, потому-то тебя и в гости пригласил, если честно. У меня вроде как отпуск.

– Творческий? – пошутил Воронин. – Хочешь в соавторы набиться, книжку про мою ко́му написать?

– Не угадал, старина. Чего-чего, а работы у меня хватает. Школьную программу переделывать надо? Надо. А кто ее будет переделывать? Пушкин, что ли?

– Не понял, – озадаченно нахмурился Воронин. – Зачем программу переделывать?

– А как же?! А, ч-черт… – Матвеев поскреб подбородок. – Забываю, что у тебя кусок жизни напрочь выпал. Кстати, я сильно постарел за время, э-э, твоего отсутствия?

– Да нет… Похудел малость, солидный такой сделался… Ухоженный, если тебя такой термин не обижает.

– С какой стати? Тем более есть кому ухаживать. Я твои слова передам, между прочим. Хотя нет, сам передашь.

– Так что с программой-то? – напомнил Воронин.

– Не с программой, а с произведениями, входящими в курс программы по литературе. Ты, наверное, помнишь, как в твое время Пушкина переделывали? Ну, «Сказку о купце и его работнике Балде»?

– О попе.

– Что?

– О попе, говорю, сказка. Не о купце.

– А. Значит, я попутал. Ты попросту не застал, – понимающе кивнул Матвеев. – Ее

переделали в сказку о купце, как оскорбляющую православную церковь. Нашли какие-то ранние варианты у Пушкина, там купец действовал вместо священнослужителя.

– То есть в программе теперь о купце? – поднял брови Воронин. Матвеев развел руками:

– Нет, в программе ее теперь уже и вовсе нету. Убрали. Ладно, не в этом дело, а то я тебя окончательно запутаю, а мы вообще-то о моей работе говорили, если помнишь. Так вот, я сейчас занимаюсь переработкой классических произведений и их переводов для школьной программы. Конечно, скучновато, но зато представляешь себе масштабы? Тиражи? Гонорары, в конце концов?

– Наверное, наваристо, – согласился Воронин. – А зачем перерабатывать-то? Опять у какой-то конфессии претензии? Кстати, что у нас нынче, государство-то светское или уже того, обратно церковь присоединили? А то я у врача в кабинете икону видел.

– Икону? – переспросил Матвеев с интересом. – У Игоря Петровича, да? Любопытно… В госучреждениях ведь не положено, либо уголок всех конфессий… Нет, Серега, государство у нас светское, и даже более чем. Ну да ты атеистом был, если им и остался, тебе по барабану. Видишь ли, после принятия федерального закона «О принципах толерантности» тут многое изменилось. Не сразу, конечно. Но тебе будет непривычно.

– То-то от меня телевизор и газеты в больнице прятали. Я уж думал, планету поработили роботы или Россию американосы оккупировали…

– Да нет, это как раз обычная практика. Чтобы, так сказать, не травмировать случайно. Все же столько лет не получал информации. Перемен много. Потому мне тебя под расписку и выдали – вводить в реальность по старой дружбе.

– Восемь лет – разве это срок, – махнул рукой Воронин. – Я, допустим, выбыл в две тыщи четырнадцатом. Что изменилось на тот момент по сравнению с две тыщи шестым? Да ничего. Олимпийские игры пропустил бы, скажем. Обидно, но не смертельно. Кстати, на чемпионате мира по футболу кто выиграл?

– Бразильцы, суки. Наши серебро взяли, там серия пенальти была. А по поводу срока – а ты представь, что вырубился бы в восемьдесят восьмом, а очнулся в девяносто шестом. А? Сколько перемен всяких, башка бы кругом пошла. Союза нет, коммунистов нет, соцлагеря нет…

– Да, – признал Воронин, несколько встревожившись. Когда он ехал из больницы в машине Матвеева, ничего особенного не заметил… – Было бы круто. И что, все так плохо?! А при чем тут тогда толерантность?

– Да нет, что ты, – улыбнулся Матвеев. – Все как раз очень хорошо. Просто много перемен, как я уже сказал.

– Много перемен… – озадаченно повторил Воронин. – Слушай, а кто у нас президент-то нынче?

Матвеев назвал фамилию, вполне знакомую Воронину. В «его время» был такой активный политик, представитель так называемой «оппозиции», профессионально бегавший по несанкционированным митингам, чтобы получить свои пять суток, а потом честно освоить очередной грант как невиннопобиенный жутким тоталитарным режимом. В то, что он мог сделаться президентом, Воронин никогда не верил, как и девяносто процентов населения, пусть и не любившего тогдашнюю власть. Уж больно мерзок был. И вот поди ж ты… Хотя демократические выборы могут приносить разные сюрпризы. Вот и один из них, надо полагать. Или шутка?

– Гонишь, – на всякий случай усомнился Воронин. – Этого кудрявого болтуна?!

– Не гоню. И ты вообще потише, – Матвеев оглянулся, словно в кабинете находился еще кто-то, кроме них. Или боялся прослушки?! Да какая прослушка, фигня, это же не советское время… Чего он оглядывается?!

– Чего ты оглядываешься, Федор? – с интересом спросил Воронин.

– Да ничего… Давай-ка еще по одной, а то ты всего две рюмки выпил. Нельзя четное число.

Воронин пожал плечами, не став говорить, что сам-то Матвеев, получается, станет пить четвертую. Выпил, снова закусил лимончиком.

– А пойдем-ка ко мне домой, – предложил Воронин. – Я выпил, за руль не хочу, машина тут постоит… Да и идти всего минут тридцать, подышим воздухом.

– А, так ты все там же обитаешь?! Давай пешком, отлично. По Тверской пройдемся…

Тверская выглядела как Тверская. Если что-то и поменялось – ну, магазин там какой-то закрылся или кафешка – то Воронин этого не замечал. А ведь и в самом деле восемь лет – не срок, если только не попадает на некий исторический перелом.

– Так что ты там переделываешь в школьной литературе? – напомнил Воронин Матвееву.

– А… Видишь ли, взять, к примеру, «Ромео и Джульетту». Это вроде бы произведение о любви юноши и девушки, не так ли?

– Почему «вроде бы»? Оно именно о любви юноши и девушки и есть.

– А вот не так все просто! – хитро улыбнулся Матвеев. – Во времена Шекспира женские роли в театральных постановках исполняли мужчины. Поэтому можно смело воспринимать произведение как историю трагической любви двух юношей.

– «Ромео и Джульетто»?! – засмеялся Воронин.

– Бинго! – воскликнул Матвеев. – Из тебя выйдет толк. Нужно будет поговорить с главным, пристроить тебя на переработку, если ты не против.

– Федь, ты что, серьезно?! Про Джульетто?!

– Вполне серьезно, – солидно сказал Матвеев. – Мировая литература, в том числе вся классика, входившая ранее в школьную программу, буквально забита историями о гетеросексуальной любви. А о гомосексуальной почти ничего нет. В русской классике – Михаил Кузмин да Зиновьева-Аннибал.

– Да ладно. После перестройки чего только не понаписали. Лимонов вон в «Эдичке» у негра сосал.

– Лимонов уже в программе, – отмахнулся Матвеев. – Вот и было принято решение на самом высоком уровне – по европейскому образцу переделать некоторые классические произведения, дабы школьная программа не пропагандировала гомофобию.

– А она пропагандировала?! – ошарашенно спросил Воронин.

– Не то чтобы пропагандировала, но намекала. Вот, мол, как должно быть. Только так, а никак иначе. Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда, Ассоль и Грей, Пьер Безухов и Наташа Ростова… Это нетолерантно.

– Понимаю, геям обидно. И что, до Толстого тоже добрались?

– Не поверишь, – Матвеев заговорщически подмигнул. – Лев Николаич-то сам был слегка, э-э, гей. Даже в дневниках писал, что неоднократно влюблялся в мужчин, но на соитие не решался. Поэтому нет ничего страшного в том, что в «Войне и мире» Пьер и Петя Ростов…

– Не-не-не! – перебил его Воронин. – Подробностей не надо. Я понял принцип. Знаешь, как-то пока не готов у вас работать. Я уж лучше по старинке.

– Напрасно. Хорошие деньги. По старинке столько не заработаешь, знаешь ли. Там копейки. А вот если я тебя пристрою на дотацию от Евросоюза для авторов, которые…

– Федя, – снова перебил Воронин, – я пока не готов, сказал же. Дотации от Евросоюза тоже небось не за то, чтобы про нашествие инопланетян писать?

– Нет, конечно. Хотя про инопланетян тоже можно. Вот (тут Матвеев назвал фамилию известной писательницы-фантастки) забацала космооперу о том, как юный принц из созвездия Гончих Псов и молодой флагман земной эскадры…

– Стой. А это чего такое?

Навстречу им по Тверской шла многочисленная колонна людей с разноцветными флагами, транспарантами со странной аббревиатурой «ЛГБТЗП» и лозунгами типа «Позор фашиствующим элементам». Аббревиатура что-то смутно напоминала, но что именно?

– Это чего? – спросил Воронин. – Политическая партия, что ли? Выборы скоро? А фашисты при чем?

– Как сказать… – замялся Матвеев. – Партия, не партия… Движение. Сокращенно – Лесбиянки, Геи…

– Стоп-стоп! – тут же припомнил Воронин. – Лесбиянки, Геи, Бисексуалы, Транссексуалы?

– Вообще-то трансгендеры, – поправил Матвеев.

– Да хоть трансформеры. Разрешили, значит, парады… А З и П для чего?

– Как это – для чего? Зоофилы и Педофилы.

Воронин тупо уставился на приятеля, пытаясь уловить хотя бы искорку смеха в его глазах, однако Матвеев был совершенно серьезен. Более того, он неожиданно принялся с тревогой оглядываться по сторонам.

– Ты чего, серьезно, Федор?! Какие, на хрен, педофилы?! Педофилы на зоне должны у параши сидеть, а не с лозунгами ходить!

– Так, пошли отсюда! – прошипел Матвеев и поволок его за рукав в проулок, растолкав прохожих. Воронин, оглядываясь на шествие, послушно топал следом. Он успел заметить, что в первом ряду идут не какие-нибудь гламурные подонки, а солидные мужчины в хороших костюмах, с депутатскими значками на лацканах. И даже один генерал в форме.

– Надо было на машине ехать… – бормотал Матвеев, таща приятеля через какую-то полутемную арку. Они выбрались на небольшую улочку, заставленную припаркованными автомобилями (Дегтярный, что ли?), и Матвеев оглянулся.

– Кого боишься-то? – поинтересовался Воронин ехидно.

– Серега, ты ничего не понимаешь. Там люди вокруг, а ты – «у параши»…

– Конечно, у параши.

– Серега, я понимаю, что у тебя типа смягчающее обстоятельство, ты без памяти валялся и о том, что вокруг происходит, никакого представления не имел. Но незнание законодательства не освобождает от ответственности, помнишь такой старый юридический принцип?

– П-помню…

– Так вот, ты мог наболтать на статью, если бы я тебя оттуда не увел. Педофилы ему не нравятся. В Голландии партию педофилов чуть ли не двадцать лет назад официально зарегистрировали! А Россия – не Европа, что ли? У них прав нет, что ли?!

– А у детей? – уточнил Воронин, помаленьку охреневая от обрушившейся на него информации.

– И у детей! У детей есть право выбора! Ребенок – это личность!

Сказав это, Матвеев сердито зыркнул на Воронина и снова воровато огляделся. Нет, вокруг было пусто, только старуха кормила голубей на тротуаре да чуть поодаль разговаривал по рации полицейский. Что-то с ним было не так; приглядевшись, Воронин с недоумением обнаружил, что у полицейского густо накрашены ресницы, а на веки положены синеватые, в тон форменной куртке, тени.

– Ладно, пошли к тебе, там объяснишь про право выбора и про то, что у вас нынче за порядки, – подавив желание сплюнуть, сказал Воронин. – А то и вправду в отделение заберут…

– Идем, – буркнул Матвеев недовольно.

И в этот момент из арки у них за спиной вырвалось несколько молодых людей с явно нехорошими намерениями. Один, в обтягивающей розовой кофточке с рюшами, крикнул высоким голосом:

– Вон тот! Гомофоб, сука! Держи!

И вытянул наманикюренный палец, тыча в Воронина.

– Бежим! – пискнул Матвеев и кинулся куда-то в сторону. Воронин на мгновение остолбенел, но когда увидел, что за Матвеевым побежали лишь двое, а основная масса устремилась к нему, тоже рванул. Запрыгнув на капот ближайшего внедорожника, он

побежал прямо по крышам, боясь только одного – не поскользнуться, не споткнуться, не упасть… Машины обиженно отзывались верещанием автосигнализаций, под ногами скрипело проминающееся железо, с треском лопнуло ветровое стекло…

Воронин спрыгнул на асфальт и оглянулся – преследователи были довольно далеко, видимо, не сразу среагировали, как преодолеть препятствие в виде машин. Притом двое или трое были в туфлях с каблуками-шпильками и отстали совсем уж безнадежно. А вот то, что к преследователям присоединился давешний накрашенный полицейский, было плохо, очень плохо…

– Стоять! – закричал тем временем полицейский. – Стоять, полиция!

– А вот хрен тебе, – пробормотал Воронин, резко сворачивая за угол и прибавляя ходу. Он пытался сориентироваться, где именно находится. Кажется, вон в ту сторону будет Большая Садовая, а туда, соответственно, – Малая Дмитровка… Разбираться точнее было некогда, потому что знакомый по старым временам пейзаж в данном месте изрядно поменялся. Скверик откуда-то появился с памятником – два целующихся бронзовых мужика, кто такие, зачем тут стоят?!

– Держи его, сволочь! – орали сзади, громко топая и цокая шпильками. – Лови гадину! Фашист!

А ведь мент подмогу вызовет по рации, подумалось Воронину. Он чувствовал, что быстро слабеет, мышцы-то не успели восстановиться после комы, несмотря на терапию и упражнения… Мимо просвистел кусок кирпича, вмазался в стену дома, разлетевшись на куски.

– Стойте! Полиция!

– Как же ты меня достал… – выдохнул Воронин, проскакивая перед самым носом едущего наперерез грузовичка. Воспользовавшись тем, что на несколько секунд исчез из зоны видимости преследователей, он метнулся к двери подъезда, моля бога о том, чтобы там не было домофона. Домофона не оказалось, более того, дверь была услужливо открыта и подперта деревяшкой. Воронин вышиб ее ногой и вскочил в подъезд, затем в удачно оказавшийся внизу лифт, нажал верхнюю кнопку. Через пару минут он уже был на верхнем этаже и пытался открыть люк, ведущий на чердак. Повезло и здесь – вместо замка обнаружилась обычная проволока, кое-как замотанная в узел. Сломав ноготь и поцарапавшись, Воронин забрался на чердак и проследовал к слуховому окну, ведущему на крышу.

Осторожно выглянув за край, он глянул вниз. Преследователи разделились. Во дворе маячило трое-двое педиков и плотная стриженая девушка в мужском костюме. Полицейского не было видно – наверное, побежал вслед за остальными, догонять Воронина. А эти вряд ли такие умные, что догадались его тут выследить, – видать, те самые, что отстали. Да, точно, вот один пытается починить сломанный каблук, другой его нежно утешает. А баба просто запыхалась, потому что жирная, нервно курит на лавочке.

Воронин вздохнул.

Ну и что, сидеть теперь на крыше, как гребаный Карлсон?! И до каких пор? А если полицейский таки вызвал подмогу и они начнут обыскивать ближайшие дома? Судя по тому, как Матвеев трясся, теперь с этим делом серьезно…

Воронин покачал головой – надо же, фашист. Гомофоб поганый. И ведь никогда не был гомофобом, спокойно относился: нравится кому-то – на здоровье, тем более это не лечится, вот только почему все это нужно на люди выносить? А уж с педофилами совсем непонятно. Неужто и вправду легализовали?! Ну да, вот шли же, с лозунгами, депутаты впереди…

А может, это все еще кома? И в себя я не приходил, и никакой Матвеев меня из больницы не забирал, и сейчас я не на крыше сижу, а лежу в палате, подключенный к хитрым аппаратам, с катетером в пипиське, с капельницами… Воронин на всякий случай ущипнул себя за руку – больно. Ну и что это доказывает? Ложные тактильные ощущения. Он и коньяк пил, и даже захмелел немного – а ну как все это неправда?

А что, если он даже не в коме, а просто помер? Погиб, когда его «Альмеру» столкнул с

дороги потерявший управление трейлер? Или потом умер в палате. А теперь ему все это кажется. Может, это даже такой ад. И Матвеев вовсе не Матвеев, а мелкий бес, которому поручено было его встретить, приветить, обмануть, а после отвести в надлежащее место, где уже ждет разогретая сковородка с растительным маслом… Тогда зачем вся эта история с парадом, погоней? Чтобы посильнее напугать?

Воронин ущипнул себя еще раз, зашипел от боли. Все же фантасты – в массе своей больные люди. Обязательно что-то в голову лезет, хотя самое правильное объяснение, как говаривал старина Оккам, это самое простое. То есть он действительно очнулся, Матвеев его действительно забрал на реабилитацию по старой дружбе (а кто бы еще? родители умерли еще в конце девяностых, жены нет, более-менее близкие родственники где-то в Хабаровске), а парад… А что парад? Толерантность шагает по планете. Еще до аварии на Западе стало модным вместо мужского и женского рода вводить средний, называя детей «оно» (а вдруг оно станет гей, а его мальчиком кличут, и ему обидно?!), судиться из-за высосанных из пальца притеснений голубых и лесбиянок, требовать для них каких-то особых прав… Если президентом нынче тот самый кудрявый грантолюб, ничего удивительного.

Воронин снова посмотрел вниз, стараясь не слишком высовываться. Мог бы и не остерегаться: толстуха в костюме успела добыть банку пива и мрачно пила, а педики обнимались и ворковали. Видимо, ждали своих с пойманным гомофобом в руках. Ждите-ждите… А я уйду.

Воронин вернулся на чердак, прошелся по нему, отыскал открытый люк, ведущий в другой подъезд, спокойно спустился по лестнице и покинул двор, никем не замеченный.

Матвеев открыл ему дверь не сразу. Чем-то звякал, смотрел в глазок, пыхтел.

– Открывай уже, – беззлобно попросил Воронин. – Я один, не бойся. «Черный ворон» внизу тебя не ждет, спецназовцы за косяком не прячутся.

– Ты не представляешь, как меня подставил… – проворчал Матвеев, открывая и делая приглашающий жест. Воронин вошел внутрь, сразу отметив, что квартира изменилась. Побогаче стала, ремонт неслабый, всякие электронно-технические навороты… И явно видна рука хозяйки.

– А Зинка где? – поинтересовался Воронин, садясь на огромный диван. На журнальном столике валялся журнал «Квир» с полуголым мускулистым юношей на обложке. Тут же – томик Шекспира с закладками, видимо, Матвеев искал, что бы еще переработать в новом стиле.

Матвеев чем-то бренчал и стучал на кухне, не отозвался.

Воронин ради интереса пролистнул журнал: рекламы анальной смазки и кремов, статьи о нижнем белье; а вот совсем забавное: «Через призму клизмы». Он прочел несколько строчек: «Правильная клизма – это не форма самой клизмы, это состав раствора и количество. Так вот, знай, что тебе необходима не какая-нибудь, а очистительная клизма. Мыльные, уринные и горячие тебе для избранных нами целей однозначно не подходят. Расположившись в позе «мама моет пол» в ванне и водрузив резиновую емкость, наполненную отфильтрованной водой комнатной температуры, над прогнутой спиной, ты медленно аккуратно вводишь пластмассовый наконечник в задний проход…»

Воронин захлопнул журнал.

Вошел Матвеев с подносиком, на котором стояла запотевшая бутылка с водкой, тарелочка с краснеющими крупной икрой бутербродами, огурчики.

– Ты как сбежал-то? – спросил он, явно все еще продолжая сердиться.

– Оторвался от них, в подъезд заскочил и на чердаке спрятался. Немного подождал на крыше, потом понял, что все тихо, и спустился. И вот я здесь!

– Повезло. На прошлой неделе был митинг ЛГБТЗП и демократических организаций в Малом Сухаревском, против компартии. Там какой-то старикашка что-то крикнул, так его забили к чертовой матери.

– Как это забили?! – не понял Воронин.

– Ногами, – сухо пояснил Матвеев, наливая водку в покрытые инеем стаканчики. – Полиция дело замяла, свидетелей не нашлось. А компартию скоро все равно запретят, ходят разговоры. Еще и люстрацию проведут. Американцы очень просят вместе с Советом Европы, а наш им перечить не станет.

Воронин внимательно посмотрел на Матвеева.

– А ты как удрал?

– Быстро, – буркнул тот. – Я же в универе бегом занимался, помнишь? Марафонец.

– А, точно. Ну, давай тогда за спорт.

Они выпили, захрустели маринованными огурчиками, Воронин взял бутерброд. Ему вспомнился роман Уэллса «Когда спящий проснется». Там герою не такое выпало увидеть, общество и его устройство изменились радикально, а он еще и силы для борьбы нашел с теми, которые условно плохие. Уже забылось, в чем там было дело, но, кажется, некий тоталитарный строй. А тут, напротив, слишком демократический. Чересчур толерантный. И как в него встраиваться, простите? Помогать Матвееву кастрировать классику? Или взять дотацию от Евросоюза и писать про нежную любовь звездного принца и флагмана космофлота? Ну, или принцессы и флагманши. Или принцессы и единорога – тоже, наверное, «на ура» пойдет…

– Чего задумался? – спросил Матвеев.

– Да вот пытаюсь как-то осознать увиденное. Еще мент этот накрашенный… А что бы случилось, кабы он меня задержал?

– Посадили бы, – пожал плечами Матвеев. – Если правильно помню, три года. Публичное высказывание. Так что ты, Серега, не болтай. И по поводу президента не болтай. Мое предложение в силе, сиди себе да переделывай нетленку. Вроде «Чук и Гек» на подходе, могу тебе уступить. Там всего-то немного дописать нужно…

– «Чук и Гек» – это ж, наверное, коммунистическая пропаганда по нынешним правилам, – осторожно предположил Воронин, благоразумно не став уточнять, что там такое собираются дописывать в истории двух пацанов.

– Родственники и знакомые покойного Егора Тимуровича как-то устроили. Бери еще бутерброд, скоро жена придет, тогда уже нормально горяченького пожрем, салатиков… Она у меня мастерица.

– Зинка-то что поделывает? Я тебя спрашивал, да ты на кухне копошился, не слышал.

– С Зинкой я развелся уже больше года назад.

– Зачем? С мужиком поймал, что ли? Или с бабой, согласно новым веяниям? – пошутил Воронин. Матвеев хмыкнул, не обидевшись.

– Нет, там другое. Потом расскажу…

– Потом так потом, – не стал настаивать Воронин.

Они ополовинили бутылку за разговорами о футболе (Воронин с интересом узнал, что команды теперь смешанные), о кино (старик Михалков снял очередной римейк «Робинзона Крузо», в фильме все построено на сложных лирических отношениях героя с Пятницей, выдвигают на «Оскар»), об установке памятника Новодворской на Лубянке и переименовании Ленинского проспекта в проспект Джорджа Буша. Когда Матвеев вновь вернулся к теме работы и принялся заманивать Воронина уже не в «Чука и Гека», а в «Золотой ключик», в дверь позвонили.

– Опять ключ забыла, – делано ворчливо сказал Матвеев и пошел открывать.

Вернулся он не один. Вместе с ним в комнату вошел лысенький толстячок в плиссированной юбке и кожаной курточке.

– Знакомьтесь. Серега, это Валя. Валечка, это Сергей, мой старый студенческий друг.

– Очень приятно! – басом сказал толстячок, протягивая руку. Возможно, он сделал это для поцелуя, но ошарашенный Воронин ее просто пожал. Толстячок не смутился.

– Я на кухню, дорогой. У меня в духовке фаршированные перцы, сейчас сделаю салатики и славно посидим, – с этими словами он чмокнул Матвеева в щечку и удалился, виляя пухлым задом.

Матвеев наклонился к Воронину и быстро зашептал:

– Понимаешь, с Зинкой у нас все было как попало, ты ж помнишь скандалы эти, склоки… А у нас главный сменился, поставили нового, он замужем за кем-то в мэрии… Новая метла по-новому метет, стал порядок наводить, увольнять недовольных… А тут я с Валей познакомился на одной вечеринке. Ну и…

– Федь, но ты же не пидор, – так же шепотом сказал потрясенный Воронин.

– Во-первых, забудь это слово, – неожиданно жестко ответил Матвеев. – Во-вторых, я не хочу сидеть без работы и без перспектив. Черта с два мне дали бы переработку программной литературы, если бы не свадьба. А в-третьих, человек ко всему привыкает. К тому же Валька – хороший мужик… тьфу ты… э-э… хорошая жена, внимательная, добрая. Вот увидишь, вы подружитесь.

– Надеюсь, – пробормотал Воронин и быстро налил себе водки.

Напился он в тот вечер быстро. Помнил, как расточал комплименты Валечке, отчаянно путаясь в мужских и женских окончаниях, как пел под гитару «Голубую луну» (как оказалось, почти все слова откуда-то знал), как интересовался, нельзя ли ему переработать «Властелина колец» (Матвеев тут же объяснил, что уже имеются готовые «Тайные дневники братства Кольца» некой Кассандры Клэр, и даже процитировал изрядный фрагмент). Потом блевал в ванной. Потом проснулся на диване и долго думал, куда же попал, и не сон ли это или продолжение комы, как уже думал вчера, сидя на крыше…

С утра они с Матвеевым под беззлобное ворчанье доброго Валентины похмелились холодным пивком и сели за «Чука и Гека», оставив обсуждение грядущей космооперы на потом. Вернее, сел Воронин, а Матвеев попросту задремал рядом в кресле.

Воронин открыл файл и прочел первую фразу Аркадия Гайдара:

«Жил человек в лесу возле Синих гор».

И для начала решительно заменил «Синих» на «Голубых».

Дмитрий Володихин
Большая собака

Либерпанк-притча

– Феминистку со стороны брать не будем, потому что феминистка у нас есть. Это я.

Главный юрист корпорации, Федор Мартинович Сакс, среагировал моментально:

– Располагаете ли вы должными доказательствами? Тут, знаете ли, непростой вопрос, кого мы можем считать просто феминисткой, а кого – феминисткой в юридическом отношении…

Две справки легли перед ним на стол. Сакс изучал бумаги на протяжении пяти минут при общем молчании. Затем вздохнул с профессиональным унынием и уставился в точку на стене прямо над головой Патрикеевны. Тощий, аккуратно причесанный, с идеальным воротничком и выражением неизлечимой язвы на лице, он застыл, как таракан, высчитывающий маршрут партизанской перебежки через открытое пространство на кухне. Лишь две тоненькие черные щеточки над верхней губой шевелились, выдавая ритм его размышлений.

На феминистку Патрикеевна похожа не была. Совсем. Собственно, и отчество у этой огненно-рыжей барышни с волосами до пояса, собранными в хвост, было какое-то другое. Точно другое!

Иван Иванович Тяжелов, проводивший собрание почтенных учредителей «Рустеха», силился вспомнить его, но не мог. «Елизавета…чеевна Патрикеева, – напомнил себе – но чья она…чеевна? Или, вернее, кого она…чеевна?» Память решительно отказывала ему от дома. Память в манере оскорбленной невинности выговаривала ему: «Мы же с тобой договорились – Патрикеевна. Ведь так? Патрикеевна, и точка. Как – почему? Потому что лиса!» Входная дверь в апартаменты памяти захлопнулась с треском.

Сакс, наконец, отмер.

– Иван Иванович, ну что вам сказать? Слабовато, но доказуемо.

– Обрисуйте.

– Ну-у… Елизавета э-э-э… госпожа Патрикеева…

«Тоже сбивается!» – обрадовался Тяжелов.

– …в течение двух лет состоит почетным членом в Обществе непримиримой борьбы за матчество. Иными словами, за то, чтобы дочерям давали отчество не по отцу, а по матери, и называли бы его матчеством. Можно, конечно, проверить, но я и без того абсолютно уверен, что в федеральном реестре истинно феминистических групп вышеупомянутое Общество присутствует…

Патрикеевна энергично закивала. Мол, конечно, присутствует. Как ему не присутствовать?

– …В то же время прописано названное Общество, вернее всего, не в золотых разделах и даже не в красных. Либо синенькие, либо зелененькие страницы. Хорошо, если не желтенькие, это уж совсем непригодно…

– Зеленые! Нечего тут проверять. Сама проплачивала! – гневно заявила собравшимся Патрикеевна.

Сакс терпеливо переждал шум ее слов и продолжил с того места, где его перебили:

– Для нашего уровня – не тот цвет. Но в соучредителях Общества числится Розалия Кун, а это многое меняет.

– Та самая? – уточнил Тяжелов. – Неужто та самая?

– Других не держим, – твердо ответствовала Патрикеевна.

Розалия Кун – это боец. Кто из гособвинителей полезет в серьезную драку, увидев ее имя? Только вконец безбашенный карьерист. Это ведь именно она отсудила у ГлобалНано полмиллиона евродолларов только за то, что тамошний финансовый директор завел кактус, похожий на фаллический символ…

– Годится, Федор Мартинович. Под мою ответственность.

Патрикеевна победно воззрилась на юриста. Знай наших!

«В сущности, неплохо, – прикидывал Иван Иванович. – Одной проблемой меньше. Мило, что девочка желает приносить пользу корпорации. В сущности, что у нее есть? Рыжий хвост, папа из провинциального эмвэдэшного начальства и год рождения, попадающий на те времена, когда Медведев еще был президентом. Сущая юница… Еще у нее есть Андрей Андреевич Волк, который от нее без ума и которому придется дать второй голос в Совете директоров».

Волк – плотный тридцатилетний мужик в дизайнерском пиджаке от пошехонских виртуозов – звучно чмокнул свою… э-э-э… спутницу в щеку. Та ответила ему тем же с большим энтузиазмом.

– М-молодец, девочка!

«Если бы нам не были так нужны его деньги! Живая проблема», – с тревогой всматривался в будущее Тяжелов.

Говорят, Волк протестовал, когда Ярославль переименовывали в Ганди. Не понравилось ему, что столицу родной области отындусили в особо циничной форме… Как он бизнес-то сохранил после этого? «Видать, до ужаса волевой нам достался волчина…»

После слов Тяжелова «под мою ответственность» Сакс расслабился.

– Что ж, Иван Иванович, будем считать, что квоту на феминисток мы закрыли. Следующая позиция в вашем списке – это ведь… э-э-э… представитель гей-общественности?

Сакс произнес верную формулировку. Он всегда произносил верные формулировки. У него профессия такая – произносить и писать верные формулировки… И напоминать таким, как Тяжелов, что по нынешним временам верная формулировка – всему голова. Потому что Иван Иванович никак не мог отвыкнуть от формулировок жизненных. А кто нынче живет как в жизни? Только непроходимые суицидники.

Поэтому Тяжелов использовал не один, а два списка. Первый из них был намертво вбит

в электронный бланк протокола нынешнего собрания. И там, после фамилий Волк, Патрикеева, Тяжелов, Сакс и Ботвинник, начинался раздел «квоты на социальных кредиторов». Все группы «социальных кредиторов» обозначались не то что верными, а, можно сказать, выстраданными на собственной боли и потерях формулировками:

1. Экологист (варианты: защитник прав животных, защитник прав растений, защитник окружающей среды, представитель «Русской партии зеленых», представитель клуба «Архитекторы зеленого рая»…);

2. Этнокредитор (варианты: защитник прав этнических меньшинств, борец за права малых народов, представитель народа, в отношении которого Россия имеет официально признанный исторический долг);

3. Феминистка (огромный список вариантов);

4. Представитель гей-общественности (147 вариантов, но пригодны только представители официально зарегистрированных организаций. Сноска: акт нетрадиционных сексуальных отношений, продемонстрированный при трех свидетелях и зарегистрированный нотариусом, доказательством принадлежности к гей-сообществу с 01.01.2022 года не считается). Ну, тут понятно, мало ли что человек с голодухи вытворит! Вот если он состоит в общине, которая числится в реестре и регулярно платит государству налоги, тогда он – честный гей. Или же он предъявил *нечто* при трех свидетелях, но в период по 31 декабря 2021 года включительно – закон обратной силы не имеет;

5. Афророссиянин (без вариантов);

6. Альтернативно здоровый человек (варианты: носитель СПИДа и еще шести неизлечимых инфекционных заболеваний. Сноска: только по предъявлении медицинской справки);

7. Ветеран правозащитного движения (220 вариантов. Сноска: защитники прав русского, украинского, белорусского и сербского народов исключаются. Вторая сноска: защитники прав официально зарегистрированных традиционных конфессий исключаются).

Но это – электронный протокол. Его увидят и оценят десятки людей. Тут всякое неправильное слово тащит за собой статью Уголовного кодекса, а то и целый ворох статей. Ради административной простоты и ясности Иван Иванович пользовался еще и маленьким блокнотиком, содержимое которого никто, кроме него самого, ни при каких обстоятельствах не увидит. Говорят, Василий Владимирский загремел из больших вождей корпоративного бизнеса сразу после того, как любимая теща предъявила его блокнотик парням из Общества реального гуманизма. Теперь сидит бедняга в Кинешме без гроша…

В блокнотике Ивана Ивановича стояло:

1. Зеленка;
2. ТаджЫк;
3. Феминистка;
4. Пидор;
5. Негр;
6. Спидоносец;
7. Деньгорад.

В первом раунде Иван Иванович закрыл аж две позиции одним ходом – за счет домашней заготовки. Тихая и милая художница, его давняя знакомая, любила кошек больше всего на свете. Она состояла в трех кошкозащитных организациях и готова была за бесплатный корм для своих сорока питомцев не то что числиться в Совете директоров, а если понадобится, то и банк ограбить. Именно за вежливое и немного застенчивое ограбление банка она отсидела четыре года, но это было так давно! Тяжелов называл ее Олей, хотя в действительности ее имя было Одонгэрэл – «звездный свет» по-бурятски. А буряты давно и прочно входили в число таджЫков. Очень хорошая, очень ценная женщина. Редкий по нынешним временам экологист, ни разу не попытавшийся взорвать электростанцию, взять в заложники семью китобоя или поджечь охотничий домик…

Во втором раунде Патрикеевна выявила свое нутро матерой феминистки. В-третьем…

– Федор Мартинович, мы ведь двигаемся традиционным путем? Как и в прошлый раз?

– Да, Иван Иванович, буду рад помочь вам.

Еще одна позиция закрылась. Неплохо. Правда, главные проблемы еще впереди…

В этот момент Волк повернулся к своей Лисовете и вполголоса осведомился:

– А что там с пидора́ми? Я не понял…

Патрикеевна пожала плечами. Мол, московские понаторели, как-нибудь разберутся, у них, гляди-ка, все схвачено.

Тяжелов в первый момент подумал, что ослышался. К пятидесяти годам уже и слух не тот… Слово «пидор» нельзя произносить вслух! Таково правило номер один современной деловой этики. Но вот Сакс всего на три года моложе, а по тому, как вскинулись его черные усики, ясно без комментариев: и он *слышал* . Юра Варнак, помощник Тяжелова и восходящая звезда корпоративного менеджмента, вскинулся было разъяснить политику фирмы, но Иван Иванович остановил его:

– Потом. На финише.

Юра кивнул понимающе. «Волнуется молодое дарование… Сейчас его выход».

– Что – на финише? – с оттенком «да, я нарываюсь» спросил Волк. – В смысле, я не понял, что – потом? Ведь что-то у нас будет потом, нет?

– Вот потом и объясню, – ответил ему Тяжелов.

Они посмотрели друг на друга как два пса – большой, серьезный, признанный вожак стаи, и поджарый, наглый, желающий проверить, не пора ли вожаку на покой. Волк первым отвел глаза. Но… не признал. Видно, что – не признал. Просто отложил выяснение иерархии до более удобного случая.

Тяжелов почему-то подумал, что Волк – в своем праве. Молодой злой волк.

– Ну а теперь, Юра, удивите нас. Вы знаете условия игры.

О да, еще бы ему не знать. Вакансий в Совете директоров «Рустеха» осталось две, а незакрытых позиций по кредиторским квотам – три. И если Варнак закроет сейчас все три одним ходом, ему полагается приз – оставшаяся вакансия.

Варнак встал, поправил галстук и нервно откашлялся. «Брось, парень, мы все отлично понимаем, что ты ничуть не волнуешься. У тебя был месяц на домашнюю работу, и ты ее, вот как Бог свят, довел до последней точки».

– Хочу представить вам, господа, Гарри Тандерболта.

Секретарша вкатила инвалидное кресло с афронегром ветхого возраста.

Сакс и Варнак, понимающе посмотрев друг на друга, принялись отыгрывать профессиональный дуэт аллегро ми-бемоль мажор. Сакс:

– Гражданин РФ?

Варнак:

– Вот уже две недели.

– Русский язык?

– В рамках необходимого.

– Медсправка по СПИДу?

– Идеальная.

– Сколько протянет?

– Не меньше года.

– Что защищал и когда?

– Регулярный участник маршей вузовских преподавателей в защиту права женщины на аборт. Зарегистрирован как почетный член Оргкомитета.

– Вузовский преподаватель?

– Тоже почетный. Раз в год на День благодарения в Портлендском университете имени святой Моники Левински читает студентам лекцию о том, как он в детстве видел преподобную Монику и что она была за человек.

Сакс повернулся к Тяжелову и сделал губами характерное движение: вопросов больше нет. Тогда Иван Иванович задал главный вопрос:

– Сколько?

Почетный член Оргкомитета булькнул нутром, пробуя на язык варварские русские слова, и произнес генеральную реплику:

– Трынацт тисеч ойробаксез манф… м-м-м-месячны.

Варнак покачал головой:

– Договаривались на десять.

Тяжелов прикинул: даже в этом случае вариант просто отличный. Специальное агентство по корпоративному квотированию содрало бы двадцать пять и никак не меньше. Молодец, Варначище, получишь свою вакансию.

Но и борзость спускать нельзя.

– Eleven thousand, – спокойно произнес Тяжелов.

Спидоафр издал возмущенное бульканье на смеси английского, русского и портового. Что-то про ущемление прав меньшинств.

– Федор Мартинович, ваш ход.

Сакс флегматично сообщил Тандерболту:

– I'm a lawyer. Eleven thousand. That's enough.

Усики главного юриста воинственно приподнялись, словно у какого-нибудь аристократа, у герцога или, прости Господи, еще у барона какого-нибудь с богемными вкусами в момент решающей дискуссии о достоинствах импрессионизма.

Бульканье немедленно прервалось. Гражданину РФ дали бумаги и показали, где подписать. Он подписал. Его выкатили.

Можно было объявить финиш, распустить умных, оставить Волка и объяснить ему кое-что. «Хорошо сегодня прошло. Быстро», – с удовлетворением отметил Иван Иванович. Прошлый раз валандались двое суток: таджЫк оказался тайным молдаванином, а штатный спидоносец нагло помер, не предупредив учредителей заранее… А сейчас? Благодать, полная гармония.

Но тут всю гармонию испортил Волк.

Он поднялся из кресла и заговорил зычно, бурно, отчасти матерно. Суть его речи Тяжелов с непривычки уловил далеко не сразу.

– …с этим угробищем… мать твою… задротом заразным… абортофилом… мы, сука… одиннадцать, бл…дь, тысяч!.. еще с пидора́ми какая-то… всюду пидоры!.. неужели нельзя без пидоро́в?.. не хватает педофила вонючего… упыри… или сразу штаны снять и задницу расставить гостеприимно… что за жизнь, это что, с-сука, за жизнь такая… мои честно заработанные… одиннадцать же тысяч – и прямо на хрен!.. разводилово…

Как раз напротив Волка, через стол, сидел Федор Мартинович Сакс. Он слушал волчью речь со всем вниманием, тщательно, будто живой магнитофон, записывающий каждый звук для истории. Даже усы его застыли в немом смирении. Но Волку страшно не нравилось выражение глаз Сакса. Юрист как будто нечто подсчитывал, запустив металлически-холодную программу статистических подсчетов прямо в живое словесное тело речи. Чем дальше, тем больше не нравилось оратору пощелкивание костяшек на невидимых счетах, спрятанных где-то там, в черепной коробке Сакса. Сердясь на него, молодой штурман русского бизнеса постепенно перестал обращать внимание на всех прочих, упер кулаки в стол и стал медленно приближать свое лицо к лицу юриста. Дистанция между их носами постепенно сокращалась… сокращалась… сокращалась… цветы красноречия становились все более радикальными… по-латински прямому и по-русски мощному носу Волка оставалось всего два-три сантиметра до тарана, и рыхлый, пористый, крючковатый нос Сакса уже затрепетал в чаянии страшного удара, ледяной стихии, врывающейся в трюмы, и неминуемого поворота оверкиль. Вдруг две черные щеточки Федора Мартиновича разом опустились вниз и совершенно утратили доблестное сходство с баронскими усами, разом уподобившись усам киргизского батыра. От неожиданности Волк онемел. Словоизвержение его прервалось на полуслове. Так и застыл он в тщетном предвкушении победного тарана, а галстук его по пояс вошел в чашку с кофе и радостно плескался там.

Тяжелов с солидной опытностью обратился к Саксу:

– Ну, Мартыныч, по усам твоим чую: натекло?

Юрист, небывалым усилием размыкая контакт с гипнотическим взглядом Волка, ответил:

– В самый раз, Иван Иванович…

Все то время, пока Волка штормило, Сакс флегматично подсчитывал в уме: «Эта статья «за разжигание»… эта – «за возбуждение»… эта – «за недостаточную убежденность»… это – «за неуместные колебания»… эта – «за сомнения, выраженные публично»… а эта – опять «за разжигание». Старая добрая знакомая, самая древняя статья во всей обойме». На пятой минуте Федор Мартинович хладнокровно констатировал: «А вот теперь в сумме натекло на «за попытки пересмотра». Пункт «б»: с отягчающими – до восьми лет».

– Что… «натекло»? – хмуро осведомился Волк. Распрямившись и встав за спинкой офисного кресла, он принял гордую позу пастыря, вещающего в вертепе.

Сакс промедлил с ответом не более чем на секунду.

– Драгоценный Андрей Андреевич! Традиции нашей корпоративной этики предполагают неизменно уважительное отношение к региональному бизнесу. В духе мультикультурности и развития полиполярного диалога, мы всегда с большим вниманием выслушиваем суждения наших партнеров, не интегрированных в деловую этику центра. Для нас весьма ценно то своеобразие, которое вносит в предпринимательскую активность любой локальный тренд бизнес-культуры. Даже если первые шаги партнера в рамках давно освоенной нами сферы манифестируют некое расхождение с устоявшимися нормами коммуницирования, не сводимое к конвенционно принятым параметрам, мы считаем своим долгом проявить понимание в отношении избранного им ракурса восприятия общественной реальности и дать полную информацию о перспективах подобного рода действий. В данном случае имеется в виду достижение определенного уровня неконтролируемости предполагаемых последствий при выходе информации за пределы узкого круга лиц.

Тяжелов не без удовольствия мысленно перевел: «Тупое провинциальное мурло! Себя и нас подставляешь».

– Е… – смутился Волк. – Это ж я мягко…

Патрикеевна живенько повернула к нему острое птичье лицо:

– Переборщ, Дрюшенька. Ты зацени: где мы, чо мы… Люди тут… Ты давай, это самое… на фига? Глянь вокруг, как здесь вощe… Ну? Ты же умный же…

Тяжелов опять занялся мысленным переводом: «Милый, ты погляди на эти рожи, тут одна жлобина московская на другой жлобине московской сидит и третьей погоняет. Нормальных-то людей нет, и мурло это тупое столичное, которому ты жизнь разъяснял, оно все равно не поймет и не оценит. А другие упыри, они что, слушать тебя станут? Не мечи ты бисер перед свиньями…»

– Что, и про пидоров совсем нельзя? – вежливо осведомился Волк. Не понимает… но хоть начал понимать, что не понимает.

Сакс под столом передал Тяжелову записочку.

Ивану Ивановичу нравилось звонкое слово «пидор». Минимум звуков, максимум отношения. Но ни одна живая душа даже под дулом пистолета не заставила бы Тяжелова, его, это слово, не то что произнести, а даже громко подумать. Только-только подумаешь такое слово, и на лице сейчас же высветится статья «за экстремизм». Огромными фосфоресцирующими буквами.

– Андрей Андреевич, если в ближайшую неделю к вам не явится следователь от одной из надзирающих организаций, вы будете должны нам всем, здесь сидящим, по гроб жизни. Тихонечко, Андрей Андреевич. Сидите тихонечко.

Не дожидаясь ответа, Тяжелов воззрел в тот комканый листочек бумаги, который сунул ему Сакс. Там значилось: «Только из-за крайней надобности. И при первой возможности».

Тяжелов понимающе улыбнулся Федору Мартиновичу. А про себя сделал зарубку на память: «Не станем торопиться. Хоть один у нас живой человек будет».

И тут Волк неожиданно ударил себя в грудь и поклонился всем присутствующим в пояс, на половине поклона ловко отведя лоб от спинки офисного кресла.

– Простите меня, люди добрые!

– Э! – растерянно крякнул Варнак. – Вы… что?

Волк поискал взглядом икону и, не найдя, перекрестился на потолок. «Ну да, формально в том направлении до неба ближе…» – отметил Тяжелов.

– Не вините меня, простого русского парня! Грешен! Перед всеми, открыто говорю! Чистую правду! Все как есть!

Он ахнул еще один поклон. Макушка его оказалась скрыта столом от взоров собеседников, и, кажется, на протяжении пары секунд разговор немо продолжала крепкая корма Андрея Андреевича.

– Вы… у нас тут… не… – пытался объяснить корпоративную этику Варнак.

Нимало не обращая на него внимания, провинциал воскликнул:

– Проверял вас, добрые люди! Хотел доподлинно узнать: нет ли среди вас разжигателей? Теперь вижу: все хорошие русские люди собрались! Ну, простите меня, необразованного! Простите неопытного! Простите и жизни меня научи́те в вашем в великом в столичном городе! Кто я такой? Раб Божий, обшит кожей, ума палата, а ключ потерян… Не обессудьте, хотел как лучше! Учи́те меня, учи́те!

Квалифицирующие признаки всех статей, черной стаей круживших только что над Волком, растаяли в один миг.

«А беглый-то ушел! – всплыли неведомо откуда архаичные словеса в голове у Тяжелова. – Ловок!»

В третьем поклоне Волк сложился перочинным ножиком. Тяжелов отчетливо услышал, как коленка стукнула Андрея Андреевича по скуле.

«Юрод! Но какой хитрый…»

– Иван Иванович, вы позволите просветить?

Тяжелов кивнул Варнаку.

– Андрей Андреевич, вы с самого начала неправильно нас поняли. Вы христианин? Очень хорошо. Разве у нас кто-нибудь запрещает быть христианином? Да ни в коем случае. У нас в стране – свобода совести, а в корпорации – абсолютная, ничем не ограниченная толерантность… Вы ведь честно оформили визу на христианское вероисповедание в реестре официальных христиан?

– Честнее некуда! – отозвался Волк.

– И честно перерегистрируетесь каждые четыре месяца?

– Ни разу не забыл в течение пятнадцати лет.

«Силен, брат!» – Сам Тяжелов потихоньку ездил в одну дальнюю деревенскую церковку и очень старался не попасться в зубы корпоративной безопасности, органам конфессионального надзора или, еще того хуже, активистам из Общества реального гуманизма. Ни в коем случае. Отгуманят до полной потери статуса… А каждый раз стоять в километровых очередях, добиваясь продления визы, ему не хватало духа. Это же такая тоска! Да еще в его возрасте… Крестик он, разумеется, не носил. Только на Рождество и под Пасху Тяжелов надевал его… и не снимал, обливаясь потом от ужаса, по три часа в сутки.

…Варнак продолжал:

– И честно платите государству пошлину за принадлежность к традиционному вероисповеданию?

– Не жалея денег! Даже таких.

– И честно прошли проверку на склонность к мракобесию?

– Не жалея нервов! Даже столько.

– Что ж, – в голосе Варнака появилось большое моральное удовлетворение, – тогда у нас осталась всего одна маленькая проблемка. Это даже не проблемка, а… кило убытка!

Непрошибаемый топ-менеджер позволил своему голосу пять молекул истеричности. Или у нас не идет конвергенция полов? И взрослому серьезному мужчине запрещено хоть

ненадолго раскрепощать внутреннюю женщину?

Тяжелов очень хорошо понимал Варнака. Парень из провинции только что порушил ему отличный шанс приподняться. И как порушил? Да сам того не зная, на ровном месте!

Волк хмуро смотрел на Варнака.

– Ну о какой еще подляне… э-э-э… о каком еще шаге в сторону подлинной цивилизованности я не знаю?

Варнак честно, печально, солидно, почти не показывая превосходства «центрового» над деревенщиной, объяснил:

– Эх, Андрей Андреевич! Если в Совете директоров есть хотя бы один представитель религии, которая официально признана традиционной, то обязательно надо выделить место для представителя религии, которая традиционной еще не признана.

«И это как раз то место, которое обещано, при хорошем раскладе, самому Варнаку», – отметил Иван Иванович.

– Е… – зафиксировал поступление новой информации речевой аппарат Волка.

Сакс пожал плечами:

– Может, вы какой-нибудь нетрадиционный христианин? Церковь бушлатников и трубкозубов? Церковь постмормонов? Священный союз христопродавцев? Церковь антипедерасистов? Собрание искателей трех трансгуманных сокровищ?

– Да нет, обычный православный.

Варнак обратился к Тяжелову с укоризною:

– Иван Иванович, вы знаете, я готов к любым неожиданностям, если меня заранее о них предупредят. Но я ведь ничего не знал! Я не понимал истинных размеров затруднения! Это же такая тонкая работа! Я бы смог ее решить за неделю! Но за несколько часов? О! Я…

Варнак ждал, что его прервут. Тяжелов не торопился. Он давно понял: если подчиненный хочет, чтобы начальник почувствовал себя виноватым, то начальнику полезно заставить подчиненного чувствовать себя идиотом. Варнак, прокрутив свои «я не знал, я не понимал, я бы смог, я бы в любом случае не смог и я всегда готов» раза три, начал сбиваться. Когда он заходил на пятый виток, окружающие уже смотрели на него с ярко выраженным офисным сочувствием. На седьмом витке Варнак сдулся и замолчал с несчастным видом.

«Парень в хорошей форме», – удовлетворенно отметил Тяжелов. Сам он в молодые годы затыкался витке на пятом-шестом.

– Юра, вы по делу что можете предложить?

– Ну… – Варнак, собираясь с мыслями, вынул из кармана платочек, мелко промокнул им лоб, вытер щеки, подбородок, шею. – У меня есть одна правильная знакомая в Общине святых вегетарианцев последних дней. С ней можно бы как следует поговорить, обещать, сколько надо, – девушка лоу-мидл… Она, конечно, активистка-антиглобалистка, но при правильном подходе к делу пойдет и в активистки-глобалистки… вы понимаете, о чем я говорю?

Сакс посмотрел на Тяжелова уныло. Волк – с иронией. Волчья баба – с сомнением. Надо же, кто она такая? – никто, элементарная частица, фитюлька от часов, а ведь тоже соображает…

– Юра… – устало заговорил Тяжелов. – Юра! Вы же серьезный человек.

– «Одна правильная знакомая»… Ну да. Конечно же… – передразнил Волк, подняв брови.

Варнак поник. Совсем поник Варнак.

«Понимает».

– Короче говоря, Юра, в таких делах требуется надежность.

В ответ Иван Иванович услышал печальный вздох раскаяния.

У Тяжелова оставался всего один маршрут. Наверх. Он вынул платочек, промокнул вспотевший лоб… вынул еще один платочек… с оторопью посмотрел на оба и спрятал их во внутренний карман. Глянул на Сакса. Тот кивнул с приличествующим случаю сочувствием. Глянул на Варнака. Тот, отворотясь к окну, пробормотал слово «патриарх».

Иван Иванович понял, что опять держит в руках два платочка, но когда успел вынуть их по второму разу – неясно. При всеобщем молчании Тяжелов набрал номер. Не успев сказать ни слова, он обрел из телефонных глубин откровение: «Вас ждут через двадцать минут».

И гудки.

– Так. Так… Федор Мартинович, на регистрацию список отправите, когда я велю, и в том составе, который, надеюсь, сейчас окончательно прояснится. Сейчас вы свободны. Андрей Андреевич и Елизавета Патрикеевна…

– Потаповна! – взвилась Лиса.

«Час от часу не легче».

– …и Елизавета Потаповна – до завтра. Юра, пойдете со мной.

Варнак побелел. Иван Иванович мысленно похвалил его: правильный цвет принял парень, руководство любит едва живых.

Сакс откланялся. Варнак принял успокоительное. Патрикеевна, рассыпая искры ярости, подошла к Ивану Ивановичу.

– Вы знаете, *кто* мой отец?

«Потап», – чуть было не ответил ей Тяжелов.

– Лисонька, не надо. Ты ж мне сама… насчет людей…

Лиса сердито посмотрела на Волка, смягчилась и продолжила иначе:

– Мой отец будет рад с вами познакомиться. Ну очень рад будет!

Иван Иванович пробурчал невразумительное согласие. Потом – хоть пятьсот Потапов. И тысяча Патрикеев. Но потом.

Волк сделал своей спутнице знак, мол, подожди, сейчас тут у меня… на минуточку. В ответ он получил знак, мол, минуточку – ладно, а потом давай это самое уже отсюда… Рыжая хвостатая вышла.

– Иван Иванович, простите, пять минут? Конфиденциально.

– Три. Юра… будь у себя, я зайду.

Варнак усомнамбулил в свой кабинет.

Тяжелов посмотрел на Волка с особенным значением: «Друг мой, я так хотел бы задержаться, поболтать с тобой о том и о сем, но через две с половиной минуты попрошу сходить к едреням».

– Иван Иванович, простите, я к вам с полным уважением отношусь. Вот только одно важное наблюдение хочу рассказать. Нет, правда.

– За что ж мне вас прощать, Андрей?

– А вот как раз-то и за него.

– Ничего не обещаю заранее. В том числе и простить.

– А я и не надеялся. Нет, серьезно. Вы только выслушайте внимательно.

Тяжелова начал раздражать этот разговор. Что бы там ни пришло в голову этому очень бойкому и очень обаятельному парню, но пока он всего лишь щенок, попавший в корпоративную обойму исключительно благодаря… временным, скажем так… финансовым затруднениям. «Только из-за крайней надобности». И этот щенок страсть как хочет порычать на него, на большого матерого пса. Надеется, что все ему с лап сойдет. Впрочем, сам Тяжелов уверен: да, сойдет. Хотя следовало бы цапнуть как следует. Но почему-то… сойдет. Не станет он грызть щенка. Какой-то он… свой, что ли? Щенок этот.

– Наблюдение мое будет о собачьих… – начал Волк, усмехаясь. – Фамилия у меня, видите ли, такая, к мыслям о собачьих очень располагает. Хотя по натуре я совсем не волк… Нет, реально.

От первых его слов Тяжелов вздрогнул. Надо же быть такому совпадению!

– Так вот, кажется мне, что все люди… нет, ну там, люди – не люди, а все мужчины – уж точно… В общем, все люди делятся на четыре группы. Первая группа – люди-шакалы. Они никогда не лезут в серьезную драку, они крошками с чужого стола питаются. Вторая группа – люди-волки. У них правило: чужих грызть всегда, а своих – только если от них

вдруг запахло слабостью. Нет, верно же?

Тяжелов машинально кивнул. Впрочем, его собеседнику подтверждение не требовалось. «Это у него фигура речи такая», – отметил Иван Иванович.

– Еще одна группа – люди. Ну, то есть люди как люди. Нормальные люди, ни в каком месте не собачьи. С ними все понятно, тут и разговора нет. Зато с последней группой понятного мало. Это люди-собаки. Они шакалов презирают, а волками тихо брезгуют, вот только быть нормальными людьми очень боятся… Нет, знаете, почему?

Он не дождался на сей раз от Тяжелова ни кивка, ни улыбки, ни слова заинтересованного. Тоской веяло от этого Волка-неволка.

– Иван Иванович, людьми они боятся быть из-за опасения: вот, думают они, за людское нас волки загрызут… Собаки – они ведь какие? Рядом с волками лишний раз тявкнуть опасаются. А такого бояться не надо. Волки все равно когда-нибудь загрызут, они собак потрохами чуют. Вернее, не собственными зубами загрызут – отдадут шакалам, а сами будут стоять рядом и стеречь, чтобы не убежала собака, пока стая шакалов ее грызет. Им нравится такая забава, Иван Иванович… В общем, у тех, кто собака, вся жизнь – одна тоскливая проблема.

Тяжелов, ни слова не говоря, развернулся и ушел.

Щенок!

В кабинете Бориса Вениаминовича северная провинция была занята бассейном, а восточная – массажным столом.

Получив от секретарши Патриарха законное право на пять минут доступа *к персоне* , Иван Иванович с Варнаком миновали два кордона из живых бойцов, ай-тест, рентген-контроль, робота со встроенным пулеметом и дежурную ведьму. Добравшись до кабинета, они окунулись в мир сладостных ароматов. Цепочка мокрых следов тянулась с севера на восток. Обнаженный Ботвинник лежал на сметанно-белых простынях, а массажистка умащивала его тело благовонными маслами.

Борис Вениаминович, сухонький старичок со слуховым аппаратом… «Нельзя так думать, – поправил себя Тяжелов, – не старичок, и аппарата нет, и никакой он не сухонький, а бодрый адмирал корпоративной эскадры, стратег, чутко вслушивающийся в биение ритмов макроэкономики». Так вот, Борис Вениаминович, некрупный главнокомандующий бизнес-империи, на вид совсем юноша, довольно почмокивал, принимая искусство титанической женщины желтой дряблой кожею («Нельзя так думать! Это не дряблость, а узоры мудрости, это не желтизна, благородная расцветка бильярдных шаров!»). Негритянка («афророссиянка!») под два метра ростом и с мускулатурой борца-вольника тянула центнера на полтора. «Как же они…» – на мгновение задумался Тяжелов, но сейчас же запретил себе размышлять на эту тему. А то ведь далеко зайдешь!

Иван Иванович поклонился Ботвиннику в пояс. Варнак судорожно скопировал его поклон.

Черная валькирия не обратила на них ни малейшего внимания. Борис Вениаминович с неторопливой царственностью повернул голову и, одарив посетителей благосклонной улыбкой, изрек:

– Н-нус, ждал, что понадоблюсь. Сколько позиций, Ваня? Две? Или, может быть, три?

«Сначала голову повернул и только потом улыбнулся. Добрый знак! В хорошем настроении. Вот если бы наоборот…»

– «Экологиста» и «этнокредитора» в одном лице добыл я, Борис Вениаминович. «Феминистка», правда, скверного качества, имелась у Волка…

Ботвинник удивленно повел бровями. «Надо же, – прочитал Тяжелов по его лицу, – и от блохастого какая-то польза…»

– …Афроспидоветерана предоставил мой парень, – продолжил Иван Иванович и указал на Варнака. Тот зарделся. – Активист гей-движения у нас и так…

– Сакс.

– Да, Борис Вениаминович. Вы понимаете наши проблемы, как никто!

– Дальше, Ваня.

– Волк – официальный православный.

– Предвидел. Это все?

– Все, Борис Вениаминович. Но даже если мы закрываем эту вакансию…

– Ваня, ты многословен. Место для молодого дарования. Которое мысленно клянет сейчас последними словами Волка, притащившего на хвосте проблему.

Молодое дарование смущенно разглядывало пол.

– И его можно понять. Итак, джентльмены, вы все никак не хотите уяснить: тут вам не тропики, тут зима длится все четыре сезона! А значит, готовиться к ней тоже надо всегда. То есть заранее. Задолго. Еще не закончилась вчерашняя зима, а уже надо быть готовым к завтрашней. Россия-с.

Тяжелов почтительно склонил голову. По опыту он знал: если Патриарх завел разговор о вечной зиме, значит, поможет. Вот если бы о вечнозеленых кактусах, тогда – плохо. А если о вечной молодости, тогда – хуже некуда…

Если стихийное бедствие обитает на верхнем этаже твоего дома, то ты к нему постепенно привыкаешь.

«Но, конечно, нельзя так думать: стихийное бедствие! Следует мыслить о созидательной стихии…»

– …И я к зиме подготовился загодя! – продолжал свой монолог Ботвинник. – Ваня, уволь афроспидо, оно больше не нужно.

Варнак застыл в изумлении. Тяжелов, зная, как оно дальше будет, повиновался, не задавая вопросов:

– Да, Борис Вениаминович. Мы все сделаем, как вы скажете.

– Похвально. Что это за нерусское имя такое – Гарри? Подозрительное имя. Вот я вам представлю будущего членсовета директоров с прекрасным, символическим именем Наташа. Что может быть приятнее на слух? Повернись к ним лицом, Наташенька.

Массажистка повернулась медленно и страшно. Терминатору засадили в спину пару автоматных пуль, и он, почувствовав неприятный зуд в левой лопатке, оборачивается, желая отыскать виновных и примерно наказать… Именно так повернулась эта женщина. Тяжелову на миг показалось, что он слышит металлический лязг.

– Наталья Файзуллоховна Мбога, прошу любить и жаловать! Улыбнись им, милая.

Наталья Файзуллоховна *улыбнулась* . Как чемпион мира в тяжелом весе улыбается парням, которые встретили его в подъезде, попросили снять обручальное кольцо и пригрозили в случае отказа набить морду.

«Я бы и раунда с нею не выстоял…»

Мышцами лица Иван Иванович робко сказал титанической женщине: «Сдаюсь сразу. Только не бей меня».

– Я вижу, вы друг другу понравились. Очень рад! Наталья Файзуллоховна – не только прекрасный специалист в своем деле. Она еще и участник подавления католического путча в Варшаве, почетный ликвидатор Белоруссии, кавалер ордена «За непримиримую толератность». Помните, за что их давали, Ванечка?

– События в Йоханнесбурге, Борис Вениаминович.

– Совершенно верно! За охрану первого гетто для белых в ЮАР, драгоценный мой. Ветеран? О да, несомненный ветеран, джентльмены. Осмелится ли кто-нибудь не признать, что она – афро? Я бы не осмелился. Хотя, по чести сказать, чистокровным афро был только ее дедушка из Лесото. Бабушка и мама – русские, а отец – великолепный экземпляр из Куляба, что на реке Яхсу… Наташенька, как называется горный хребет по соседству с родным городом твоего батюшки?

– Хазратишох! – рыкнула йотунша.

– Слышали? Тысяча и одна ночь, джентльмены. Впрочем, «кредитор» у нас уже имеется, он же «экологист». А так бы еще одно место освободилось… Что касается СПИДа,

то, как выяснил при осмотре мой личный врач, доктор медицинских наук Карабаев, бедная женщина страдает он неизлечимой болезни вот уже целую неделю. Наташенька, радость моя, покажи им справку…

Тяжелов предпочитал женщин. Но не до такой степени, чтобы с наслаждением разглядывать место, откуда почетный ликвидатор Мбога вынула справку.

– На случай, если кто-то усомнится в ее подлинности, у нас есть Сакс, – прокомментировал Патриарх.

Тяжелов кивнул. Да, Сакс – это сталь. Сакс – это броня. Сакс не позволит.

– Ну и на десерт… Джентльмены, два года назад, когда закон о квотах на нетрадиционные религиозные движения только обсуждался в прессе, я на всякий случай – заметьте, драгоценные мои мальчики: на всякий случай! – помог в регистрации Блистательной Церкви Адептов Святого Элвиса… Наташенька, помолись, заянька.

Титанида откашлялась и, закатив глаза, произнесла нараспев:

– Oh, Elvis!

Ангорский кот, мирно почивавший на рабочем столе Ботвинника, вскочил, как от пожарной сирены, и, прижав уши, громко зашипел на звук. Хвост его бился в истерике.

– Наташенька, пташечка, еще немножко.

Закрыв очи, эбеновая Афина завыла:

– Only you-u-u-u-u-u-u!!!

– Достаточно, фрикаделюшка. Сто сорок кило счастья…

Кот в ужасе забился под стол. Взглядом он измерял дистанцию до двери, а в глазах плавала обреченность: «Не успеть!»

– Как вы могли убедиться, джентльмены, перед вами – леди, достойнейшая во всех отношениях. Неужели мы не дадим ей место в совете директоров?

«И твой контроль над Советом директоров усилится еще на одну позицию…» Машинально додумав это рискованное рассуждение до финальной буквы, Тяжелов моментально запер его в самом темном подвале сознания, а ключ выбросил в пропасть.

– Все будет сделано, как вы скажете, Борис Вениаминович, – ответил он.

– Не сомневался. Вам требовалась вакансия, Ванюша? Теперь она у вас есть. Впрочем… – Ботвинник с азартом похлопал сто сорок кило счастья по крупу, – впрочем, сделайте еще одну маленькую паузу. В Думе идут дебаты по закону о квотах для церебральных паралитиков и коматозников. Придержите реестр Совета директоров до полуночи, чтобы… э-э-э… не подпасть под новую масштабную гуманизацию. Если до нуля часов не опубликуют, то в одну минуту первого проведите электронную регистрацию списка. Обратной силы, как говорится, не имеет…

Дочь экземпляра из Куляба величественно повернулась к Тяжелову кормовой надстройкой. Вновь открывшийся пейзаж вызывал у Ивана Ивановича безотчетную тревогу. Интуитивно он пришел к выводу, что даже в этой позиции сокращать дистанцию с Натальей Хазратишоховной опасно. «Лягнет не глядя – и сразу насмерть!»

– Гениально! – в восторге прошептал Варнак.

– Что? Что вы сказали, молодой человек? – заметил его Борис Вениаминович. До того Патриарх смотрел на Тяжелова, разговаривал с Тяжеловым, требовал ответов Тяжелова, а Варнака не отличал от не заполненных живой плотью пространств кабинета.

– Гениально, Борис Вениаминович! С этой Церковью Адептов… ход мастера! Нет, это ход гроссмейстера! Он войдет в историю отечественного бизнеса.

– Мирового бизнеса, – спокойно поправил его Ботвинник.

Тяжелов мысленно прикинул: «Перебор? Трудно сказать…»

Улыбка Патриарха стала чуть более тусклой, и по этому признаку Иван Иванович понял: время доступа к персоне исчерпано.

– Мы искренне и глубоко благодарны вам, Борис Вениаминович, за вашу мудрость и опыт, за ваше блистательное предвидение. Что бы мы без вас делали! – этот скромный, классического типа комплимент Тяжелов сопроводил глубоким поклоном. Кости

неприлично скрипнули.

«Теряю форму…»

Слева до его слуха донесся негромкий, но отчетливый стук.

Варнак стоял на коленях, упираясь в пол обеими ладонями и лбом. «Любопытно, чем же Юра стук-то произвел?»

Борис Вениаминович оценил его рвение с теплотой в голосе:

– Ну вот, а я уж на старости лет не ожидал, что найдется кто-нибудь, до конца понимающий суть современной корпоративной этики… Вы свободны. Вы совершенно свободны!

В 00.05 следующих суток Тяжелов позвонил Варнаку.

Тот ответил мгновенно, поскольку вот уже полтора часа созерцал трубку с нетерпеливой страстью фаната, в ожидании полуфинала вынувшего из холодильника пиво.

– Юра, место ваше.

– Ивванваныч! Век не забуду! По гроб жизни благодарен…

«Попытается подсидеть месяца через три, – оценил молодое дарование Тяжелов. – Смирится с неудачей и будет неплохим помощником еще года два. А потом уйдет на повышение к конкурентам. Уведет клиентскую базу. Большей частью липовую, – если вовремя отследить, что парень уже в поиске».

– Поздравляю, Юра. Вы этого достойны. Вы вообще полны достоинств. В добрый путь!

– А как же… закон о квоте на церебральных паралитиков и коматозников?

– Дебаты отложены. На этот раз не сошлись во мнениях, кто именно будет представлять их интересы. Взамен принято постановление об обязательном перекрашивании кожи на лице, шее и ладонях в зеленый цвет – чтобы не возбуждать межрасовой розни. Правда, зелененькими мы будем только в рабочее время. Домой можно отправляться, предварительно сняв краску.

– А… Ну, это для нас ерунда. Зеленая кожа – это ж не на четвереньках ходить! От сердца отлегло.

– Вообще-то, я пошутил, Юра.

Трубка набухла неловким молчанием. Миновала секунда, две, три.

– Ну, еще раз спасибо огромное, Иван Иванович…

Нажав на отбой, Тяжелов мысленно констатировал: «Далеко пойдет».

Варнак занял его место через месяц.

Леонид Каганов
Далекая гейПарадуга

Комиссия РОНО к первому уроку не приехала. Не приехала она ни ко второму уроку, ни к концу большой перемены. Старый учитель русского языка и литературы, а по совместительству – толерантности и мультикультуризма, зашел попрощаться с директором, виновато развел руками на пороге кабинета и ушел домой. Юрий Васильевич смотрел из окна, как грустный словесник, проработавший в этой школе сорок лет, ковыляет по школьному двору, одной рукой опираясь на трость, а другой придерживая на голове старомодную шляпу, которую норовил сорвать холодный октябрьский ветер.

Прозвенел звонок. Гул и визги за дверью начали стремительно стихать, и вскоре школьные коридоры опустели. Юрий Васильевич побарабанил пальцами по сенсорной панели, и над столом снова возникла прозрачная голографическая таблица расписания. Две клетки в ней упорно пустовали – заполнить их было нечем. Юрий Васильевич поднял руку и подвигал в пространстве блоки туда-сюда. И что ей приспичило уходить в декрет? Кто же будет вести географию со следующей четверти на таком мизерном окладе?

За дверью послышались шаги. Они были совсем не детские – цоканье каблуков и размеренный топот ботинок. Затем дверь без стука распахнулась – в кабинет входила

комиссия из РОНО. Возглавляла ее полная дама неопределенного возраста в сером деловом пиджаке, с высокой копной черствых от лака волос и смешной фамилией Дурцева – давний предмет шуток в учительской. Рядом вышагивал ее неизменный секретарь Гриша, застенчивый верзила, молодой и румяный, который постоянно краснел, словно ему вечно было неудобно за свою службу. А вот третий человек оказался незнакомым: смуглый кавказец с курчавой бородкой. Одет он был в безупречный костюм-тройку, лакированные черные ботинки и почему-то в папаху.

– Так, – произнесла Дурцева, по-хозяйски оглядывая кабинет. – Почему портрет президента старый? – спросила она.

– Здравствуйте, – ответил Юрий Васильевич, вставая к ней из-за стола и стараясь выглядеть жизнерадостно. – Что же вы так долго, мы вас ждали с утра.

– Пробки, – пробасил Гриша и покраснел, опустив глаза в пол.

– Хотите чаю, кофе? Есть конфеты… – продолжал Юрий Васильевич. – Он обернулся к незнакомцу: – Позвольте представиться, я директор этой школы, меня зовут Юрий Васильевич.

– Баркала, – гортанно представился человек в папахе. Юрий Васильевич пожал ему руку.

– Нет времени на чай, – отрезала Дурцева. – Проведите нас на урок.

Директор вздохнул.

– К сожалению, мультикультуризм и толерантность по пятницам у нас идут первым и вторым часом.

– И что вы хотите этим сказать? – насторожилась Дурцева.

– Ничего, просто уроки закончились. Учитель ушел домой, он пожилой человек. Дети на других занятиях.

В кабинете воцарилась зловещая тишина.

– Вы нас подводите, – отчеканила Дурцева, холодно глядя в глаза директору. – Вы знали, что к нам поступила жалоба на учителя толерантности. Вы знали, что сегодня должна состояться показательная проверка на его уроке. Вы знаете, что созвана комиссия, приехал даже представитель диаспоры, очень важный и занятой человек.

– Баркала, – уточнил человек в папахе.

– Вы знали, – продолжала Дурцева, – что от результатов этой проверки зависит не только, останется ли он учителем, но и отчасти ваша должность. Создается впечатление, что вы уклоняетесь от проверки.

– Ну что вы! – развел руками Юрий Васильевич. – Зачем вы так? Сами посудите – я же не могу поменять расписание уроков. Когда мы с вами говорили по телефону, я же сказал, что толерантность и мультикультуризм у нас сегодня только до большой перемены. Мы вас ждали с утра, пятиклассникам велели прийти в парадной одежде.

– Вас послушать, так выходит, я во всем виновата? – отчеканила Дурцева.

Юрий Васильевич молча развел руками.

Дурцева кинула взгляд на маленькие часики на запястье.

– Хорошо, – решительно кивнула она. – Раз уж мы здесь, давайте проверим какой-нибудь другой урок.

– Так ведь жалобы не было… – пробасил Гриша и покраснел.

– И очень хорошо, что не было жалобы, – отчеканила Дурцева. – Тем независимей будет проверка.

Юрий Васильевич подошел к столу и покрутил голограмму расписания.

– Смотрите, у нас сейчас в спортзале идет физра, в мастерских – труд, а также мы можем сейчас посетить урок географии и физики. Что бы вы хотели посмотреть?

– Мы осмотрим все, – решительно сказала Дурцева.

Урок географии комиссию не заинтересовал, за исключением Баркалы, который завороженно смотрел, цокая языком, на географичку и ее указку, которая порхала по

светящейся доске в районе Ближнего Востока.

– А почему она с таким животом? – строго спросила Дурцева, когда они вышли в коридор.

– Она скоро уходит в декрет, – сообщил Юрий Васильевич. – Это для школы большая проблема, мы ищем учителя географии, и я как раз хотел с вами поговорить…

– А почему она у вас уходит в декрет посреди учебного года? – перебила Дурцева.

Юрий Васильевич ничего не ответил.

– И как не стыдно с таким животом выходить к детям? – вдруг возмущенно произнес Гриша.

Юрий Васильевич изумленно глянул на него – Гриша тут же залился румянцем и опустил глаза.

– Пройдемте в спортзал, – предложил Юрий Васильевич.

В спортзале было светло и гулко. Девятый класс прыгал через резиночку.

– Ррряс-два! – командовал физрук Валерий. – Ряс! Левой! Левой! Равняйсь! Смиррр-на!

Все замерли и обернулись.

– Продолжайте, – взмахнула рукой Дурцева.

– По команде… Ряс! Два! – как ни в чем не бывало продолжил физрук, и воздух снова наполнился грохотом десятков ног.

Дурцева долго вглядывалась в прыжки, слегка наклоняя голову то налево, то направо.

– Это хорошо, – похвалила она. – Тут чувствуется дисциплина.

– Валерий Петров – хороший педагог, бывший военный, – охарактеризовал физрука Юрий Васильевич. – Он у нас ведет уроки военной подготовки, физры и чтения. Кроме того, он по своей инициативе организует для детей походы.

– Походы куда? – настороженно обернулась Дурцева.

– На природу, в свободное от уроков время. Для желающих.

– Это надо прекратить, – сказала Дурцева. – В программе такого нет. Гриша, сделайте пометку, проконтролируем.

Юрий Васильевич мысленно выругался.

– А почему они все прыгают через резинку? – заинтересовалась Дурцева.

– Толерантное межполовое воспитание, согласно присланной вами методичке от февраля нынешнего года, – сухо отчеканил Юрий Васильевич. – Женские виды спорта чередуем с мужскими в равной пропорции. Сегодня урок женских видов спорта – мальчики наравне с девочками учатся прыгать через резинку. В следующий раз будет футбол и бокс.

– Какой-то странный вид спорта – резинка, – подал голос Гриша.

– К сожалению, в методичке не расшифровывается, что такое женские виды спорта, – возразил Юрий Васильевич. – Мы решили на педсовете, что это прыжки через резинку и вращение обруча. Вы знаете какой-то другой чисто женский вид спорта?

– Ну, например… – Гриша надул щеки и задумался, а затем вдруг покраснел.

– Здесь мне все нравится! – удовлетворенно подытожила Дурцева. – Идемте дальше.

Уже на подходе к кабинету отчетливо слышался добродушый басок старика Михалыча.

– Да шош ты… – ворчал он. – Хто ж так железо пилит? Так, дочка, железо не попилишь! Ты не рви, шож как эта… да стой, полотно угробишь! Ты плаа-а-авненько веди… вот, о, да – ну? Води-води! Вишь, молодец какая? Совсем, значить, другое дело! Во, стружа пошла сразу…

Дурцева распахнула дверь и вошла в мастерскую. Здесь пахло краской, маслом и металлическими опилками. Школьники – мальчики и девочки в одинаковых фартуках – трудились над верстаками с ножовками, распиливая пруты арматуры. Вдоль верстаков расхаживал Михалыч. Увидев комиссию, он махнул детям рукой, чтоб продолжали работать, а сам подошел поближе.

– Толерантное межполовое воспитание, – пояснил Юрий Васильевич, – предписывает одинаковые навыки труда для мальчиков и девочек.

– Ага, мы тута, значить, железо пилить учимся, – подтвердил Михалыч. – Пилим, значица, и красим в черный цвет. Девчонкам, понятдело, трудно. Но тож стараются…

Дурцева молча осматривала класс.

– А старшим классам я преподаю, значить, сварку, – пояснил Михалыч. – Сварка – оно всегда дело полезное, и уже, считай, профессия. Верно ж говорю? Пиление, сварка и покраска – вот три, значить, главных предмета нашего труда. Пиление, покраска и сварка.

– Почему у вас в коридоре перед входом такое нагромождение железных рам? – кивнула Дурцева на дверь.

– Дык то ж оградки лежат готовые, сваренные и покрашенные. Материал учебный, значить, производим. Скоро, значить, грузовик приедет и увезет.

– Надо увезти, – подтвердила Дурцева. – Отметь, Гриша. Так, что у нас еще?

– Физика, – подсказал Юрий Васильевич.

– Физику не хочу, – поморщилась Дурцева. – Что там может быть такого, в физике? – Она глянула на свои часики. – Хотя… давайте физику заодно посмотрим, будет полная проверка. Отметь, Гриша – провели полную проверку школы.

Шестиклашки в кабинете физики по команде вскочили и встали рядом с партами.

– Здравствуйте, Юрий Васильевич! – нескладным хором поприветствовали они.

– Здравствуйте, мои хорошие, – кивнул Юрий Васильевич. – Садитесь, продолжайте. Мы отсюда немножко посмотрим, как вы учитесь.

Молодая физичка Мариночка, первый год после педучилища, защебетала снова:

– И вот однажды пастух Магнус заметил, что железные гвозди в его сапогах прилипают к странному камню! Этот камень назвали «камнем Магнуса» или магнитом. Посмотрите!

В руках у Мариночки вдруг появился металлический брусок. Половина бруска была окрашена ярко-красной краской, другая половина – синей. Мариночка поднесла к бруску металлическую указку. Хлоп! Указка прилипла.

– Видите? – торжествующе сообщила Мариночка. – Сила магнитного притяжения способна удерживать металлические предметы! Впервые магнит упоминался еще в шестом веке до нашей эры древнегреческим философом Фалесом.

– Кем? – тихо переспросил Гриша и покраснел.

– Но первая книга о магните была написана только в тринадцатом веке нашей эры. Ее написал средневековый ученый Петр Перегрин. Она так и называлась «Книга о магните». Перегрин писал, что у магнита есть два полюса. Он называл их северным и южным. Посмотрите! – Мариночка подняла брусок так, чтобы все видели: – Северный полюс – синий, южный полюс – красный. Они похожи, но они такие разные! Как мальчики и девочки!

«Господи, что она плетет!» – подумал Юрий Васильевич.

– Теперь смотрите, мы берем второй магнит… – В руках Мариночки появился второй такой же брусок. – И пробуем их соединить разными концами. Щелк! Видите, какой крепкий получился союз? Но стоит нам их разнять… разнять… вот. И попробовать соединить одинаковыми концами… Видите? Одинаковые – никак не хотят соединяться! Ну никак не хотят!

– Это почему же они не хотят? – вдруг прогремел на весь класс голос Дурцевой.

Наступила тишина, дети разом обернулись. Мариночка растерялась.

– Ну… это же магниты… – произнесла она. – Попробуйте сами!

В гробовой тишине Дурцева прошагала к учительскому столу и взяла из рук Мариночки оба магнита. Она пробовала их соединить сперва двумя синими концами, затем двумя красными, но магниты не давались – соскальзывали и рвались из рук.

– Не понимаю, – ледяным тоном произнесла Дурцева, оглядывая Мариночку с ног до головы. – Вас послушать, так разное может соединяться, а одинаковое – не может?

– Так это же магниты… – тихо повторила Мариночка.

– Это очень нетолерантные магниты! – отчеканила Дурцева. – А вы их сравнили с мальчиками и девочками!

«Начинается…» – подумал Юрий Васильевич с ужасом.

– Вас послушать, – возмущенно продолжала Дурцева, – то семью могут создавать только граждане разного пола, а людям одного пола следует отталкиваться друг от друга?

– Я такого не говорила! – взвизгнула Мариночка испуганно.

– А вот и говорила! – поддакнул Гриша и покраснел.

Дурцева встала пред всем классом и снова попыталась свести красные полюса двух магнитов.

– Безобразие! – сообщила она возмущенно. – Вы преподаете детям нетерпимость к монополовым союзам! Что же из них теперь вырастет?

Юрий Васильевич шагнул вперед и примиряюще поднял руку:

– Минуточку! Мы, наверно, неправильно друг друга поняли. Магнетизм, как свойство физики, известен много тысячелетий, его изучение входит в школьную программу физики, согласно методичке…

– А вы мне не тычьте моей же методичкой! – возразила Дурцева и угрожающе подняла вверх магниты, снова с усилием пытаясь их свести. – Видите? Видите, что вы преподаете?

– Давайте пойдем в коридор, я все объясню… – предложил Юрий Васильевич.

– Мы не в коридор теперь пойдем с вами, а в суд! – рявкнула Дурцева и сделала еще одну попытку свести магниты. – Мало того, что ваш учитель толерантности на уроках мультикультуризма читает стихи и рассказывает о негритянском происхождении русского поэта Пушкина, будто в России нет настоящих примеров мультикультурной интеграции этнических диаспор… Так у вас еще и на физике преподается превосходство разнополых браков! У вас разное, значит, охотно сближается, а одинаковое, значит, близости избегает?

– Это же просто магниты… – с отчаянием произнесла Мариночка.

– Суд разберется, – отчеканила Дурцева и подняла магниты вверх: – А это я забираю! Гриша, пометь.

На ознакомительное слушание Дурцева не явилась. Судья Карагаева оказалась чем-то похожа на нее, только вместо серого пиджака носила коричневый, а вместо часов у нее на запястье висел довольно легкомысленный браслет из засаленных деревянных шариков.

Карагаева долго листала методичку и заявление Дурцевой на трех листах.

– Магнетизм, как явление, – рассудительно бубнил Юрий Васильевич по второму кругу, – входит в обязательную школьную программу.

– Со времен Древней Греции! – подсказывала Мариночка.

– Отталкивание одинаковых полюсов магнита – закон природы, а не злой умысел. Про гомосексуальные браки на уроке физики никто не говорил и говорить не мог – спросите у детей.

– Синий полюс магнита называется северным, красный – южным, – подсказывала Мариночка.

Судья Карагаева подняла глаза.

– Вас послушать, – произнесла она брезгливо, – то юг от юга хочет отделиться? Нет ли в этом намеков на межрасовые конфликты?

– Речь только о магните, – терпеливо напомнил Юрий Васильевич. – Это просто свойства магнита.

– Я умею читать, не слепая, – сообщила судья Карагаева, кивнув на папку. – Назначаю заседание на следующий четверг.

С тяжелым сердцем Юрий Васильевич и Мариночка покидали кабинет судьи.

– И имейте в виду, – строго сообщила Карагаева, когда они уже выходили за дверь. – У нас идиотов нет. Я не нашла в вашем магните преступления и не собираюсь поддерживать истца.

– Спасибо вам от лица всей педагогики! – воскликнул Юрий Васильевич и почувствовал, как от сердца отлегла тяжесть, с которой он жил последние две недели.

На заседание суда явилась вся троица – Дурцева, Гриша и Баркала, а также юрист РОНО – молодой бритый парень с цепким взглядом из-под золотых очков.

От школы в суд пришел Юрий Васильевич, Мариночка и Михалыч, тоже остро переживавший случившееся.

Юрий Васильевич боялся, что Дурцева станет напирать на то, что Мариночка якобы говорила что-то о гомосексуальных браках на примере магнита. На этот случай среди шестиклашек пришлось провести диктант, и в портфеле Юрия Васильевича теперь лежала толстенькая папка из двадцати восьми тетрадных листков, где разными детскими почерками, с ошибками и без ошибок, с помарками и без помарок, было написано: «Являясь учеником 6-го класса «Б», я официально заявляю, что на уроках физики мне ни разу не доводилось слышать от нашей учительницы Поповой Марины Юрьевны о гомосексуальных связях, лесбийских союзах, бисексуальном, однополом и разнополом сексе, взаимной мастурбации и остальных аспектах толерантного межполового воспитания, не имеющих отношения к физике».

Эти заявления не пригодились. Оказалось, Дурцева не собиралась клеветать на Мариночку – ее возмущал сам магнит.

– Вы только посмотрите! – восклицала она, пытаясь свести вместе то два синих конца, то два красных. – Одинаковые отталкиваются, а разные – хоп! Вы видели такое? И это они преподают детям в школе!

– Я не поняла, какие ваши предложения? – сухо перебила судья Карагаева. – Не преподавать в школе магниты?

– А я не знаю! – возмущенно заявила Дурцева и тряхнула своей лакированной копной. – Но надо что-то делать с этим!

– А кто знает? – спросила судья Карагаева и оглядела зал.

Вдруг поднял руку Михалыч.

– У меня, значить, рациональное предложение имеется! – сказал он. – Я, значить, предлагаю магниты зашкурить и покрасить в черный.

– Это не решит проблему! – обернулась Дурцева. – Это цветовой обман! Вам все равно придется признать, что концы у магнитов бывают разного вида и одинаковые почему-то у вас во время урока отталкиваются!

– Минуточку, а это точно? – переспросила судья Карагаева. – Возможно, просто неправильно покрашено, а на самом деле отталкиваются разные концы?

– И это тоже перегиб! – возразила Дурцева.

– Послушайте! – возмущенно вскочила Мариночка. – Магнит – это просто явление природы! Нельзя ничего сделать против природы!

– Ах, вот как мы заговорили? – вскинулась Дурцева. – Вас послушать, так и гомосексуальные браки против природы?

– Я такого не говорила! – взвизгнула Мариночка.

Судья Карагаева стукнула молотком по столу.

– Тишина в зале суда! – приказала она хмуро. – Дайте и мне тоже посмотреть эти магниты!

Адвокат Дурцевой взял магниты, подбежал к судье, вручил ей, а затем стал что-то шептать на ухо.

– Отойдите от меня и сядьте на место! – скомандовала Карагаева ледяным тоном.

Она долго вертела магниты в руке – то пытаясь приложить их одинаковыми полюсами, то слепляя разными.

Наконец, отложила магниты, взяла в руку молоток, подняла его и некоторое время думала о чем-то своем. В зале стояла гробовая тишина. Все ждали. Судья стояла с поднятой рукой долго, глубоко задумавшись. А затем решительно стукнула молотком и произнесла:

– Назначаю экспертизу магнита!

Дурцева вскочила:

– Но это должен быть грамотный эксперт!

– Мы пригласим экспертом главного директора главного института физики, – заверила судья Карагаева. – Уж не знаю, кто там сейчас директор. Не настолько разбираюсь в физике.

Следующее заседание состоялось почти через месяц, но за этот месяц произошло гораздо больше событий, чем хотелось бы Юрию Васильевичу. Неутомимая Дурцева успела показать магнит на заседании Министерства образования. И хотя магнит особого интереса не вызвал, но в зале случились телевизионщики, которые в перерыве взяли у Дурцевой интервью и показали в новостях под заголовком «безнравственный магнит». Новость неожиданно привлекла огромное внимание, интервью повторили по всем федеральным каналам и принялись громко обсуждать в прессе и в Интернете. Мнения разделились – одни считали Дурцеву сумасшедшей, другие заявляли, что Дурцева права и преподавать в школе магнит безнравственно. Телефон Юрия Васильевича разрывался от звонков журналистов, но он отказывался от всех интервью, и всем учителям своей школы тоже запретил общаться с журналистами. В результате журналистам удалось отловить возле школы нескольких детей и взять интервью у них. Ничего толкового дети не рассказали, лишь отвечали, что не знают, почему магниты ведут себя именно так. Какая-то совсем маленькая первоклашка, ожидающая, пока брат заберет ее домой, поделилась с журналистами, что ей очень нравится, когда магниты отталкиваются, потому что это смешно. Журналисты уже начали разочарованно сворачиваться, когда подошел брат девочки – серьезненький шестиклассник – и рассказал, что учится в физмат-школе, а на вопрос журналистки, что они изучают, ответил, что сейчас изучают дискриминант. Журналистка пришла в необычайное оживление, и репортаж с мальчиком тоже прошел по всем федеральным каналам с заголовком «неприкрытый дискриминант наших школ». Юрий Васильевич благодарил судьбу за то, что мальчик был из другой школы.

В итоге зал суда оказался забит народом, журналистами и блогерами.

Целый час судья Карагаева зачитывала экспертное заключение. Экспертом выступил академик Солодовничий, директор института ядерной физики и физики частиц. Карагаеву было жалко – она мучилась, запиналась, повторяла незнакомые слова с разными ударениями, пытаясь нащупать на слух правильное, и шла дальше.

Юрий Васильевич, историк по образованию, совсем ничего не понимал в экспертном заключении. Мариночка призналась шепотом, что тоже ничего не понимает. Академик Солодовничий парил в каких-то собственных облаках и, похоже, понятия не имел, что от него хотели. Юрий Васильевич специально накануне почитал о нем в Интернете – Лев Ильич Солодовничий был крупным международным физиком-теоретиком и в свои восемьдесят три, по уверениям коллег, полностью сохранял ясный ум и работоспособность. «Сегодня, в 2041 году, теория магнитного поля хорошо изучена физикой…» – такими простыми словами начиналось его экспертное заключение, но это были первые и последние простые слова на сорока с лишним печатных листах. Академик Солодовничий писал в своем экспертном заключении о единой теории поля, о теории струн, о бозонах, одномерных объектах, о каких-то непонятных спинах, о постоянной Планка, Адронном коллайдере и принципе суперсимметрии. Часть страниц была посвящена свойствам вакуума, часть – Большому взрыву и расширению Вселенной.

«Говоря простым языком, – заканчивал свое эссе академик Лев Ильич Солодовничий, – магнитное взаимодействие является одним из проявлений общего электромагнитного, из чего следует, что гомополюсные концы магнитов не могут перестать отталкиваться, пока отталкиваются одноименные электрические заряды, согласно действующим законам. Теоретически одноименные заряды могут перестать отталкиваться лишь за Горизонтом событий внутри Черной дыры. Для возникновения Черной дыры диаметром, достаточным

для размещения за Горизонтом событий двух школьных магнитов, необходимо переоборудование Новосибирского коллайдера на сумму ок. 4 млрд долларов. Такой эксперимент был бы крайне важен для понимания законов Вселенной, но он не совместим с человечеством, потому что испарение Черной дыры подобного диаметра окажется заведомо ниже, чем ее рост, за счет поглощения окружающей материи».

Судья Карагаева отложила папку, достала белый платочек и оттерла испарину со лба.

– Я обращаю внимание суда, – послышался голос Дурцевой, – что ученый тоже употребил выражение, я заранее извиняюсь перед присутствующими, – «гомополюсные концы».

Судья Карагаева взяла в руку молоток, подняла его вверх и глубоко задумалась. В зале наступила тишина, лишь щелкали затворы фотоаппаратов.

– У меня, значить, рацпредложение имеется! – вдруг послышался голос Михалыча. – Я предлагаю зажать, значить, магниты насильно в тиски на верстаке, шоб не дергались, и пройтись, значить, по шву сваркой. И будут, значить, вместе красный и красный, никуда не денутся!

– Насилие и принуждение – не наш метод! – тут же отреагировала Дурцева.

– Пользуясь случаем, – вдруг медленно заговорила судья Карагаева низким грудным голосом, и в зале тут же наступила тишина, – я хотела спросить у академика, которого в этом зале, к сожалению, нет, правда ли можжевеловые браслеты хорошо очищают кровь от шлаков… – Она надолго уставилась на свое запястье. – Но теперь даже и не знаю, есть ли смысл…

Судья задумчиво отложила молоток, так и не ударив по столу, и снова раскрыла папку с экспертным заключением, шевеля губами. Похоже, она никак не могла принять нужное решение. Зал зашумел, и все заговорили разом.

Вдруг Карагаева что-то увидела, резко отчеркнула ногтем в заключении, снова схватила молоток и трижды стукнула по столу так неистово, словно пыталась прибить убегающего таракана:

– Вот написано: «не могут перестать отталкиваться, согласно действующим законам». Ясно? Все, иск отклонен, заседание закрыто, все свободны.

– Протестую! – вскинул руку адвокат Дурцевой. – Нет такой статьи в действующем законе!

Но его уже никто не слушал.

Дни потянулись обычной вереницей, накатились мелкие проблемы. Началась вторая четверть, выпал снег, географичка ушла в декрет, РОНО, разумеется, никого взамен не прислало и бюджетной ставки не выделило. Географию вызвался преподавать Михалыч. Юрий Васильевич пришел на его первый урок. Вращая глобус, Михалыч начал так: «Все мы, значить, в землю нашу ляжем рано или поздно. Но прежде неплохо бы знать, как земля наша устроена. Об том и предмет география…» Юрий Васильевич не выдержал, прервал урок и стал преподавать географию сам.

Дурцева в школе больше не появлялась. Пресса еще немного пошумела и занялась более крикливыми новостями. Постепенно обо всей этой истории забыли. Но однажды утром, где-то в районе второго урока, в кабинет Юрия Васильевича робко постучали.

– Войдите! – скомандовал Юрий Васильевич.

На пороге появился шестиклассник Степа Кузнецов по кличке Кузя. Степа был пареньком смекалистым, учился неплохо, и к директору его еще ни разу не отправляли.

– Что натворил? – нахмурился Юрий Васильевич.

– Я просто так зашел, – смутился Кузя.

– Просто так в кабинет директора не ходят. Чего такой напуганный? Рассказывай.

– Показать вам одну вещь хотел, Юрий Васильевич, – Кузя торопливо задрал майку и достал из-за пояса планшет.

Юрий Васильевич с недоумением смотрел на него.

– Сейчас, – сказал Кузя, – ковыряясь в планшете, сейчас найду…

– Что же там такое? – удивился Юрий Васильевич. – Объясни своими словами.

– Своими тут не объяснишь, – ответил Кузя грустно и совсем по-взрослому. – Вот, смотрите. Это только что опубликовано. Я как увидел – сразу отпросился в туалет и побежал вам показать…

Юрий Васильевич недоуменно взял планшет в руки. Перед ним был свежий выпуск ежедневного видеоблога президента России. «Черт, надо портрет в кабинете поменять», – вспомнил Юрий Васильевич и нажал воспроизведение.

Президент выглядел стареньким и осунувшимся. Он сидел в кресле-качалке, укрытый клетчатым пледом, и теребил в руках какую-то планшетку, поминутно в нее заглядывая – то ли читал тезисы, то ли продолжал игру. Но говорил при этом ровно, красиво и без запинок, хотя голос его по-старчески дребезжал:

«Сегодня, – говорил президент, – я бы хотел снова поднять нашумевший вопрос о статусе магнита на территории Российской Федерации. Мы – великая многонациональная страна, соблюдающая традицию межполовой толерантности, многоконфессиональности и мультикультуризма. Сегодня, когда воспитание толерантности закреплено в Конституции, а различия между сексуальным меньшинством и большинством окончательно стерты, мы с недоумением и озабоченностью наблюдаем такие тревожные факты, когда на территории Российской Федерации школьные магниты демонстрируют нам нарочитое отталкивание гомополюсов. Приведу пример… – президент вдруг отложил планшетку, засунул руку под плед и вынул два магнита: – Этот пример мне недавно прислали активисты из Министерства образования. Посмотрите… – Он развернул магниты красными полюсами друг к другу и попытался их свести. Магниты выскальзывали, и казалось, будто руки президента дрожат. – Так ведут себя сегодня гомополюса некоторых магнитов на территории нашей страны. В то время как свои разнополые концы магниты демонстративно сводят. – Он повернул магниты разными полюсами, и они со щелчком схлопнулись в его руках так, что он даже вздрогнул. Президент сделал несколько попыток их разнять, но так и не смог. Тогда он просто отложил их и снова взял в руки свою планшетку: – Такое положение сохраняется сегодня на территории нашей страны, в таком виде магниты сегодня преподаются детям в школах, и запретительные меры здесь оказываются неэффективны, что связано с несовершенством нашей законодательной базы. Во всех цивилизованных странах мира узаконен общественный договор, в котором исключены различия между женщиной и мужчиной, отцом и матерью, большинством и меньшинством, а гомосоюзы имеют ту же притягательность, что и гетеросоюзы. Как же получилось, что простой кусок школьного железа открыто демонстрирует пример нетерпимости, пример постыдной агрессии, негодной для подражания и, казалось бы, оставшейся в далеком прошлом? Как с этим быть и можно ли что-то с этим делать? Считаю, что в этом направлении работать можно и нужно. Сегодня я был на заседании института ядерной физики и физики частиц, где был поднят вопрос: готова ли наша российская наука предложить школьному образованию другие магниты? Возможно ли изменить поведение гомополюсов магнита, либо сделать его не настолько демонстративным в присутствии наших детей? Ответ на этот вопрос есть, ответ позитивный, а необходимое финансирование исследований будет выделено в самое ближайшее время…»

Юрий Васильевич поднял взгляд на Степу.

– Я не знаю ядерной физики, – сказал Степа, – но в Интернете пишут, что это конец. И я боюсь.

– Не бойся, Степа, – сказал Юрий Васильевич. – Ученые не дураки, они знают, что делают. Просто пришлют нам в школу другие магниты, более политкорректные.

Через два дня в кабинет Юрия Васильевича ворвался большого роста совершенно лысый старик в замшевом костюме.

– Почему вы здесь сидите? – с ходу накинулся он на Юрия Васильевича. – Вы так и будете здесь сидеть? Вы заварили эту кашу, вы и расхлебывайте!

– Минуточку, вы кто? – опешил Юрий Васильевич.

– Я прилетел из Цюриха посмотреть вам в глаза, – орал старик, тряся щеками и брызгая слюной. – Мне восемьдесят три года, и я свое пожил, но у вас-то кругом дети, должна быть какая-то ответственность? Почему вы сидите сложа руки?

– Постойте… – догадался Юрий Васильевич, – Вы академик Солодовничий, директор института физики? Здравствуйте, коллега.

– Коллега?! – возмутился старикан. – Я вам не коллега!

– Я имел в виду, что я тоже в известном смысле директор, как и вы, – поправился Юрий Васильевич.

– А я директор?! – Старикан возмущенно всплеснул руками. – Нет, милейший, я не директор! Я был директором три дня назад! Я уволен! И знаете, из-за кого? Из-за вас и ваших проклятых магнитов! Тарасюк теперь директор института ядерной физики и физики частиц! Вы знаете такого физика – Тарасюка?

– Честно говоря, нет, – ошалело произнес Юрий Васильевич.

– И я не знаю! И никто не знает! Нет в мире такого физика Тарасюка! – академик шагал по кабинету, размахивая руками. – Он никто! Чиновник! Администратор! Он не понимает, что творит! Его назначили!

Юрий Васильевич аккуратно пододвинул гостю кресло.

– Садитесь, пожалуйста, забыл ваше имя-отчество…

– Лев Ильич.

– Да, Лев Ильич, садитесь, успокойтесь, хотите чаю?

– Да, и с молоком! – потребовал Лев Ильич тоном, не допускающим сомнений.

Юрий Васильевич заварил гостю чай, положил на блюдце две упаковочки сливок, а затем сел напротив и аккуратно начал:

– Лев Ильич, вы не обижайтесь, но вы говорите о чем-то своем, думая, что вас понимают. А вас не все понимают. Вы можете рассказать медленно, что случилось?

– А вы ничего не знаете, новостей не смотрите? – язвительно спросил академик, выливая сливки в чай. – Президент выделил четыре миллиарда долларов на проведение эксперимента по созданию Черной дыры. Из-за ваших магнитов!

– Простите, но я читал ваше заключение, вы же сами просили выделить эти деньги?

– Я просил чисто теоретически! – вскинулся академик. – Если вы читали мое заключение, я писал, что этот эксперимент на Земле ставить нельзя! Это конец планете в лучшем случае! А в худшем – конец всей Солнечной системе!

– Не вижу особой разницы. – Юрий Васильевич сжал руками виски и помассировал их. – Ну так скажите президенту, что не готовы ставить этот опасный эксперимент!

– Какой вы умный, вы, наверно, физик! – язвительно произнес Лев Ильич и залпом опрокинул в себя чашку. – Я так и сказал президенту! И где я? Я уволен! А на мое место поставлен какой-то Тарасюк! Который за мои четыре миллиарда переоборудует новосибирский коллайдер и создаст Черную дыру размером с магнит! Потому что он идиот! Кретин!

– Так объясните ему, вы же академик!

Старик желчно расхохотался.

– Как академик может переубедить идиота-чиновника, который только что сел на грант в четыре миллиарда? Он что, откажется от него? Да за такие деньги ему напишут сто заключений, что эксперимент безопасен, лишь бы он состоялся! Эта машина идиотизма автономна! Она с обратной связью! Она питает сама себя! – Академик Солодовничий снова вскочил и принялся бегать по кабинету.

Юрий Васильевич тоже встал.

– Ну а что вы от меня хотите? Что я могу сделать?

– Вы? – Старик замер и повернулся. – Вы это заварили, вы и расхлебывайте!

– Но это же вы написали в экспертном заключении, что изменить магниты возможно!

– А я и расхлебываю! – прогрохотал Лев Ильич. – Я не сижу сложа руки!

– Так что вы мне предлагаете?

Академик устало опустился в кресло и нескладно сгорбился.

– Не знаю, – покачал он огромной лысой головой в темных старческих пятнышках. – Делайте что-нибудь! Пишите обращения! Звоните в приемную нашего президента… Выводите своих детей на демонстрацию! – Старик перевел дух. – У вас, кстати, портрет в кабинете не тот, замените.

– Что? Да я уж дождусь перевыборов, и снова будет тот, – отшутился Юрий Васильевич.

– Не дождетесь! – погрозил пальцем академик. – Переоборудование коллайдера на таких грантах займет месяц. У нас все шансы не дождаться!

Все классы были собраны на митинг. Школьники нарисовали плакаты «Остановите катастрофу!», «Мы хотим жить!» и «Требуем встречи с президентом!». О митинге сообщили заранее в Интернете, собралось множество журналистов и зевак. Школа, одевшись тепло, вышла на Красную площадь. В морозном воздухе развернули плакаты. Лев Ильич был, как обычно, бодр и энергичен и о чем-то оживленно беседовал с физичкой Мариночкой. Построением командовал физрук Валерий, а помогал ему Михалыч. Пришел даже старенький словесник в шляпе (от уроков толерантности он был давно освобожден к своему великому облегчению, их теперь вел Михалыч).

Митинг продолжался совсем недолго – минут пять. Затем на Красную площадь выехали два новеньких полицейских автобуса на воздушной подушке, всех быстро затолкали внутрь и увезли.

– Ну мы хотя бы попытались, – сказал Юрий Васильевич, ни к кому не обращаясь.

Однако автобусы направлялись не в отделение полиции. Они сделали большой круг и заехали в ворота Кремля.

В салоне возник рослый полицейский.

– Десять человек на встречу с президентом – готовсь на выход! – скомандовал он. – Остальным ждать в автобусе. Оружие, баллончики, таблетки, столовые приборы, металл – все выложить.

– Сработало! – громогласно объявил Лев Ильич и рванулся первым к выходу.

Через полчаса обыска и инструктажа делегация из десяти человек шла в сопровождении охраны по багровому кремлевскому ковру в кабинет президента. Впереди шагал Юрий Васильевич, держа за руку маленького серьезного Степу. За ними шла Мариночка, которую галантно держал под локоток Лев Ильич. За ними шагали пятеро первоклашек самого трогательного вида, и замыкал шествие Михалыч, который так настойчиво просил взять его тоже, что Юрий Васильевич не смог отказать.

Президент выглядел таким же, как на своих видеообращениях, – маленький, усталый, он сидел в кресле-каталке, укрытый клетчатым пледом, и в руках мусолил свою планшетку. Сбоку от него на длинном кожаном диване сидели рядком Дурцева, секретарь Гриша и Баркала.

– Вот и встретились, – произнесла Дурцева.

Президент поднял глаза и некоторое время разглядывал вошедших.

– Добрый день, товарищи, – произнес он наконец. – Мы здесь собрались для конструктивного диалога. Я правильно понимаю, что вы выступаете против эксперимента по переориентации магнита?

Лев Ильич решительно шагнул вперед:

– Послушайте меня, мне восемьдесят три года… – загрохотал он.

– А вы вообще никто в педагогике! – заявила Дурцева.

– И я, – подытожил президент, – ваше мнение, господин ученый, уже слышал. Но ваши коллеги подготовили мне доклад, из которого следует, что эксперимент безопасен, а вы

заблуждаетесь. Сегодня я хотел бы услышать более веское мнение от кого-нибудь другого.

Вперед вдруг шагнул Степа:

– Дядя президент, – начал он, – я еще ребенок, но я боюсь. Меня зовут Степа, и я прошу от имени всех нас, детей, – остановите эксперимент!

– Обратите внимание, – заявила Дурцева, – как нагло манипулируют детьми!

– Твое мнение, мальчик, звучит чуть более убедительно, – ответил президент, подумав. – Но ведь эксперты сказали – эксперимент безопасен.

Вперед вышла Мариночка.

– Я, как учитель физики, обещаю, – пылко начала она, – преподавать магниты со всеми необходимыми пояснениями и даже, наоборот, показывать на их примере…

– Это ложь! – перебила Дурцева. – Пока магнит будет демонстрировать гомонетерпимость, его пример будет вечно перед глазами детей!

– Да, – кивнул президент, – эту проблему решать можно и нужно в Российской Федерации. Я уверен, что наш опыт возьмут на вооружение другие страны. Это все ваши аргументы?

Президент остановил взгляд на Юрии Васильевиче.

Юрий Васильевич чувствовал, что это решающий момент и надо что-то сказать. Он понимал, что обязательно должны быть какие-то убедительные слова. Но найти их не мог, в голове была абсолютная пустота.

И в этот момент послышался голос Михалыча:

– Мы, значить, в школе провели свой эксперимент за гораздо, значить, меньшие деньги. – Михалыч вышел вперед, вдруг стянул с ноги ботинок и принялся из него вытаскивать какие-то детальки.

Охрана, стоящая у дверей, напряглась.

– Ничего страшного, – отмахнулся Михалыч. – Это магниты. Я их, значить, специально в ботинок попрятал, когда нас обыскивали. Мы, значить, пару магнитов в школьной мастерской ножовочкой по металлу ровненько попилили посередке. Вот, гляньте теперь сами. Был один, стало два – красный и синий. И теперь красный с красным – хоп! И складываются. А синий – с синим!

Михалыч протянул красную пару магнитов президенту, а синюю – Дурцевой.

– Затраты на эксперимент, значить, вышли у нас – одно ножовошное полотно.

Президент изумленно рассматривал два коротких красных бруска, плотно прилепившихся друг к другу.

– Не понимаю! – воскликнула Дурцева изумленно. – Значит, можно? Значит, есть такой закон в природе, чтоб одинаковое тоже притягивалось?

Академик Лев Николаевич Солодовничий шагнул вперед и открыл рот, но Михалыч предостерегающе поднял руку.

– Обожди-ка, – сказал он строго, – свои эксперименты объяснять будешь. А я, значить, свой объясню сам. Штука тут в том, – повернулся он к президенту, – что красный и синий уже, значить, были в паре в одном бруске. А коли в паре, то третьего им не надыть было, вот и отталкивали. Их личное дело, я считаю, верно ж? Ну а как их ножовкой разъединили – так они, значить, сразу готовы к любой паре без разбору, хоть красный с красным, хоть синий с синим. Все как по Конституции.

Президент поднял взгляд. В его усталых глазах теперь светилась неподдельная искренняя радость.

– Прекрасное объяснение, прекрасный эксперимент! – воскликнул он. – Вы по образованию физик?

– По образованию я слесарь, – признался Михалыч.

– Но вы работали в области физики?

– Не, – Михалыч покачал головой. – Я всю жизнь сторожем работал на кладбище. А как на пенсию вышел, так, чтоб без дела не сидеть, нашел, значить, в себе педагогический талант и в школу пошел. Детишек учу слесарному делу, железо пилим, красим, свариваем –

производим оградки.

– У вас не только педагогический талант! У вас талант ученого! Вы выдающийся физик Российской Федерации! – торжественно объявил президент. – Готовы ли вы стать директором института ядерной физики и физики частиц?

Михалыч растерялся и оглянулся сперва на Юрия Васильевича, а затем на Солодовничего.

– Соглашаемся быстро, – сквозь зубы, но внятно промычал Солодовничий. – Быстро!

– А шо ж, хорошее дело, – кивнул Михалыч, – я согласен, был бы заместитель толковый!

– Ну вот, видите, – обернулся президент к Дурцевой, – как любые сложные вопросы конструктивно решаются в науке Российской Федерации! Всем спасибо!

– Баркала! – гортанно воскликнул человек в папахе и тоже улыбнулся, показав ровные белые зубы.

Игорь Куликов
300 оооновцев

Сценарий альтернативного перевода фильма «300» (реж. Зак Снайдер)

2020 год. Миллионные гей-парады победно прошли по улицам Нью-Йорка, Лондона, Парижа, Берлина, Рима и Багдада. Под давлением прогрессивной общественности наконец получено разрешение на проведение гей-парада в Москве, по маршруту от Белорусского вокзала до Красной площади. Недобитые носители традиционных сексуальных ценностей деморализованы, но на пути распоясавшихся геев встает Первый спецбатальон ОООНа – Отряда охранителей особого назначения «Беспощадные пацифисты», проводящий спартакиаду на Тверской улице.

Эпизод первый
Сумеречные балашихинские леса, ближнее Подмосковье. Дивизия им. Дзержинского. Овеянное древними легендами подразделение ВВ.

Издревле набор в дивизию производился не с 18, а с 5 лет, причем брали только самых здоровых и незамутненных. Служба в дивизии была тяжелой: спарринги, искусство кендо, кроссы по пересеченной местности. И не было в дивизии им. Феликса Эдмундовича гнусной дедовщины, ибо пыл дедов быстро умеряли старослужащие прадеды и пращуры. Отслужив 12 лет, пращур-дзержинец готовился к серьезному испытанию – оформлению дембельского альбома. По освященной веками традиции на обложку альбома шла шкура черного волка-оборотня, периодически выслеживавшегося в сумерках дремучих балашихинских лесов.

Занесенный в Красную книгу волк встретил свою судьбу. Голодный, трезвый и потому очень злой дембель полон решимости добыть недостающий девайс для своего альбома. Бедное животное судорожно ищет пути отхода, но в его тупых мозгах неотступно встает образ белого пушистого зверька с ценным мехом. И предчувствия не обманули волчару – улучив момент, дембель ловко запихивает ему в пасть выдранную из забора части штакетину.

Дивизия имени Дзержинского чествует очередного героя. В плащ-накидке из шкуры волка и с дембельским альбомом выходит на плац будущий командир спецбатальона «Беспощадные пацифисты» Леонид Ильич Батлеров.

Эпизод второй
20 лет спустя. 25 марта 2020 года. Расположение дивизии им. Дзержинского, Балашиха, Центральный административный округ города

Москвы.

Полковник Батлеров тренирует новобранцев в спарринге. К нему подходит сотрудник московской мэрии Откатов.

Откатов : «Привет, Леня. Со мной тут приехала делегация депутатов Бундестага. Хотят осмотреть вверенное тебе подразделение».

Батлеров : «И какого хрена эти фошысты приперлись… И график тренировок опять-таки срывается. Ну ладно, пошли».

Глава немецкой делегации : «Гутен морген, герр оберст! Их бин депутат Бундестага. Ми вашим солдатен унд официрен тут дас сувенирен привезли с хеллоуинской распродажи в Берлин».

Батлеров : «Очень, очень приятно. Можно, кстати, поинтересоваться какого… кх-кх… херра вы сюда приехали?»

Жена Батлерова, Маруся : «Да-да, и пошто наших солдат всякой дрянью пластиковой демотивируете?»

Глава немецкой делегации : «Так принято в Евросоюз. И почему эта фройляйн перебивает наш разговор?»

Батлеров : «Ладно, пройдем прогуляемся и перетрем тему».

Глава немецкой делегации : «Я-я. Ви знаете, через несколько таагс в Москве пройдет собитий мирового масштаба – даст миллионный гей-прайд».

Батлеров : «И?»

Глава немецкой делегации : «Мальшиков на всех может не хватить. Но ми слышали, что в российской армий мальчиков можно незадорого… арендовать. Ви меня понимаете, герр оберст?»

Батлеров : «Ну я даже не знаю… Кстати, обратите внимание – колодец канализационного коллектора» (*подводит депутата и его референтов к краю колодца и достает штык-нож*).

Глава немецкой делегации : «Что ви делайте? Это же международный скандал! Я буду жаловаться в суд по правам человека в Страсбург!»

Батлеров смотрит на жену, и та понимающе кивает. Со словами «Нихт фер-штейн» бьет немца пяткой в грудь. Вслед за депутатом в колодец валятся его референты и переводчики.

Батлеров : «Надо же, какая неприятность случилась! Наши зарубежные друзья поскользнулись и свалились в колодец. А ведь говорил прапорщику Задову – поставь перилки. Могут быть несчастные случаи. Пиши в рапорте «Группа представителей Бундестага во время осмотра канализационных объектов дивизии им. Дзержинского в полном составе стала жертвой несчастного случая. Ответственному за состояние канализации прапорщику Задову объявлен строгий выговор с занесением».

Эпизод третий

Расположение дивизии им. Дзержинского, Балашиха. В тот же день ночью. В постели с женой.

Батлеров : «Что-то у меня нехорошее предчувствие, Маруся…»

Маруся Батлерова : «А чего не так? Опасаешься, как бы за фошыстов в звании не понизили?»

Батлеров : «Да не… Неладно что-то в Датском королевстве… Геи вместо военных по улицам парадами ходят… А ведь умные люди говорят, что парады устраивают победители…»

Маруся Батлерова : «Не бери в голову, Леня. Щаз команду отдадут сверху, и все будет путем. Тем более, что вы уже на «несогласных» всяких натренировались. В смысле, гомосятину бить».

Батлеров : «Это да. Но все-таки на душе неспокойно…»

Эпизод четвертый

Следующий день, 26 мая 2020 года. Здание мэрии на Новом Арбате. Комитет мэрии по работе с общественными организациями, религиозными объединениями и воинскими подразделениями.

Батлеров : «Ну что за бардак! Лифт не работает, лестница раздолбана! А еще мэрия!»

Сотрудник мэрии : «Добрый день, Леонид Ильич! Нехорошо опаздывать на встречу с очень занятыми людьми! Взнос на озеленение мэрии принесли? Предъявите!»

Батлеров высыпает деньги из мешка.

Сотрудник мэрии : «Маловато, конечно…»

Батлеров подходит к твердокристаллическому экрану и чертит пальцем на песке.

Батлеров : «Хорошо бы дома для офицеров и прапорщиков дивизии, на юге столицы, под Тулой, построить. Здесь, здесь и здесь».

Сотрудник мэрии : «Квоты будут – пробьем. Может быть».

Батлеров : «Кстати, а что у вас там за баба в исподнем валяется?»

Сотрудник мэрии : «А… Это секретарша новая собеседование проходит. Пока успешно».

Батлеров : «Понятно. Да, тут контингент озабоченность выражают насчет гей-парада. Руки, прямо скажем, чешутся, а приказа почему-то нет…»

Сотрудник мэрии : «Сбавь обороты, Леня. Гей-парад санкционирован мэрией в целях повышения толерантности граждан к лицам гламурной сексуальной ориентации и борьбы с гомоксенофобией. Да, вот и девушка с нами согласна. Правда, Клава?»

Полковник Батлеров патологически ненавидел зажравшихся чиновников мэрии, готовых незадорого продать даже самого пожизненного мэра, но пресечь процветавшую среди них коррупцию достаточных возможностей не имел. Однако с нетерпением ожидал приказа номер 66.

Эпизод пятый

Комитет мэрии – час спустя.

Сотрудник Комитета Откатов : «Коллеги! Представитель Организации Объединенных Секс-меньшинств хочет инвестировать немного денег в наши программы поддержки людей с прогрессивной сексуальной ориентацией».

Представитель Организации Объединенных Секс-меньшинств : «Иес, йес! Ми можем дать вам денег. Много, много денег! И еще привозить в комитет каждую неделю новую секретаршу для собеседования».

Сотрудники мэрии : «Круто!»

Представитель Организации Объединенных Секс-меньшинств : «Прогрессивной, конечно, ориентации!»

Сотрудники мэрии : «Блин…»

Эпизод шестой

27 мая 2020 года. Плац дивизии им. Дзержинского, Балашиха, Центральный административный округ Москвы. Построение личного состава батальона «Беспощадные пацифисты».

Батлеров – *личному составу* : «Здравия желанию!»

Личный состав: «Ва-ва-ва!»

Батлеров : «В столице нашей Родины резко обострилась оперативная обстановка. Население встревожено планами проведения миллионного гей-парада, участники которого хотят проследовать по Тверской от Белорусского вокзала до Красной площади. К сожалению, это непотребное действо санкционировано, поэтому командование дивизии неофициально попросило наш батальон провести в тот же день учения и спартакиаду в районе старой мэрии. Форма одежды – многофункциональные плавки, камуфляжные плащ-палатки и кеды. От Юдашкина, чтоб его… Из снаряжения – каски, щиты, штык-ножи и дубинки нового образца – со встроенным электрошокером и медным сердечником для улучшения контакта. Почему ручки деревянные? Для изоляции, чтобы током не било. Стволы, бронежилеты и спецсредства нас попросили не брать во избежание провокаций».

Сотрудник мэрии Откатов : «Куда это вы собрались, господин полковник? Приказа препятствовать параду, если мне память не изменяет, не было».

Батлеров : «А я никому препятствовать не буду. Чисто на спартакиаду идем. А тебе, Откатов, совет – поменьше шастай по расположению части. Во избежание несчастных случаев».

Батлеров *(продолжает, осматривая ряды солдат):* «Орлы! Все морально устойчивые, обстрелянные пращуры!»

Вахмистр Пронин : «Леонид Ильич! Вот сынка своего младшего взял на дело».

Батлеров : «Не молод он еще? Девок-то щупал? А то ведь под дурное влияние попасть может».

Пронин : «Обижаете, командир!»

Эпизод седьмой

27 мая 2020 года. Манежная площадь. Встреча с группой хоругвеносцев.

Хоругвеносец : «Оооновцы, да? А че так мало? Меньшинств-то сильно побольше будет!»

Батлеров : «Не вибрируй. Сам-то кто?»

Хоругвеносец : «Рябинович-Никшич, лидер православных хоругвеносцев!»

Батлеров : «Так ты что, из этих…»

Хоругвеносец : «Никак нет. Серб я потомственный!»

Батлеров : «Понятно. А ты?»

Хоругвеносец № 2 : «Штильмаркс я. Из «Черной сотни».

Батлеров : «А ты?»

Хоругвеносец № 3 : «Понкин. Иммигрантов просто очень не люблю».

Батлеров : «Вижу, собрались одни сербы. Ладно, прикроете нам тыл. Верно говорю, мужики?»

Личный состав : «Ва-ва-ва!»

Эпизод восьмой

27 мая 2020 года. Руины цветочного магазина. Манежная площадь, подземный переход.

Батлеров : «Погром, однако, сезонный. И следы знакомые – определенно «Гриндерсы». И где же все?»

Пронин : «Не видать никого, товарищ полковник!»

Из дыма выходит мальчик.

Мальчик : «Опаньки! Менты!»

Пронин : «Хватай его!»

Мальчик : «Дяденьки, не бейте! Я больше не буду!»

Батлеров : «Куда смылись твои бритоголовые подельники?»

Мальчик : «Я ничего не знаю. Я на шухере стоял!»

Батлеров – *Пронину* : «Ладно. Запиши в рапорте – «Практически предотвращен погром цветочного магазина на Манежной площади. Задержан один из нападавших – малолетний скинхед Максимка Марцинкевич. Заведено уголовное дело».

Ординарец : «Товарищ полковник! Смотрите, чего я нашел!»

Батлеров : «Ничего себе так бонсай! По фэн-шую прям весь распилен! Нужно такой же в части завести – для улучшения циркуляции энергий сунь и вынь».

Эпизод девятый

27 мая 2020 года. Ресторан «Фукусима» (бывший «Гино-таки»). Тверская, 6.

Пронин : «Стоять! Руки за голову! Ты кто такой? Из меньшинств небось?»

Вова Тарзан : «Не-не-не! Вова я. Тарзаном в мужском стрип-клубе подрабатываю. Потому геев люто ненавижу!»

Пронин : «И чего?»

Вова Тарзан : «Возьмите меня в спецбатальон!»

Батлеров : «В армии служил? А ну, упал и отжался сорок раз!»

Вова Тарзан : «Нет, конечно! У меня же плоскостопие и спинная грыжа!»

Батлеров : «Вот и пошел вон, косильщик! Развелось тут Тарзанов… До чего Сталин страну довел!»

Из теленовостей

Беспрецедентное число людей прогрессивной половой ориентации съехалось в Москву. В московских гостиницах срочно доделываются туалетные кабинки для неопределившихся. На площади около Белорусского вокзала альтернативно гетеросексуальные гости столицы формируют колонны. Участники гей-парада несут плакаты «России – радужное будущее!», «Сами вы меньшинство!», «Нетолерантным – нетолерантная смерть!».

В действе принимают участие депутаты Европарламента, гости из демократических стран Ближнего и Среднего Востока. Впервые в гей-параде участвуют делегации из демократических Египта, Ливии, Сирии и Афганистана, а также прогрессивно-монархических Саудовской Аравии и Кувейта.

Эпизод десятый

28 мая 2020 года. Участок Тверской перед старым зданием мэрии.

К строю оооновцев подходит колонна движения «Освобожденные мужчины Талибана».

Спикер талибов : «Слышь, шурави! Наш шествий санкционирован меджлисом Масквабада! А ну быстро ушел!»

Сверху прилетает лом.

Рабочие с крыши : «Не выдышь, шайтанама, опасный зона написано! Лом башка попадет, совсем мертвый будешь!»

Батлеров – *Пронину* : «Твои таджики там? Неплохо-неплохо. Но регистрацию у них все-таки проверь и составь протокол о предумышленном убийстве на почве половой и таджико-афганской ненависти».

Талибы : «Они Насраллу кирдыкнули! Шайтаны противные! ААА!»

Батлеров : «Так, отрабатываем сдерживание толпы. Второй ряд держит за ремень первый, чтобы манифестанты не вытащили ваших товарищей из строя».

Батлеров : «Держим, держим. Хорошо».

Батлеров : «Теперь отбрасываем толпу. И начинаем рассекать ее на части для

последующей нейтрализации».

Батлеров : «Теперь отрабатываем бой с несколькими противниками. Зер гут».

Батлеров : «Оттесняем геев к реке. Отлично».

Ординарец : «Товарищ полковник, а они ведь пахнут как-то плохо».

Батлеров : «Верно подмечено. Помойтесь-ка, ребятки!»

Талибы : «Шо вы творите! Это же нетолерантно! Нургалиев ведь разрешил! ААА!»

Ординарец : «Товарищ полковник! Смею доложить – они арматуринами кидаются!»

Батлеров : «Вот п…сы»! Отрабатываем маневр уклонения от метательных снарядов типа «арматура».

Батлеров : «Так, доложили о потерях. 200-е, 300-е есть? Нет? Ну и ладушки. Продолжаем спартакиаду».

Эпизод одинадцатый

Там же, два часа спустя.

Батлеров – *Пронину* : «Пишите рапорт: «Ввиду непрофессиональных действий конной народной дружины в рядах участников гей-парада возникла давка, повлекшая за собой гибель больших человеческих жертв. Со своей стороны вверенный мне личный состав оказал пострадавшим первую медицинскую помощь (засаживает дубинку в грудь раненого) и аккуратно сложил тела для удобства работы «Скорой».

Ординарец : «Товарищ полковник, разрешите доложить!»

Батлеров : «Разрешаю».

Ординарец : «Там вас организаторы шествия на переговоры зовут».

Пронин : «А ну как засада, Леонид Ильич?»

Батлеров : «Не исключено. Поэтому ствол табельный я собой прихвачу. Незаметно заныкаю в плавки».

Эпизод двенадцатый

Участок Тверской перед старым зданием мэрии, 15 минут спустя.

Батлеров – *главгею* **:** «Дай-ка догадаюсь. Ты – племянник Обамы?»

Главгей : «Не совсем, но можешь меня называть так, противный».

Батлеров : «Я весь во внимании».

Главгей : «Мистер полковник! Ваши люди ведут себя слишком агрессивно по отношению к мирному шествию. А ведь мы могли бы обогатить вас культурно, приобщить, так сказать, к общечеловеческим ценностям».

Батлеров : «Приобщить к ценностям, говоришь? То-то твои гопники на моих ребят с палками острыми поперли. Рядовому Петренко вон руку даже поцарапали до крови. А, между прочим, у нас официальное мероприятие – спартакиада на кубок батальона и полевые учения».

Главгей : «Я понимаю, Леонид, что в ваших ведомствах исторически сложившийся факеншит. Но подумай о своих перспективах! Когда-то ты еще дослужишься до бригадного генерала. А зарплата у тебя смешная. Я же могу предложить хороший оклад и место старшего супервайзера в нашей гвардии, «Голубых масках». Ну и грин-карту тебе с семьей оформим».

Батлеров : «Мне, полковнику внутренних войск, предложили возглавить гомоспецназ? Аж нога зачесалась. И руки. Даже не знаю, что сказать. Цензурно. Поэтому скажу так (фраза, забитая бипами). В общем, как говорят у вас в Гарлеме, «Фак офф, афроамерикан!»

Из теленовостей

«Второй день продолжаются столкновения батальона ОООН балашихинской

дивизии внутренних войск с участниками гей-парада. В ходе столкновений есть десятки пострадавших. По словам командира Первого спецбатальона ОООНа Леонида Батлерова, он получил приказ провести спартакиаду в указанном месте. Министр внутренних дел и командир дивизии пока находятся в отпусках и для комментариев недоступны. Как отмечают правозащитники, даже недавнее переименование полиции в охранку не лишило этого ведомства его звериной сущности и не смогло насадить среди ее сотрудников здоровую толерантность и истинную гомотерпимость».
За комментариями наш канал обратился к известным духовным лидерам.

Митрополит Калужский и Боровский Всеволод (Чапнин): «Мы всегда осуждали гомосексуализм как явление, глубоко противное человеческой природе. Плюс геи не соблюдают принятый в нашей стране дресс-код!»
Муфтий Центрального административного округа Москвы **Нафигулла Зубабахудин** : «Это гнусная исламофобия! Среди пострадавших немало наших братьев из Саудовской Аравии и Кувейта, не говоря уже о несчастных талибах, которые и так настрадались от иностранной военщины!»
Глава Центрального духовного управления мусульман России муфтий **Махмуд Таджуддин** : «Муфтий Зубабахудин не брат нам, традиционным мусульманам! Я всегда говорил, что геев нужно бить камнями, если камни кончатся – то палками, а если палки сломаются – то и арматура здесь вполне халяльна!»
Представитель буддистов в Москве Дашиняма-лама : «Какой, однако, гей-парад? Куда смотрит Юрий Михайлович? Как – «давно сняли»? А какой сейчас год? Ну надо же, как колесо сансары в Кали-югу быстро вертится!»

Теперь к другим новостям. Московский завод арматурных изделий отрицает свою причастность к спонсированию гей-парада…

Эпизод тринадцатый
Участок Тверской перед старым зданием мэрии. Вечер 28 мая 2020 года.

Батлеров – *Пронину* : «Что у них вообще за маскарад такой? Садо-мазо, что ль, какое богопротивное?»

Пронин : «Гугл утверждает, что это модные гоморолевики, итить их! В эльфов с гоблинами и сумеречных вампиров напереодевались для более острых ощущений!»

Ординарец : «Опять идут!»

Батлеров (*прислоняясь к стене из тел*): «Так, если чего – все валим на них».

Ординарец : «Товарищ полковник! Да у них по ходу сифилис в последней стадии!»

Батлеров : «Бойцы! Слушай мою команду! Ахтунгов руками не трогать и после мероприятия срочно провести внешнюю и внутреннюю дезинфекцию организма. Эй, хоругвеносцы! Вы, это, тоже можете поучаствовать в спартакиде!»

Эпизод четырнадцатый
Штаб гей-парада. Вечер 29 мая 2020 года.

Вова Тарзан – *главгею* : «Я знаю, как обойти ментов через задний проход!»

Главгей : «Задний проход это хорошо! Чего хочешь взамен? Политическое убежище и миллиард евробаксов? Обеспечим. Становись на колени. Инициировать тебя будем. По ускоренной методе».

Вова Тарзан : «И еще шмотки хочу от Киры Пластининой!»

Главгей : «Эм. Ну, это сложно. Точно обещать не могу, но мы попробуем…»

Из теленовостей

Третий день в Москве на Тверской улице продолжаются стычки между участниками гей-парада. Сегодня днем к участникам парада присоединились представители радикального крыла «зеленых», которые освободили часть зверей из Московского зоопарка и бросили их на прорыв полицейских кордонов. Сообщается о гибели как минимум одного слона и одной носорогихи. Пока неизвестной остается судьба депутата Европарламента Вилли Франкенштейна, принимавшего участие в столкновениях с ооооновцами. Коллеги Франкенштейна отмечают, что всегда спокойный депутат буквально потерял голову при виде издевательств над мирными участниками гей-парада. Полковник Батлеров от комментариев отказался.

Госдеп США выпустил специальное заявление, осуждающее геноцид людей с прогрессивной сексуальной ориентацией, и пообещал рассмотреть вопрос о направлении в Москву специального контингента сил НАТО для их защиты. Президент России экстренно прервал свой отпуск и возвращается в Москву.

И к другим новостям. Губернатор Санкт-Петербурга Ксения Собчак дала разрешение на проведение гей-парада в Северной столице…

Эпизод пятнадцатый

Зал заседаний Общественной палаты города Москвы. День 29 мая 2020 года.

Сотрудник мэрии Откатов : «Я требую немедленно осудить деструктивные действия оборотней в погонах, устроивших геноцид гомосексуальных гостей нашей столицы! Ментовской беспредел в центре столицы опять поставил под угрозу молодую российскую демократию! Люди с толерантной сексуальной ориентацией – это ум, честь и совесть нашей эпохи!»

Маруся Батлерова : «Врет он все! У мужа есть официальное разрешение на спартакиаду, а эти, как бы покорректней выразиться, «фрезеровщики» на ооооновцев первые напали!

Сотрудник мэрии Откатов : «А вот конкретно этот феминогражданин непосредственно при мне разжигал, то есть совершал преступление, предусмотренное статьей 282 часть «е» УК РФ, – «разжигание вражды или ненависти по сексуальноориентационному признаку». Требую ее немедленно изолировать от цивилизованного общества!»

Маруся Батлерова : «Ах, так? Получи, тварь вербованная!»

Спикер Общественной палаты : «Что вы ж творите в храме демократии!!! Здесь вам не Госдума, чтобы ножичками друг друга резать! Кстати, что там такое у Откатова блестит? Золотые кредитки? И ведь, главное, не поделился, коррупционер проклятый!»

Вице-спикер Общественной палаты : «Предлагаю зарезание Откатова провести по отчетам как принудительную эвтаназию в рамках борьбы с коррупцией, кредитки – изъять, обналичить и присовокупить к делу».

Эпизод шестнадцатый

Палаточный лагерь Первого спецбатальона около ресторана «Фукусима». Ночь с 29 на 30 мая 2020 года.

Батлеров – *Пронину* : Нам бы день простоять и другой продержаться – разведка сообщает, что у альтернативных натуралов визы должны кончиться. У многих, во всяком случае.

Хоругвеносец № 1 : «Товарищ полковник! Голубоглазые нас с тыла обошли! На

перегруппировку сваливать надоть!»

Батлеров : «Как, почему? Кто сдал?»

Хоругвеносец № 1 : «Тарзан это, больше некому!»

Батлеров : «Ординарец!»

Ординарец : «Да, товарищ полковник!»

Батлеров : «Где второй глаз?»

Ординарец : «Выцарапали голландские лесбиянки!»

Батлеров : «Ты это… Отвоевался уже. Уводи хоругвеносцев. В Гаагском трибунале нам понадобится каждый свидетель».

Хоругвеносец № 1 : «Эт точно… Такого гомогеноцида вам не простят!»

Эпизод семнадцатый

Палаточный лагерь Первого спецбатальона около ресторана «Фукусима». Утро 30 мая 2020 года.

Батлеров : «Эх, подвели мы отцов-командиров…»

Пронин : «Ничего, товарищ полковник. Мертвые сраму не имут!»

Батлеров : А ну как среди них некрофилы есть?»

Пронин : «Ой, йож твою…»

Главгей : «Последний раз говорю – сдавайтесь! Батлеров! В знак добрых намерений бросай дубинку и подходи с высоко поднятыми руками! Будем тебя сейчас нашим делать, прогрессивным».

Батлеров : «Дубинку тебе мою? На!»

Эпизод последний

1 июня 2020 года. Санкт-Петербург, Невский проспект. Второй, Третий, Четвертый и Пятый спецбатальоны ОООНа дивизии Дзержинского.

Ординарец : «Товарищи! Всего триста наших сослуживцев целых три дня задерживали миллионный гей-парад! Теперь геев уже совсем не миллион, а нас здесь целых четыре полных батальона. Не пустим голубую чуму на улицы наших городов! Достойно проведем Вторую спартакиаду дивизии Дзержинского на кубок полковника Батлерова!»

Личный состав батальонов : «За толерантность! Мочи козлов! Ва-ва-ва!»

Гости дорогие

Наталья Егорова, Сергей Байтеряков
Самец разумный

> *«Голландское правительство приняло необычные правила получения гражданства. Теперь каждый претендент должен проявить терпимость во время просмотра кассеты, иллюстрирующей либеральность голландского общества. На кассете, в частности, запечатлены целующиеся мужчины и женщина, гуляющая по общественному пляжу с голой грудью».*
>
> ***Из новостей 2011 года***

Сенатор Мэтью Фиш принадлежал к Церкви Толерантности и даже мысленно не употреблял слово «Б-г», только «Боги». Политик улыбался, раздавал автографы, раскланивался со знаменитостями и беззвучно молил: «Прошу вас: Один-Всеотец и Аллах,

да славится имя твое; Христос-Спаситель и Кришна Ананда-вардхана, пусть церемония пройдет безупречно!»

Мэтью Фишу осталось два шага до членства в Галактическом Совете.

Когда корабль пришельцев повис над Лас-Вегасом, большие звезды предложили «долбануть по нему чем-нибудь этаким мегатонн на двести, и все тут». Шли дебаты, весь мир расконсервировал бомбоубежища, а умник-патриот, пожелавший остаться неизвестным, транслировал – прямо на обшивку корабля – «День независимости». При всей любви к старому кино даже Мэтью Фиш признавал, что пять дней непрерывного лицезрения Уилла Смита – это чересчур. И когда с'яу сумели выговорить прекрасные слова: «Ми пьишли сь миром…», они добавили: «только не ньядо кино, пожьялустя!»

Всего пять лет переговоров, а какой прогресс! – будет создан «Галактический Совет Сотрудничества и Взаиморазвития»: три места для с'яу, одно – для человека, который… докажет свою «полномасштабную терпимость к особенностям других рас».

Черт, сражаясь за пост в Совете, Мэтью многое узнал не только о непостижимой инопланетной логике, но и о людской косности. Казалось бы, до победы остается один шаг… но его бессменный помощник, Джеф О'Лири, вспыльчивый ирландец – вчера покинул предвыборный штаб, отказавшись участвовать «в этом похабстве». Мэтью Фиш дернул щекой и ослепительно улыбнулся камерам: «Меня – не остановить!»

Журналистская братия настырно лезла из-за оцепления, сверкая глазами-объективами. Еще бы: самый впечатляющий брак в истории города. Продуманная кампания в сети, а потом Мэтью трое суток ночевал на ступенях мэрии, дабы показать жениха всему городу. И какой впечатляющий итог: полномочный посол с'яу приедет поздравить новобрачных!

Невеста красуется в нежно-зеленом бикини, расшитом стразами. Жених же, Лорд, само воплощение силы и необузданности; даром что голова едва достает новобрачной до плеча, но какой красавец! Над его прической потрудился лучший стилист. И наряд новобрачному заказывали во Франции. Увы, своих мастеров, готовых создать для Лорда костюм, не нашлось… «Недопустимо в наш век мыслить столь узко! Если ты жеребец, разве недоступна тебе большая и светлая любовь? Верно, парень? И что значит: „Любому безумию должны быть границы?“ Из-за таких, как ты, О'Лири, человечество все еще заперто в Солнечной системе».

Без пяти минут советник Фиш фамильярно потрепал жениха по блондинистой гриве. Тот благодарно фыркнул: волновался, бедолага, не каждый день женишься. За спиной подружки невесты шептались, подтверждая старую мудрость о женской дружбе:

– Ты в курсах, что Джу выбирала между собакой и ослом?

– Вспомни ее третьего мужа, – про ослов она знает все.

– Тс-с, девочки, не мешайте слушать. Это так романтично…

– А ты в курсах, что Фиш имел виды на ее задницу?

– Этот индюк? Он поэтому насчет Лорда распинался по TV?

– Девочки, тише, это же так трогательно!

– Ни фига, он на полном серьезе. Он так, блин, чувствует.

Фиш втянул живот и развернул плечи. Приближался торжественный момент. Вот сейчас копыто жениха возложат на комикс по Библии (уступка альтернативно читающим), будут произнесены прекрасные слова супружеской клятвы: «…делить с тобой хобби и диету, быть рядом перед лицом кадровых перестановок и в дни социальных катаклизмов». И – весь мир увидит, что именно Мэтью Фиш достоин занять место в Совете: самый прогрессивный и толерантный политик.

Мир менялся, предрассудки вымирали как могикане. А ходить на свадьбы стало потрясающе интересно. Например, в прошлом месяце старина Робби зарегистрировал брак с блондинкой Пэт и шатенкой Джил – одновременно. Причем будущие дети Пэт, согласно контракту, считаются их совместными детьми; а дети Джил – нет, ибо на этом настаивала ее со-супруга Катрин. И все счастливы.

Дамочки-служащие в лиловых костюмах мухами вились подле жениха. Одна изящно

прятала за спину убранный в кружева совочек – на случай дурно пахнущей неожиданности. Вторая следила, чтобы жених не сжевал ненароком драгоценный комикс. Мэтью разглядел посла Т'хонг: непостижимую, зеленокожую, до умопомрачения элегантную. В ее огромных глазах, словно в стеклянном шаре, отражался весь зал и пришедшие на церемонию люди. «О, Зевс-Филий и Тецкатлипоки-ягуароликий, пусть все пройдет безупречно!»

Дама на кафедре откашлялась.

Грохот дверей ознаменовал, что Тецкатлипоки услышал его молитвы.

– Пустите, идиоты! Вы знаете, кто я?

«Эмили? Здесь? До завершения миссии еще неделя, как же так?»

Но Эмили с пылающими щеками, в белом платье, символизирующем чистоту намерений землян, сжав кулачки, шагала по проходу между рядами. А следом за ней – все десять добровольцев, десять «голубок мира».

«Журналюги, конечно, окрестили поездку на корабль пришельцев „секс-миссией" и еще чем похуже, а в Интернете писали о ритуальном жертвоприношении – не привыкать! Вот прекрасные девушки: все живы, все здоровы… Но почему на Земле раньше времени? Что произошло?»

Эмили остановилась в двух шагах от кафедры.

– А… Мэтью Фиш! И превосходный жеребец, да! Счастье любой девушки! – похлопала жениха по крупу. Фалабелла, пользуясь всеобщим замешательством, уже дотянулся до букета невесты и аккуратно его объедал. – Так почему же не меня ты отдал в жены этому коню, неверный?

«Да она никак пьяна!» – Мероприятие надо было спасать.

– Потому, прекрасная, что ты – для меня. Пойдем-ка…

И, обняв девушку за плечи, Мэтью выволок ее за неприметную дверь. Та мягко закрылась, отсекая взволнованный гул зала.

– Эмили, ты взволнована…

– Пусти… Пусти, кретин!

– Я тобой горжусь, девочка!

– Идиот! Отстань, мудак!

– Эмили, сегодня большой день…

– Отвяжись!

Все шло неправильно, но Мэтью не мог позволить глупой девчонке испортить его планы. Он притиснул Эмили к стене, впился в губы властным поцелуем. Девушка дернулась и замерла, словно каменная. «Так не пойдет! Но сенатор Фиш всегда готов к любой неожиданности, не так ли?» Мэтью опустился на колено и достал из кармана заветную коробочку.

– Мисс Эмили Спарроу, ты теперь будешь моей женой… после регистрации брака, конечно. – Девушка ошеломленно молчала. – Вернувшись в зал, мы объявим о нашем союзе, девочка. И он тоже послужит делу развития цивилизации!

Фиш надел кольцо (белое золото, сердечко из бриллиантовой крошки) на бледный палец, галантно поцеловал ладошку.

В следующую секунду нежная Эмили от души врезала жениху.

У Мэтью потемнело в глазах. Под пальцами что-то резиново сдавливалось и хрипело. Потом неумолимая сила подняла его в воздух, отшвырнула в сторону – затрещала ткань костюма – огнетушитель сорвался со стены и ударил будущего советника в плечо.

Сенатор вскочил и опешил. Какой-то тип в косухе обнимал рыдающую Эмили. У мужика был приметный нос: сломанный и слегка свернутый набок. Фиш был готов поклясться, что никогда не видел этого субъекта раньше…

– Какого дьявола!

– Я какого? Блин, чуть девчонку не убил, пендехо!

– Ты, быдло! Это моя жена!

– Я твоя жена??? Скотина бесчувственная! Ты спросил – кольцо надевать? О да!

Девушка должна быть счастлива: великий политик Мэтью Фиш сделал предложение! После семи лет ожидания – сподобился, лишь бы заткнуть мне рот! Дешево хочешь купить, мразь!

– Заткнись!

– Хоть бы спросил, как было у этих… зеленых…

Кривоносый присвистнул:

– Подложил свою девушку под мухоида? Круто берешь… мучачо.

У Мэтью потемнело в глазах. Он шагнул к мерзавцу, посмевшему издеваться над ним. Очнулся уже на полу.

– Всем известно, что это чудесный опыт, расширяющий представления об устройстве вселенной… – прохрипел Фиш и потрогал занемевшую скулу.

– Это было отвратно, – завопила Эмили, брызгая слюной. – Как… как с резиновой куклой! Как с тобой!

– Ты сама пошла на это.

– Да, я дура! Делала, как ты говорил. Мечтала быть тебе самой-самой! Марш садо-мазо-нудистов, лесби-игры в грязи, шоу с альтернативно одаренными литераторами… Удивительно, что за жеребца ты выдал не меня! Надо было спешить, да, Мэтью?

– Вот же толерантный мудак, – припечатал незнакомец.

Мэтью зарычал и, сжав кулаки, попер на мужлана. И рухнул, развалив несколько стульев, стоявших у стены. Мотая головой, с трудом встал на колени.

– Врежь ему! Дай ему еще раз!

– Спокойно, сестричка, – кривоносый дернул углом рта. – Оставь мизерабля в покое.

– Проваливай, Фиш! – заорала Эмили и сорвала кольцо с пальца. Швырнула в приоткрытое окно. – Трахайся с мухоидами ради мира! И да, сука, я не буду за тебя голосовать!

– Не-не, – кривоносый подхватил девушку на руки, – больше тебя никто не обидит.

И унес, черт бы его побрал. Мэтью, скрючившись, похромал за ними – спасти свадьбу, уговорить Эмили хотя бы появиться перед гостями, но девушка словно с цепи сорвалась. Обнаружив, что он ковыляет следом, она – сама! – увлекла дикаря в дверь с надписью: «WC».

«Эмили! С мужиком! В туалете!» – Мэтью застыл болван болваном, а дверь содрогнулась, еще и еще раз… и начала ритмично вздрагивать от мощных ударов. «Хэх!» – «А!» – «Хэ-эх!» – «А-а-а!» Дерево выгибалось и потрескивало. Сенатор считал удары, прислушиваясь к животному рыку из-за двери… и не сразу ощутил, что его вежливо трогают за плечо.

– Ми вас все ждиом! О, – Т’хонг прислушалась, – прьекрасны ритуал! Я не встрьечал его описанья раньшье. Тьорьжество жизни над энтропией разльожения – что мьожет бить лучшей на свадьба. Звините, что пьервала медитацью, но гьости…

Сенатор дико посмотрел в глаза инопланетянки.

«Издевается?.. Это же с’яу, нет у них такого понятия, как юмор». – Фиш твердо помнил этот факт.

– О-о-о… да! Да! ДА!!!

«Эмили… что ж, пусть развлекается, я ей позволяю. Мы потом поговорим. Серьезно поговорим». И Мэтью, развернувшись, взял госпожу посла за локоток.

– Мне нужно было помочь Эмили найти подходящего партнера, чтобы освятить ритуал свадьбы. Подобные мелочи очень важны, дабы брак был счастливым и долговечным…

Госпожа посол кивала совсем как человек.

«Все можно исправить… Перун-громобоец и Себек-крокодилоголовый, дайте мне силы».

Сенатор и Т’хонг почти дошли до двери в зал, когда… приглушенный удар, отчаянный «ах!» толпы и пронзительный женский визг. Мэтью бросился вперед.

На полу сломанной игрушкой, черно-белой картинкой из комикса – девушка. Одна из добровольцев, сбежавших – у Мэтью не было в этом сомнений – со станции с’яу. По плиткам

пола медленно ползли темные, почти черные струйки. И свинцовая тишина в зале.

«Дура, забралась на балкончик и бросилась с него… Наверное, Эмили ее подговорила, чтобы сорвать мою политическую кампанию. Это – конец всему».

Мэтью спиной почувствовал, что посол Т'хонг неспешно направилась к выходу… У политика оставалось мгновение, чтобы сделать хоть что-то:

– Мариам… – его голос проникновенно дрогнул, – Мариам, прекрасная дочь Земли, своей жизнью и… своей смертью ты показала, как должно служить делу укрепления связей между нашими народами, нашими расами… – Голос Мэтью Фиша взлетал к балкам перекрытия и стелился по полу между рядами кресел. Он был непреклонным, как гранитные скалы, и переливчатым, словно весенний ручей. Голос завораживал и пленял. Фиш был факиром, силой музыки заставляя медлить змею. Толпа была змеей. А посол Т'хонг – ее ядовитыми клыками. Люди, подчиняясь голосу Мэтью Фиша, замерли, боясь пропустить хоть слово.

– Противники объединения твердят, что им не дают слова, что их не пускают на телевидение! Я, Мэтью Фиш, заявляю: я готов встретиться с любым оппонентом. Более того, я готов оплатить дебаты из своих личных средств! Чтобы каждый мог сам увидеть, кто прав. И пусть эти мерзавцы прилюдно ответят за смерть прекрасной голубки мира, Мариам!

Мэтью гневно воздел руку, и шквал аплодисментов заставил фалабеллу испуганно рвануть к выходу из мэрии. Цокали подковы по плиткам пола, эхо отчаянно металось меж стен. Спасаясь, конь щедро украшал пол лепешками навоза. Послышались смешки. И только тогда Мэтью позволил себе мельком оглянуться на госпожу посла.

Она стояла в дверях и дипломатично аплодировала. И слегка улыбалась.

(Исследования показывают, что после секса с ведущей шоу привлекательность гостя в глазах телезрителей возрастает на 5,3 %, если они об этом не знают, и на 27,2 %, если знают…)

Опра VI была единственной из ведущих «шоу Опры», кто продержался перед камерами три сезона; и ей намекнули, что контракт, возможно, продлят. Так что в постели с Мэтью Фишем, восходящей на политическом небосклоне звездой, – она была особенно убедительна. Впрочем, как и с его соперником днем ранее. Ничего личного, такая работа.

Сенсационное шоу! Мэтью Фиш и Джеф О'Лири, в недавнем прошлом его преданный помощник, а ныне – яростный оппонент, встретились в прямом эфире. Двое самцов сошлись в бескомпромиссной схватке перед камерами.

– …они прилетели к нам без разрешения, им не нравится наше патриотическое кино, скоро они потребуют наши рабочие места! – О'Лири был сегодня в ударе. – Мухоиды насилуют наших женщин, а мы должны терпеть и утираться?

– О'Лири, старина, – импозантный Мэтью Фиш уверен в себе и прекрасно смотрится в кадре, – с момента, когда с'яу удостоили нас своим визитом, на территории Штатов не было ни одного теракта. И даже в России прошли первые в их истории демократические выборы! Авторитет Америки никогда не был так высок. Все это – плоды терпимости и толерантности. А если говорить об экономике, то…

Самцы разбегались, сверлили друг друга взглядами, рыли копытом дерн.

– …потакание инопланетникам – следствие политической импотенции и трусости!

– …трусость – нежелание меняться! Проще вернуться в каменный век и пугаться теней на стенах, нежели работать над своими предрассудками…

Удар, треск, скрещенные рога! Сдавленный хрип ненависти, раздувшиеся ноздри. Земля летит из-под копыт. Самочка застенчиво смотрит влажными глазами…

– …и это говорит человек, который свою невесту подложил под мухоидов?

– …повторю: институт брака – важнейший американский институт. Мы не должны своими руками подталкивать разумных существ с альтернативным сексуальным поведением в пучину разврата! Раз мы признаем право представителей ЛГБТ-сообщества на брак… А это великое достижение демократии! Раз мы признаем, то почему не готовы разрешить брак с

представителями иной расы? Скажем, человека и фалабеллы? Или человека и с'яу, если это любовь, к примеру? По-моему, ты, О'Лири, оскорбляешь этим всех гей– и лесби-избирателей…

Молодой олень не может сдержать удар опытного рогача и заваливается на бок.

– …я с уважением отношусь к людям альтернативной сексуальной ориентации, к гей-американцам, к лесби-американцам. Но с'яу не являются американцами!

Матерый самец, вышедший победителем из десятков поединков, наносит добивающий удар! Мэтью Фиш вывел текст на планшет и показал его в камеру.

– Мной получено разъяснение Председателя Верховного суда Соединенных Штатов Америки. Если представитель расы с'яу подает заявление о натурализации, оно должно рассматриваться на общих основаниях. Иммигранты создали Америку, и она продолжает процветать и развиваться, в том числе благодаря им! И мы не позволим…

(Камера садистски задерживается на побелевшем лице ирландца. Перерыв на заставку передачи.)

Когда на экранах снова возникла студия, Мэтью Фиш выглядел так, словно за время паузы успел увести ведущую за декорации и там… Опра VI, мило зардевшись в кадре, одернула безупречно сидящую блузку:

– А теперь послушаем мнение телезрителей!

(Важно произносить эти слова бодрой скороговоркой, чтобы ни одна миллисекунда эфирного времени не пропала зря.)

Столь любимая возможность политикам попрактиковаться в остроумии, а зрителям – передохнуть перед ударной частью шоу. Съемки на улицах Детройта, в оклахомской глубинке, на палубе рыбацкой лодки. Предсказуемые вопросы, подбадривающие реплики, косноязычие и банальности. Джеф О'Лири и Мэтью Фиш идут ноздря в ноздрю, блистая красноречием.

И под самый конец блока:

– Мы вас слышим, говорите!

– Чтоб тебе гореть в Аду, молодой человек! Ты мне не сын больше, понял?

– Мама?

Что может быть лучше скандала во время шоу? Только хорошо подготовленный скандал! О'Лири ощерился удовлетворенно. Какой там олень-погодок? – хищник, тигр, саблезуб! Пальцы выбивают победную дробь по подлокотнику кресла.

Мэтью рванул с горла галстук и, глядя в телеэкран, где транслировалась картинка «с плохим зерном» (стандарт «полевого репортажа»), повторил: «Мама?» Замолчал. Опустил голову, уткнулся лбом в ладони.

Текли драгоценные секунды эфирного времени, и наконец Мэтью прошептал: «Ты не должна была так говорить… мама». А сверхчувствительные микрофоны сделали этот шепот достоянием мировой общественности.

– Опра, мой оппонент, в сущности, неплохой человек, – теперь, когда он фактически победил, Джеф мог позволить себе великодушие, – однако, когда я узнал, что даже его невеста…

Мэтью Фиш тяжело поднял голову, в его взгляде клубилась темная ненависть. Одна из камер пискнула и вышла из строя.

– …я сожалею, что позиция сенатора привела к ссоре с семьей.

– Хватит! – Мэтью Фиш грохнул кулаком. – У нас по программе вопросы телезрителей, верно? Или старина О'Лири уже покинул студию и уселся у своего TV где-то на Майами?

– Оставайтесь с нами после рекламы… пожалуйста!

(Катья Дубофф, она же Опра VI, не знала, что канал оставляет ее ведущей шоу ради этой фразы, произносимой столь жалобно, что даже у самого черствого зрителя не дернется палец переключить канал.)

– Должна ли была так говорить миссис Фиш? Опрос прохожих на улицах Нью-Йорка.

– Пять рядов лезвий бреют чище! Любой разумный выберет нашу бритву!

– Есть ли Ад? Эксклюзивное интервью с архивуду Церкви Толерантности.

– Финал ритуальной борьбы с'яу! Только на нашем канале! В поединке сойдутся Х'вар-четырежды-женатый и трехкратный чемпион мира Мехмет Асундбаев (кадры из полуфинального боя: ломаные движения боевого танца, много блоков и ударов предплечьями, неуловимый взмах руки и коренастый мужчина пляшет над телом противника).

– Добровольки вернулись беременными, какая же судьба ждет молодых матерей? Интервью со спонсорами фонда ООН: «За единую галактику».

– Есть ли шансы у Мэтью Фиша быть избранным в Галактический Совет?

(На заставке мелькнул синий шар и пчела над ним – символы Земли и корабля с'яу.)

Теперь – вопросы ведущей. Восставший из пепла сенатор Фиш дружелюбно и открыто улыбается в камеру.

– Мэтью, объясните, почему ваша борьба за право лиц, обладающих первичными мужскими признаками, принимать участие в ежегодных ритуалах с'яу встречает противодействие не только среди консерваторов, подобных вашему бывшему помощнику?

– А среди кого же еще? – Мэтью усмехнулся. – Как еще можно назвать…

– Пришельцы тоже против вашей идеи!

– С'яу? Наши соседи по галактике? Разумные существа с иной физиологией? – Казалось, Фиш задался целью перебрать все синонимы. – Почему они могут быть против? Что вы такое го…

– У нас в студии полномочный и чрезвычайный посол исследовательского корабля с'яу, миссис Т'хонг! Аплодисменты!

– Спасьибо… Мне бьольшая честь, от себья и всехь ньас…

«Боги мои! Огун-охотник и Мардук-небесный, за что караете? – Мысли метались в голове Мэтью Фиша, словно косяк ставриды, застигнутый акулой. Он видел голодный взгляд О'Лири, сидящего напротив. – У древних кельтов и ирландцев существовал обычай отрезать головы врагов, чтобы потом принести их в жертву богам…»

– …как вьидите, это продиктьовано забьотой о чьельовечески мужчина. Ми очьень ценим тот тьоплы отношение, которьо мистьер Фиш…

– Интере-есно… – врастяжечку произнес Джеф, – Фиш, ни один же идиот не согласится вот с этой… инопланетной тварью – трахаться. Это тебе не беззащитных девушек отдавать на заклание.

Мэтью проигнорировал выпад бывшего помощника.

– А если бы я не был человеческим мужчиной? Если был мужчиной с'яу? – Сенатор обращался только к Т'хонг. – Я бы смог участвовать в ритуалах?

– Самцом с'яу? – В огромных глазах посла мелькнуло неуловимое выражение, а может, просто блик света. – Но вьи не мьожете…

– Нет вершин, недоступных американскому патриоту! Дайте мне ручку и бумагу.

И написал Исторический Документ: «На время осенних ритуалов разумных существ с иной физиологией я, Мэтью Фиш, принимаю все права и обязанности разумного с'яу (самца)». Дата. Подпись. Отпечаток пальца.

– И да, старина, – Мэтью ткнул пальцем в ошалевшего О'Лири, – я сам стану первопроходцем. Сам отправлюсь на корабль наших друзей и партнеров с'яу!

(Аплодисменты в студии!

Бегущая строка внизу экрана бесстрастно сообщала зрителям:

«Отец Мэтью Фиша прилюдно отрекся от своего сына на ежегодном собрании жителей общины».

«Мать Мэтью сказала журналистам, что…»

«Старшая сестра…»)

Формальности перед путешествием на станцию с'яу заняли несколько недель. В

основном – общение с журналистами, автографы поклонникам, прививки и карантинные мероприятия. И главное – Мэтью Фиш остался единственным претендентом на место в Совете.

Настал день отправления. Президент встретился с ним перед входом в космический лифт. Крепкое рукопожатие, ритуальные улыбки перед фотокамерами. Напоследок президент наклонился к уху Мэтью и, подмигнув, напутствовал: «Давай, Фиш! Высоко неси звание первого самца Земли!» И показал согнутой в локте рукой, как именно Мэтью должен нести гордое звание.

Обязанности самца с'яу оказались необременительными. Даже пачка «Виагры», тайком пронесенная в багаже, осталась нераспечатанной. Раз в день приходила прекрасная девушка (вначале Мэтью испугался, что с'яу и впрямь похищают человеческих самок; на третий день обнаружил, что у партнерши нет пупка, и успокоился). Девушки, как одна, были девственницами, они принимали его ласки и уходили. Молча. Это нравилось сенатору. И женщины были в точности такие, как ему нравятся.

«А сегодня… – Мэтью оглянулся на девушку (скорее девочку лет двенадцати), натягивающую невесомые трусики. – Ой-ой. Только в Голландии такое возможно или в Бельгии? Где к власти пришла партия: «Милосердие, свобода и разнообразие»? На самом деле я не такой, – это все безмерное радушие с'яу!»

Девочка вильнула худой попкой и вышла. Мэтью Фиш, сенатор от штата Нью-Йорк, будущий представитель Земли в Галактическом Совете, откинулся на подушки. Задумался.

Секс-миссия подходила к концу, все задачи выполнены, его ждало политическое будущее, которому О'Лири замучается завидовать. Но… почему-то Мэтью кажется: ему восемь лет, и большие парни продали за четвертак леденец, что оказался стекляшкой на палочке. Неприятное ощущение.

В голове словно лампочка вспыхнула, как в комиксах рисуют: раз, и дошло!

«Это не настоящие инопланетяне! Это же… подделка под людей! Вельзевул и Ктулху, семь якорей вам в задницу! Обманули! Мне не дают реализовать права самца с'яу! Если не добьюсь своего – окажусь лохом, которым можно вертеть; а пост в Совете будет пустышкой!»

Сенатор вскочил с кровати и начал поспешно одеваться. Ну, он им задаст сейчас!

Уж что-что, а скандалить Мэтью Фиш умел.

– Ви не поньимать…

Разговор ходил по кругу. Посол Т'хонг, спешно доставленная с Земли, казалось, похудела за время беседы на пару размеров. Вокруг нее витал сладковато-дурманящий запах, настырно лезущий в нос и отвлекающий Мэтью от серьезного разговора. А еще этот запах возбуждал, как ни одна из девушек-бяо в постели.

Посол уже рассказала, что искусственно выведенные бяо – великое достижение их расы; что добровольки – да, с ними тоже занимались любовью бяо, не грязным же самцам это доверить? Что каждая из бяо, с которой он, Мэтью Фиш… передала его генетический материал самке с'яу. Чем он внес неоценимый вклад в поддержание разнообразия и взаимопонимания.

Но Мэтью был неумолим: подавай ему настоящую инопланетянку, и все!

– Ведь ваши самцы имеют право… – гнул он свою линию. – Вам нужен в Совете толерантный к особенностям с'яу представитель Земли?

– Мьетью, – почти человеческим движением устало потянулась Т'хонг, – не всье наши самцы право имьеют. А вьяши слова про худшие отношения непьявельно говорить мне…

– Я недостаточно высокопоставлен?

– Ньапротив, ценный агьент, ви… Обьично ето прьеступльение… нарушитьели закон…

Но Мэтью прекрасно умел не слышать то, чего не хотел:

– Итак, нет ни одной веской причины отказать в реализации моих прав как самца с'яу.

– Ето забьота о сьямках с'яу, – наконец нашлась госпожа посол, – культурны шьок. Да!

Шьок, при всьаимодьействии сь самцьом чьеловьека… с расьюмным мужчьиной, – поправилась она.

Мэтью расплылся в улыбке. Он подготовился к этому аргументу.

– А как же вы, госпожа посол; вы ведь давно живете среди нас? Вам-то культурный шок не грозит! И опять-таки: помните о плодотворном сотрудничестве в дальнейшем!

Зеленокожая Т'хонг посмотрела на представителя дружественной разумной расы, покачала головой, украшенной рожками, встала и начала медленно раскручивать ритуальное сари.

Все прошло чудесно. Больше всего Мэтью волновался, когда госпожа посол обнажилась и он не увидел между ее стройных ножек… ну… в общем… Последний раз он был в такой растерянности в девятом классе, прежде чем потерять девственность на заднем сиденье отцовского «Кадиллака». Тоже не знал – куда. Но тут Т'хонг что-то сделала, по ее телу прошла волна, и чешуйки раздвинулись, обнажая нежно-розовую мякоть.

«Ха! Инопланетянка пыталась убедить его, что не каждый самец может доставить достаточное удовольствие женщине и разгневанная любовница – это, дескать, небезопасно! Он – не какой-то там самец, он – Мэтью Фиш! И томная, довольная, зеленокожая любовница – лучшее тому доказательство. Вот она лежит, отдыхает».

Мысли текли неспешно, дремотно.

«Аматэрасу о-миками, Гуань-инь-исцеляющая и Йингарна-радужная – вы бы тоже были удовлетворены вполне! И теперь в Галактическом Совете у Земли заслуженно будет два места, ведь Т'хонг тоже член Совета! А женщина, что переспала с мужчиной, всегда – вольно или невольно – в его власти, под его влиянием».

Человек перевернулся и хозяйским взглядом окинул инопланетянку. А что? Хвостик (пусть ученые мужи говорят, что это – яйцеклад) – вполне пикантно, чешуйки на теле очаровательны; а шесть небольших грудей… м-м… Мэтью Фиш протянул руку, погладил нежно-зеленую плоть и по-хозяйски крутанул сосок. Он любил, когда партнерша вздрагивала в этот момент. И не успел понять, что произошло потом. Только глаза моргнули несколько раз, да рот глупо приоткрылся, когда голова Мэтью-так-и-не-ставшего-членом-совета покатилась по полу.

Т'хонг В'эл'тер, матриарх с'яу, третий капитан корабля, посол на планете XP-184-R12, действительный член Галактического Совета, сидела над телом идиота-любовника и грустила.

– Прокльятые инстинкты! – прошипела матриарх; благо она могла не сдерживаться и ругаться, сколько обоим сердцам угодно. Теперь сожалей не сожалей, все одно – клинки, раскрывшиеся из предплечий, окрасились человеческой кровью». Т'хонг вытерла их о простыню и скривилась.

«Я-то думала, что владею собой… Грязный самец!»

Отсеченная голова удивленно смотрела на госпожу посла.

– До изобрьетения бяо смьертность самцов дохьодила до сорока процьентов, – сообщила голове Т'хонг.

«Ладно, все равно ты был поганым любовником. Хотя жаль. Мужчина, переспавший с женщиной, всегда будет в ее власти… хорошая складывалась политическая комбинация, да».

Мышцы, наконец, расслабились, и Т'хонг смогла убрать костяные кинжалы на отведенное им место. Чешуйки на руках задвигались, и через несколько секунд госпожа посол снова выглядела нежной и беззащитной.

«Природа поставила нас выше мужланов-самцов – и мы должны сохранять свою естественность!»

По животу матриарха прошла дрожь, она выдавила из себя человеческое семя и вышла, не оглянувшись на коченеющее тело.

Дмитрий Ахметшин
Дезертир

Индеец племени лакота, начинающий шаман по прозвищу Кусающий Волчонок, сидел на корточках, трогая руками свежий снег. Пальцы щипало, и Волчонок блаженно жмурился. Это был стройный, высокого роста молодой человек в одежде из бизоньей кожи, подпоясанный ремнем, на котором висели мешочки с травами и нож в ножнах. В его волосах покачивались на тоненьких ремешках какие-то зубы, когти, клыки всяких животных, а левое ухо оттягивала костяная серьга из фаланги человеческого пальца.

– По Черным Холмам тебе его не догнать, – сказал Кость и качнулся в ухе Волчонка.

– Ты слишком болтливый для Кости, – заметил тот. То ли вслух, а то ли про себя. Дух, живший в талисмане, не нуждался в движении губ, чтобы услышать Волчонка.

След лежал перед ними. Не совсем четкие отпечатки уходили вверх по холму, теряясь в жухло-зеленых проплешинах под деревьями.

– Он был здесь на рассвете. Он тебя по-прежнему опережает. Ты не смог даже сократить разрыв во времени.

Кусающий Волчонок промолчал. Второе утро Месяца Падающих Листьев выдалось на редкость холодным. Похоже, зима будет снежной и тяжелой – бизоны опять уйдут на юг, и племенам придется последовать за ними…

Вчера в лесу он нашел под древней елью ружье, которое наверняка принадлежало белому человеку. Рядом – горсть патронов.

Кусающий Волчонок растоптал патроны, а ружье сломал, ударив прикладом о ствол дерева, и закинул его в кусты. Он пошел по едва различимым приметам, что открываются любому охотнику – здесь сломанная веточка, там растоптанный гриб или примятая трава. Тогда он думал, что настигнет незваного бледнолицего гостя у Лисьего ручья. Но ручей он пересек еще до рассвета и уже поднялся почти до вершины холма, а беглец так и не показался.

На самом деле, этого просто не могло быть. Волчонок обрел имя на этих холмах, две зимы учился здесь общаться с Духами и Предками, исходил все – от Медвежьего Дома до Плохих Земель. Белый человек же, только ступив в тень священных холмов, должен был помутиться разумом и уйти вслед за шорохами леса куда-нибудь на болота. Однако ж…

На него, прядя ушами, взирал олень. У этих гордых животных есть дар незаметно возникать из листвы деревьев или тумана и так же незаметно исчезать. Олень не собирался играть в исконную игру «убеги-поймай» – человек пришел не за добычей, и он это знал.

Волчонок вгляделся во влажные глаза оленя цвета речного ила, почувствовал, как ноет его отбитое о камень копыто, услышал, как вбирают воздух ноздри. Он пасся здесь два часа назад и видел, как прошел белый человек. Видел, как вело его другое детище лесов, а над ним, в свою очередь, простиралась сила кого-то, могущего дотянуться до силы этих холмов.

Волчонок никогда не бывал одинок в лесу, в горах или где-либо еще. Он слышал щебет белок, чувствовал, как ласкает солнышко спину пригревшегося на камне варана, слышал, как дышат в темных ложбинках под нависающими камнями летучие мыши.

«Ему помогают Духи», – шептала тем временем ему на ухо костяная серьга.

Олень развернулся и исчез в чаще, бесшумно качнулись задетые рогами ветки.

«Ты можешь их отыскать и спросить?»

«Они мне не ответят. Ты знаешь, кому ответят».

Да, Кусающий Волчонок знал.

Он сошел с тропки, по которой шел белый человек. Дальнейший путь лежал через ущелье, по которому ленивой змейкой тек ручей, между трех больших муравейников, похожих не седые старческие головы, поросшие бородой и усами, по упавшему бревну через бурелом.

В подарок Помнящему Предков он взял из муравейника несколько маленьких камешков – никто не знает, зачем муравьи собирают их, но каждый обладает силой, а

мудрый шаман способен через них говорить с Духами – и отвязал от волос коготь орла на лоскуте кожи. Один из самых сильных его оберегов. Кусающий Волчонок, тогда еще едва вставший на путь шамана, нашел огромного мертвого старого орла и отогнал от него койотов. Гордые птицы летят умирать в Черные Холмы, а этот не добрался до священного места совсем немного, буквально пары взмахов могучих крыльев. Волчонок попросил у духа покровительства, и с тех пор коготь вплетен в его волосы.

«Ты расстаешься с очень сильным духом», – пропела костяная серьга.

«Знаю. Ты очень с ним сдружился, но этого духа я хочу подарить великому человеку».

Кость помолчала.

«Мы не знаем, что такое дружба и привязанность. Я запросто могу стать оберегом другого воина, даже из другого племени, если на то будет твоя воля и если он докажет, что достоин того».

«Вы знаете, что такое верность», – сказал Волчонок, хотя и не понимал – если люди могут чувствовать привязанность, почему духи не могут? Это же высшие существа, они гораздо ближе к природе, чем мы…

Волчонок с трудом продрался через густые заросли облепихи. Когда-то во время пляски горных духов здесь случился обвал, и теперь полянка перед пещерой была усеяна камнями самых разных размеров, уже поросших мхом и кустами терпкой лесной ягоды. Вход в пещеру скрывался за пристройкой из самых крупных камней и походил на одно из приземистых строений белого человека. Белые люди прячут вход за дверью и вешают тяжелые засовы, чтобы сберечь свои жалкие сбережения. Здесь же двери не было, от полуденного солнца вход закрывала плетеная занавеска. Из щелей между камнями торчали высушенные пучки трав и цветов, в стороне на плоском валуне сушились тушки зайцев.

Волчонок вошел в пещеру. В ней пахло дымом, смешанным с запахом камня и горьких трав. Посреди пещеры тлели угли, по потолку и стенам ползали, как болотные улитки, лиловые пятна. Было жарко и душно.

Помнящий Предков был здесь, он плавал в дыму, как гадюка по туманному болоту. Шаман вдыхал дым от тлеющих пучков трав и разрисовывал стены. Рука с меловым камнем выписывала на стенах пещеры причудливые растения и чудных животных, одни духи знают, в каких грезах они привиделись великому шаману.

Ростом Помнящий Предков едва доставал Волчонку до середины груди и казался скорее усохшим пнем. Волосы были заплетены в две косы и спускались до самой земли.

Между сжатых в линию тонких губ просачивались тягучие звуки, мало напоминающие речь лакота или какого-то другого племени.

– Раханда, – позвал Волчонок его древним именем. Ему было неловко отвлекать шамана от общения с камнем, но ждать, пока тот соизволит заметить гостя, не было времени.

Шаман медленно повернул голову вправо, потом влево, краем глаза увидел гостя, моргнул; рука выписала зигзаг и добавила к рисунку листья, как у ядовитого плюща.

– Раханда, это я… – Волчонок сделал четыре шага, продираясь сквозь дурманящий дым, коснулся плеча шамана.

Помнящий Предков вздрогнул и выронил мел. Резко обернулся.

– Кусака! Нельзя же так пугать! Ты чуть не изгнал из меня последних духов!

Кусакой Помнящий Предков называл Волчонка в ту пору, когда тот жил в этой самой пещере и днями и ночами бродил с наставником по холмам.

– Но ты же меня видел…

– Я думал, предки опять посылают мне видения, – Раханда обезоруживающе улыбнулся.

Волчонок улыбнулся в ответ.

– Помнящий Предков, ты знал, что я приду.

– Ты меня сильно напугал, мальчик. – Старик покачал головой. – Здесь так редко бывают люди, что я уже отвык от их запаха. Будешь похлебку? У меня уже все готово, на двоих как раз хватит.

Шаман направился к кострищу.

– Поесть я загляну как-нибудь в другой раз, – ответил Кусающий Волчонок. – Принесу с собой оленьего мяса, мы будем есть и курить трубку…

– Есть и курить трубку мы будем сейчас, – ответил шаман. – Я это предвидел.

Он снял с раскаленных камней две глиняные миски, в которых дымилась ароматная жидкость. Сухие пальцы выхватили из костра пару угольков и бросили их в похлебку, по одному в каждую миску. Между делом он проронил:

– Белый человек идет в Пещеру Ветров.

– Искать желтый металл?

– Этому сокровища не нужны. Мы спросим сегодня духов. В том числе и о том, почему ты не смог его догнать.

Они поели. Волчонок высыпал на плоский камень, заменявший стол, камешки из муравейника и аккуратно положил коготь орла с лоскутком кожи. Помнящий Предков усмехнулся.

– Ты хочешь сказать, что я уже старая развалина и не могу добыть себе талисманы для ритуалов?

Волчонок открыл было рот, но старик оборвал его взмахом руки.

– Не говори ничего. Я и правда уже слишком стар, ты не можешь представить себе, насколько… Даже пыль не поднимается следом за моими ступнями. Обленилась, – добавил он ворчливо. – Спасибо за подарки – они придутся как нельзя кстати. А теперь садись, я расскажу тебе кое-что. Знаю, ты выпрыгиваешь из штанов, чтобы поплясать вокруг костра и броситься в погоню, но обожди немного.

Он добыл из углубления в камне, служившего импровизированной полкой, две трубки, принялся неспешно набивать их табачной смесью из кожаного мешочка.

– Что ты знаешь о тех, с кем сражается твой народ?

– Они… – Волчонок помедлил, подыскивая слова. – Каждый белый человек видит доблесть в том, чтобы выторговать у тебя в обмен на топор как можно больше шкур, а не в том, чтобы одолеть врага в честной схватке или выйти с одним ножом против когтей и зубов медведя. Белые люди приплыли с востока на больших кораблях, подчинили огонь и заключили его в ружья. У них есть сила и упорство, есть коварство. Их лихорадит от металла цвета солнца, а в глазах при виде него появляется нездоровый блеск. Они не просят прощения и не приносят жертвы духам.

– Точно. Настоящие дьяволы, да? – хитро прищурился Помнящий Предков.

– Кто? – не понял Волчонок.

– Дьяволы. Злые духи.

– Но духи не могут быть злыми… Духи – это знаки, которые выписывает в воздухе падающий лист, следы, что когтями оставляет на дереве медведь, это дождь и гроза…

– Я воспитал в тебе прекрасного оратора, – с удовольствием сказал старик. – Племя пойдет за тобой, если Скачущую Лошадь заберут к себе праотцы. У белого человека есть легенда о дьяволах – злых духах, которые ничего не созидают, а только идут по пути разрушения. Но мне кажется, он сам и есть – дьявол.

Волчонок хотел спросить, откуда шаману известно о духах белого человека, но тот сказал нечто, что заставило Волчонка поперхнуться вопросом.

– Ты все правильно о них сказал, мне остается только обобщить: они метят во владыки мира.

– Как такое может быть? Мир – это же то, что нас окружает, верно? Бескрайность прерий, зелень лесов, дожди и грозы, мы – это те же звери… как у всего этого могут быть владыки?

– Для них мы и есть звери, – сказал старик. – Мы и звери – так сказал бы тот, за кем ты так упорно гоняешься, и любой другой из их белой братии. Звери там, а люди тут. И звери должны отдавать им шкуры, кости и мясо. И так же все остальное – вода из горных рек должна находиться в их кувшинах, рыба – на их тарелках. Поэтому – только властвовать.

Конечно же, Волчонок видел своими глазами очищенные от леса и травы их земли, засеянные пшеницей, имеющей цвет золота. Видел гниющие останки животных, из которых вырезали все самое вкусное, а остальное выбросили под солнце. Но впервые ему ткнули пальцем (костлявым и с длинным зеленоватым ногтем) на самое главное. Белый человек пришел, чтобы властвовать.

– Неудивительно, что к ним духи питают только злобу, – покачал головой Волчонок.

Помнящий Предков показался ему совсем маленьким. Он сидел на своем камне, бессильно опустив руки и потупив взгляд. Косы свисали по обеим сторонам обтянутого кожей черепа, словно мертвые змеи.

Какое-то время они сидели молча. Угли светились кроваво-красным цветом, откуда-то появились и принялись кружить вокруг них мотыльки. Волчонок понял, что ритуал уже начался. Он увидел, как растут на потолке сталактиты, услышал чей-то негромкий смех…

Помнящий Предков зашевелился, плюнул в кострище, не в самый центр, а на лежащие рядом горячие камни. Слюна зашипела и внезапно взметнулась язычками пламени. Не успевший улететь мотылек неуклюже взмахнул подпаленными крыльями и рухнул вниз.

– Этот мальчишка, зачем, по-твоему, он ушел от своих и пришел в наши холмы? Я думаю, не для того, чтобы выкопать свой горшочек с золотом.

Волчонок кивнул. Во рту пересохло, и он не мог выжать из себя ни слова.

Эту ночь духи разговаривали только с Помнящим Предков. В дыму, который наполнял пещеру, Волчонок видел обступившие старика тени, он сам словно бы стал бесплотным существом. Сквозь худосочное тело шамана, кажется, даже просвечивали камни. Некоторые из обступивших старика были вполне человеческих очертаний, у других в клубах дыма угадывались головы кабана, бизона, медведя и каких-то еще животных. Волчонку осталась роль наблюдателя, и он наблюдал, боясь пошевелиться, как медленно, с тягучестью тумана, перемещаются гости, как накладываются друг на друга их прозрачные тела.

Старик внезапно шагнул сквозь бесплотные фигуры и оказался совсем рядом с Волчонком.

– На самом деле я умер, – доверительно сообщил он ему. – Мое тело и мой дух больше не вместе, их склеивает змеиный яд у меня в сердце и желание посмотреть, чем же кончится эта история. Когда вернешься к вождю, попроси его отпустить четырех воинов, чтобы отдать мое тело медведям. А ты спи, Волчонок. Это сокровище вряд ли будет тебе доступно в последующие дни. Когда проснешься, ты пойдешь к Пещере Ветров и найдешь там то, что искал.

И Волчонок уснул, почувствовав напоследок, как ткнула в спину земля. Сны редко покидали его по ночам, но сегодня за порогом была только темнота – до тех пор, пока под веки не просочился яркий солнечный свет.

Он очнулся на полянке, полуденное солнце гладило волосы и заливало глаза. Деревья обступали небольшую лесную поляну. Пахло медом и полынью, над головой жужжали пчелы. В ушах почему-то звучал смех Помнящего Предков.

Волчонок поднялся на ноги и пошел к вздымающимся из-за деревьев каменным уступам. В подлеске лиса учила выводок из четырех лисят выслеживать полевку. Она заметила Волчонка и пожелала удачи в охоте. Там дальше будет порожистая речка, около которой любят греться на солнышке, развернув крылья, темно-синие бабочки. Потом звериная тропка, пробегающая меж валунов и горных сосен, которая упирается в священную Пещеру Ветров, из которой когда-то вышел его народ – лакота.

Белый человек сидел у входа в пещеру и жевал травинку. При появлении краснокожего он вскочил, застыл, словно лань, до которой ветер донес тревожный запах. Несколько камешков выскочило из-под сапог и покатилось с холма вниз, подпрыгивая на кочках.

Подняв от удивления брови, Волчонок увидел лисицу, жавшуюся к ногам белого человека. Он узнал Нюхача, спутника Помнящего Предков.

Человек издал невразумительный звук, будто хотел что-то сказать с набитым листьями

ртом. Прочистил горло и тщательно выговорил:

– Этот лис привел меня сюда. Он встретил меня у подножия ваших холмов и два дня вел к этой пещере. Помогал добывать пищу – разных мелких птичек и яйца.

– Я нашел твое ружье, белый человек. Нашел и сломал, – сказал лакота.

– Мне оно больше не нужно. – Человек с трудом выдавливал из себя слова. – Я не хочу никого убивать. Мое имя Джек.

Индеец опустился на корточки и смотрел теперь на белого человека снизу вверх. В выпученных, как у совы, глазах отражалось заходящее солнце. У его ног скопился туман.

– Мое имя Кусающий Волчонок, и я из племени лакота. Давай сядем, вдохнем дым из моей трубки и будем говорить.

Скоро посредине холма уже разгорался костерок. На небе появились первые звезды. Джек смотрел, как тают последние отблески заката, и вполглаза наблюдал за индейцем. А тот мял в пальцах засушенные травы, которые извлек у себя из-под пояса, подпаливал их и оставлял тлеть у самого края костра. Лис отбежал к самой кромке леса и уселся там, сверкая на людей глазами.

Негромкий и липкий, как болотная земля, голос шамана стелился по земле.

– Чти огонь, он священен. В пламя нельзя бросать мусор и объедки, если ты хочешь покормить огненного духа, отдай ему лучший кусочек мяса или иной пищи. Можно складывать рядом с огнем пепел из курительной трубки и лечебные травы. Можно сжигать волосы, ногти, перья – духу нравятся такие подношения.

Джек молчал.

– Это священное место для нас, – вздохнув, сказал Волчонок. – Ты топтал наши заповедные земли. Для чего ты пришел сюда?

Дожидаясь ответа, он извлек откуда-то из складок одежды длинную деревянную трубку и принялся набивать чашу табаком, добавив в нее тлеющих трав, хвои и огня.

Наконец, собравшись с мыслями, Джек взглянул прямо в глаза аборигена.

– Той ночью, два дня назад, я просто понял, что не могу жить так дальше. Я уплыл сюда в поисках приключений и богатств. Приключения, конечно, первостепеннее, видишь ли, я хотел написать книгу… если ты знаешь, что такое книга. А нашел только кровь, – он показал свои руки ладонями вверх. На них налипли грязь и травинки. – Назад идти было нельзя. Знаешь, как поступают у нас с дезертирами?..

Волчонок молча протянул ему трубку; Джек аккуратно затянулся, глядя на шамана. Его голову наполнил горько-сладкий дурман.

– Господи, как только не описывали этот континент… Золотая земля, земля, полная природных богатств, где деревья плодоносят яствами, соленые озера хранят большие жемчужины, а земля бесценна и в то же время ничего не стоит. У меня была мечта. Вряд ли ты, дикарь, сумеешь понять… Я хотел построить дом, с двумя этажами и чердаком. Привезти сюда свою любимую. Делов-то всего – малость помочь новообразованным Соединенным Штатам освоить эту землю. И ни слова о каких-то дикарях. А вместо этого нам дали в руки ружья.

Волчонок выдохнул струйку дыма.

– Ты хорошо говоришь. Искусство говорить картинками очень ценится в племенах. Но я чувствую твой страх. Мы курим с тобой трубку мира, тебе нечего меня бояться. Мы не шакалы и не стервятники.

– Возможно, но… вы же гложете человеческие кости и вставляете их себе в уши и ноздри. Молитесь черепам и поклоняетесь грозе. Вы, словно дикие звери, деретесь за добычу с волками и шакалами. В вас нет ничего христианского.

– Что значит – христианского?

– Христианское – это святое, священное.

– Священное? Это как, например, кровь?

Джек достал из отворота рубахи крестик на медной цепочке, показал его индейцу.

– Вот это священно. И Библия священна. И все дела Церкви…

Волчонок перебил:

– А для нас – озера, небеса и туманы, муравьиные города и орлиные перья. Убить в одиночку нескольких взрослых воинов чужого племени, оседлать мустанга и не позволить ему сбросить тебя вниз. Священны любовь и дети, священен ветер и огонь, что подрумянивает мясо и делает его вкусным и хрустящим. Чтобы все перечислить, не хватит и жизни. А вы своими ружьями, жадностью и невежеством все это разрушаете.

Джек поглядел в глаза человека, сидящего по ту сторону костра.

– Извини… – выдавил он. – Я… клянусь, я не поджег ни одной хижины, не убил ни одной женщины… надеюсь даже, что и ни одного мужчины, ибо мушкет у меня в руках обычно ведет себя, как выросший в прериях мустанг. Если честно, я даже не знаю, зачем его брал, когда бежал из лагеря. Все равно бы никого не застрелил.

– Не ты, так другие. Рано или поздно мы уйдем в горы, будем отступать до этой самой пещеры, до последнего воина, до того момента, как имя «сиу лакота» станет историей. Хоть мы постараемся, чтобы оно стало еще и нарицательным, именем стойкости и чести, рано или поздно они все равно втопчут эту землю в пыль равнин.

Он замолчал. Они молчали так долго, что на небо, нашаривая путь среди верхушек елей, успел вскарабкаться месяц.

– Я шел следом, чтобы тебя убить, – глядя в глаза белому человеку, в конце концов сказал Волчонок. – Это священная земля, на которой не было и не должно быть ноги чужака. Мы, сиу лакота, вышли из этой пещеры в поисках красоты и гармонии с духами. Нас позвали орлы, и мы поднялись высоко в горы, нас позвали лошади и бизоны, и мы спустились с холмов, мы дошли до прерий на востоке и большой воды на западе, но всегда чтили эти холмы и эту пещеру, как чрево своей матери.

Джек попытался унять дрожь. Напротив него сидит не человек, не просто дикарь – сама мятежная природа беседует с ним за горьким дымом.

– Прости. Я пришел сюда вслед за этим зверьком, попытался войти в пещеру, потому что, как мне показалось, мой рыжий хвостатый друг хотел, чтобы я так поступил.

Джек замолчал. Волчонок ждал, завернувшись в полы своих одежд, похожий на огромного филина, и Джек продолжил:

– Там было светло… я видел всю пещеру как на ладони, до противоположной стены. Там было много раскрашенных камней. Одни большие, размером с медвежонка, другие поменьше. Еще были кости, тоже раскрашенные в разные цвета, а черепа разрисованы узорами. И очень затхлый воздух. Потом у меня сильно закружилась голова, и я вышел из пещеры. Вот и все.

Джек беспомощно пожал плечами и улыбнулся, но улыбка сползла с лица, когда он взглянул в лицо собеседника.

Волчонок хмурился. Волчонок перебирал пальцами браслет из полированной кости.

Сам того не сознавая, белый человек увидел одну из тайн народа лакота. Если под своды пещеры войдет любой белый человек… да что там белый человек, к примеру, ирокез или майя, то не увидит там ничего. Для них пещеру пронизывал сильный ветер, который гасил любое пламя.

Для глаз же любого из племени лакота – это сокровенное место, место для бесед с духами и предками. Волчонок сам когда-то провел среди раскрашенных камней и черепов трое суток.

Сквозь ватный вечер, сквозь потрескивание огня и собственное дыхание ему вновь послышался далекий смех Помнящего Предков.

– Это место и есть наша величайшая тайна, – проронил Волчонок. – Нет, я не буду тебе про него ничего говорить. Раз ты там оказался, значит, на то воля духов.

Джек сглотнул комок в горле.

– Что мне делать?

– Об этом я должен спросить тебя. Ты ушел от своих. Куда ты пойдешь теперь, когда обратной дороги нет? Ты можешь вернуться. Нет, не в свое племя – а к нам. Мы примем тебя

как своего. В тебе нет жажды крови, внутри тебя не живет мятежный дух. А можешь довериться духам, спуститься с холма по другую его сторону, уйти в прерии и навсегда покинуть Черные Холмы.

Джек пораженно воззрился на индейца.

– Ты зовешь меня в свое племя, несмотря на то, что я, может быть, убивал твоих сородичей?

– Смерть идет рука об руку с нами от первого крика до последнего вздоха, – гордо ответствовал индеец. – Умирая, ты отдашься земле. Расползешься червями, твои кости послужат пищей для диких зверей, кожа потянется к солнцу свежей зеленой травой. Ты станешь всем – и ничем, твой дух будет носиться с ветрами по всему миру. Мы готовы к смерти.

Джек поднялся на ноги. Тряхнул головой и улыбнулся.

– Я понял. Спасибо. Пожалуй, я просто уйду. Все эти тайны, пещеры, Черные Холмы… все это принадлежит вашему народу, а я здесь чужак и останусь им.

Кусающий Волчонок поднялся следом.

– Тогда иди в степи. Пусти там корни, оставь семена – чтобы они взошли, тогда все, до последней веточки полыни будет принадлежать твоему народу. Но и позаботься о том, чтобы остались те, кто будет в лесах проводить обряды, кто взойдет на эти горы, чтобы сплясать Танец Солнца и Танец Ветра. Кто будет соревноваться в беге с волками… Иначе этот мир не протянет и двух сотен лет. Слышишь?

Индеец дождался кивка и продолжил:

– Ты один, поэтому другие племена тебя не тронут. А на поддержку лакота ты можешь рассчитывать всегда. И прими от меня маленький дар, взамен того оружия.

Волчонок развязал пояс, мешочки с травами и нож в ножнах беспокойно качнулись.

– Поверь, в лесу это пригодится. – Лакота помолчал и добавил: – Несмотря на то, что ты не нашей крови, в тебе живет кто-то беспокойный и мудрый, кто придает твоим глазам способность видеть неведомое.

– Может, и так, – улыбнулся Джек. – Спасибо. Быть может, мы еще встретимся, индеец.

Он застегнул на себе подаренный пояс и, не оборачиваясь, стал спускаться с холма.

Ни Кусающий Волчонок, ни другие люди лакота больше ничего не слышали о странном белом человеке. Через полгода, весной 1877-го уставшие от бесконечной войны сиу начали складывать оружие и сдаваться, а самые непокорные под предводительством вождя Сидящего Быка вынуждены были оставить Черные Холмы и откочевать в Канаду. Кусающий Волчонок остался среди тех, кто до последнего защищал священное место – сначала оружием, потом словом, участвуя в переговорах с генералом Круком, но им так и не удалось сделать ничего существенного: всего через год холмы наводнили золотоискатели.

Ольга Дорофеева
С жемчужными крыльями

– Везде это чертово отродье… – злобно пробормотала растрепанная прохожая неопределенного возраста. Сама она, дерганая истеричка с усталыми глазами, тоже никакой симпатии не вызывала, но в целом Константин был с ней согласен. Хотя одно дело – бормотать под нос, а другое – выйти на улицу хотя бы с бейсбольной битой. Ага. Константин мечтательно улыбнулся, представляя себя, высокого и мощного, над растерянными и улепетывающими в разные стороны синими.

На самом деле, никакой биты у него отродясь не было. Это у них, в Америке, синих бьют битами, а в России оружие простое. Нож. Охотничий, десантный, да просто кухонный. Лишь бы острый да подлиннее. И есть у него такой.

Вечером Константин отправился прошвырнуться с друзьями. Пучеглазая с первого этажа, как всегда, пялилась в окно, мелко тряся двойным подбородком. Никогда ни «здрасьте» тебе, ни «до свидания», а смотрит, словно следит и запоминает. Раздражало это

Константина, но, с другой стороны, как-то и вдохновляло.

«Ничего, – думал он, – с синими покончим, потом со своей нечистью разберемся».

Выйдя из двора, он свернул налево, мимо обшарпанной глухой стены на узкую дорожку сплошь из ям и выбоин; на развилке пошел вдоль соседнего дома, хотя в последнее время предпочитал более длинный путь, через гаражный кооператив. Дорога там была хуже, вся в глубоких невысыхающих лужах, но зато очень уж грел Константина вид ворот в собственный гараж, за которыми жил новенький «хундаевский» флаер. Подойдя сбоку, Костя ласково шлепал ладонью по шершавому крашеному полотну и прислушивался. Флаер, естественно, молчал, – только блестел, наверное, серебристыми ручками в темноте и удивлялся постороннему шуму. Константин улыбался: нет, не жди, в такую грязь хороший хозяин новый флаер не выведет, вот выпадет первый снег, тогда…

На «банке», небольшой площадке посреди газона, с клумбой, давно превратившейся в урну-пепельницу, уже сидели Жеря и Иван.

– О, а ты чо, без пива? – дружно закричали они, хлопая Константина по открытой ладони.

– Демыча еще нет? – так же в тему ответил он. Нашли дурака. Пиво им носить, как же!

Константин считал и Жерю, и Ивана ниже себя «по рангу» в их маленькой «боевой единице», поэтому его злило, что они, похоже, так не думали. Хорошо еще, если они вообще не думали что-то противоположное – а иначе с чего такие наезды про пиво? «Или я слишком мнительный? – терзался Константин. – И они это так, по глупости? Без задней мысли?»

Старшим и главным был, конечно, Демыч. Иногда он приводил с собой друзей – таких же крутых и не очень разговорчивых. Эти тоже были вне конкуренции. Но следующим на иерархической лестнице должен был стоять Константин! Спортивный, решительный, умный. Инженер-конструктор. Не то что эти убогие тупицы: ни роста, ни мускулов, образование – старшая группа детского сада. Если Жеря хоть трудился где-то на ниве жилищно-коммунального хозяйства, то Иван был полукриминальным безработным. Вон, на бутылку пива денег нет.

В этой ситуации обижало, что Демыч не видел между ними особой разницы. Никак не выделял Константина. Только иногда Костя ловил на себе задумчивый взгляд серых глаз, – но вожак быстро отворачивался, а то и вовсе начинал разговор о чем-то постороннем. «С чего гляделки эти?» – думал Константин. Оценивает, прикидывает, насколько можно доверять? Подбирает зама, не иначе! Или даже хочет собрать новую группу бойцов, ищет себе замену! «Такое бы сделать, чтоб доказать! – У Константина дух перехватывало. – Только что?»

– Отойдем, – Иван слегка наклонил голову, показывая глазами на проезжую часть, над которой медленно парил двухместный полицейский флаер.

– Чего ты боишься? – усмехнулся Константин. – Стой спокойно, не отсвечивай.

– Это ты ничего не боишься, – непонятно, то ли с уважением, то ли с издевкой ответил приятель. – Слышал, на севере синие убили девчонку? Теперь ждут, что наши пойдут их мочить. Защищать теперь их будут, уродов.

– Убили? – удивился Костя. – Зачем?

– Ну, ты скажешь, – Иван осуждающе хмыкнул, а Жеря, поддерживая друга, смачно сплюнул на погибшую клумбу. – Они же выродки, каракатицы! Венеру свою просрали, а теперь хотят нашу Землю захватить.

Один из «каракатиц» вертелся неподалеку, не решаясь подойти к замусоренной площадке, пока там стояли люди. С веником и совком на высоких палках, в типичной одежде уборщика – зеленые штаны, зеленая блуза с серебряными светоотражающими вставками. Константину показалось, что это тот же самый дворник, которого он не раз видел у своего дома, с ним еще ходила маленькая дочка. Это было необычно: детей-венерианцев на Землю почти не привозили. Странно, что синему досталась такая большая территория. Впрочем, может, это был не он. Все они похожи: круглая синяя голова с темными глазами и слегка крючковатым клювом, бесформенное тело под мешковатой одеждой, толстые щупальца с

обрубками пальцев-присосок.

– Выродки, – раздосадованно повторил Константин. Его раздражало, что он вроде как соглашается с недалеким Иваном.

– Завтра у нас совместная операция. Мы и… – Демыч помедлил, – еще несколько групп. Знакомиться не будем, это ни к чему.

– Меньше знаешь, крепче спишь! – оскалил желтые зубы Иван.

– Вроде того. Короче: они будут идти по набережной с собрания, а ребята их догонят и замесят. Мы, типа, будем ждать в засаде. Кто побежит – примем. Встретимся в шесть на проспекте Президента, там, где терминалы. Только, – Демыч ухмыльнулся, – не вздумайте ничего покупать, и вообще, близко не подходите, чтобы камеры не срисовали. Все ясно?

Константин летел домой, как на крыльях. Завтра, завтра у него будет шанс показать всем, кто здесь кто. Словно кадры кинохроники прокручивались перед глазами: толпа синих неспешно ковыляет по набережной, наперерез им выходит группа бойцов. Синие кидаются вперед, расталкивая людей, прорываются на свободу. Демыч медлит, колеблется; Жеря сплевывает: «Ох, блин!», – делает шаг назад. И все зависит только от него, Константина! Он – хладнокровен и бесстрашен; смотрит на венерианцев, оценивает расстояние, командует: «Вперед!» «Мы с тобой, Костян!» – орут рядом Иван и Жеря. «Если бы не ты…» – шепчет изумленный Демыч. Константин поднимает руку… руку… картинка дрогнула и поблекла. А с чем рука? Демыч ни слова не сказал, с чем приходить. Палка? Нож?

Нож, конечно! Подошел бы револьвер – чтобы меткими выстрелами уложить мерзавцев одного за другим на асфальте, а потом так вздохнуть, не обращая внимания на восхищенные взгляды… нет, лучше дунуть на дымок над дулом. Но и нож – хорошо. Подскочить к первому синему, не отшатываясь брезгливо от прелого, сладковатого запаха, и коротким замахом ткнуть под зеленую куртку. Рука сразу мокрая, горячая… а какая кровь-то у них? Может, и вовсе холодная, как у тараканов. Так, рука мокрая… и сразу – о-па! – поворот направо, широкий полукруг! Щупальце летит на мостовую! В глаз, в черный глаз! И повернуть! Константин даже тихонько взвизгнул, подпрыгивая на ходу от переполнявшего его адреналина. «Круто!» – с уважением и завистью бормочет Иван. «Я в тебе не ошибся», – Демыч. А что это с Демычем? Он… он на тротуаре, в луже крови, умирает. «Наклонись. Вот, в телефоне – пароли, адреса, явки. Ты теперь вместо меня, боец. Передай…» – Глаза закатились. «Я не подведу!» Все смотрят с уважением… только эта… Эта чертова старуха!..

В окне первого этажа, как всегда, тряслась знакомая квашня.

– Опять сидит! Ну, я тебе сейчас сделаю, – прошептал Константин, сжимая кулаки. Жаль, ножа нет! Ладно, ей и одного правой хватит. Хотя бить старуху, даже такую мерзкую – последнее дело. Даже если она – выродок.

Взлетев на первый этаж, Константин немного успокоился и решил, что просто осадит пучеглазую. «Какого черта следишь, старая дура?» Это ее напугает, будет хотя бы за занавеской прятаться.

Но просто ломиться в чужой дом – тоже не годится. Нужен какой-то повод. Озарение пришло внезапно: он подскочил к почтовым ящикам и потянул вверх дверцу с номером квартиры старухи. Быстро выловил из вороха рекламы плотный конверт.

Он едва успел нажать на кнопку звонка, как дверь распахнулась.

Оказывается, она не сидела у окна – стояла. И бить там было нечего, потому что от пучеглазого выродка осталось совсем мало: голова, плечи и грудь, стыдливо прикрытые неровно подшитой кофтой в цветочек. Еще – руки. Ниже груди был только пластиковый прозрачный контейнер, в котором ветвились трубки, мерцали светодиоды, что-то булькало в разного размера емкостях. Перемещалось все это на колесах с электроприводом.

– Чего тебе надо, придурок? – грубо спросила бабка у остолбеневшего Константина. – Чего ты все пялишься на меня? Тебе заняться нечем?

– Я… я… мне в ящик бросили ваше письмо, – заблеял тот, протягивая конверт. – Вот, принес… чтобы не потерялось.

– Письмо? Это вряд ли, – категорично заявила пучеглазая. – Счет или реклама. Писать мне некому. Ну, пошли, прочитаешь. Тяжело мелкий шрифт читать, руки дрожат.

Она развернулась и поехала в глубь квартиры. Константин двинулся следом, стараясь не смотреть на контейнер. Он чувствовал, как от жгучего стыда пылали уши.

– Давай! – скомандовала бабка, остановившись посреди комнаты.

– Сейчас, – Константин выдернул нитку-замок, и пластиковый конверт раскрылся, как фигурка оригами. – Настоящим письмом банк уведомляет вас, Линда Степановна, о программе… специально для ветеранов Великой Венерианской войны… накопительный вклад с уникальными процентами… а также подарок – кожаный портфель для хранения бумаг… с монограммой банка…

– Портфель? А денег, случайно, не прислали? – едко поинтересовалась старуха. – Чтобы вклад, итить твою мать, сделать?

– Нет, – виновато ответил «боец».

– Жаль, – поджала губы, задумалась.

Константин огляделся. Деньги здесь, действительно, пригодились бы. Такой нищеты не было даже у него, хотя о состоянии жилища он беспокоился мало и редко. Но пучеглазая была и вовсе аскетом: темный потолок в гроздях пыли, выцветшие, отстающие от стен обои, продавленный линолеум в черных полосах от колес. Вместо мебели – этажерки, заставленные пыльными открытыми коробками, из которых торчал разный хлам: корешок книги, ручка сковороды, смятая грязная тряпка. Ни стульев, ни дивана в комнате не было. Столом старухе служил подоконник – на нем валялись ручки, счета, блокнот; стопкой лежали старые газеты.

– Говорю же – придурок. Письмо от рекламы отличить не можешь.

– Из банка же. Может, важное, – придумал на ходу Константин. – А вы… воевали? Участвовали в боевых действиях?

– Нет, в стрип-баре выступала. – Старуха неприязненно посмотрела, отвела глаза. – А где еще могут полтела оторвать? Я была десантницей. Космическая десантура, «небесные ведьмы», слышал?

Конечно, он слышал. Элитное подразделение, в которое набирали самых подготовленных, отчаянных и – красивых девчонок. Это она, пучеглазая трясущаяся уродина, была «ведьмой»?

– Как это случилось? – тихо спросил он.

– Обычно. – Она словно потеряла к нему интерес. – Забросили в тыл, мы атаковали, они отбивались. Заманили нас в ловушку с минами. Ну, взорвалась. Девочки вкололи тоник, наши подоспели, вот я и выжила… Как будто ты что-то знаешь об этой войне, придурок! Как будто Третье Восточное плато тебе что-то говорит! Я там взорвалась, и что? Теперь там опять венерианцы. И там, и… здесь.

– Понимаю. Но вы… вы не волнуйтесь. За вас есть кому отомстить.

– За меня? – Старуха рассмеялась. – Я сама уже всем отомстила. Сделала это лучше, чем ты. И кому мстить? Этим убогим, которые метут у нас улицы? Да ты себе хоть представляешь, на что похожа их планета? Там жить нельзя. Только сдохнуть! Отомстит он…

– Линда Степановна, это я так, образно… хм… может, вам помощь какая нужна?

– Не надо ничего. Приходит женщина из собеса, убирается, говно выносит. А ты, – она оскалилась, – чем хочешь помочь?

– Ну… может, отвезти вас куда-нибудь, на торжественные встречи ветеранов, – Константин вспомнил новенький, сверкающий чистотой флаер и сразу пожалел о своих словах.

– Куда? На встречи? – «Ведьма» захохотала. – Ой. Ты меня на этой встрече представляешь? Таких, как я, людям не показывают! Ты много таких видел? Слушай, иди, тимуровец, звездочку на двери нарисуй. Больше ничем не поможешь.

– Пойду. – Про тимуровца и звездочку он не понял. У бабки, видимо, не только с телом

были проблемы. – Можно один вопрос? Бестактный.

– Валяй.

– Почему это… – он покосился на контейнер, – прозрачное? Неужели нельзя… как-то закрыть?

– Придурок. Иди домой. Чтобы врач сразу увидел, если что не так.

На лестничной клетке Константин не сразу сообразил, кто он и что здесь делает. Потом пошел вверх по лестнице. Потом все вспомнил окончательно и вернулся к лифту.

На следующий день стрелки часов сошли с ума и вертелись с фантастической скоростью. Косте хотелось вскрыть старинный корпус и остановить торопыг – лишь бы вечер не наступил никогда. Вместо картин победоносной драки мерещилось, что на него кидается Линда Степановна, еще целая, и он рассекает ее надвое взмахом непонятно откуда взявшегося мачете. Константин вздрагивал, пугался, просыпался. Смотрел на часы и пугался опять.

Вечером он оделся, как примерный мальчик-первоклассник: кашне, куртка застегнута под подбородок, на голове – темная вязаная шапочка. Неохотно побрел дворами к проспекту Президента.

– Кажется, я заболел, – шептал Константин, глядя под ноги, на мокрый тротуар. – В горле першит. Слабость. Это не грипп, у меня – все прививки. Это… стресс. Надо как-то отказаться. Сказать, что не могу?

Проспект, как всегда, оглушил его свистом проносившихся мимо флаеров, гудками машин с нижнего уровня, грохотом рекламных слоганов. До центра развлечений «Салют», бывшего кинотеатра «Ракета», было рукой подать. Константин стал на бегущую дорожку и через несколько минут спрыгнул. «Уже здесь. Совсем, что ли, заняться нечем?» – с досадой подумал он, различив за терминалами две знакомые фигуры.

– Дай пять. Готов? Сейчас развлечемся, – подмигнул Жеря.

– Чего смурной? – поинтересовался Иван.

«А ты чего такой веселый?» – вертелось на языке, но Константин промолчал. Этим дебилам он собирался рассказывать про стресс, головную боль, лихорадку? Они все болезни лечат водкой или травкой, а то – и тем и другим сразу. Они не думают, не сомневаются: вон, прячут что-то под куртками, полицейские палки или обрезки арматуры. Им махаться – в радость, а с кем – неважно. Это было их единственное развлечение, пока Константин читал книги, ходил на плавание, учился в институте. Что он здесь забыл? Как, когда докатился до таких вот «друзей»?

Информационное табло напротив «Салюта» загорелось и заговорило низким басом, ненадолго заглушив шум улицы.

– Из последних новостей. Спешим сообщить радостное известие: дочь нашего президента Людмила выходит замуж за бизнесмена с Венеры. Молодые познакомились на выставке произведений искусства венерианцев…

– Это как, а? – открыл рот Жеря. – Как замуж-то? Разве люди могут с синими… сношаться?

– Люди не могут, – заржав, Иван ткнул его в плечо. – А президенты… Президенты могут все!

– Такую девчонку… Эх, где же ты, Демыч? Натерпелся народ.

– Здесь я. – Вожак выскользнул из темноты, махнул рукой. – Пойдем дворами. Сюда, сюда давайте.

– Не забывайте, что толерантность и дружелюбие являются исконными чертами русских людей… – неслось им вслед из динамиков.

Набережная оказалась темной и пустынной. Группа Демыча разместилась в проходной арке одного из старых, еще прошлого века, домов. Нервно курили, следили за улицей сквозь черные стволы кленов.

– Костян, ты взял с собой чего? – спросил Иван.

– Я? – Он не сразу понял. – Не, у меня кулаки – мало не покажется.

– Кулаки? – странно повторил Демыч, а Жеря фыркнул.

– Что же ты – пустой на дело? – пожурил Иван, словно был здесь главным.

Странно, но эта мысль больше не волновала Константина. Его гораздо больше беспокоил вопрос, что это было за «дело»? Вчера все казалось таким простым и понятным, но теперь… Зачем они пришли сюда?

– Тихо!

Вдалеке послышался шум, крики, потом – неритмичные шлепки, словно бежал кто-то неуклюжий.

– Пошли!

Они выскочили из арки. Теперь было хорошо видно, что по набережной, прямо по проезжей части, двигалось несколько темных фигур. Двое – явно венерианцы, а третий, небольшой, был похож на подраненную собаку.

– Давай наперерез!

Беглецы заметили группу Демыча и притормозили. Один из них крикнул что-то резкое низким кудахтающим голосом, и собака бросилась к домам, в темноту деревьев и массивных подъездов. Перед Константином маячила спина бегущего Ивана, и он тоже припустил, чтобы не остаться последним. Расстояние до синих сокращалось быстро, слишком быстро, чтобы о чем-то подумать. Впереди кто-то взмахнул палкой, и венерианец слева упал. Не успев затормозить, Константин почти врезался в оставшегося. Черт побери, и этот похож на их дворника! Одно лицо, чесслово! Да и так посмотрел, как будто тоже узнал…

Константин подался назад, наткнулся на кого-то… и почувствовал, как в его разжатую ладонь скользнул прохладный и гладкий предмет. Интуитивно он сжал пальцы, и в этот момент его толкнули вперед, резко ударив под локоть. Рука ушла венерианцу в живот, под зеленую куртку, и как-то странно затормозила, словно на что-то наткнулась, хотя до торса было еще далеко. Константин оказался прямо над синим, который почему-то стал медленно заваливаться вниз; его лицо посерело в свете уличных фонарей, а на расширенные от ужаса глаза набежала полупрозрачная белесая пленка. Он захрипел, и Константин осознал, что рука как будто прилипла к тому гладкому предмету. Не разжимая пальцев, он дернул ее к себе, на свет, и остолбенел. В руке, его руке, был нож! Залитый густой синей кровью. Горячей.

После того как, прикрывая друг друга, они завалились в туалет Макдональдса и отмылись от пятен, Демыч поманил их за собой во двор.

– Значит, так, – быстро заговорил он, – сработали отлично. Мы двоих положили, что у других – пока не знаю. Теперь расходимся. Всем сидеть по домам и не высовываться. Сейчас другие группы начнут ловить синих во дворах, так что будет жарко. Встретимся через три дня, где всегда.

Потрясенный, Константин торопливо шагал домой, выбирая места потемнее. Он пошел мимо гаражей – там в это время никого не было. Но, не дойдя до кооператива, у мусорных баков услышал какой-то шум. Остановился, прислушался.

Кто-то плакал. Всхлипывал, бормотал, подвывал. Может, котенок? Звуки высокие, но на мяуканье не похоже. Может, ребенок? Константин вздрогнул. Маленький ребенок заблудился в собственном дворе, залез в щель между ящиками, задремал. Теперь проснулся и не знает, как выбраться. Фантастика, конечно, его бы уже искали с собаками и вертолетами… но проверить стоило.

Константин решительно шагнул к бакам.

– Здесь кто-то есть? – негромко позвал он.

Плач стих. Кто-то был там, совсем рядом. Он замер, замолчал, стараясь остаться незамеченным, но Костя слышал прерывистое, быстрое дыхание испуганного существа. Собака? Теперь он не мог уйти, не убедившись, что его помощь не нужна.

– Эй, дружок, – ласково позвал он и, стараясь не дышать через нос, заглянул за

ближайший бак.

На земле сидела маленькая венерианка, дочка дворника.

В одно мгновение весь ужас сегодняшнего дня всплыл в памяти Константина, и неочевидные, незамеченные клочки сами собой сложились в одно целое. Девочка была там, на набережной. Отец скомандовал ей бежать, а сам остался, чтобы отвлечь внимание людей. Потом Константин ударил его ножом и убил. И пошел в Макдональдс мыть руки. А синяя девочка спряталась среди мусора и стала ждать смерти. Он проходил мимо и нашел ее. Он, все еще пахнущий кровью ее отца.

– Не бойся, я тебе ничего не сделаю. Не бойся. Но… – он задумался, вспомнив слова Демыча, – тебе нельзя никуда идти. – «Да и мне нельзя сейчас в полицию». – Надо где-то пересидеть. Послушай, малышка, у меня рядом гараж. Пойдем, я оставлю тебя там, а потом отведу к людям, которые найдут твоих родственников. Пошли быстрее, пока никого нет. – Озираясь, он помог венерианке выбраться. Она была так измучена, что едва держалась на ногах.

Константин взял ее на руки и отнес к гаражу. Вытащил какую-то куртку из кучи старых тряпок, бросил на пол, опустил девочку. Она свернулась клубком, поджав щупальца, и замерла.

Заперев ворота, Константин понял, что впервые не похлопал по серебристому боку флаера.

Утром он проснулся от мысли, что в его гараже заперта венерианка. От осознания того, что казалось таким естественным накануне, Константин покрылся холодным потом. Как, зачем он в это ввязался? Что теперь с ней делать?

Подобрав девочку, спрятав ее, он разрушил все логические и разумные рамки, по которым в последние годы строилась его жизнь.

Девочку нельзя было вывести из гаража, если ее увидят, то, скорее всего, убьют. Те, кого он привык считать друзьями, сейчас на улицах, охотятся на синих, избивают… как минимум. По сути, то, что он сделал, было отступничеством, предательством. И черт с ним, это он как-нибудь переживет. Хуже было то, что девочка могла почувствовать запах своего отца от его рук, одежды… могла обо всем догадаться. Теперь она стала опасным свидетелем. Отведи Константин ее в полицию – все расскажет. Если ее просто отпустить, она потом найдет гараж, и Костю вычислят за три минуты. Конечно, правильней всего было бы ее убить. Убить, и вопросов нет. В мешок, и на мусорку. Она маленькая, ее никто не заметит. Никто не будет искать Константина.

«Кстати, а сама она не загнулась там, в гараже? – мелькнула тревожная мысль. – Во-первых, голодная, во-вторых, могла просто замерзнуть. Надо немедленно туда пойти!»

Наскоро позавтракав, Костя, не вспомнив о запрете Демыча, вышел на улицу. Подходит ли девочке человеческая еда? Про это он ничего не знал. Подумав, направился к проспекту Президента. Там он видел маленький продуктовый магазинчик, куда заходили синие. Сам Костя в таких не отоваривался, предпочитая большие универсамы или заказ на дом.

На проспекте было непривычно пусто. То там, то здесь мелькала черная полицейская форма. «Надо же, вышли из флаеров, ножками ходят», – с неприязнью подумал Константин и тотчас же предусмотрительно втянул голову в плечи, заметив неподалеку группу бойцов. Незнакомые, но лучше не рисковать. Он быстро двинулся к магазину.

В небольшом, тесном помещении было тепло и душно. Костя брезгливо оглядел прилавки, заваленные дешевыми продуктами в самодельной неопрятной упаковке. И что купить? У кассы стояли несколько синих, они взяли кисель и пару коробок мелкого печенья. Дождавшись, чтобы они ушли, Константин подошел к продавщице и по-идиотски улыбнулся:

– Что же взять? Пожалуй… кисель возьму, вот этот пакет. И печенье… какое? Ну, давайте вот это, – ткнул пальцем.

– Вы уверены? Вы это уже пробовали? – недоверчиво спросила девушка.

– Ну… надо же попробовать. И пластиковую сумку непрозрачную. Непрозрачные есть?

До гаража он добрался без приключений и без нежелательных встреч. Внутри было тихо. Константин торопливо поднял ворота. Девочка лежала на том же самом месте, где он ее оставил. Услышав шум, она пошевелилась и застонала. Парень наклонился. Ледяная, совсем ледяная!

– Господи, да ты замерзла! Бедная малышка! Давай я пересажу тебя во флаер, там потеплее. Все-таки не на цементе. – Он помог ей забраться на сиденье, старую куртку бросил под ноги. – Я принес поесть. Смотри, вот кисель. Ты пьешь такой кисель? Я видел, ваши покупали, кисель и печенье.

Он неловко вскрыл упаковку, и печенье с крошками высыпалось прямо девочке на колени. Приоткрыв глаза, она взяла одну штучку короткими синими пальчиками и положила в отверстие под клювом. «Клюв у них – не рот, – подумал Константин. – Какие… странные. Ее нельзя здесь оставлять».

– Послушай, послушай меня. Сейчас я уйду, а вечером – вернусь за тобой. Ты потерпи, ладно? Я вернусь вечером.

Сомнения не оставляли его. Что делать с девочкой? Чем все это кончится? Впервые в жизни Константин стоял перед таким сложным выбором.

А какой выбор был у него раньше? Родился – женился – развелся. Ходит на работу, рисует линии. Считает. Рисует. Считает. В его жизни не было и нет места никакому экстремизму. Никакой тюрьме. Сколько ему светит за убийство синего? Как за человека, да еще пришьют разжигание розни и организованную преступность. О чем он думал? О том, что синим здесь не место? Конечно, конечно, да! Или… или дело не в синих?

С кем же посоветоваться?

Наверное, этот человек, – старый, больной, честно сказать, вообще неадекватный, – был плохим советчиком, но другого у Константина не было. Поднявшись на первый этаж, он решительно нажал кнопку звонка.

– От тебя пахнет венерианцем, – сказала Линда Степановна вместо приветствия.

– Вы так хорошо знаете, как пахнут синие?

– На всю жизнь запомнила, когда у них в госпитале лежала. Ведь это они меня чинили. Проходи. – Развернувшись, она поехала в комнату. – Кстати, придурок, синими их не называй. Это неправильно.

– Почему?

– Они только в нашей атмосфере синие, а на Венере – бело-радужные. Красивые. В брачный период у них вырастают крылышки, жемчужные, и они летают. Невысоко, правда. Танцуют. Не понимаю, – она вздохнула, – что им здесь делать? Они никогда не смогут здесь жить нормально.

– Это я ничего не понимаю, – ответил Константин. – Вы же воевали! Они вас изувечили. И вы так спокойно рассказываете, какие они красивые? И госпиталь. Как вы попали к ним в госпиталь?

– Для тебя это слишком сложно, придурок, – она разозлилась. – Не все венерианцы были против нас. И не все земляне – за. Как ты думаешь, за что вообще мы воевали?

– Ну… за свободу. Против угнетения и тирании.

– За свободу! За… – она выругалась. – Включай иногда мозги, если они у тебя есть. За полезные ископаемые мы воевали. Там, где я взорвалась, теперь шахты. И вокруг. И на соседнем плато. И везде. Придурок, – покачала головой. – Зачем вообще ты пришел? Чего хотел?

– Это… ммм, – Константин замялся, – считайте, что опрос. Как вы относитесь к убийствам венерианцев?

– Никак, – холодно ответила старуха. – Я убивала их на войне, они были моими врагами. Ты на войне? Тогда убивай. Нет? Живи в мире. Сначала реши, на войне ты или нет.

– …Шапку обязательно. Это моя, большая, тебе не будет тесно. Куртку вот так

подвяжем, как будто пальто. Я еще варежки принес, это мамины. Когда-то мы с родителями жили вместе, а потом они переехали в Подмосковье. У нас там большой дом, – Константин замолчал, натягивая непослушные варежки на щупальца. – Нет, тебе туда нельзя. Мои родители не любят… не поймут они, короче. Но ты не волнуйся, – он посмотрел в испуганные круглые глаза. – Все будет хорошо. Я отведу тебя домой, а завтра – в полицию. Тебя отправят на Венеру. Там у вас, конечно, не очень хорошо, но ты опять станешь белой. И радужной. Вот так. А потом, – он вздохнул, – у тебя вырастут крылышки. Когда будем идти, прикрывай лицо варежкой. Уже стемнело, сойдешь за человеческого ребенка. – «За очень неуклюжего, странного ребенка. Ничего, мы подворотнями, закоулочками». – Пошли.

Людей, действительно, было мало. Завидев прохожего, Константин прикрывал девочку собой и начинал суетиться: якобы поправлял на ней пальто, шарфик. Никто не обращал на них внимания. Так они дошли до дома. «Получилось! – молча торжествовал Константин. – Получилось!»

– Эй, Костян, погоди, – услышал он, уже доставая ключи у двери подъезда.

Это был Демыч. Неторопливо, вразвалочку он подошел поближе, с интересом посмотрел на девочку, послушно прикрывшую лицо варежкой.

– Нарушаем инструкцию, похоже. Жеря уже донарушался, взяли его утром. И с кем это мы гуляем? – Он бесцеремонно отвел замаскированное щупальце в сторону. – О, нашлась пропажа! А мы ищем: где, где синее отродье. Тебе-то она зачем? – Он перевел взгляд на Константина.

– Я… ээ…

– Не ожидал, что ты извращенец! – глумливо хохотнул Демыч. – И что ты с ней будешь делать? Поделись опытом. Я могу придумать только щупальца отрезать.

– Прекрати! – неожиданно для себя выпалил Константин. – Ты ее пугаешь.

– Я? – Он покачал головой. – Это ты ее пугаешь, а не я. В деда Мазая хочешь сыграть? Напрасно. Она, – опять наклонился к девочке, – знает, что ты убил ее отца.

– Я не убивал, – прошептал парень дрожащими губами.

– Убивал. Она знает. У них нюх – лучше, чем у собак. Точно таким же ножом, – тускло блеснуло лезвие. – А теперь решил ее спасти? Искупить, так сказать, грех?

– Я не убивал! – с отчаянием повторил Константин.

– Врешь! Убивал! Он убил твоего отца, слышишь! Чего ревешь, каракатица? А сейчас и тебя убьет!

– Оставь ее! – Константин попытался оттолкнуть Демыча, поскользнулся, и они оба упали в грязь. Демыч вскочил первым.

– Тогда я сам! – От венерианки его отделял всего один шаг. Он замахнулся.

В этот момент девочка присела и резко выпрямилась, как пружина. Константину показалось, что она что-то бросила в Демыча: тот коротко вскрикнул и, уронив нож, обеими руками схватился за лицо. Пошатнувшись, потерял равновесие и плашмя грохнулся на асфальт рядом с Константином. В слабом свете фонаря казалось, что у него из лица торчит что-то темное и бесформенное.

– Девочка… – не глядя на Демыча, Константин пополз на четвереньках к венерианке. Под руку попался нож, он отшвырнул его, почувствовав острую боль в пальцах. – Что с тобой? Он тебя поранил?

Синяя лежала у ступенек подъезда, ее щупальца мелко дрожали. На лице вместо клюва была рваная рана, быстро наполнявшаяся темно-синей кровью.

– Ты ужалила его? Ужалила? Так ты никакая не каракатица? – бестолково бормотал Константин, поглаживая трясущиеся щупальца. – Ты пчела! Пчела. Что с тобой, маленькая пчелка?

Она умирала. Судорожно вздрагивая, смотрела на Константина, словно прося о чем-то. И он понял.

– Я не убивал твоего отца, – сказал он, не отводя взгляда. – Не убивал. Ты все правильно сделала.

Двор наполнился свистом флаеров, осветился мигающими красно-синими огнями. Не шевелясь и не поворачиваясь, Константин прошептал:

– Я – не на войне.

Глаза венерианки закрылись.

Константина подняли, закутали в одеяло и отвели к флаеру. Кто-то предложил горячего чаю, – он отрицательно покачал головой, – потом девушка с красным крестом на форме без спроса закатала ему рукав и сделала укол в предплечье. Ему было все равно. Он не хотел, чтобы так получилось. Он не хотел. Он был не против этого дворника и маленькой нелепой дочки, которая всегда таскалась за ним следом. Константину не нравились совсем другие: наглые синие бездельники, которые шлялись по улицам целыми бандами, приставали к девушкам, задирали одиноких прохожих. Те, про которых писали в криминальных сводках; те, которые продавали венерианские наркотики, пускали в оборот поддельные деньги, вытаскивали из сумок и карманов кошельки. Почему все так получилось? Он же не хотел.

– Наверное, меня должны допросить? – спросил он у медсестры.

– Офицер! – не отвечая, позвала она. – Он хочет дать показания. Так, а это человеческая кровь. Вы ранены?

– Кажется, да. Руку порезал.

– Не волнуйтесь, отдыхайте, – неожиданно любезно сказал подошедший полицейский. – Ваши показания, вообще-то, без надобности. Все равно дело будем закрывать. Один свидетель у нас уже есть, если что – ваши данные я записал.

– Мои данные? Свидетель?

– Ну да, она нас и вызвала. Дама с первого этажа, уважаемый человек, ветеран. Она уже все рассказала. Маньяк тащил куда-то… венерианку, та отбивалась, вы хотели защитить. Ну, не получилось. Все равно, вы повели себя, как герой. В наше время мало кто стал бы рисковать ради… Короче, спасибо, и вы свободны. Если надо, доставим вас в больницу.

– Нет, – ответил Константин, – не надо.

– …В субботу правоохранительные органы ждет беспокойное дежурство. Объединенный фронт венерианцефобов объявил о готовящейся акции, которая пройдет под лозунгом «Синие – вон, на Венеру!» Мэрия Москвы уже дала разрешение на проведение митинга и шествия, к которому могут присоединиться тысячи сочувствующих. В то же время объединенный фронт правозащитников планирует митинг в защиту прав мигрантов. Заявка еще не удовлетворена, но вряд ли это остановит организаторов и их сторонников. В столице ожидаются массовые беспорядки. На основных магистралях движение будет перекрыто. Просим вас по возможности воздержаться от поездок в центр, избегать скоплений людей, с осторожностью…

В пятницу вечером Константин закончил рисовать плакат и теперь, свернув его в рулон, направлялся туда, куда просили «по возможности воздержаться».

На первом этаже открылась дверь, и знакомый голос позвал:

– Это ты, придурок?

– Я, – он прошел по лестничной площадке. – Здравствуйте, Линда Степановна.

– Ты куда собрался? – подозрительно спросила она.

– Дела у меня, Линда Степановна. Надо съездить по делам.

– В город?

Константин молча кивнул.

– Не ходи, – вдруг сказала старуха. – Не ходи. Тебя там убьют. И все равно не поймут, ни те, ни другие.

– Может быть, – ответил Константин, с внезапной нежностью глядя на плачущую «ведьму», – может быть. Но попробовать-то стоит?

Евгений Гаркушев

Социал-сублимация

Лавровые кусты пахли пылью и чем-то кислым. К тому же они нещадно кололись обрезанными концами и сучками. Кто бы мог подумать, что такой гладкий и приятный с виду лавр внутри так воняет, да еще и колется? Сидеть на лаврах, увенчанным лаврами и с лаврами в руках, было совсем неуютно и неприятно.

Квам Хабиби потянулся, попытался сменить позу. Не тут-то было! Толстая ветка упиралась в бок и мешала сдвинуться влево, туда, где в зарослях виднелся просвет. Пришлось лезть назад и вправо. Устраиваясь поудобнее, Кван едва не вляпался в чью-то блевотину. Вот вам и порядок! Вот и благополучный район! Какой-то подонок залез в прекрасную лавровую изгородь и загадил ее в самом неудачном месте. Наверняка из ханжей-граждан. Обычный пария-социал избавился бы от содержимого желудка прямо посреди аллеи. Кого ему стыдиться, что терять? Пайку в бесплатной столовой все равно дадут, а на что-то по-настоящему хорошее рассчитывать все равно не приходится.

Нагадил, как всегда, кто-то из чистеньких, а обвинят простых парней, которым и пива в магазине не продадут – не положено! Что бы ни случилось, крайними останутся завсегдатаи социальных столовых, общежитий и ночлежек, похожих на тюрьмы. Но ведь даже если вонючие следы в кустах оставили социалы – значит, граждане накормили их такой едой, от которых бедных парней и девчонок выворачивает прямо на улице! Так кто на самом деле виноват?

Квам вспомнил свой сегодняшний завтрак: овсянка, которую он терпеть не мог, подозрительно синий, едва теплый омлет и пара подгнивших бананов. Большинство социалов демонстративно выбрасывали бананы в урну. Не хотели ли власть имущие намекнуть посетителям столовой этими бананами, что они недалеко ушли от обезьян? В суд бы подать на такую столовую, ее директора и попечителей. Но от неграждан заявления в суд не принимаются. Только от попечителей. А попечители – такие же зазнавшиеся скоты, как и остальные. Только делают вид, что проблемы подопечных их волнуют, а тонкую и ранимую душу получателя жалкого социального пособия понять не могут…

Своего попечителя Квам задавил бы голыми руками. Узкоглазая физиономия Хань Ли вызывала у Хабиби непроизвольное раздражение. Все эти нотации, поучения, предложения больше учиться и постараться найти работу… Выслужился в Европе, получил гражданство, теперь хочет всех причесать под свою гребенку.

А для чего работать тому же Хабиби? Ради лишней пайки бананов? Сам китаец живет в роскошном двухэтажном особняке, ездит на мощном электромобиле «Линкольн», а его подопечные обитают в общежитии, где на двоих неграждан приходится одна комната, а вечно невымытые душ и туалет общие на четыре комнаты. К тому же и комнаты, и вся секция, и коридоры общежития постоянно контролировались видеокамерой. Якобы для безопасности обитателей… И это свобода? А равенство где?

Пусть китайцу видеокамеры нравятся – его проблемы. А Квам Хабиби желает хотя бы изредка оставаться наедине с собой. Как сейчас.

На дорожке за кустами раздался шорох. Агнешка? Квам непроизвольно напрягся, постарался пошире улыбнуться… Оказалось, зря. По дорожке парка топали трое граждан-патрульных, точнее – дружинников. У каждого на поясе резиновая дубинка, а у старшего еще и револьвер в кобуре. Хороша свобода – постоянно патрулировать парк, который отделяет бедный район социалов от района богатых граждан. Причем на полицию граждане не слишком-то и надеются. Наверное, им в радость унижать и оскорблять неграждан-социалов, которых они отлавливают в кустах, вот и топчут мостовую сами…

– Белокурые бестии, – процедил сквозь зубы Квам. – Расисты…

Зря он подал голос. Один из патрульных обладал на диво острым слухом. Он повел носом, насторожился и указал рукой на кусты. Пара секунд – и мускулистая рука извлекла Хабиби из кустов.

– Кто такой? Что здесь делаешь? – с ярко выраженным русским акцентом спросил

высокий белокурый мужчина.

Русский. Тоже приезжий. Но гражданин. У Квана среди социалов был знакомый русский – вполне нормальный парень, разве что ленивый очень. Посуду никогда не мыл, редко посещал душ и даже в столовую ходил через раз. Любил валяться на кровати да лазить в Интернете. Там выступал под ником «Император». А этот русский, видно, лень поборол. В граждане выбился, теперь заслуживает уважение, отстаивает свое место под солнцем. Топает вместе с товарищами по аллейке, выискивает нарушителей. Продался системе, одним словом.

Двое других патрульных Квана расстроили куда больше. Никакие не белокурые бестии. Один – чистокровный негр. Даже не мулат, настоящий чернокожий, с синим отливом. В очках. Читает, видно, много и операцию по коррекции зрения делать не хочет. Ни золотой цепи на шее, ни браслета, ни яркой рубашки. Даже очки не золотые, а пластиковые. Не черный, а какой-то серо-синий… Предал свою расу, служит белым. Совсем плохо.

Третий патрульный, скорее всего, араб. Может быть, и еврей, но все же больше похож на араба. А если ты настоящий араб, как можно совмещать ислам и так называемую толерантность? Спокойно сносить то, что женщины ходят в мини-юбках и без паранджи? Рыскать по городу как нечистая собака, да еще и в компании с неверными? Что ты за араб после этого? Хуже и не бывает!

Хабиби сплюнул на землю.

– Я ничего не нарушаю.

– Документы! – рявкнул русский. Тон его никак нельзя было назвать доброжелательным. – Не плевать на землю! Что делал в кустах?

– Его здесь стошнило, – объявил негр, изучивший место, где прежде скрывался Хабиби.

Удачно. Даже лгать не пришлось. А теперь, если разговор пойдет дальше, Квам расскажет гражданам, как и чем его кормят в бесплатной столовой!

Русский нахмурился.

– Принимал запрещенные препараты? Отвечать! Где документы? Ты меня понимаешь?

Скрипнув зубами, Кван достал пластиковую карточку с чипом, протянул русскому. С ним обращаются, как со скотом! Но ни слова нельзя сказать против, не говоря о том, чтобы ударить обидчика, как того требует мужская честь. Приложат дубинкой по спине, отправят на медицинское освидетельствование, впаяют три месяца исправительных работ за неподчинение патрулю. Была бы радость три месяца работать за просто так на какой-нибудь пыльной стройке!

Ознакомившись с удостоверением социала и не найдя в нем порочащих пометок, русский успокоился, спросил:

– Не видел ничего подозрительного вокруг?

– Нет, – буркнул Квам.

– Иди в свое общежитие. По ночам в этом парке неспокойно. Вчера какие-то подонки сильно избили двух социалов.

– У меня нечего взять, – хмуро заявил Хабиби.

– Те тоже были нищими, – отозвался русский. – Ладно, дело твое, мы предупредили.

Патруль отправился дальше, оставив после себя в воздухе ароматный шлейф дорогого лосьона после бритья и вонь испорченной толерантности. Квам залез обратно в кусты. Почему он прятался? Для конспирации. Чтобы побыть одному. И потому, что смотреть на довольные физиономии граждан было противно. А тайком, из скрытого убежища иногда можно увидеть что-нибудь полезное…

Агнешка все не шла. Квам вспомнил ее зеленые кошачьи глаза и с трудом одолел сладкое томление. Ах, какая девушка. Да еще и гражданка. Сдала экзамен по толерантности. По испорченной толерантности, а не настоящей, конечно. Той, что сейчас в ходу… Той, из-за которой настоящим людям нет никакой жизни.

Квам вздохнул. Ведь и он экзамен почти сдал. Да что там почти – сдал! И на вопрос о произведениях Шекспира ответил верно, и на испытании по истории набрал девяносто

баллов из ста возможных – отличный результат. И по математике он получил «удовлетворительно», решил нужные уравнения. Год Хабиби посещал курсы культуры региона проживания, научился есть ножом и вилкой, не свистеть вслед девушкам без одежды. Даже галстук завязывать он умел, хоть у него и не было никогда своего галстука. И что же? Провалился на медицине. Не сдал психологический тест. Ну не сволочи ли те, кто все эти испытания придумал? Выходит, ножом и вилкой можно было и не учиться есть?

Кстати, тот ленивый русский, то ли Иван, то ли Иванов, который жил в общежитии неподалеку от комнаты Квама, не выдержал экзамена по истории. В гражданстве ему отказали, хотя медицинские тесты он прошел успешно. Сидит теперь на пособии, на приличную работу его не возьмут. Только если начнет учиться с утроенной силой. Но где ему? Ленивый.

А Бабаджайд Абимбола отказался изучать Данте, потому что произведения итальянца противоречили религиозным убеждениям парня. И что же? Бабаджайда просто не допустили к экзаменам! За то, что он честно признался в своих убеждениях! О какой свободе современного общества можно говорить? Свергнуть такое государство, растоптать такую свободу! И построить новое общество. По-настоящему толерантное. Где человек будет считаться человеком и гражданином по праву рождения, а не после сдачи каких-то экзаменов и тестов. Все люди равны! Все! И каждый имеет право…

Легкие шаги на аллее заставили Квама отвлечься от мрачных мыслей. Агнешка! С большим пакетом… Замечательно.

– Хабиби! – тихо позвала девушка.

– Залезай сюда, – предложил Квам из кустов. – Почему опоздала?

С женщинами нужно строго, чтобы не подумали, что они выше тебя или равны мужчине. Равенство – красивая вывеска. Нормальным парням нужна настоящая толерантность, а не равенство. Поэтому Агнешке Квам улыбался, временами похлопывал ее по плечу и другим частям тела, но был строг. Иначе распустится.

– Задержалась на лекции в культурном центре, – объяснилась девушка, устраиваясь среди лавровых ветвей. – Я ведь должна подтверждать гражданство – получила его всего год назад. Унизительная процедура. Лектор разошелся…

– С чего бы? – мрачно поинтересовался Квам. – Ему сверхурочные платят, что ли?

– Рассказывал о том, что трое каких-то негодяев изнасиловали негражданку неподалеку от культурного центра, почти под камерами. Патрулей поблизости не было, а дежурный полицейский наблюдатель отвлекся… Их уже поймали, к счастью. И я понимаю, если бы угнетенные парни отыгрались на какой-нибудь гражданке, пусть даже на мне… Но пострадавшая была бедной, обделенной обществом девушкой, такой же, как и они!

Квам хотел было кивнуть – направление революционной мысли Агнешки шло правильно. Неграждане для борца за свободу в любом случае лучше граждан. Но потом решил, что девушка толерантна не до конца.

– Я знал этих ребят, – сообщил он. – Хорошие, крепкие и здоровые парни. Один, между прочим, белый, из местных. У них произошел нервный срыв из-за недооцененности обществом. Не думаешь же ты, что они пустились бы в разгул, имея все права?

– Нет, конечно! – преданно заявила Агнешка.

– И теперь парней, наших соратников, закроют в трудовой лагерь строгого режима лет на пять. Неслыханная жестокость за обычный нервный срыв. Продажное, лицемерное, нетолерантное общество!

– Но все-таки… – смутилась Агнешка. – Они ее еще и избили!

– Никаких все-таки! – заявил Квам. – Они были в состоянии аффекта. За их свободу мы с тобой боремся.

Агнешка вытащила из пакета две банки пива. Одну протянула Хабиби, другую открыла сама.

– Вот. Даже пива в лавке я не могу купить! – пожаловался Квам. – Не могу купить табак, мне не продают марихуану. А все из-за чего? Из-за того, что настоящей толерантности

в обществе нет! Людей разделили на два сорта, и верхушка угнетает нас, людей без прав… Словно в мрачное средневековье!

Глазастая Агнешка шмыгнула носом. Она была влюблена в Квама и искренне жалела его. И правильно. Ведь он – борец за свободу! Что может быть благороднее?

– Но мы отстоим свои права! – решительно взмахнул банкой с пивом Квам. – Ты не передумала?

– Нет! – решительно заявила Агнешка. – Ведь еще не скоро?

Последние слова были произнесены с надеждой.

– Не очень скоро. Бомба еще не готова. Йохансон опять ушел в запой, а другие парни готовы воевать лицом к лицу с угнетателями, если у них будет оружие, бить их заточками из-за угла, но слабо разбираются во взрывотехнике.

– А ты, Квам? Ты ведь такой умный!

– Я организатор. Без меня вообще все пропадет. И вообще, твое дело – доставка бомбы в нужное место. Меньше знаешь – для тебя же лучше. Планирование – моя задача.

– А если я взорвусь вместе с другими?

Квам поморщился. Такие тупые вопросы Агнешка задавала постоянно. И как только она сдала экзамен на гражданство? Толерантности ей не занимать, а вот ума не хватает… Возможно, Агнешкой и правда придется пожертвовать. Чтобы не болтала. Распустится после того, как увидит гору окровавленных, искореженных трупов. Поэтому, возможно, взрывной механизм стоит привести в действие раньше. До того, как девушка оставит пакет в нужном месте.

– Тебе ничего не грозит, – уверил Агнешку Хабиби. – Но каждый из нас должен быть готов отдать жизнь за свободу. Я готов! А ты?

– И я тоже…

При мысли о предстоящей акции Хабиби возбужденно вздохнул. Агнешка поняла его вздох превратно и попыталась нежно прильнуть к соратнику по боевой ячейке.

– Не сегодня! – почти проорал Квам. – У меня слишком много дел!

– Тогда я пойду, – прошептала девушка. – Не буду мешать. В пакете еще три банки пива и два блока сигарет. Сколько смогла купить.

– Травку не раздобыла?

– Мне не положено… Я ведь на испытательном сроке.

– Могла бы кого-то попросить!

– Сдадут властям, будут неприятности.

– Да, граждане – они такие. И девушке травки пожалеют… Их толерантность протухла, – согласился Квам, поднимая мешок с запретным для социалов алкоголем и табаком. – Сиди здесь еще десять минут. Нас не должны видеть вместе. А деньги ты принесла?

Агнешка сунула Кваму тощий конверт. Хабиби забрал его и, не прощаясь, решительно зашагал через парк в сторону бедного района. Мешок выглядел подозрительно, но не будет же патруль останавливать его каждые пять минут? Хотя, если поймают с пивом…

Пришлось круто развернуться и отправиться в сторону богатого квартала. Социала, который идет с мешком прочь от своего жилья, никто не остановит. Пока Агнешка не устроила взрыв, что носят в своих мешках неграждане, вообще мало кого интересует… Потом, наверное, будет интересовать!

А вот проверить, не украл ли социал чего-нибудь в богатом квартале, патруль может. Поэтому нужно затеряться в толпе. Есть одна улочка с зоомагазином…

При мысли о зоомагазине у Хабиби перехватило дыхание. Может быть, сегодня? Деньги были, уверенность в себе – тоже.

Десять минут, и Квам вошел в полутемный подвал. Здесь кричали попугаи, булькала вода в аквариуме. Обострившимся слухом Хабиби услышал тонкий писк крыс в дальнем углу. Большой гусь ворочался на своем насесте и молчал, глядя на позднего посетителя оранжевыми глазами.

– Гусь сколько стоит? – хрипло спросил Квам.

Названная продавщицей сумма потрясала воображение. У социала не было и десятой части нужных денег.

– Дай мне тогда две крысы, – развязно попросил Квам, глядя на продавщицу – скорее всего, такую же социалку, как и она сам – сверху вниз.

– Удостоверение, – потребовала девушка.

Квам, выругавшись про себя, протянул ей свою карточку.

– Негражданам не положено. Согласно закону о защите животных, – покачала головой продавщица. – Социал не может нести ответственность за живое существо. Вы можете купить только корм.

– Зачем мне корм? Но неужели я не могу нести ответственность даже за крысу? – возмутился Хабиби.

– За крысу в том числе. Таковы правила.

– И это свобода, сестра? – патетически воскликнул Квам и воздел руки к низкому потолку. – Я не могу завести себе крысу! Товарища, который будет любить меня больше, чем это лицемерное, равнодушное, жестокое общество!

Дать бы продавщице по наглой физиономии, а потом разнести этот магазин… Но кругом камеры. Поймают сразу, и три года исправительного трудового лагеря гарантированы. А все почему? Потому, что толерантность фальшивая, подменная!

Негодуя, Квам вышел на улицу и, размахивая мешком, зашагал в сторону дома. Со стен на него глядели камеры видеонаблюдения. В каждую хотелось плюнуть.

Только в узких глухих переулочках, соединяющих благополучные улицы старого благополучного города, камер не было. Зачем? Ведь входы и выходы надежно контролировались другими камерами…

В одном из таких переулков разгуливал вдоль глухой каменной стены пушистый рыжий кот. Гигиенический ошейник, бирка с адресом владельца. Вполне себе домашний котик… Редкая удача! И почему Квам не купил хотя бы немного корма, чтобы подманить рыжего хитреца?

Хабиби присел на корточки, позвал кота. Тот подошел, мяукнул. Не веря своему счастью, Квам осторожно взял его за ошейник, сорвал бирку с данными владельца и сунул ее в карман – выбросить нужно будет позже, не в этом переулке. Кота он погладил и аккуратно посадил в мешок. Тот и не мяукнул. Сидит на антидепрессантах? Не очень хорошо… Впрочем, все равно!

С пойманным котом Квам зашагал в сторону своего квартала еще бодрее. Есть, есть одна полянка за молодыми зелеными кустами, вдали от камер! Там риска быть пойманным гораздо меньше. Но если и так – что значат три года в исправительном лагере по сравнению с настоящим живым котом? Таким пушистым, таким мягоньким и теплым.

Поворот. Еще поворот. Патруль граждан топает в вечерних сумерках по другой стороне улицы. Главное ничем не выдать себя. Не проявить беспокойства. И чтобы кот не мяукнул некстати.

Нет, пронесло. Переулочек, свалка с мусорными контейнерами – здесь-то камер хватает, – тропинка между кустов… Вот и она – полянка!

Осторожно запустив руку в мешок, Квам извлек оттуда кота. Тот недовольно заурчал, выгнул спину. Не урчи, рано…

Хабиби вынул из кармана плотный рулончик скотча – такая вещь всегда может пригодиться. Потом достал из-за голенища сапога острый тонкий клинок – подарок Агнешки борцу революционной ячейки. Нож – не холодное оружие по классификации полиции, но острый, как медицинский скальпель.

Кот сидел спокойно. Попытался вырваться он только тогда, когда Квам замотал ему скотчем морду, а потом и лапы. Опоздал, Рыжик…

Медленно рассекая мягкий бок животного, Квам пристально смотрел в яркие зеленые кошачьи глаза, наполняющиеся мукой. Смотрел и думал об Агнешке…

Ах, как хорошо было бы слиться в порыве страсти с ней, а не с котом! Но она нужна для другого… Пока нужна. Ведь планы взорвать мир прогнившей толерантности еще в силе.

Кому нужен такой мир, где человек не может поступать так, как ему угодно, только потому, что он не сдал какой-то экзамен или не соответствует критериям психической устойчивости? Кто решил, что если человек не соблюдает рабскую буржуазную мораль, свободен по-настоящему, от природы, – он не может быть гражданином? Где же равенство, когда одни живут так, как хотят, а другие вынуждены подавлять свои желания? И даже купить простую крысу в зоомагазине негражданину невозможно, потому что защитники прав животных поднимают вой…

А ведь, по сути, что ценнее – жизнь и душевное удовлетворение Квама Хабиби или неприкосновенность какого-то жалкого животного? Разве можно сравнивать человека и кота?

Мир заплатит за свою несправедливость. Обязательно заплатит. Квам вонзит в его мягкий бок свой скальпель… Пусть только выйдет из запоя самоучка-взрывотехник Йохансон!

Вывоз мусора с контейнерной площадки пришлось задержать на пятнадцать минут. Граждане вызвали полицию, обнаружив в баке убитого кота, и теперь двое парней в белых рубашках копались в мусорном контейнере.

Истерзанный труп животного извлекли сразу, а вот бирку с данными владельца пришлось поискать. Она оказалась в другом контейнере. Карл Гернет протянул находку своему напарнику, Максиму Зайцеву.

– Да, кот именно тот, – сверившись с ноутбуком, подтвердил Зайцев. – Пропал вчера. Вот, смотри. Подозрение в хищении сразу пало на Квама Хабиби, социала. Камеры наблюдения засекли его в том месте, где пропал кот. Был он и здесь… Теперь у нас есть улики. Будем брать.

Карл с отвращением стянул резиновые перчатки, бросил их в мусорный бак и махнул водителю мусоровоза, приглашая его приступить к работе.

– Обычный психопат?

– Идейный, – вздохнул Зайцев. – Входит в подпольную группу «Ангелы свободы».

– У них котов потрошить по уставу положено?

– Нет. Думаю, соратники о его тайных увлечениях не знают.

– Проклятая толерантность, – заметил Гернет. – Этого социала посадят в колонию на три года за жестокое обращение с животными, вместо того чтобы упечь в психушку навсегда. Он же маньяк. И рано или поздно примется за старое. А мы будем кормить его и следить за ним.

Зайцев вздохнул, потом засмеялся.

– Ты не поверишь, «Ангелы свободы» именно за толерантность и борются.

– Неудивительно.

– Только они не признают, что граждане тоже имеют права. Что женщины могут ходить в мини-юбках, что мы можем читать книги, которые нам нравятся… У них – своя толерантность и своя свобода.

– Извращенная.

– Потребительская. Ведь не кричать о том, что все равны от рождения, а получить гражданство, приняв общепринятые нормы поведения и сдав экзамен, любой социал может. Кроме совсем уж откровенных психопатов, вроде этого Квама. Он экзамены сдал, да психологи не пропустили. Задатки маньяка.

– Задатки обнаружили, а на свободе оставили. Проклятая толерантность, – вновь повторил Карл. – Кота жалко. А какая у него хозяйка хорошенькая…

– Нет, толерантность ты зря ругаешь, – возразил Максим. – Без толерантности – чем мы лучше этого Хабиби? Только законы должны быть одни на всех, а толерантность – настоящей. В конце концов, случаи психических отклонений не так часто встречаются. А

нормального человека всегда можно выучить и воспитать. Я ведь тоже не всегда был гражданином. Как и ты… Как и любой из нас.

Олег Дрожжин
Гости дорогие

– …Чумовой трип, пацаны, – говорил Щербет, лениво потягивая «Вдову Клико» из запотевшего хрустального бокала, – планета просто… ну я не знаю, млин. Ну вот в «Султане», если зеленью помахать, тебе задницу оближут будь здоров; так вот считайте, что Герония – это «Султан» в кубе, млин. Ваще все можно делать. Хочешь жрать – жри сколько влезет, хочешь ссать – ссы прям на месте, хочешь бабу – бери любую, хоть целку, хоть бабку столетнюю, хахаха! Бабы там, пацаны, одно удовольствие… Кожа чуть синевой отдает, а в целом – как наши, только, млин, в постели просто ураган. Я там как-то с тремя побаловался, так потом два дня в себя не мог прийти: думал, сдох и в раю оказался, ха-ха-ха! Все, что хошь, с этими геронийцами и геронийками делай – ни слова не скажут. Тупые они, я вам скажу. Вы наши гости, мол, а мы – гостеприимные хозяева, должны делать все, чтобы вам угодить… Ноги об них вытирай, а они и рады… Чудаки феерические… Так что, пацаны, я вам так скажу: сто штук убитых енотов – это, конечно, бабки немалые, но, млин, оно того стоит…

Через неделю Щербета завалили. Попытался кинуть горцев на пару лимонов, думал, самый умный. Пришли, объяснили. Хорошо хоть, быстро объяснили – пулей в лоб. Могли бы и помедленнее, с фантазией.

Не то чтобы Стасик сильно горевал по приятелю, но предсмертному совету Щербета их компашка решила последовать: надо ж чтить волю усопшего, млин. Да и соблазн был, мягко говоря, силен. Щербет – трепло знатное, в этом Стасик не сомневался с первой же их встречи; но, по слухам, и другие счастливчики вроде бы отзывались о Геронии примерно в тех же выражениях. Стасик, конечно, пытался пораскинуть мозгами, с чего вдруг геронийцы стелются как тряпки под земных туристов, но вскоре бросил это занятие. Хрен их знает, может, религия у них гостеприимная… Мой дом – твой дом и все такое. Не его, Стасика, это ума дело. Его дело – бабла найти да дружков подбить. Впрочем, их и подбивать особо не надо – видно же, что слюнки так и текут после щербетовских россказней.

За деньгами тоже далеко идти не пришлось. В отличие от Щербета, их компашка пока не занималась собственными делами; на тачки, тряпки и телок хватало денег от родителей. Отец Стасика, зам какого-то помощника какого-то депутата какого-то там собрания, сто штукарей зеленых выдал без колебаний, как только Стасик пообещал, что в следующем учебном году попробует сдать хоть один экзамен самостоятельно. Папашка аж расцвел: молодец, мол, сынок. Растешь, мол, не зря в МГУ мы тебя устроили… Стасик смиренно слушал оду просвещению, ковырял носком персидский ковер и хлопал длинными пушистыми ресницами.

Кулак с Длинным тоже раскрутили родаков без проблем. А фигли, у одного папаша мент, у второго – судья. Как-то раз Щербет, царствие ему небесное, пошутил, что у них троих, мол, налицо три ветви власти: законодательная, исполнительная и судебная. Стасик тогда ни хрена не вдуплил и вообще удивился, что Щербет такие слова знает.

В общем, купили путевки. В специальном агентстве, там наполовину русские работают, наполовину – геронийцы. Как убедился Стасик, те и вправду ничем от землян не отличаются, только кожа слегка синеватая и волосы у всех белые, а так – обычные мужики и телки. Улыбчивые такие, ластятся. Еще бы – за сотню-то кусков и не ластились… Тарабарщину их пацаны поначалу не понимали, но потом им вкололи какую-то байду, и все сразу на галактическом заговорили. Во технологии, поразился тогда Стасик. Это, конечно, не земные ученые придумали, это все тамошнее – Галактического союза или как там его. И корабли космические тоже их. От землян им только место под офисы да бабки нужны.

До Геронии пару дней летели. Ниче так кораблик, симпотный, решил Стасик. Внутри, правда, попсово как-то, будто и не корабль вовсе, а баржа какая. Вот у отца Стасика яхта так яхта, внутри отделана не хуже «Бэнтли Континентал». Ну да ладно, им здесь не жить, можно потерпеть пару деньков. Кулак уже на корабле бузить начал, текилу жрал и пытался капитану морду набить, но Стасик с Длинным его быстро оттащили – экипаж состоял не из геронийцев, а дорийцев, а дерутся эти черти так, что сам Брюс Ли нервно курит в сторонке. Это Кулак по пьяни перепутал; на самом деле жители Союза Доро легко узнаются по вытянутым мордам и остроконечным ушам, что у твоих эльфов.

Прилетели, короче. Погода – класс. Градусов двадцать пять, решил Стасик и быстренько переоделся в шорты с майкой. Перед выходом на мускулы свои полюбовался – не зря дианабол жрет, ох не зря, – и пошел к трапу вразвалочку. А там уже и Длинный с Кулаком стояли, тоже как один загорелые да мускулистые. Пожалуй, у Кулака масса побольше моей будет, решил Стасик, надо бы выяснить, что он там жрет или колет. Ладно, с этим – потом…

Погранцы оказались улыбчивые, вежливые. Стасик даже удивился: кажется, впервые в жизни он видел чиновников на паспортном контроле, которые действительно были рады гостям. Быстро прошли все процедуры, доехали до города на автобусе. Хотя, конечно, не автобус это был вовсе, а настоящая летающая тарелка. В метре от земли летела и не падала. Стасик сразу такую захотел, чтобы по пробкам московским рассекать, а то в последнее время и мигалка помогать перестала. Пока летели, синекожая тетка в костюме туркомпании впаривала какую-то лажу про историю города, архитектуру и все такое. А Длинный решил времени не терять, проверить на месте все, про что Щербет рассказывал. Когда тетка между сиденьев проходила, он – рраз! шлепнул ее по мягкому месту. Стасик с Кулаком заржали, а Длинный сидит с таким невинным видом и говорит тетке:

– У нас, землян, так принято выражать благодарность за прослушанную экскурсию.

Тут Стасик с Кулаком вообще под стулья сползли. А баба ничего так, поулыбалась. И ответила:

– Очень рада, что вам понравилось. Если пожелаете, расскажу еще что-нибудь.

Вот тогда Стасик понял, что они действительно попали в рай.

Оказавшись в городе, прогулялись малехо. Улицы были непривычно чисты, и пацаны старательно пытались исправить это недоразумение – каждую секунду сплевывая на тротуар. Толку, правда, от этого не вышло: плевки тут же исчезали, будто их и не было вовсе. Стасик подивился на чудесную технологию и плеваться прекратил – зачем зря стараться?

Домики здесь были не в пример московским яркие и в большинстве своем круглые. Сделаны они были будто из бумаги, но Кулак сильно пнул один такой – и покатился с воем, держась за отбитую ногу. Крепкая бумага оказалась, Стасик с Длинным полчаса еще ржали, глядя на прихрамывающего Кулака.

В общем, странная планетка. И прохожие все друг другу улыбаются. Больные, что ли, подумал Стасик. Ну да ладно, главное, что мы здоровые, решил он и больше на прохожих внимания не обращал.

Наконец нашли вроде бар поприличней. Бухнулись за столик, Длинный отработанным движением отоварил официантку по пятой точке. Сказал:

– Слышь, киска, здесь пойло нормальное бывает?

Официантка расплылась в улыбке и нажала какую-то кнопочку на столе. Тут же будто из воздуха появилось три запотевших бокала с зеленоватой жидкостью внутри.

– Опа-на, – с восхищением сказал Длинный, – щас заценим…

Заценили основательно, не меньше чем по литру на брата; кнопочка эта очень удобной оказалась. Наконец Длинный – похоже, он взял на себя роль специалиста по связям с общественностью, – подозвал ту телку, которую пацаны за официантку поначалу приняли (какая же она теперь официантка, раз блюда сами на столе появляются?), и тихонько так спросил:

– Скажи, сладкая, а правда, что у вас любую телку можно того… Трахнуть?

– Вы имеете в виду – заняться сексом? – пропела девушка.

Стасик с Кулаком заржали, Длинный же как ни в чем не бывало сказал:

– Именно так, милая леди. Заняться сексом.

– Да, конечно, – улыбнулась она, – наши законы и религиозные верования обязывают нас быть бесконечно толерантными к любым вашим потребностям и пожеланиям.

– Эээ… А вот с тобой, сладкая моя, я могу заняться сексом?

– Разумеется, – еще шире улыбнулась девушка. Стасик с Кулаком притихли.

– Прямо сейчас? – слегка ошалел Длинный.

– Да, если это не будет мешать другим нашим гостям. Поскольку в данный момент в заведении никого из инопланетных друзей, кроме вас, не присутствует, то вы должны поинтересоваться лишь у ваших товарищей, не будут ли они возражать против вашего секса со мной.

Длинный пару секунд переваривал информацию, затем повернулся к пацанам и с совершенно очумелым лицом спросил:

– Господа, вы не против?

Господа были не против. Стасик так вообще пребывал в легком шоке – до конца не верил, что все, что говорил Щербет, окажется правдой.

Когда Длинный вернулся из какой-то служебной подсобки, где происходил процесс сближения народов Земли и Геронии, он плюхнулся на кресло и с блаженным видом выдохнул:

– Чума, пацаны…

Стасик тут же почувствовал легкий укол зависти: почему это Длинный вечно успевает все первым? Кулак, кажется, тоже возбудился.

– Не ссыте, бакланы, – почувствовав общее настроение, добродушно процедил Длинный, – и вам щас девах найдем…

В течение недели пацаны отрывались по полной: пили все бухло подряд, курили, лизали и нюхали всю дурь, что могли найти, били морды всем, кто попадался под руку, и обеспечивали межпланетные половые контакты со всеми, на кого хватало сил. В последнем преуспели особенно, перепробовав все, о чем только может мечтать нормальный пацан: и худеньких, и толстеньких, и молоденьких, и стареньких, и по двое-трое, и по шестеро-семеро, и в воде, и в автобусе, и на крыше отелей, и посреди пешеходного перехода… Все было дозволено, абсолютно все.

«Наши законы и религиозные верования обязывают нас быть бесконечно толерантными к любым вашим потребностям и пожеланиям», – выучил наизусть Стасик и время от времени повторял, как скороговорку.

На восьмой день, когда ничего, кроме воды, в рот уже не лезло, а перетруженные болты невозможно было поднять и домкратом, пацаны слегка взгрустнули. Сидели молча в шикарном номере, размышляли о вечном. Кулак задумчиво бросал в дверку длинный узкий клинок – его когда-то научил этому кореш, прошедший спецназ. Бросал хорошо, Стасик аж загляделся. Клинок входил в дверь чуть ли не по самую рукоять. К сожалению, следов на двери не оставалось – все дырки затягивались сразу же после того, как Кулак вынимал нож.

– Пацаны, у меня идея одна есть, – сказал Длинный, приподнявшись на диване. Когда он так говорил, Стасик мгновенно чувствовал подъем сил – фантазия у Длинного была что надо.

– Так вот, пацаны, вы знаете, кто такой Зигмунд Телль?

Пацаны помотали головами.

– Деревенщина… Короче, жил такой крендель то ли в Италии, то ли в Польше… В Средние века, короче. Психотерапевтом работал. Он просек тему, что все траблы в голове из детства идут. И решил, значит, из детей своих нормальных пацанов сделать, четких и дерзких, чтоб по жизни не ссались от страха: ставил их в ряд, на голову каждому клал

яблоко, а потом шмалял из лука. И сбивал яблоки – так, что у самих детей ни один волосок не задевался.

– Зачетный перец, – признался Стасик. Кулак посмотрел на свой нож.

– Ага, – сказал Длинный, – щас мы тебя, Кулак, и проверим, какой из тебя Зигмунд Телль получится… Зови коридорного. Вот только с яблоками у нас не очень. Ага, тут клубника со вчера осталась. Млин, вся в сливках… Ну ниче, сойдет.

Длинный достал из-под кровати коробочку с местным аналогом клубники – черной, сморщенной, но по вкусу – не отличишь от земной. Стал придирчиво выбирать отдельные ягоды. Потом взглянул на Кулака, тот неловко мялся у входа.

– Че стоим, кого ждем? – поинтересовался Длинный.

– Дык я это… А если ему по черепушке попаду? – недоуменно промямлил Кулак.

– Эх, тряпка, – укоризненно сказал Длинный и нажал кнопку вызова обслуги.

– Здравствуйте, меня зовут Ниди, чем я могу вам помочь? – донесся из динамика в стене сладкий голосок. Стасик вспомнил, как пищала вчера эта Ниди, когда он жарил ее на подоконнике, и на душе сразу полегчало.

– Скажи-ка нам, киска. Если мы в процессе удовлетворения наших потребностей в метании ножа причиним… э… некоторый вред сотруднику отеля… мы понесем какое-то наказание?

На секунду в динамике замолчали, затем все тот же голос ответил:

– Разумеется, никакого наказания вы не понесете. Вы вправе лишить жизни любого гражданина Геронии, если это входит в ваши желания или потребности. Исключения составляют граждане Геронии, имеющие отношение к административным, научным или творческим кругам, а также те, члены семьи которых уже лишались жизни насильственным образом в течение последних тридцати лет.

– Короче, чикса, – разозлился Длинный, – пришли сюда кого-нибудь, кто не принадлежит к этим… кругам. Кого можно шлепнуть, если че…

Какой-то незнакомый холодок пробежал по спине Стасика. Пробежал – и тут же исчез.

– Выпьем, что ли, для бодрости, – предложил он. Кулак с Длинным согласились, наполнили бокалы, через отвращение выпили. Вроде полегчало.

В номер вошел коридорный – улыбка до ушей, «чем могу помочь» прям-таки на лбу выгравировано.

– Здорово, крендель, – поприветствовал его Длинный, – становись-ка вот сюда. Хочешь для храбрости? – Он предложил геронийцу стакан с мутной фиолетовой жидкостью, которая в меню значилась как «бренди». Коридорный помотал головой и встал спиной к двери. Длинный положил на его макушку «клубничину», предварительно оттерев ее от сливок. Коридорный стоял неподвижно и все с тем же радостным видом – что твой верный пес, ждущий приказаний.

– Ну, – сказал Длинный, отходя от двери и любуясь композицией, – давай, Кулак, покажи этим терпилам, как у нас нормальные пацаны отдыхают…

Кулак сосредоточенно засопел. Оценил расстояние до цели, подкинул клинок, отвел руку назад и метнул.

Стасик зачем-то зажмурил глаза.

Сначала он услышал сочный хлюпающий звук, будто арбуз разрезают. Потом было несколько секунд тишины. А потом раздался спокойный, даже равнодушный голос Длинного:

– Пичалька…

Стасик разжал веки и посмотрел на дверь.

Рукоять ножа торчала из глазного отверстия коридорного; самого лезвия видно не было. Собственно, глаза там уже не существовало; только какая-то белая вытекающая на лицо каша с красными вкраплениями. Герониец еще судорожно дергал ногами, будто пытался танцевать по пьяному делу, но уже понемногу затихал. Нож пробил его череп и пригвоздил коридорного к двери, как муху.

До сортира Стасик добежать не успел – блеванул прямо на роскошный ковер с десятисантиметровым ворсом. Кулак еле успел отпрыгнуть.

– Нда, хреновое было бренди, – с грустью в голосе сказал Длинный, наблюдая за извержениями стасиковского желудка.

А коридорный тем временем совсем затих. На лице его – скорченном от боли, залитом желто-красно-белой слизью из глазницы – застыла нелепая торжествующая улыбка.

Они пошли в ближайший бар и стали там напиваться. Длинный – с задумчивым, сосредоточенным видом. Кулак – исступленно, быстро, будто на школьной дискотеке в сортире. А Стасик – бездушно, на автомате. Так и сидели, пока Кулак не окосел вконец и не принялся по привычке осматривать помещение в поисках объекта мужской ласки.

– Ага. Эльфийка, – сообщил он и поднялся из-за стола.

Стасик равнодушно пожал плечами. Длинный тоже какое-то время сидел, продолжая рассматривать свой бокал, а потом вдруг вскочил и бросился за Кулаком. Он успел в тот момент, когда Кулак, уже привыкший к покорности геронийцев и по-прежнему не отличающий их от дорийцев, предлагал сексуальные услуги гражданке Союза Доро. К счастью, Длинный встрял вовремя: спутник дамы, остроухий дориец в бесформенном желтом наряде, уже медленно поднимался из-за стола, занося руку для удара и явно примериваясь к нижней кулаковской челюсти.

– Ты что творишь, баклан? – зашептал Длинный на ухо недоумевающему Кулаку, – он же тебя уроет за такое. Пойдем отсюда, пока не огребли…

Это забавное происшествие странным образом оживило Стасика. «Ну и фигли, – подумал он, – сам виноват». Последняя фраза относилась к мертвому коридорному и, очевидно, служила индульгенцией для зачатков стасиковской совести.

Они быстро выскочили из бара, прошли по проспекту метров триста, завернули за угол – в какую-то безлюдную подворотню – и остановились.

– Пацаны, надо расслабиться, – заявил Длинный, – что-то у нас день сегодня напряженный.

Стасик поддерживал его всеми пятью конечностями.

Длинный достал пакетик с остатками дури – еще земной, которую они притащили сюда в багаже, – разделил на три равные доли и выдал каждому по «Беломорине». Пацаны забили косячки, закурили, глубоко затягиваясь и задерживая дыхание – чувствуя, как нарастает приятный шум в голове, как отпускают все тревоги и напряги.

– Закурить не найдется? – послышался сзади, со стороны улицы, насмешливый голос.

Стасик закашлялся от неожиданности. Развернувшись, он увидел давешнего дорийца – уже без дамы. Чужак стоял, скрестив руки на груди и расслабленно привалившись к стенке дома.

– Минздрав запарился предупреждать, – набычился Кулак, нагнув голову и направляясь к чужаку. Похоже, он не понимал, как этот щуплый дориец в смешном костюме может помешать ему, четкому пацану с накачанными грудаком и бицухой, спокойно отдыхать от треволнений окружающего мира.

Стасик вздохнул и принялся наблюдать за шоу. Он-то видел разок фильм про дорийцев, знает, как те умеют руками-ногами махать. Длинный, похоже, тоже решил не вмешиваться, благоразумно рассудив, что Кулак может поучиться и на своих ошибках.

Напрасно Стасик ждал шоу: все закончилось очень быстро. Резкий рывок Кулака – и плавное, почти незаметное движение дорийца – и вот землянин лежит на теплом геронийском асфальте и судорожно сжимает свое горло.

«Силен», – подумал Стасик. Кулака почему-то вовсе не было жалко.

Внезапно воздух позади дорийца сгустился, и прямо из ниоткуда появился высокий мужик в блестящем комбинезоне и с прозрачным шлемом на голове. Он аккуратно взял остроухого за локти и будничным голосом сказал:

– Дорогой гость из Союза Доро! Вы мешаете праву на отдых дорогим гостям с планеты

Земля. Служба Туризма конфедерации Геронии вынуждена отделить вас от наших дорогих гостей с Земли.

Дориец невозмутимо покачал головой:

– Дорогой служитель гостеприимной Службы Туризма не менее гостеприимной конфедерации Геронии! Я вовсе не мешаю отдыху наших земных друзей на вашей замечательной планете. Я лишь обучаю их основам дорийской борьбы, которые они никогда не смогут узнать, вернувшись на свою родину!

На синей роже под прозрачным шлемом отобразилось сомнение.

– Скажите, дорогие гости с планеты Земля! – обратился эстэшник к Стасику с Длинным. – Действительно ли…

– Да, – крикнул Стасик, опережая Длинного и с силой пихая его в бок, – да, гостеприимный страж, тьфу, то есть турист, то есть… Да, этот человек, млин, то есть дорианец, учит нас этому… Эксклюзивному мастерству дорийского кунг-фу, во! Улучшение навыков кунг-фу входит в наши потребности во время отдыха на вашей гостеприимной планете!

Дориец усмехнулся.

– Спасибо за разъяснение, дорогой гость из Союза Доро и дорогой гость с планеты Земля, – сказал мужик в костюме, – извиняюсь за вмешательство.

И исчез. Телепортируются они, что ли, подумал Стасик.

– Ты че творишь, баклан, – накинулся на него Длинный, – на хрена ты отослал этого, завернутого в фольгу?

– Спокойно, кореш, – сказал Стасик и только теперь подивился собственной храбрости, – эй ты, остроухий! Чего тебе надо?

Чужак осклабился, покачал головой. Снова скрестил худые руки на груди, прислонился к стенке.

– Сам не знаю, на что я надеюсь… Видите ли, дорогие отбросы земного общества, я долгое время изучал прошлое и настоящее вашей планеты. Она мне нравится. Что-то есть в ней такое… притягательное, хоть и порождает она отморозков вроде вас.

Стасик с Длинным от такой наглости дара речи лишились. Уши развесили, рты раскрыли и слушали, как первоклашки – директора на линейке. Только Кулак не слушал; он поднялся на четвереньки и осторожно двигался по направлению к друганам, тихонько матюгаясь и что-то там бормоча про своего папу, который найдет дорийца и анально его покарает. Впрочем, через минуту и он затих – видно, понял, что за пределами Москвы карательные возможности его папы резко стремятся к нулю.

– …а потому мне не хочется, чтобы Земля повторяла ошибки других. Вы, олухи, отрываетесь здесь по полной и наверняка даже не задумывались о том, с чего вдруг такая высокоразвитая цивилизация стелется перед вами, будто пьяная шлюха?

– Дык это, – подал голос Длинный, – бабки же уплочены…

Дориец расхохотался.

– Ха-ха-ха… Бабки… Ой, умора… Бабки… Сынок, ты понятия не имеешь, что такое настоящие бабки. Герония настолько богата, что может не поморщившись купить сотню таких планет, как ваша, вместе со всеми вашими бабками и потрохами.

– У них эта… религия обязывает, – высказал предположение Стасик и процитировал: – «Наши законы и религиозные верования обязывают нас быть бесконечно толерантными к любым вашим потребностям и пожеланиям».

Дориец резко перестал смеяться.

– У геронийцев есть только одна религия, – рявкнул он, – это они сами! Благополучие их цивилизации, их счастливое будущее! Все, больше никаких религий.

– А хрен ли тогда… – почесал в затылке Стасик.

– Я вам скажу, «хрен ли», – передразнил его дориец, – все очень просто. Когда очередная молодая цивилизация принимается в Галактический союз – а это происходит всегда примерно на одном и том же уровне ее развития, то Герония гостеприимно

распахивает свои двери для туристов. Уверяя, что здесь можно делать абсолютно все. Заметьте, при этом геронийцы устанавливают достаточно высокий – по меркам молодой цивилизации – ценовой порог для путевок. Это делается для того, чтобы приличные люди сюда не попадали, а ехали только ублюдки вроде вас: обладатели легких денег и искатели легких приключений… Ублюдки радостно приезжают, осматриваются – и творят полный беспредел. Их крышу начисто сносит от вседозволенности. А геронийцы аккуратно все это дело фиксируют. Каждый ваш плевок записан на голографию. Каждая изнасилованная вами женщина уже дала показания. Каждый убитый вами герониец занесен в особые списки, что-то вроде святых… И через пару-тройку веков, когда культурный уровень вашей планеты подтянется до общегалактического, – Герония начнет вспоминать. Намеками, оговорками, случайными обрывками видеозаписей… И Земля, которая к тому времени почти успеет все это позабыть, ужаснется. Ей будет нестерпимо стыдно. И она будет готова делать для геронийцев все, во-первых, просто из чувства вины, а во-вторых, лишь бы Герония не выставляла грязное земное белье – то есть вас – наружу. Никакие вы не гости, дорогие мои, вы – грязное белье с налипшим на него дерьмом. И дерьмо это придется отмывать вашим потомкам!

Дориец остановился на секунду, переводя дыхание и осматривая аудиторию. Аудитория сидела на корточках и внимала, но по-разному. Длинный сосредоточенно разглядывал какой-то камешек на дороге, Кулак прислонился к стене дома и готовился слегка вздремнуть, а Стасик во все глаза пялился на чужака и не пропускал ни единого слова.

– Каждая женщина, которую вы нагибали здесь, – продолжил остроухий, – терпит это потому, что знает: через сто, двести, триста лет Герония точно так же нагнет вашу цивилизацию, и будет нагибать, пока не надоест. Каждый убитый вами герониец умирал с улыбкой на лице, потому что знал: благодаря его смерти ваши – ваши! – потомки будут работать на экономику Геронии, и уже Земля станет «бесконечно толерантной ко всем требованиям и пожеланиям»! Вот их религия! Вот путь их развития! Геронийцы – одна из самых могущественных и богатых рас во Вселенной, и это при том, что у них не рождается ни талантливых ученых, ни гениальных стратегов, одни середнячки, чуть поумнее вас… Видели, как этот вояка из ниоткуда появился? А знаете, сколько лет Союз Доро разрабатывал технологию телепортации? Пятьдесят восемь лет! А Герония получила эту технологию совершенно бесплатно, за пять минут переговоров…

– Так вы что, тоже… – догадался Стасик.

– Ну разумеется, – скривился дориец, – все, кроме Древнейших, через это прошли. И все сейчас вьются вокруг Геронии, как она вьется перед вами… Такая вот уникальная стратегия развития.

Дориец вздохнул, выудил из кармана пластиковую коробочку:

– Да что я тут с вами разглагольствую… Ничего же не поймете. Держите диск, тут все данные, передадите на Земле первому встречному умному человеку. Дальше сами разберутся.

Он бросил Стасику диск, тот ловко поймал. Спросил:

– А че сами-то не передадите?

– У геронийцев преимущественное право контакта с новичками, – нахмурился дориец, – первые десять лет – только туризм на Геронию. Потом уже – дипотношения со всеми остальными членами Галактического союза. Еще одна выторгованная преференция…

– А почему они позволяют вам все это говорить? – не унимался Стасик.

– Потому что формально я не мешаю вашему отдыху, а вы не мешаете моему. Все остальное – неважно…

Дориец вздохнул, засунул руки в карманы своей хламиды, слегка ссутулился и, очевидно, собрался уходить.

– Эй, длинноухий, – просипел проснувшийся Кулак, потирая рукой горло, – ты это… обещал основу борьбы показать…

Дориец усмехнулся:

– Обещал – сделаю. Основа основ дорийской борьбы, мой отвратительный друг, очень проста: никогда не нападай первым.

Развернулся и ушел.

Кулак пару секунд моргал, приходя в себя от такого кидалова. Потом тихо выругался – видно, отбитое горло не позволяло выразить возмущение с подходящими случаю децибелами.

– Не по-детски мужик вкурил, – задумчиво сообщил Длинный. Стасик пожал плечами, посмотрел на невзрачную пластиковую коробочку с диском внутри.

– Пойдем-ка, пацаны, бухла нормального поищем, – сказал Длинный, поднимаясь с корточек, – че-та в горле у меня пересохло…

Кулак с готовностью кивнул, встал и, слегка пошатываясь, потопал к выходу из подворотни. Длинный похлопал его по плечу и зашагал рядом. А Стасик все стоял как истукан да мял в руках злосчастную коробочку.

– Ты че, Стасоид, – обернулся Длинный, – че, поверил мужику? Да он же нас за лохов держит, ты че, не понял, что ли?

Стасик сглотнул. На секунду ему показалось, что они и есть самые настоящие лохи. Впрочем, озвучить этот тезис он не решился.

– Стасоид, млин, ты еще эту хрень отдай кому-нибудь из гэбни… Закроют же Геронию на хрен. Себя не жалко – о пацанах подумай, кто еще не был, они тебе спасибо, млин, не скажут.

Стасик вздохнул, представил себе лица друганов, узнавших, что из-за него они не смогут попасть в пацанский рай. Да, нехорошо получится… Еще мгновение он поразглядывал коробочку, а потом резко отбросил ее от себя, будто она вдруг раскалилась и стала нестерпимо жечь руки.

– На болту я вертел этого остроухого, – заявил Стасик, догоняя Кулака с Длинным.

– Вот это правильно, кореш! – обрадовался Кулак. – Мы еще до этого эльфа доберемся, не ссы. Мы ему так вставим, что…

Кулак стал озвучивать методы наказания, которые он, Кулак, лично применит к дорийцу, когда доберется до него.

А серая коробочка с диском внутри полежала на тротуаре еще с полминуты, а затем вздрогнула и утонула в открывшейся вокруг нее полынье. Которая, разумеется, тут же затянулась. Геронийцы очень трепетно относились к чистоте своих улиц. Ничто и никогда не должно было помешать отдыху дорогих гостей с далеких планет. Ничто и никогда.

Светлана Прокопчик
Вид на жительство

Хваленый стеклопакет – три листа прозрачной брони по дюйму толщиной каждый – обрушился на постель лавиной мелких кусочков. Трейси отплевывался и проклинал дурацкую привычку спать с открытым ртом. Хотел было выругать себя и за то, что накануне передвинул койку от стены к подоконнику, но передумал: по полу, угрожающе грохоча, нарезал круги мыслящий камень.

– О, черт! – только и сказал Трейси, отметив взглядом точку приземления камня – на том месте, где вчера стояла кровать, в полу осталась щербина. Проклятый террорист метил спящему человеку в голову. Значит, каприз спас ему жизнь.

Камень тут же подскочил – впрочем, невысоко, без посторонней помощи отметку одного фута не удалось преодолеть даже их чемпиону по подпрыгиваниям, – и покатился к постели. Трейси на всякий случай поджал ноги и зашарил рукой в изголовье, надеясь, что халат никуда не пропал. Неудобно убегать голым. Конечно, все понимают, что главное выжить, но все равно голый человек – ужасно смешное зрелище.

Халат оказался на месте. Трейси быстро закутался, не пытаясь даже попасть в рукава. Камень, убедившись, что источник звука находится на недосягаемой для него высоте,

остановился и зашипел. Трейси насторожился. Камень менял цвет, быстро разогреваясь. По спальне пополз запашок горелой синтетической плитки, разрекламированной как негорючей. Надо на производителей в суд подать. Если удастся выбраться из помещения до того, как раскаленный камень взорвется.

Трейси не знал, в какой момент у мыслящих камней от перегрева выключается сознание. Может, они контролируют происходящее до конца, а может, процесс необратим. Знал только, что сейчас террорист превратится в шар острых сколов, сам помрет, но и его накроет. Если камень еще может двигаться, он догонит Трейси, когда тот побежит к двери, и переломает ему кости.

Может или не может?

Камень проплавил пол до бетона. Трейси сорвался с места и в два прыжка, которым позавидовал бы любой мыслящий кенгуру, пересек спальню. Рванул дверь на себя. К счастью – ого, ему сегодня везет уже второй раз! – он не заперся, ложась спать. Выскочив в коридор, налег на створку всем весом, нащупывая ключ в кармане халата. Камень с той стороны осыпал дверь градом ударов, и Трейси почти изнемог, сдерживая натиск террориста. С трудом вставив ключ в замочную скважину, успел провернуть на один оборот, когда исступленная молотьба прекратилась. Сообразив, что это означает, Трейси попятился. И вовремя: в спальне раздался хлопок, и тут же створку, чью прочность научно доказали, пронзили в восемнадцати местах иглоподобные останки мыслящего камня.

– Уфф… – выдохнул Трейси и прислонился к стене.

– Иии! – взвизгнула над ухом мыслящая лиана, которой он ненароком придавил листочек. Трейси отшатнулся, зная поганую привычку своего телохранителя жалить чесучим ядом. – Иии!

– Я случайно, извини, – оправдывался человек. – Террорист в спальню ворвался. Окно выбил. Опять мне бракованную броню подсунули, четвертый раз ее вышибают.

– Иии, – заметила лиана уже спокойней.

По причинам физиологического характера лиана не могла пользоваться стандартным интерпретатором речи. Трейси, однако, научился распознавать тонкие эмоциональные оттенки в едва слышимом естественном писке, который издавало растение. Телохранитель из лианы вышел преотличный, жаль, что защищал только с одной стороны. Но зато надежно защищал. В спальню без разрешения хозяина не мог проникнуть никто. Через дверь, разумеется, не мог.

– Зато я теперь знаю, что мыслящие камни теряют сознание непосредственно перед взрывом, – похвастался Трейси.

– Ишшш, – лиана издала недовольную разновидность писка: как и все растения, она терпеть не могла камни, лишенные возможности ощущать боль. Трейси подозревал, что его телохранитель, вопреки Новой Конституции, по-прежнему считает мыслящие камни низшей расой, не обладающей разумом. И с удовольствием обратил бы их в рабство, заставив трудиться на плотинах, дамбах и в мельницах. Но Трейси никогда не обвинял лиану в расизме. Если честно, он сам недолюбливал камни.

А вот растения любил. И понимал. Признавал, что они способны мыслить, задолго до вступления Земли в Конвенцию мыслящих рас. С телохранителем подружился сразу и никому не доверял заботу о капризной лиане: сам поливал, подкармливал и передвигал кадку ближе к свету.

– Ну что, порыхлить тебе? – спросил Трейси, чуть успокоившись.

Вынул из специального ящичка особую палочку и осторожно, не задевая воздушные корни, размельчил верхний слой почвы в кадке. Лиана экстатически напевала на мотив государственного гимна.

Оставшиеся до подъема два часа Трейси провел в своей приемной. Выбрал банкеточку почище – хотя все они были порядком измазаны защитными выделениями просителей – и задремал. Проснулся разбитым, болели ребра от неподвижного лежания на жестком, во рту

слюна прокисла от невыветриваемых запахов, которыми пропиталось помещение. Но душевное равновесие восстановилось полностью, Трейси даже повеселел. «Мне нужно ополоснуться, – думал он, – позавтракать, и все будет в порядке».

Сбросив халат, плюхнулся на унитаз, насвистывая прилипший к зубам государственный гимн. Свист быстро перешел в испуганное шипение. Трейси поймал себя на мысли, что боится опустить взгляд. Что-то там происходило – непонятное, ужасное… Панически выпучив глаза, Трейси все-таки посмотрел.

– АААААААААА!

Его снесло с унитаза. Ударившись плечом о душевую кабинку, Трейси упал и забился, суча ногами и пытаясь залезть под ванну.

Из сливного отверстия унитаза мощными неторопливыми толчками выбиралось огромное червеобразное тело с острой головой.

– Простите! – гулко рявкнул механический голос. – Очень не хотел вас напугать. Не волнуйтесь, я гражданин, потомственный червеземлянин, декларация о доходах будет предоставлена по требованию. И у меня к вам есть просьба личного характера. Очень личного.

Трейси тяжело дышал в дальнем от визитера углу. Главное, напомнил он себе, не назвать этого гада паразитом. Мыслящие глисты требовали, чтобы их именовали строго червеземлянами, а «паразита» считали оскорблением личности. И судились. У них львиная часть доходов состояла из выигранных исков. Правда, налоги платили честно, этого у них не отнять.

Проклятый глист, напугавший его до полусмерти, тем временем продолжал вытягивать раздутое тело из канализации. И в который уже раз Трейси задумался: а где же у этих червей мозг? Головка, вся из зубов и присосок, казалась слишком маленькой. Шейка тоже невелика, хотя ее размеры и позволяли вживить языковой интерпретатор с лазерной панелью. Среди этих паразитов, между прочим, попадались изрядные болтуны, выдававшие себя за великих философов, ученых и прочих титанов мысли. Вот только препарировать их запрещалось, а без расчленения поди выясни – ну где, черт подери, они прячут мозги?! Не в членики же, там исключительно детки зреют, и в этом отношении инопланетные черви от земных решительно ничем не отличались. Порой Трейси жалел, что маньяки-убийцы среди людей кончились, – можно было бы обратиться, хм, за помощью. Правда, нет гарантии, что брезгливые маньяки не отказались бы.

– И что вам нужно? – спросил Трейси.

– Со мной стряслось великое несчастье. – Если бы у глиста были глаза, ему полагалось бы мученически закатить их. А заодно настроить интерпретатор на передачу эмоциональных оттенков. – Мой носитель скончался.

– Сочувствую, – равнодушно ответил Трейси. – Обратитесь на биржу занятости. Может, там есть вакансии симбионтов.

– Мне отказали. Видите ли, у них есть вакансии на бесполых, мужских и женских симбионтов. А гермафродиты им не подходят! Это недопустимо. Это дискриминация по половому признаку, вы не находите?

– Безусловно. Вы уже обратились в суд за защитой вашего достоинства?

– О, конечно! Но пока будет длиться тяжба, я, увы, последую за своим несчастным носителем. И величайшие достижения мысли, коих я последний хранитель, бесследно сгинут в пучинах!

– Ну так запишите их, надиктуйте, в конце концов…

– Ах, если бы это было возможно! К несчастью, этика моего рода не допускает тиражирования знаний таким пошлым образом. Я могу передать их моим нерожденным детям или же носителю. В этом и есть великий смысл симбиоза – я даю сокровенное знание, за которое прошу совсем небольшое количество пищи, скромной, простой, да можно даже грубой, лишь бы без горечи да получше переваренной… А вы?

– Что?

– Вы – вот вы хотите стать известным мыслителем? Поверьте, мне не нужна преходящая слава. Вы произвели на меня впечатление настоящего интеллигента… Нам непременно нужно объединить усилия, мы обязаны вытащить этот мир из бездны греха и порока!

На беду, Трейси обладал слишком живым воображением. Представив себе, как это чудовище станет в него забираться, он метнулся к ванне и перегнулся через край. Его вырвало желчью. Трейси сел на край, умылся и прополоскал горло.

Глист нетерпеливо раскачивал маленькой противной головкой на высоте около пяти футов над полом, и Трейси прикидывал: достанет ли паразит до него с одного броска? Уж больно хищно он шевелит присосками, подло пряча зубчики в круглой пасти. А то, что на панели интерпретатора помаргивает дружелюбный оранжевый огонек, еще ни о чем не говорит.

– Нет, простите, я совсем не интеллигент, – пробормотал он, пятясь к двери. – Особенно по сравнению с вами, таким великим…

– Ну, не занижайте самооценку. Я-то чувствую в вас безусловно родственную душу. Мы договоримся.

С этими словами глист изогнулся, присоски оказались у самого лица Трейси. С воплем человек вылетел в коридор, саданув дверью по морде червя. Тот заорал, и даже дешевый интерпретатор отразил бурю эмоций:

– Вы не можете!.. Вы негодяй!.. В суд!.. Расист проклятый!.. Нарушаете мои права мыслящего существа!.. Я гражданин Земли и тоже имею право на жизнь!..

Трейси длинными шагами несся прочь, надеясь, что червяк не успеет быстро вылезти из унитаза.

В гардеробной, к счастью, его никто не караулил. Хотя позавчера семейство мыслящей моли подстерегло именно здесь. Трейси подозревал, что визитеры банально грабили, ну, а прошение использовали в качестве отвлекающего маневра.

В столовой царила тишина. Мажордом, невыносимо высокомерная мыслящая черепаха, полагающая себя оплотом вечности, возвышалась над абсолютно пустым столом. Трейси насторожился.

Появился официант – мыслящий енот. Вообще-то его брали прачкой, но он возмутился, сочтя это нарушением своих прав: что ж, если он полоскун, так его теперь только за стирку, да? Может, он совсем о другом мечтал! На поверку енот оказался вполне покладистым и согласился совмещать должность прачки – потому что стирать, что ни говори, умел качественно – с обязанностями официанта, которые ему нравились. Взаимно, надо сказать; Трейси без содрогания не мог вспомнить прежнего официанта – мыслящего и чрезвычайно обидчивого скунса. Енот же был несравненно симпатичней и даже научился шутить. Опять же, помимо стирки и прислуживания за столом он охотно заменял курьера и горничную – впавшую в зимнюю спячку мыслящую медведицу. Собственно, у енота было только два недостатка: перманентная линька, отчего клоков шерсти в тарелке оказывалось больше, чем еды, и привычка надкусывать фрукты.

– Что это значит? – рассердился Трейси, покопавшись в тарелке и обнаружив, что под слоем шерсти нет ничего.

– Повариха делится! – радостно сообщил енот, не дожидаясь, пока мажордом осмыслит вопрос и соотнесет его с извечным философским «а зачем что-либо делать?». – С ночи! – Он подпрыгивал на месте от возбуждения и чесался. – Так что завтрака нет, а поварих теперь будет две!

– Одну уволим, – сказал Трейси, машинально обирая с костюма шерсть полоскуна.

Енот захихикал:

– А какую, если у них генная карточка одинаковая будет? Она ж делится, там все одинаковое, и даже гражданство! Нельзя уволить одну, потому что вторая подаст в суд за несправедливое увольнение без предупреждения – она ж точно такая же, и докажет, что на работу принимали именно ее! А первая докажет то же самое!

– М-да, – крякнул Трейси. – Кажется, повариха-амеба – не лучший выход для гурманов.

– А потом она опять будет делиться, и опять, и тут будут одни поварихи, и все совершенно одинаковые! – ликующе верещал енот. – И никого нельзя уволить, а весь бюджет на них уйдет! А увольнять за то, что она делится, нельзя, потому что это расовая дискриминация, а с обязанностями она справляется! Ура, мы разоримся! – Енот подпрыгнул и кувыркнулся через голову от счастья.

– Я позавтракаю в городе, – сказал Трейси, порядком рассерженный кривляниями официанта. Кажется, он слишком рано сделал выводы о милом характере этого существа.

Мыслящий удав, трудившийся механиком в гараже, висел на обычном месте. При появлении человека лениво повел головой и приоткрыл светящиеся пронзительные глаза. Трейси его слегка побаивался, несмотря на меланхоличный характер и подчеркнутую логичность поступков. Но придраться не мог: свои обязанности мыслящий удав знал и превосходно с ними справлялся, чего нельзя было сказать об остальной прислуге.

– А где машина? – удивился Трейси.

– Ммм… Машина? – Удав кушал один раз в сутки, с вечера, и после завтрака у него наступал самый пик пищеварения. – А, машина… Так на ней повариху увезли. В госпиталь. Сложное деление, знаете ли. Если врачи не разделят, то непременно умрет. Позволю себе посоветовать: берите на ее место гидру. Конечно, она готовит только пищу, которую сначала сама переварит, это не каждому по вкусу, но с ее принципом пищеварения отъест не так уж много. Зато она почкуется, а не делится.

– Я подумаю. Мне нравится ваша мысль.

– Еще бы! – согласился удав и закрыл желтые глаза. По его мнению, дальше говорить было не о чем, а пустопорожнюю болтовню он с высот своей мудрости не уважал.

На положенной ему по статусу машине Трейси ни разу ездил. Постоянно находился кто-то, кому она была нужней. Склонный во всем видеть хорошее, Трейси порой думал: если салон такой же загаженный, как банкетки и диваны в его приемной, то куда здоровей ходить пешком. Конечно, в приемной регулярно убирались, но выделения множества инопланетных тел – а редкий пришелец носил одежду даже из соображений личной гигиены – прочно въедались в ткань, оставляя скользкий налет и неприятный запах.

Хоть машина и была одним из чудес, ради которых Трейси покинул родное гетто, он не расстраивался, освоив систему общественного транспорта. В конце концов, говорил он себе, автобус – тоже машина. Только большая.

В автобусе об него вытерся какой-то гражданин, покрытый толстым слоем жирной слизи. Гражданин вздыхал и охал, жалуясь, что местное солнце совершенно ужасное, что оно высушивает его нежную кожу, неужели нельзя было как-то притушить это проклятое светило? Непонятно, куда смотрят правительство и парламент, если позволяют гражданам так страдать. За что они налоги дерут? Ну хорошо, если они не могут напустить в атмосферу приятных облаков, то хоть улицы-то могли закрыть козырьками?! Автобус наполнился сочувственными репликами.

Трейси медленно зверел. За каким хреном все эти существа так рвались на Землю, если им здесь все не по нраву?! Катились бы к себе обратно… Набиваются сюда, будто других мест во Вселенной не существует. Понятно, что их привлекает: Земля единственное государство, взявшее демократичный курс на гуманизацию и уравнявшее все расы в правах. Теперь их отсюда поганой метлой не выгонишь – у себя-то они никаких прав не видывали!

Сойдя на остановке, Трейси тщательно обтер костюм носовым платком. Из платка вывернулась рассерженная мыслящая сороконожка, которая забралась в карман, чтобы не платить за проезд в автобусе, и по вине Трейси пропустила нужную улицу.

Безымянная, как все негосударственные фирмы, корпорация с внушительным перечнем оказываемых услуг, продаваемых товаров и производимого оборудования ютилась в облупленном здании на задворках 421-й авеню. Трейси понял, что фирма далека от респектабельности, но не остановился: он нуждался в любой работе, честной и

оплачиваемой.

Он приготовился сообщить в домофон, что явился на собеседование, когда ворота разъехались в стороны, выпуская наружу недовольно гомонящую толпу. Трейси отступил, думая, что желающих занять единственную свободную вакансию слишком много, но он обязан верить в себя – и тогда все получится.

На запущенном дворе и парадном крыльце чего-то ожидали возбужденные граждане. На расспросы Трейси никто не реагировал. Растолкав людей, он с трудом пробрался в здание. Дальше холла на первом этаже ему проникнуть не удалось. Да и не было в том необходимости: вакансия оказалась занятой, и уже давно. У подножия лестницы возвели трибуну, на которую водрузили гигантский аквариум с мыслящим осьминогом.

– Начальник рекламного отдела, – сообщил мыслящий ослик, переминавшийся с ноги на ногу в опасной близости от ботинок Трейси.

– Вроде вакансия не в рекламу требовалась, – осторожно заметил Трейси.

Ослик тяжело вздохнул:

– Это да. Только вакансию они отдали еще позавчера. Видите мыслящего паука рядом с аквариумом? Это политический беженец. Корпорация хочет налоговых льгот, потому приняла на работу политического. Заодно устроила дешевое шоу с нашим участием. Я сегодня утром звонил, мне сказали, что вакансия свободна. Пришел загодя, а тут таких, как я, – сотня. Всем же понятно, если на собеседование приглашают столько народу одновременно, то не возьмут никого. А потом телевидение приехало.

Трейси порадовался мысленно, что договорился о встрече не в одной, а в трех фирмах. И с хорошим запасом времени, который позволял ему поглазеть на происходящее.

Осьминог произнес торжественную речь, из которой следовало, что он решительно чувствует родство с пауками, но при этом конкретно осуждает царящие на их родине порядки – отсутствие демократии, неравенство в правах, дискриминацию по половому признаку и политическую цензуру. И как только подвернулась возможность, он тут же оказал дружескую услугу диссиденту, приняв его на работу и тем самым гарантировав ему получение земного гражданства…

Он говорил долго, Трейси начал зевать. Из толпы послышались расистские выкрики. На недовольных кинулись журналисты. Один оказался рядом, сунул ослику микрофон:

– А вы арахнофоб, сознайтесь?

Трейси вжался в толпу, максимально увеличив расстояние между собой и интервьюируемым ослом: угодить на экран в скандальном ракурсе он не хотел. Слишком уж тяжело потом восстанавливать репутацию. Спустившись во двор, Трейси без помех вышел на улицу, но вздохнул спокойно, лишь затолкав себя в переполненный автобус.

Насколько тягостное впечатление производил офис первой корпорации, настолько же приятным ему показалось представительство второй. Высотное здание, оформленное в строгой серовато-розовой гамме, причем фасад с преобладанием практичного серого, тогда как во внутренних помещениях превалировал тонизирующий розовый. Оставив позади стеклянные двери, Трейси застыл, созерцая открывшееся его взгляду великолепие – ничего лишнего, стерильная чистота и тишина.

Робея, доложился вахтеру. Мыслящая крыса, страдающая астигматизмом, долго сверлила его то одним, то другим глазом, затем изрекла:

– Вакансия занята.

– Как занята? Мне же назначили в одиннадцать тридцать, я пришел даже раньше!

– Занята. Вас бы не взяли. Нам не нужен человек.

– То есть как? – возмутился Трейси. – Как это – не нужен человек? А кто вам нужен?

– Тритон.

– Да это… Это… Это же самый настоящий расизм! Вы мне отказываете в месте только потому, что я неподходящей расы!

– Не я, – отрезала крыса. – Руководство компании.

– Тогда скажите вашему руководству, что я хочу с ним лично поговорить!

Трейси готовился к тому, что после такой грозной реплики его вытолкают на улицу. Тем более охранник – крупный мыслящий крокодил – уже подполз ближе к нему. Ничего, думал Трейси, еще посмотрим, кто кого! Не дали работы – заплатят по иску за оскорбление достоинства.

Крыса равнодушно указала ему на диванчик:

– Ждите.

Через пять минут в холл спустился гид – трехфутовый мыслящий кот – и повел Трейси в кабинет руководства. Директором фирмы был обильно потеющий розовый слон. Посетителей он принимал в круглом бассейне. Это не означало, конечно, что гостям предлагалось окунаться в воду – вовсе нет, там и места для кого-то другого не предусматривалось. Визитеры располагались на бортике, достаточно официальном и комфортном одновременно. В дизайне чувствовался отменный вкус и тяга к минимализму.

– Чем могу служить? – Стильный интерпретатор с матовой черной панелью слон настроил на приглушенный и подчеркнуто спокойный голос.

– Я хотел бы выяснить, почему вместо меня на работу взяли тритона, хотя у меня анкета идеально соответствует запросу.

– Потому что интерес общества к мыслящим тритонам сейчас особенно велик, и я хочу получить дополнительную рекламу в СМИ, – исчерпывающе объяснил слон. – На человеке пиара не сделаешь.

– Да, но зато я могу работать! Что, скажите мне, способен произвести тритон, если он не может надолго вылезти из аквариума?!

– Вы что, только вчера из гетто?! – Слон поджал кончик хобота. – Как маленький, честное слово. Ну кто, кто, скажите мне, сейчас на Земле что-то производит? Это невыгодно. Здесь прекрасный рынок сбыта, и все серьезные корпорации имеют тут своих торговых представителей. Но производить?! Мне лично вы симпатичны, и люди в целом глубоко понятны, но – бизнес есть бизнес. А для бизнеса мне люди дать ничего не могут. Это не расизм, как вы сами понимаете. В бизнесе нет такого понятия, там есть термин «целевая аудитория». У людей низкая покупательная способность, и для нашей фирмы работа с людьми бесперспективна – мелко. В офисе у меня ни одного человека нет. А тритонов на Земле много, они богаты. И парень, которого я принял, поднимет наш престиж. Вы не обладаете нужной мне узкой специализацией, поэтому я отказал. Впрочем, – слон задумался, – я мог бы предложить вам один проект. Но не на Земле.

– К сожалению, это исключено. У меня здесь семья.

– Наша фирма готова оплатить переезд не только вам, но и членам вашей семьи. Спонтанно сложился человеческий рынок на Альдебаране, и там весьма полезен оказался бы наш представитель из вашей расы.

Трейси замялся.

– Возьмите мою визитку, – слон ткнул щупальцем в сторону офисного столика. – Деньги неплохие, льготный вид на жительство, обучение без отрыва от работы. Мы о своих сотрудниках заботимся. Не отказывайтесь сразу.

– Я подумаю, – выдавил Трейси и направился к выходу.

На пороге обернулся. Розовый слон курил умопомрачительно дорогую сигару, изящно удерживая ее кончиком хобота и пуская вычурные дымные кольца. Жаль, конечно, что такому директору совсем не нужны люди в офисе. Трейси не отказался бы погнуть спину на такого работодателя. И втройне жаль, что Альдебаран слишком далеко.

В третьей фирме ему тоже не посчастливилось. Мыслящая цапля-секретарша, крашенная под фламинго, ударилась в истерику, едва завидев его. Из маловразумительных выкриков Трейси уяснил следующее: все хозяева гады, а уж ей достались гады из гадов. Опять вместо нормального служащего наняли лягушку! Значит, ей придется работать и за новичка, а зарплату не повышают! Одни лягушки в офисе, да еще и все из одного клана. Ее

же, цаплю в смысле, взяли не иначе чтоб поиздеваться вволю, выместить на ней все родовые обидки. А у нее, между прочим, еще нет гражданства, только вид на жительство, и если она сейчас потеряет работу, то и гражданства не видать. Вот людям хорошо, им вид на жительство не нужен… Трейси на цыпочках покинул кабинет. Цапля, похоже, не заметила, потому что плакалась на жизнь с прежней интенсивностью.

Выйдя на улицу, он повертел головой. Этот район Трейси знал плохо, на уровне «где ближайшая остановка чего-нибудь-что-идет-в-центр». Сейчас, когда все назначенные на день встречи состоялись и не принесли успеха, он почувствовал голод. Но сомневался, что сумеет без посторонней помощи отыскать забегаловку, где удалось бы перекусить за небольшие деньги.

– Дядь! – Кто-то дернул его за брючину.

Трейси скосил глаза. У ноги сидел мыслящий котенок с подчеркнуто грязной мордой и давно не стриженными когтями, которые он нагло выпустил. А за спиной Трейси обнаружил еще четырех котят постарше и взрослую крысу. Целая банда уличной шпаны. Убьют вряд ли, человек для них слишком крупная добыча, да и время суток неподходящее. Но ограбить могут запросто. Трейси на всякий случай отступил на пару шагов.

Котенок не пошевелился. Только взгляд стал масленым, а из-под белых еще по молодости усов показались молочные клыки – малолетний хулиган изобразил улыбку.

– Дядь, подкинь деньжат, а? Жрать охота – сил нет.

– Извини, с утра замотался, обналичить недосуг было. Дал бы, но у меня только кредитка, – Трейси продолжал стратегически отступать к дверям только что оставленного им офиса.

– Какие проблемы – дай кредитку, сами обналичим!

Котенок ухмылялся все наглей, а двое его сотоварищей легко вспрыгнули на ступеньки перед спасительной дверью и разлеглись на крыльце, вроде как греются на солнышке. Один остался на месте, а самый крупный зашел спереди. Но Трейси волновали не они – его больше заботило, где находится главарь.

Кольцо сжималось, Трейси непроизвольно бросил руку за пазуху – закрыть ладонью карман с кредиткой и документами. Жест банда истолковала по-своему: все кинулись врассыпную, крича:

– Шухер, у него волына!

Трейси с трудом перевел дух. Обошлось. Есть захотелось еще сильней. Поколебавшись секунду, он направился в сторону от автобусной остановки. Может быть, в неразведанном районе он наткнется на закусочную, на худой конец, справится у первого же встречного.

Он прошагал два переулка, никого не встретив и не отыскав даже магазина. Сплошные низкие заборы, стискивавшие мостовую. И только нарастал плотный шум, по мере приближения к его эпицентру переходящий в слитный грохот.

Повернув в очередной раз, Трейси узнал место: окрестности площади Равенства. Кажется, там было какое-то кафе… Ему оставалось пройти через узкий проулок, когда прямо под ноги выкатилась свора круглых щенков и с тонким лаем помчалась на площадь. За ними торопилась худая сука. Трейси, не размышляя, обогнал щенков и загородил им путь. Детеныши тут же переключили внимание на незнакомца.

– Ох, мистер, спасибо вам, – задыхаясь, сказала старуха. – Не поможете загнать их обратно? Да и сами заходите, тут сейчас такое начнется!

Они успели вовремя. Заперев щенков в конуре, Трейси почувствовал, что грохот приближается, как волна. Вышел в сад, к забору. Рядом с ним, поставив лапы на кромку ограды, тяжело дышала старуха. А по улице, вздымая тучи пыли и высекая искры из мостовой, катились пористые, будто источенные короедами мыслящие камни.

– А я-то думал – что случилось? Никого нет на улице…

– Уж точно, – поддакнула сука. – Когда мы покупали конуру, здесь было изумительное, тихое местечко. А теперь продать хотим, да только кто сюда жить пойдет? Ни один

приличный гражданин не захочет такого соседства.

– И что – они так каждый день?

– Нет, только в безветренный, как сегодня. Когда ветер, они на площади в кучу скатываются и поют. Отвратительный вой, скажу я вам. И чего нам говорят, что это вершина их «уникальной и непознаваемой культуры»? Подумаешь, дырку в боку ветерку подставил – и вой себе на здоровье. То ли дело у нас, теплокровных! А ветра нет – так они митинги протеста устраивают.

– И против чего протестуют?

– Да кто их разберет? Они ж говорить не могут. Вот так мы тут и живем – день вой, день грохот. Ох…

– Я тоже от них страдаю. Мне вот сегодня ночью в окно один влетел. Правда, другого вида, сплошной.

– А-а, мужик! Эти-то, с дырками – бабы. А мужики у них – те да, ничего, кроме терроризма, делать не умеют.

– Интересно, а как они размножаются? – задумчиво спросил Трейси. – Если разнополые – должны как-то это делать… А как?

Старуха весело посмотрела на него и издала короткий звук, напоминавший смех.

– Да вот я тоже – сколько ни смотрю, не могу понять. А вы, сдается мне, не здешний? Я раньше в нашем квартале людей не видела. Недавно приехали?

– Случайно мимо шел. Я кафе ищу или закусочную, что-нибудь в этом роде.

– На той стороне площади. Там их две, но в правую не ходите – плохо готовят. Да когда это устрицы блистали поварским мастерством? А левую лиса пополам с журавлем держат, там вполне прилично. И недорого.

Трейси поблагодарил гостеприимную мыслящую собаку и, когда камни укатились протестовать в соседний квартал, быстрым шагом двинулся через площадь.

Камни, камни… Знала бы старуха, сколько жалоб на них получал Трейси каждый день! Да только что с ними сделаешь? Слов они не понимают, боли не чувствуют. Полиция раскатит их в разные стороны – а они тут же снова скатываются. Главное, приспособились строить катапульты и швырять сородичей на большое расстояние. Вот, в окно ему сегодня забросили.

Можно, конечно, кислотой их обливать, только кислота – это уже оружие массового поражения. Куда больше от нее пострадает чахлая диаспора травы. Тут одними исками в суд дело не обойдется, тут до междурасового трибунала рукой подать. Не говоря уже о том, что эти сволочи прекрасно маскируются. Ни видом, ни цветом не отличаясь от земных булыжников, рассредотачиваются по обочинам и канавам и замирают. И хоть ногами по ним ходи, все им нипочем. Не шевелятся. А стоит повернуться спиной – и непременно какой-нибудь героический гад под ступню влезет, да еще с вывертом, чтоб наступивший гарантированно ногу сломал.

Трейси не знал, может ли кто-нибудь из дипломатов сказать с уверенностью, когда же камни проникли на Землю. Раньше других инопланетян, это вне всяких сомнений. Возможно, они оказались тут даже до установления официального контакта. Эмигрировали тысячами, ловко прикинувшись облицовочным материалом с уникальными теплоизоляционными свойствами, а уж здесь показали себя во всей красе.

Рекомендованная закусочная оказалась полноценным рестораном, но с дешевыми блюдами. Трейси прямо у порога встретила симпатичная мыслящая бабочка – днем официантка, ночью стриптизерка – и проводила к столику у окна. Трейси отметил в меню картофель фри, порадовавшись, что он не дороже, чем у Белого Дома, хотя здесь и не окраина. Поколебавшись, решил, что вполне может позволить себе еще воробьиный гамбургер.

– Отличный выбор! – сверкнула фарфоровыми жвалами вежливая бабочка и упорхнула на кухню.

В ожидании заказа Трейси бездумно глазел в окно. Мимо проплывали мамаши с детьми, изредка проезжала машина… А потом Трейси увидел такое, что невольно залился краской.

Под самым окном медленно, переваливаясь с боку на бок, ползли пухлые женские ягодицы. Из самого интимного места торчали длинные мохнатые усики, чрезвычайно привлекательные. За ягодицами тянулся влажный след. Трейси вспотел и схватился за сердце.

– А, это из тараканьего общежития, – сообщила подошедшая официантка. – Замуж выходит, свадьба у нее сегодня. Что-то засиделась она в девках, остальные уж месяц как беременными ползают.

Заикаясь и багровея, Трейси спросил:

– Что это у нее… такое большое?

Официантка пригляделась:

– Глаза, наверное.

– ?!

– Ну, принято так у них – от усердия глаза таращить, – и бабочка, расставив на столике тарелки с картофелем, гамбургером и двумя видами бесплатного соуса, грациозно улетела.

Глазастая тараканиха исчезла из поля зрения. Зато появилась толпа тараканов-женихов – с нафабренными усами и отполированными до золотого блеска панцирями. Колонной по трое они бодро промаршировали под окном и тоже исчезли. Трейси склонился над тарелкой.

– Почитать не желаете?

Не будь голос таким профессионально вкрадчивым, Трейси бы умер на месте. А так он всего лишь подавился. Обладатель вкрадчивого голоса услужливо похлопал его по спине, затем, на правах уже не совсем постороннего, уселся на свободный табурет, дожидаясь, пока Трейси отдышится.

Больше всего присоседившийся гражданин напоминал вставшего на задние лапы волка, только черноватого и с виду совсем нехищного. Между ушами у него виднелись рожки, что наводило на определенные подозрения, и задние лапы заканчивались копытцами, что подозрения усиливало. Узкую грудь пересекал ремень тяжелой сумки, которую мелкий бес, однако, не поставил на пол. Наверное, боялся, что уведут.

– А что у вас есть? – спросил Трейси.

– Есть свежайший выпуск диссидентского журнала «Паразиты не симбионты!», – затараторил чертик. – Уникальные материалы, и не какая-то там подделка – в редакции работают только червеземляне, причем у себя на родине они политические преступники, изгои. И за что?! За то, что говорят правду…

– Спасибо, – перебил Трейси. – Не люблю политику.

– Там не только политика. Там еще неплохой анализ состояния глистовой… ой! червеземлянской фондовой биржи, причем данные без подтасовок.

– Я сказал – нет. Больше ничего интересного?

– Ну, спорткурьер я уже распродал, это был вчерашний выпуск, наверняка читали… А искусством интересуетесь? Есть последний номер вестника маргинальной культуры «Розовые сопли». Можно посмотреть.

Чертик выложил на стол обещанные культурные вести, причем Трейси не заметил, когда тот слазил за ними в сумку. А сам разносчик привстал и наклонился к левому уху человека, доверительно зашептав:

– А еще, только для вас, вот как знал, вы ценитель, я-то вижу гурмана издалека… Есть сборник картинок «Шаловливая ложноножка». Ну, таких, специальных картинок, вы понимаете? Девочки юные, всех рас, под каждой картинкой телефончик, можно позвонить, звоночек платный, ну да посмотреть можно и просто так… И недорого, последний экземпляр, я его всегда отдаю по себестоимости… Вровень с вестником получится… А если возьмете все три издания, получите скидку в пять процентов и подарок – календарь выборов

по всем штатам на следующий год…

Трейси вдруг вспомнил тараканиху, и рука сама потянулась к запечатанному в целлофан глянцевому журналу, который ему исподволь подсовывал черт.

– А что, пролистать нельзя?

Черт обиделся:

– Я законы соблюдаю, между прочим. И порнографию только половозрелым предлагаю, в упаковке, все как положено.

Очень хотелось взять «Ложноножку», но Трейси смутился – женатый человек все-таки! – и купил «Розовые сопли». Пока торговец крутился рядом, Трейси листал маргинальный вестник с глубокомысленным видом. Едва черт скрылся, Трейси тут же отправил газету в мусорный бачок, мучительно жалея, что потратился на новости, соответствующие названию. Надо было решиться и взять картинки. Ну почему он никак не может преодолеть свою застенчивость?! Почти все взрослые граждане время от времени проявляют интерес к порно, так чем он хуже? Никто его не осудил бы. А так – глядели как на безумца или фанатика. А кто еще может увлекаться маргинальной культурой?!

Обратно в Белый Дом он возвращался в подземке. Отчего-то не хотелось лезть в автобус. Но на середине пути электричка встала: опять авария на электростанции. Вместе с другими ругающимися пассажирами Трейси прошагал полмили в туннеле, а потом, не сумев ввинтиться в переполненный автобус, так и шел пешком до конца.

С трудом переставляя гудящие ноги, направился сразу в столовую: после ужина хотел выпить чашечку кофе, но в ресторане он оказался непомерно дорогим.

На столе лежал безобразно раздувшийся механик. Вокруг него столпилась вся прислуга. Енот запрыгал перед Трейси:

– Он его съел! Съел!

– Кто? Кого? – Трейси устал, нагулял аппетит и надеялся хотя бы на кофе, если разделившихся поварих из госпиталя еще не привезли.

– Удав! Глиста из унитаза! – радовался енот.

– Ну и что? – равнодушно спросил Трейси.

– Так он теперь убийца! Надо вызвать полицию!

До Трейси дошло. Оглядел всех. Вечно пребывающий в экстазе енот выразил общее сомнение. Червей, даже землян, тут не любили, хотя вслух о своих расистских наклонностях говорить не рисковали. А вот механика боялись, но уважали крепко. Да и как не уважать нормального честного змея? Взяток не брал даже белыми мышами, никогда не терял терпения и всегда давал советы бесплатно.

– По порядку, – распорядился Трейси. – Докладывайте.

Утром, едва он отбыл, глист пригрозил забить своим телом канализационный сток и умереть там, если ему немедленно не отыщут нового хозяина. Енот, как самый мобильный, сообщил о происходящем мажордому и насплетничал удаву. Последнему ситуация показалась настолько абсурдной, что он не преминул взглянуть – чтобы составить собственное мнение, разумеется. Глист, порядком ослабевший, обрадовался собеседнику и объяснил, что достаточно открыть рот, а дальше он справится сам. Удав пасть и открыл, ему не трудно.

Вот только глист не знал, что змеиный кишечник переваривает все. Даже паразитов. А удав знал. И с удовольствием заглотил предложенное.

– Удав сказал, что если мыслящее существо само лезет в пасть, то оно либо хочет покончить с собой, принеся пользу обществу, либо потеряло разум. В любом случае, его поедание надо рассматривать в контексте обычного жизненного процесса, – роняя слова, добавил мажордом. – Мы проголосовали. За предложение удава высказалось большинство, против и воздержавшихся не было. Но только что из госпиталя привезли поварих. Они считают, что это все-таки преступление.

Трейси потер лоб. Не хотелось сдавать в полицию замечательного механика, к тому же

очень красиво отомстившего за его утренние переживания.

– Глист получил именно то, что хотел, то есть он стремился попасть в кишечник – и попал. Уважаемый удав тоже получил, что хотел – помог мыслящему существу реализовать его мечту. Все. А об убийстве поговорим, когда у нас на руках окажется целый труп червеземлянина или его несомненные фрагменты, свидетельствующие о том, что он погиб в результате действий удава, а не умер естественной смертью. На данный момент состава преступления нет. Понятно?

Удав с усилием приоткрыл левый глаз.

– Господин президент, никогда не сомневался в вашей разумности и человечности, – изрек он и снова погрузился в приятную сытую дрему.

– Будьте любезны, транспортируйте нашего механика на его рабочее место, – велел Трейси мажордому. – И дайте же мне наконец сварить кофе!

С кружкой вожделенного напитка Трейси ввалился в свой рабочий кабинет. Шесть на шесть футов, стол, стул, личная ручка, которой он никогда не пользовался, телефон, стопка документов и штампик с выгравированной подписью. Подпись, кстати, не менялась уже лет двадцать – а кому какая разница, кто ныне президент?

Трейси уселся, чуть не застонал, оценив пачку документов – листов с полтыщи, а то и побольше. И все это он обязан проштамповать до утра!

Поправки, очередные поправки к Новой Конституции. Их принимали по сотне в день. Трейси тискал штампом внизу каждого листа, откладывал, тащил следующий… Рука занемела, он откинулся на спинку стула. Допил остывший кофе. От нечего делать прочитал документ. Прикрыл глаза. Да, если бы президент Смитсон, ратовавший сначала за вступление в Конвенцию, а потом и за принятие Новой Конституции, позволившей инопланетянам получать земное гражданство, – дожил бы до такого, он бы просто застрелился.

Пока инопланетяне прибывали на Землю в виде забавной контрабанды, никто не задумывался о последствиях. Потом приняли Новую Конституцию, потому что это показалось выгодно – без нее людей не пускали на другие планеты. Людей пустили. За три года с Земли в разных направлениях безвозвратно убыло два миллиарда особей рода человеческого. Вместо них явилось пять миллиардов инопланетян.

Они открыли Землю, как Колумб Америку. И согнали землян в гетто, как европейцы индейцев. Конечно, словечко «гетто» тридцать и даже двадцать лет назад не звучало. Трейси еще помнил, как их деревню называли заповедником.

Да, несколько зон на Земле объявили закрытыми для проживания инопланетян. Чтобы избежать обвинения в расизме, эти области получили статус природных заповедников. А потом уже все привыкли, что люди живут в гетто, площадь которых с каждым годом уменьшается.

Нет, поражения в правах у человека не было. Просто когда инопланетян, равных по возможностям с человеком, в пятнадцать раз больше, о правах говорить бессмысленно. Демократия, извините. Решает большинство. Единственное право, оставленное человеку, – право занимать пост президента. И то только потому, что к выборам допускались лишь урожденные земляне. А новые граждане в подавляющем большинстве были пока еще пришлыми.

Выборы… Смешное слово. Президента выбирал компьютер случайным поиском по списку фамилий. И все соглашались. Почему бы и нет? Новая Конституция со всем набором поправок ограничила функции главы государства до проставления штампов на документах. Особых знаний не требуется, а вот работу в городе при известной оборотистости заполучить можно. Да еще и за жилье и скудное питание не нужно платить: гособеспечение.

Наверное, Трейси был не слишком оборотистый. Потому что за минувший месяц он повсюду слышал только отказы. Будь Трейси холостым, особо не волновался бы. Но ведь у него в гетто осталась семья – жена и дети. Им деньги нужны. Как президент, Трейси мог

рассчитывать на постоянную спонсорскую субсидию, но ее хватало лишь на платное размещение анкеты в базах занятости да на поездки по городу.

– Вам письмо от жены пришло! – приоткрыв дверь, пискнул в щелочку енот и протолкнул магнитофон.

Трейси переставил аппарат на стол, нажал на клавишу. Из динамика полился серебристый голосок Эльсы: «Дорогой, я проиграла тяжбу…»

Кулаки сжались сами собой. Тяжба!

Стоило Трейси уехать в город и поселиться в Белом Доме, как в гетто обосновался табор бродячих мыслящих улиток. Причем для стоянки они выбрали отчего-то садик у дома Трейси. Эльса подала на них в суд.

«Из присяжных четверо были улитками, четверо – мыслящими растениями, два стула пустовали, но на них висели таблички «мыслящая энергия», еще была мыслящая соня и мыслящая гадюка, та самая, которую мы в прошлом году выгнали из нашего подвала, куда она пробралась тайком. Ко мне прикрепили государственного адвоката-орла, очень умная птица, но все бесполезно, потому что у улиток адвокатом был камень. Он ничего не говорил, только с грохотом катался по своему столу, а потом принялся раскаляться и шипеть. Все испугались. Гадюка объявила, что присяжные проголосовали одиннадцатью голосами в пользу улиток при одном воздержавшемся – соне. Она не проснулась. Решение можно обжаловать в окружном суде, но нет денег: меня обязали выплатить судебные издержки и забрали все деньги и дом. Гадюка сказала, что у нас демократия и истинно гражданские свободы, так что если я жена президента, то никто не станет делать мне поблажек. А если станет, то это коррупция и тоталитаризм. Так что нас с детьми уже выселили. Я сейчас в городе, в гостинице на 545-й авеню – единственный отель, где согласились в качестве платы принять мое обручальное колечко».

Конституция гарантировала гособеспечение президенту, но не членам его семьи. Такую поправку внесли пять лет назад в целях сокращения административных расходов. А вчера Трейси штамповал указ, повышающий денежное довольствие парламентариям. На три процента.

«Еще я получила письмо от Молли. Ты помнишь Молли, правда? Она уехала на Альдебаран. Дорогой, она зовет нас к себе. Там сейчас хорошо – наших около полумиллиарда, и еще там изменили Конституцию, правительство взяло курс на отказ от расизма, так что люди могут получить вид на жительство, если найдут работу, а через три года – и гражданство. Молли пишет, что с работой проблем нет, сейчас очень модно иметь в штате человека. В правительстве и в парламенте у нас очень могущественное лобби…

Дорогой, если ты найдешь немного денег на билет, я с детьми улетела бы к Молли. Конечно, месяц придется перебиваться, но мы всю жизнь прожили в гетто, нам не в диковинку. Питание там бесплатное, а потом я устроилась бы на фирму к Молли, дети пошли бы в школу. А когда закончится срок твоего президентства, ты бы приехал к нам…»

Отказ от расизма, новая Конституция, лобби… Трейси подумал, что где-то уже это слышал. И хоть сейчас готов сказать, что произойдет через тридцать лет.

И чем больше он размышлял об открывающихся перспективах, тем сильней разгорался в его глазах хищный огонек.

Что там говорил розовый слон по поводу работы на Альдебаране? Трейси набрал номер телефона, указанный на визитке розового слона. Трубку сняли почти сразу. Услышав знакомый уже приглушенный голос, Трейси сказал:

– Доброй ночи, это Трейси. Человек, которого вы не взяли на работу.

– Вы согласны? – без лишних экивоков уточнил слон.

– Да.

– Я рад. Когда вы сможете выехать на Альдебаран?

– Хоть сейчас.

В трубке прошелестел смешок.

– Мне уже нравится ваша оперативность, – отметил слон. – В четыре утра мы

отправляем транспорт, это не пассажирский лайнер, но я сам так путешествовал – вполне комфортно. Сколько вам времени на сборы? Я пришлю машину.

– Мне – нисколько. В отеле на 545-й авеню находится моя жена и дети. Если вас не затруднит…

– Договорились. Шофер заберет их, потом заедет за вами. Куда?

– К главным воротам Белого Дома.

– Что ж, желаю успеха. Думаю, еще увидимся.

Трейси положил трубку. Посмотрел на кипу бумаги, загромождавшую его стол. Взял верхний лист, перевернул его, остальные бесцеремонно смахнул на пол. Долго вспоминал, как пишутся нужные слова. Он легко читал, но вот с начертанием букв испытывал трудности. В школе при гетто словесность преподавала мыслящая летучая мышь, которая ночью питалась, а днем повисала над доской, заматывалась в крылья и спала. Так что читать Трейси научился у родителей, еще до школы, а вот с чистописанием дела обстояли хуже некуда. Но никого, в том числе и его самого, это не волновало. А почему его должна была заботить какая-то мелочь?! Все компьютеры работают с голоса, а лишние знания тяготят. Колледж Трейси окончил без проблем и к большему тогда не стремился.

Наконец, он вспомнил. Старательно, большими печатными буквами, вывел:

УШОЛ В АТСТАФКУ.

Заменил точку на восклицательный знак для большей выразительности, аккуратно пристроил записку посреди стола.

В гардеробной уложил в чемодан вещи, с которыми приехал из гетто. У дверей спальни задержался. Пробитую утренним террористом створку никто даже не подумал заменить. Листочки у лианы-телохранителя безвольно обвисли – то ли от сквозняка, то ли растение предчувствовало скорую разлуку. Чуть не прослезившись от жалости, Трейси старательно увлажнил землю в кадке, сдобрил ее подкормкой. А потом ему пришло в голову более простое решение.

Он покинул здание, держа в одной руке чемодан, а в другой – кадку с лианой. Почти вприпрыжку пересек газон, отделявший парадное крыльцо от ворот. И засмеялся, открыто и искренне, увидав подъезжающую длинную черную машину.

Иногда вид на жительство значит больше, чем право на жизнь.

Егор Калугин
Народ обреченный

Они не упали из космических далей на звездолетах. Они не вышли из океанских глубин на подводных лодках. Они даже не из Ливонии, где, как известно, одни только буйствующие дикари.

Они всегда были среди нас. Жили с нами на одних и тех же улицах. Ходили с нами в одни и те же школы. Слушали одну и ту же музыку, целовались на свиданиях и, встречаясь пыльными летними вечерами на праздничной Вишневой улице, приподнимали ответно шляпы.

Мой Бриз дружил с «их» Плишей. Сам папаша Кнут заходил ко мне на рюмочку ликера перекинуться парой слов о политике, да и вообще о жизни. А сколько я сшил штанов, обмеряя задницы и лодыжки, не разбирая на «их» и «наши». Для меня они всегда были просто задницами и лодыжками.

И долго никто не знал, что есть на самом деле «они» и «мы». Мы были «все» вместе.

Началось это после Большой Войны, которую мы все, пока еще все – проиграли. Как уж это случилось там – не мне судить. Я о войне не понимаю ничего. Я знаю, как положить ровную строчку, чтобы ниточка не торчала, или как сделать фасонные брюки на выход, чтобы ваша девушка смотрела на вас, как на единственного в мире мужчину. Да, в этом я действительно знаю толк, спросите любого. Но вот что там на войне – это мой Бриз сказать мог. В Большой Войне он управлял паровым цеппелином «Люфтландия». Тем самым, что

первым был в высадке на Дальнем Архипелаге, помните? Не помните? У моего Бриза еще была медаль за мужество. Я очень гордился им, да… Когда он надевал форму воздушных сил, синюю с голубым кантом и прохаживался по улице под ручку с Плиской, сердце мое замирало от счастья. Мы ждали свадьбы. Я бы пошил ему такие брюки – ниточка к ниточке, шовчик к шовчику, весь мир бы смотрел только на эти брюки, уверяю вас. В то лето мне иногда даже снилось, как я сажусь за свою машинку, опускаю ногу на педаль, и ровной строчкой ложится шовчик на лучшие в целом свете свадебные брюки…

Так вот после Большой Войны пришли Тяжелые Времена. Оказалось, мы, пока еще мы все, потратили на гидро-гаубицы и паровые цеппелины так много, что не осталось на еду. И парней наших, общих наших парней пропало на войне так много, что некому стало работать. А к этому еще горечь поражения, и наши флаги сорваны, и моему Бризу по мирным соглашениям запретили носить форму и медаль… Не помните, кто сказал: лучше быть нищим стоя, чем богатым на коленях? Не помните? Жаль, хорошие слова. Так вот мы были нищими на коленях. Все мы. Пока еще все.

Сами понимаете, долго на коленях не простоишь. Тем более голодным. Хочется встать и найти немного еды, так как хочется кушать. А что делать, если еды нет? И если вокруг только нищие? Что вы говорите? Отнять? Да, наверное, так все и началось.

Мы долго не замечали странностей. Не хотели замечать. Впрочем, разве это были странности – так, детские забавы, не больше. Поначалу «они» всего лишь собирались в пивных, пили ячменное и шушукались о чем-то, отворачиваясь от нас. Потом они перестали отворачиваться, замолкали, едва мы приближались, будто заговорщики, и взгляды их стали злыми, непримиримыми. После они уже не приподнимали шляпы при встрече, а некоторые, самые молодые и самые голодные, кричали нам что-то о предательстве и о расплате. Мы старались вести себя терпеливо – каждый имеет право высказываться. Каждый имеет право на собственное мнение. Даже если оно не совпадает с твоим – прояви уважение.

И мы проявляли уважение. Когда они придумали себе игрушечную армию и принялись расхаживать по улицам в красной форме, это было даже забавно. Ночные шествия с факелами, когда будто огненная река течет по Вишневой за угол на Абрикосовую – да, мы все сбегались поглядеть на это зрелище. А как они маршировали! Они очень любили маршировать и топтали плац целыми днями, пока мы работали. А по выходным они устраивали парады на Ратушной площади. Я каждое воскресенье ходил смотреть на них и радовался, глядючи, что так красиво выходит, на загляденье просто. Бутылочные белые ботфорты и коричневые краги кавалеристов, синие пилотки моряков, белые портупеи и золотые аксельбанты летчиков! Ровно по струночке, слаженно, сомкнутым строем плечом к плечу под барабанный бой. Не моргнут, лица каменные, будто идут в атаку! Под гром военного оркестра – трубы начищенной медью горят, флейты заливаются, жезл оркестрмейстера вскидывается в такт. А папаша Кнут на трибуне у ратуши вскидывает руки и приветствует свои «железные бригады», как он их ласково называл, поднятой рукой. Красота! В такие минуты веришь, что все образуется.

В один из тех дней была в «Сельскохозяйственном вестнике» статья папаши Кнута, разъясняющая, кто такие «они» и кто такие «мы». Тогда вообще много чего писали. Нищим хочется поговорить, чтобы не слышать урчание пустого живота, – так я это объяснял себе. И нищие писали обо всем, чего нет: о вкусной и здоровой пище, о предсказаниях астрологов, о разумной жизни в океане, о скором конце света и о национальной политике. Каждый ведь может высказываться, к этому нужно относиться с уважением. К любому мнению.

На статью папаши Кнута мало кто из нас обратил внимания. Однако скоро нам стали кричать на улицах о том, что они это они, а мы это мы. Кричали, конечно, в основном мальчишки из «железных бригад», потому что они обожали папашу Кнута. Потом стали кричать и другие, постарше и помладше, даже домохозяйки. Мы, конечно, молчали – каждый ведь может высказываться, это нужно уважать, чужое мнение нужно выслушать, да.

К тому же дело шло к выборам, а на выборах – ну, чего только не наговорят, согласитесь. Папаша Кнут стал все чаще появляться со своими статьями в

«Сельскохозяйственном вестнике», где подробно уже излагал, почему мы это мы, а они это они, какова разница между нами и в чем мы перед ними виноваты. Оказалось, Большая Война была проиграна именно потому, что мы их предали перед самой Великой Победой – заключили за их спинами Позорный Мир. Из этих статей хотя бы стало понятно, о каком предательстве кричали они нам на улицах. Однако каждый имеет право высказываться, и чужое мнение нужно уважать… Я это уже говорил, да?

Так вот, чем ближе к выборам, тем основательнее проводились парады и ширились факельные шествия. Тем чаще появлялся в «Сельскохозяйственном вестнике» папаша Кнут с новыми обличительными статьями. И тем громче звучали его слова о предательстве и возмездии. О том, что мы давно готовили нападение на «них», а Большая Война послужила хорошим поводом к этой подлости. И что мы должны ответить за свое двуличие. Я читал его статьи и недоумевал, ведь я и не думал никого предавать, я всего лишь шил брюки. И мой Бриз не собирался предавать – он воевал бок о бок с ними. И все мы проиграли в войне, все поровну. Однако я не возражал, ведь каждый может высказать… Вы это слышали уже? Извините.

В то время многие читали «Вестник». А что еще делать нищим? И многие благодарили папашу Кнута, писали, что прозрели и теперь уж точно видят, кто виноват в поражении и что делать дальше.

В день выборов, а это было последнее воскресенье августа, как сейчас помню, погода стояла чудесная, было уже не жарко, по небу плыли нежные такие облачка, как барашки на выгуле. Подавляющим большинством голосов папаша Кнут был избран бургомистром. И заслуженно избран – он ведь дал людям надежду, сказал, что теперь они не будут нищими и поднимутся с колен, а это очень важно для нищих, поверьте. Именно так и сказал. Потому я и сам за него голосовал. Он обещал порядок и славу. А то, что он говорил о нас – так это каждый имеет право высказ… Да, да, я говорил уже это, Вы правы.

В тот же день мальчишки из «железных бригад» избили наших парней на танцах, что проводились на площади по случаю избрания папаши Кнута. Избили жестоко – молодежь не ведает милосердия, что поделаешь. «Бригадиров» было полтораста человек, наших едва ли не столько, однако наши мальчики проявляли уважение, они не цеплялись и не отбивались почти, ведь каждый имеет право… Да, да, я говорил.

У меня тоже был тяжелый день. Мой Бриз попал в больницу с переломом ноги. А когда я собрал ему немного еды и зашел к Плиске, чтобы вместе навестить моего мальчика, она рассмеялась мне в лицо и отказалась идти. Потому что она одна из них, а мой Бриз один из нас. Видели бы вы глаза моего мальчика, когда я ему сказал об этом. Но ведь каждому можно высказываться, я его учил так… и чужое мнение… Ох-хо-хо…

Первый Указ, который издал папаша Кнут в бургомистрах, был о поражении нас в правах. Мы официально объявлялись виновными в предательстве. Лишались права голосовать и выбираться в какие-либо органы власти. Должны были пропускать «их» при встрече в дверях. Сходить на дорогу, если кто-то из них шел тротуаром, и ожидать в магазине, пока кто-то из них выберет себе товар по вкусу. Выполнять все требования каждого из «них» с особым тщанием. Мы лишались права на образование и лечение, на службу в армии и на ношение наград. И права на заработок – отныне каждый из нас должен был зарегистрироваться в магистрате, как работник по своей специальности, и получить карточки на продукты в достаточном для поддержания работоспособности объеме. Детям и иждивенцам карточки не полагались. А чтобы нас каждый из них мог выделить взглядом в толпе и потребовать выполнения Указа, нам полагалось носить на одежде специальные знаки – белые квадраты во всю спину.

Следующим утром мы вышли на улицы с белыми квадратами – мы всегда были законопослушны. Моего мальчика в тот же день выбросили из больницы, и я сам, своею рукой нашил ему на спину полагающийся по Указу знак прямо на лестнице, прежде чем вести его домой.

На следующий день в моей мастерской разбили все окна и зеркала. Сломали мою

единственную драгоценность – мою швейную машинку и утащили все ткани. Мне пришлось ждать стекольщика до конца недели – окна, как оказалось, потеряли все наши лавочки и мастерские, потому работы у него оказалось предостаточно.

Едва жизнь наладилась и снова застучала моя швейная машинка, появились новые заказы и новая работа, как вышел следующий Указ – нам полагалось оставить свои дома, ценности и сбережения, взять своих детей и самое необходимое и до восьми утра перебраться на окраину в Унылый тупик, где для нас построили несколько бараков. И, конечно же, ровно в восемь все мы были там. Нам объявили, что теперь жить мы должны в синих бараках, а работать в желтых. И нам запрещено уходить отсюда до самой смерти.

Вокруг бараков не было стены или охраны, но мы всегда были законопослушны и терпимы. Никто не ушел. Только наши несмышленые дети, которые иногда подбегали к перекрестку Унылого тупика и Радостной улицы, только чтобы поглядеть на то, как ходят там «они», как живут, что едят и во что одеваются. За это сорванцам доставалось на орехи от родителей, конечно.

Ночами в наши бараки приходили пьяные «бригадиры», они избивали наших мальчиков, а девочек заставляли им прислуживать. И мальчики наши терпели побои, и девочки выполняли все, что говорили им. Детям нашим мы закрывали ладонями глаза, чтобы они не видели того, что происходит. Они обязаны в этой жизни терпеть все, а для этого нужно немного – только закрыть глаза на происходящее. И знать, что каждый имеет право… Простите, вы совершенно правы, я это уже говорил, простите старика великодушно.

Дни шли за днями, наступила теплая сухая осень. Мы все как один поднимались рано поутру, работали до сумерек с коротким перерывом на обед, ели покорно, что нам привозили, спали недолго. И терпели, конечно. Дни эти были не самыми лучшими в жизни, однако же и в тяжелые времена нельзя унывать. И мы не унывали. Там, в бараках, даже сыграли две свадьбы, и мой Бриз оттаял сердцем, кажется – жизнь, какая бы она ни была, на месте не стоит. В октябре он спросил у меня разрешения жениться на Ангельке, черноглазой дочке плотника Вензеля. И собиралась быть третья свадьба, для которой я вручную, без своей привычной машинки, выдававшей изумительную строчку, шил ночами из простыней в бараке праздничные наряды.

Но случилось так, что оставаться здесь нам тоже не пришлось. В шесть утра нас разбудили и приказали построиться перед бараками с вещами.

Конечно, мы построились вовремя с теми же чемоданами и баулами, с которыми пришли сюда. Нам зачитали новый Указ, по которому в связи с тяжелым военным положением, а в тот день как раз началась Новая Большая Война, все мы признавались врагами и подлежали уничтожению. Нам было приказано сдать вещи в приемный полевой пункт, развернутый тут же, и пешком отправляться на другой конец города, в Коровью балку, где нас будут расстреливать. Как жаль мне было мой любимый желтый чемодан из настоящей кожи, когда его на приемном пункте разрезали по всем швам в поисках припрятанных ценностей. Откуда у меня ценности? Иголка да нитка. Вот и все, что у меня было в жизни.

И еще мой Бриз, моя гордость. Когда мы шли через город в толпе наших, я придерживал его за одно плечо, а его невеста Ангелька за другое – нога его еще не совсем зажила и он здорово хромал. На перекрестке он увидел Плиску в белом платье, она шла в обнимку с белобрысым «бригадиром» в красном мундире. Как побледнел мой мальчик, как ему было тяжело видеть это! Из-за этой Плиски, наверное, в ослушание Указа он и вынул из кармана свою медаль за мужество, что заслужил на Большой Войне, и повесил на грудь. И будто сил у него прибавилось – пошел ровнее, от нашей помощь отказался. А я бежал рядом и прикрывал его медаль ладонью, просил снять, чтобы соблюсти закон. И к ужасу моему, мальчик мой отказывался послушаться меня впервые в жизни и ладонь мою отводил, кудри его смоляные качались, когда он гордо голову свою вскидывал. Как на грех, один из проходящих мимо «бригадиров» награду на груди моего мальчика заметил и закричал на всю улицу, что предатель не смеет носить медаль, и пообещал сорвать ее, если Бриз ее сам не

снимет. А мальчик мой отвечал, что никто не смеет притронуться к этой медали, которую он оплатил кровью на Дальнем Архипелаге, и что сам он никогда не был предателем, что бы там ни говорил какой-то закон. Вы представляете? Мой мальчик так кричал представителю власти!

Я просто остолбенел от стыда. А этот мордатый «бригадир» достал большой гидропистолет из рыжей кобуры на поясе и выстрелил в грудь моего мальчика. Бриз упал и умер сразу, едва его кудри коснулись земли. Дрожащими руками я снял с него медаль и передал «бригадиру» – по Указу мы должны были повиноваться, что бы они ни потребовали. А вокруг шли и шли в Коровью Балку наши, едва поворачивали головы, чтобы проститься с моим мальчиком. Ангелька поплакала рядом и пошла. И я поплакал и пошел…

Что вы говорите? Я не должен был оставлять своего сына на улице? Я должен был вцепиться в глотку «бригадира»? Что вы… Как можно так говорить! Я всегда воспитывал сына в терпимости. И меня так воспитывали. Иначе нельзя. Иначе невозможно! Ведь каждый имеет право… Простите, да, повторял уже. Простите…

Что было в Коровьей Балке? Там нас расстреливали. Организован расстрел был с большим толком. Вот только техника подводила – три гидропулемета, большие такие, на треногах перегревались, и стрелять отказывались, шипели, пускали к небу пар, так нас было много. Построили нас в три колонны, каждую к своему пулемету. Первые две шеренги каждой колонны по команде раздевались догола, складывали аккуратно одежду в пункте приема, а потом шли копать себе могилу. На всех рыли слаженно один ров. Когда глубина соответствовала мерке, наши сдавали лопаты и становились рядком вдоль рва, чтобы убитыми сразу упасть точно в могилу. Следующие две шеренги после сдачи тряпья копали свой ров, тем самым закапывая предыдущих. И так далее. Без остановки.

Впрочем, остановки были – пулеметчики вынуждены были давать отдых стволам от перегрева, и перекуривали, подшучивали над голыми, которые ожидали смерти, но при этом по привычке к приличиям стеснительно прикрывались. Особенно молоденьким девочкам было неловко, и они отворачивались, краснели несдержанно. Матери, конечно, ругали их за это проявление нетерпимости, но молодость – это молодость, что поделаешь.

Я опоздал в Коровью Балку из-за случая с Бризом, потому был в последних шеренгах и всех видел, кто умирал. Многих из них я знал по именам, некоторых даже с детства, кто-то вырос у меня на глазах, с кем-то рядом вырос я, и все они отнеслись к смерти достойно и терпеливо, как подобает относиться. Вот только с молодежью было трудно – волновались очень, иногда всхлипывали. И еще с детьми. Они пугались выстрелов, крови, и потому матери закрывали им глаза и уши – терпению их научить не успели мы еще, к сожалению.

Когда разделась моя шеренга и мы уже плечом к плечу, чтобы не расходовались зря пули «бригадиров», стояли на краю своей могилы, оказалось, что у пулеметчиков кончились патроны – так много оказалось в городе нас, предателей. Не рассчитали боезапас. За патронами в арсенал ушел грузовик, и мы долго-долго ждали, не сходя с места. Вечер уже клонился к закату, оставалось нас всего полсотни со всего города, дело шло к заморозкам, и ноги мои посинели от холода… Что вы сказали? Страшно было ждать смерти? Не так уж страшно. Страшнее было другое, признаюсь вам, как на духу. Мы стояли перед зарытыми только что телами и видели, как перед нами шевелится земля – это раненые не проявляли терпения, тянулись к воздуху в своих могилах. И мне было страшно, что я так же могу проявить слабость, если буду сильно ранен, тоже потянусь к жизни, покажу свое несогласие неосознанно… Что может быть хуже этого…

Раз уж вы молчите, я продолжу, да? Спасибо.

Грузовик вернулся пустым – патронов в арсенале не было. Обещали привезти только к воскресенью, а был всего-то понедельник. Патронов не хватало из-за Новой Большой Войны – на фронте нужно было убить гораздо больше врагов, чем в нашем городке. Нам разрешили одеться и вернуться в бараки. Утром мы снова сами вышли на работу. Пришлось распределиться по местам – многих ведь не стало, некому было править заготовки, переносить продукцию на склад, многих хороших специалистов лишились. Но как-то

организовались, хоть было не просто. Приходилось работать по двенадцать часов и больше, чтобы производительность держать на прежнем уровне. Знаете, так, бывало, намаешься, что лишь бы до барака, лишь бы уснуть на нарах быстрее, да…

В субботу сообщили, что завтра расстрела не будет. И не будет его до самой Великой Победы в Новой Большой Войне. Пока патроны не появятся. Потом нам сообщили, что всех нас, внутренних врагов, будут жечь в печи, но пока эта большая печь строится где-то на юге, мы должны работать не покладая рук на благо Великой Победы. И мы работали. А до Великой Победы было, как оказалось, не близко. Новая Большая Война шла с размахом и только разгоралась! Мы побеждали одну страну за другой, но это были Маленькие Победы. Нам нужна была Великая Победа, и скоро мы уже воевали со всем светом и даже вторглись в Ливонию. Так вы из Ливонии? Те самые дикари, лишенные понятия о терпимости?

Простите, простите великодушно… Мне очень жаль, очень… Так стыдно, я сказал непозволительную глупость, так стыдно… Простили? Правда? Вы так великодушны!

Вы спрашиваете, что дальше было?

А что могло быть? День за днем, месяц за месяцем работали и работали. Нет, нас никто не заставлял. Нет, нас не били, что вы! Так, иногда. Или пьяные «бригадиры» заезжали развлечься. Или прибегали с Радостной улицы дети, набрасывались толпой с палками, камни бросали. Мы терпели – это же дети, что с них взять…

После была долгая зима. В морозы приходилось особенно туго – теплую одежду нам так и не вернули, а в цехах нет отопления, ведь нас рассчитывали расстрелять ранней осенью. Не поверите – иногда пальцы к станку примерзали. А ближе к весне нам перестали привозить еду. Хорошо, к тому времени первая травка начала за бараками проклевываться на пригреве, снежок был, растапливали, потом дожди пошли – и пожевать, и попить было что.

Что потом, вы спрашиваете? Потом появились в небе свинцовые цеппелины Ливонии. Они пролетели с Востока на Запад. И взялись летать над нами каждую ночь, светить прожекторами, иногда шваркали гидроторпедами куда-то в город. Где-то далеко-далеко громыхала тяжело канонада, гремело так, будто сотня жестянщиков круглые сутки работала. Ночами светилось небо – сначала на Востоке, потом, кажется, по всему горизонту. Мы продолжали трудиться. Потом канонада ушла на Запад. И вот уже недели две ее не слышно.

Что вы говорите? Новая Великая Война окончилась? Да что вы!

А это вот на головной башне вашего танка что за знак? Герб Ливонии? Значит – вы победили?

Граждане победители, передайте, пожалуйста, нынешним властям, что мы можем быть полезны. Мы готовы и дальше работать, у нас склад забит продукцией, а вот сырье заканчивается. И еды бы немного. Трава по Унылому тупику выедена, если будет засушливое лето, то и с водой могут быть проблемы. Но вы не подумайте, мы не жалуемся, нет…

Что вы говорите? Мы свободны? И мы можем вернуться в свои дома?

Как же… нет, вы не подумайте, нам и здесь хорошо.

Нет, что вы… не надо. Хлеб… ах, это же хлеб…

Спасибо, вы так добры, так добры…

А не могли бы вы спросить у власти, действительно ли мы можем уйти из бараков. Это точно? А у вас есть такой Указ? Нет? Вы говорите, чтобы быть свободным, не нужны Указы?

Извините. Нет, мы пока останемся здесь. И будем работать, конечно.

Как долго? Пока не будет соответствующего Указа.

Олег Дивов
В Коньково мерзкая погода

Гамлет Оганезов по прозвищу Омлет и Али Алиевич Алиев, для друзей просто Алик, возвращались из торгового центра «Кони-Айленд». У Омлета там был магазинчик, у Алика – два.

К Алику с утра прицепилась охрана – похмелиться, потом с него срубил денег на водку бухой пожарный инспектор, потом нетрезвый покупатель обозвал «черножопым кровопийцей». Ближе к обеду, когда Алик вышел съесть бизнес-ланч, пьяный мент, попавшийся навстречу, сделал вид, что не узнал коммерсанта, и невыносимо долго таращился мутным электронным глазом в его паспорт. После обеда приперлась, едва держась на ногах, контрольная закупка – дышала перегаром, роняла кредитки на пол, хватала руками продавщиц.

Алика разбила мизантропия, и он по пути домой сыпал едкими цитатами, запомнившимися со времен учебы на философском факультете.

Омлет, по образованию дизайнер, сочувственно молчал.

В Коньково было холодно и мокро. Шел противный мелкий дождик.

Мэрия обещала исправить погоду к вечеру, но вчера. Сегодня мэрия обещала к вечеру починить юго-западный метеогенератор.

На перекрестке надрывно гудели машины. Сверху затормозил монорельс, повалили наружу вьетнамцы. Поезд тронулся в сторону Чертаново, из окон градом сыпались пустые винные пакеты и водочные стаканчики.

– Спокойно, это иллюзия, – сказал Алик, зябко ежась. – Это все плод моего воображения. Но оно, наверное, совсем больное, если я вообразил, что живу и работаю в Коньково!

Омлет недоверчиво покачал головой.

– А мой психотерапевт расценки поднял… – пожаловался Алик. Брезгливо пнул бутылку, катившуюся под ноги, и добавил негромко: – Говорит, трудно ему со мной. Я и не думал, что он расист.

Омлет горестно шмыгнул носом.

Друзья проходили мимо дешевого бара для русских, когда с грохотом распахнулась дверь и на улицу вылетел, растопырив конечности, некто Прыщ, барабанщик местной киберпанк-группы «Худо».

Гремя цепями, шипами и заклепками, Прыщ спикировал в лужу, подняв фонтан коричневых брызг.

– Бля! – заорал Алик, отпрыгивая.

Омлет достал белоснежный носовой платок и принялся молча собирать грязь со своего кашемирового пальто.

Прыщ ворочался в луже, устраиваясь поудобнее.

– Господи! – простонал Алик. – Ну как же задолбали эти русские! Просто житья от них нет. Не могу я тут больше, уеду к тетке в Чикаго, давно она меня зовет…

– А в Чикаго негры, – сказал Омлет.

– У наших своя территория, негры туда не ходят. Знают, что зарежем.

– А русские?

– О да. Русские ходят везде…

Они стояли над лужей, в которой уютно булькал Прыщ.

– Вот же скотина… – пробормотал Алик. – Спорим, он даже не простудится, эндемик хренов. Он же местный, ему тут климат. А мы – чужие.

– Ну, мне направо, – привычно сказал Омлет. – Тебе налево. До завтра?

– До завтра, – вздохнул Алик, пожимая ему руку.

– Чикаго-Шмыкаго, – сказал Омлет. – Забудь, нах. Мы в Коньково. «Коньково» – это такое состояние души. Когда вот-вот двинешь кони, но все еще почему-то живой.

Алик грустно кивнул.

Их русские жены, эти жирные клуши. Их русские любовницы, эти алчные шлюшки. Их русские поставщики, эти ласковые расисты. А дети-полукровки, эти наглые высокомерные москвичи?! Какой тут, нах, Чикаго-Шмыкаго. Алик с Омлетом давно влипли. Потом увязли. И пропали.

Друзья поочередно харкнули Прыщу на косуху и разошлись по домам.

Оба понимали, что вырваться из этого ада им уже не суждено.